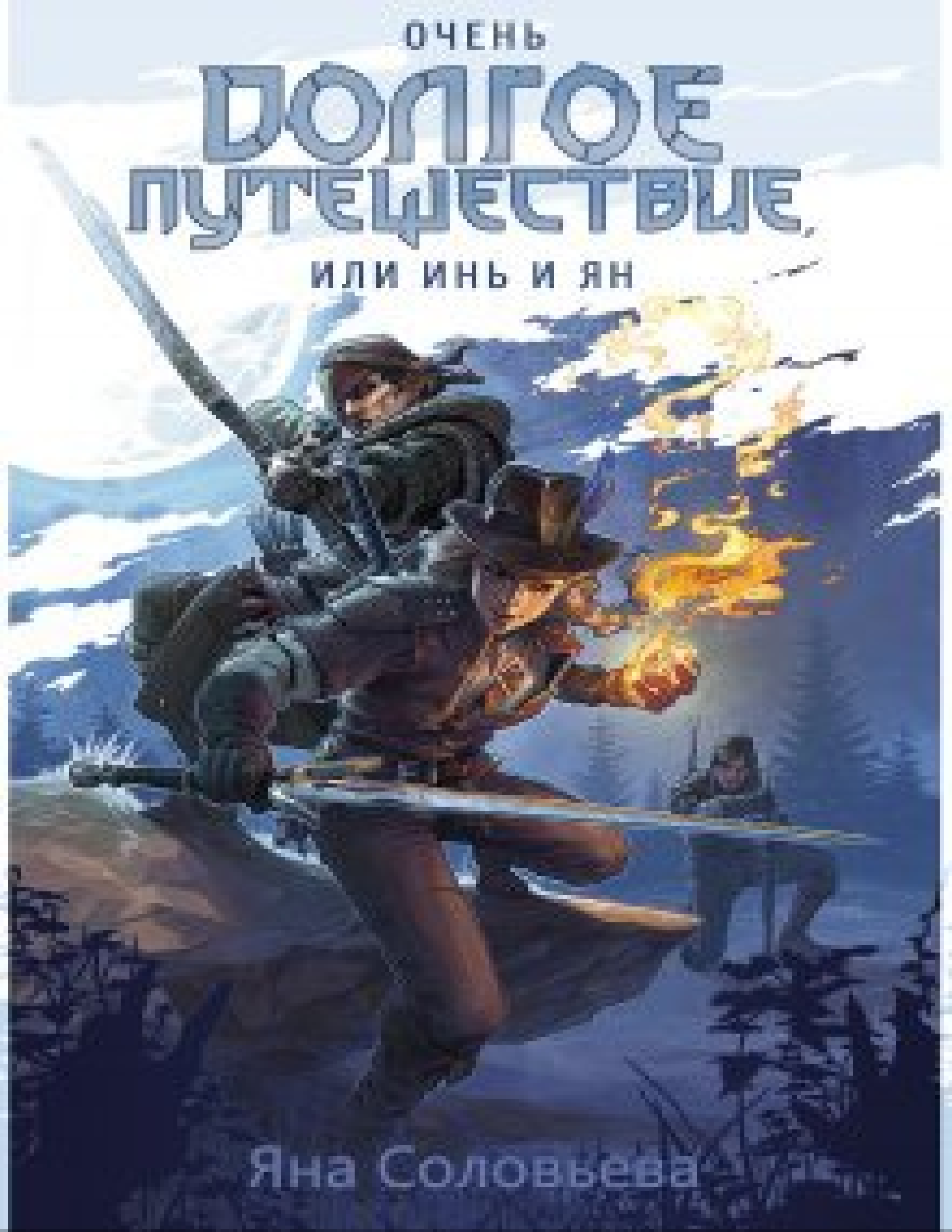

ОЧЕНЬ
ДОЛГОЕ
ПУТЕШЕСТВИЕ,
ИЛИ ИНЬ И ЯН

Яна Соловьева

Мечтать о приключениях с геймпадом в руках или вляпаться в них по-настоящему — разные вещи. Упрямой ведьмачке Яне предстоит найти свой путь в мире Ведьмака.

Мы продолжим историю обманутых скоя'таэлей, бьющихся за свою свободу. В пути от Каэр Морхена до Зеррикании и Дол Блатанна переплетутся судьбы многих героев саги. Раскроем тайны Мары — богини смерти, Михала-Великана — короля плотогонов и прочих неведомых существ. Ведьмачьи заказы, проклятия, любовь и смерть. И зомби.

— Ты должна написать всю правду, — звучит в голове голос из другого времени, другой жизни.

— Для этого нужно быть писателем! — возмущаюсь я.

— Ерунда. Берёшь перо и пишешь буквы, складываешь их в слова, ставишь одно слово за другим. Что тут сложного?

Действительно, что тут сложного, за исключением того, что сложно абсолютно всё. Однако голос не отпускает — кто, кроме меня, напишет эту самую правду, ведь в мире Ведьмака довольно долго прожила именно я.

Так что, здравствуйте, меня зовут Яна и мне чертовски много лет, а именно сорок два. Крутое число, это всем известно. Ни за что не хотела бы вернуться назад, хотя, как вы узнаете позже, мне и пришлось. Я математик, и вместе с однокурсниками, вывалившимися из альма-матер в дивный новый мир на излёте девяностых, мне предстояло изрядно пошевелиться, чтобы понять, кто ты и каково твоё место в мире. Как говорится в одном стишке: «И всё, что нас не убивает, не убивает нас и всё».

Однако теперь по нам — тем, кто выжил, конечно, и не поймёшь ничего о тех бурных временах, такими солидными господами мы стали. Я вот руковожу финансовым отделом одной хорошей компании. У меня есть прекрасный муж и отличный сын. Взрослые — это мы, понимаете? Скука, да и только.

Правда, есть вещи и поинтереснее. Например, я обожаю приключения. К счастью для окружающих, не на свою задницу, а на воображаемые — несколько лет, ночами после работы и всех респектабельных взрослых дел я работала геймдизайнером. Пилили мы разные авантюры и даже крутую игру, где можно было менять гравитацию, о путешествии души в подсознании. Сторителлинг в играх занимал меня невероятно, и поэтому неудивительно, что я стала серьёзным фанатом The Witcher 3, прошла её многократно, и каждый раз восхищалась, как же здорово там выстроена история.

А вот до The Witcher 2 до недавнего времени руки не доходили, не на чем было играть. Но тут подвернулась оказия, друзья оставили погонять старый Xbox, и началось.

Сперва я прошла игру путём командира темерского спецотряда Вернона Роше и потом решила не спеша, смакуя каждый сюжетный поворот, перепройти её путём Йорвета, тем более что своенравный свободолюбивый скоя'таэль с первого взгляда запал мне в душу. Это и послужило началом той истории, которую я расскажу.

Итак, в очередной осенний вечер я уселась за игру. Спасла (в виде Геральта, конечно) Филиппу Эйльхарт из подземелья эльфийских развалин Лок Муинне, и мы в компании с Йорветом привели ослеплённую чародейку на балкон её дома. В центре пентаграммы со свечами в вершинах светился опутанный защитным заклинанием желанный сундук со стилетом, позарез нужным, чтобы расколдовать Деву-дракона Саскию.

Геральт зажгёт свечи и остался внутри ритуального круга. Йорвет снял двумеритовые кандалы с Филиппы. Та растёрла запястья и, вскинув руки, заводила ими в магических пассах:

— Said' aubwe asidas'ido isndoaii.

Свет от сундука заколебался, границы ритуального круга засияли и завибрировали.

— Вы можете снять заклятие, но она не станет прежней.

Филиппа будто не понимала, что ходит по тонкому льду — меч в руке эльфа замер над шеей чародейки.

— Она больше, чем просто dh'oine. Она вернула Aen Seidhe надежду, — процедил он.

— Она чудовище. Вы решили, что она сама сможет править страной...

Терпению Иорвета пришёл конец.

— Taess aep, daegienn!

Филиппа вывернулась из-под меча:

— Вы заплатите за свою глупость!

Всё произошло в одно мгновение. Чародейка выпустила оглушающее заклинание в сторону Иорвета, а я совершенно на автомате нажала Аард. Он не должен был ни на что повлиять, ведь это была видеовставка в игре, но неведомый игровой баг повернул всё иначе. Геральт бахнул Аардом, границы ритуального круга заколебались, распались на вихри, и голубой луч заклинания Филиппы переломился на два ярко-белых. Первый оглушил Иорвета, а второй залил экран вспышкой света и на мгновение ослепил меня.

Голова закружилась, комната завертелась, набирая скорость. Рациональная часть мозга отметила, что так, наверное, и выглядит обморок или какое-то нарушение мозговой деятельности. «Как вследствие удара тяжёлым предметом по голове», — услужливо подсказало сознание.

Комната раскручивалась всё быстрее, разлетались ошмётки материи, будто стены стали слеплены из нагретого пластилина. На миг показалось, что всё закончилось, но в следующий кресло ухнуло в пустоту. Я летела вниз по трубе, оказавшейся поездом, в окнах мелькали столбы и пейзажи, бешено стучали колёса. С воем и гулом траектория падения перестала быть вертикальной, и теперь я мчалась, как на американских горках, в кабине прозрачного лифта по рельсе, зигзагами прибитой к отвесной скале. Швыряло вверх и вниз, вправо и влево, закрутило штопором. Тут уж мой вестибулярный аппарат окончательно сломался, и я отключилась.

Я пришла в себя, как после тяжёлого и вязкого сна. Перед глазами ещё проносились обрывки дикого полёта, но тёмный потолок был стабилен. «Надо поспать до будильника», — пришла мысль, но что-то неправильное с потолком заставило усилием воли зафиксировать слипающиеся веки и продолжить на него смотреть. Это точно не был мой потолок. Я ждала — если проснуться в гостях или в отеле, бывает странное ощущение, когда, открыв глаза, ожидаешь увидеть одно, а видишь другое. Лёгкое головокружение, и, наконец, будто по щелчку, новое место совпадает с осознанием, где ты. Но сейчас осознание не приходило, и я тарасилась в темноту, пока не проснулась окончательно. Приподнялась на локтях. Я лежала на огромной кровати, накрытая чем-то вроде вязаного пледа. В просторном полумраке тускло мерцали на узорчатых стёклах окон красные блики. В центре виднелось сооружение из колонн, между которыми тлели остывающие угли. Теснились столики, кресла, шкафы с книгами — комната была буквально набита мебелью. Каменные стены, ковры, гобелены. Всё это я ухватила одним взглядом. А следующим заметила, что в комнате не одна.

Я застыла, стараясь не моргать и не дышать, чтобы выиграть хоть чуточку времени на подумать. То, как я себя ощущала, не было похоже на сон. Слишком всё было чётким и реальным, и слишком мне знакомым, чтобы так просто расслабиться и смотреть сновидения дальше. Вспомнила верное средство, как отличить сон от яви, нажала пальцами на глазное яблоко. Если изображение не изменится, значит, всё в порядке и я сплю. Тёмный абрис мужчины, видневшийся на фоне камина, раздвоился. Не видать мне спокойного сна.

— Простите... — осторожно обратилась я к сидящей в кресле фигуре.

Фигура откашлялась. Человек неторопливо встал, подошёл, и на столике у кровати тут же странным образом вспыхнула в канделябре свеча. Колоритный пожилой мужчина с седыми усами, как у отставного полковника викторианской эпохи, гладко выбритый. Белые волосы свободно ложились на плечи. Определённо он был мне знаком, а, учитывая комнату вокруг, я даже догадалась, как его зовут. Он был одет в свободную холщовую рубаху, подхваченную тонким ремешком, и кожаные штаны. Мужчина присел на табурет рядом с кроватью, неспешно облокотился локтем на колено.

— Мне интересно, кто ты, откуда и, главное, зачем ты здесь. Но это подождёт. Я — Весемир, и ты в моём доме, в Каэр Морхене.

— Весемир... — я откинулась обратно на подушку. С одной стороны, мозг уже всё понял, с другой, всё моё существо отказывалось принять новую действительность. — Минуту, сейчас...

Я прибегла к действенному средству и глубоко подышала в живот, чтобы хоть немного привести чувства в порядок. Сон это или нет, в любом случае первое правило — сперва думать, а переживать потом.

— Меня зовут Яна. Спасибо, что приютили, но я совершенно не представляю, как здесь очутилась.

Я закусила губу. А может, и представляю. Вся эта бешеная гонка на лифтах ощущалась столь же реальной, как и жёсткий матрас под спиной и щекочущая ткань пледа.

— Как я к вам попала?

— Мы услышали грохот и нашли тебя тут, на полу. Будто ты свалилась с потолка вон на

тот столик.

В стороне аккуратной стопкой лежали гнутые ножки, рядом к стене была прислонена шестиугольная столешница. Похоже, моя работа. Я потрогала правый бок, и, судя по ощущениям, там был синяк, как и на правом плече. Отбитые места тут же назойливо заныли.

— Ты пролежала без сознания сутки. Можешь встать? Хочу, чтобы парни тоже слышали твою историю.

Я села на кровати. Определённо, я смогу встать. Вспомнила про одежду, есть ли она на мне? К счастью, да, я была ровно в тех же любимых джинсах с прорезями и в чёрной футболке, в которых играла во второго Ведьмака дома. И это тоже было странным. Обычно во снах я или не знала, во что была одета, или же с безнадёжным стыдом обнаруживала себя без трусов в наиболее неподходящих для этого местах вроде школьной раздевалки или метро.

— Завернись в одеяло. Вечера уж прохладные. Пойдём.

Накинув плед на плечи, я двинулась за Весемиром. Каменный пол был ледяным, и я старалась ступать на ковёр. Подозреваю, со стороны казалось, будто я заторможена, однако мозг соображал на повышенных оборотах, просчитывал все варианты. А их есть только два — либо я нахожусь во сне или, скажем, галлюцинирую, либо нет. В первом случае без разницы, как себя вести, рано или поздно проснусь, очнусь. А вот если это не сон, вероятность чего, конечно, стремилась к нулю, то нужен был план выживания, и следовательно оптимальная стратегия в обоих случаях — придерживаться версии, что это реальность.

Для точного же плана пока было слишком мало данных, а значит, первая цель — выжить в моменте, осмотреться, а потом уж думать, что делать дальше. До сих пор мне везло, Весемир не выглядел как человек, желающий меня убить. Да и вообще, в некотором смысле я среди своих. Осталось только убедить их, что я не враг.

Мы спустились по винтовой каменной лестнице и вошли в огромный зал, который я хорошо помнила по игре. В дальнем конце в стенном проёме ярко горел камин, рядом стоял гигантский деревянный стол. За ним тихо переговаривались два ведьмака. Пахло подкопчёным дымом из камина и неуловимо тонким запахом старых книг, словно пролежавших много лет на сыром чердаке.

Когда мы вошли, разговор стих, и ведьмаки обернулись к нам с Весемиром. Без сомнений, я видела перед собой Эскеля и Ламберта. В отличие от Весемира, оба щеголяли щетиной как минимум двухнедельной давности. Они тоже были в домашней одежде — никаких там доспехов, щитков и прочего. Эскель рассматривал меня с любопытством, а вот Ламберт напрягся, и его рука скользнула под столешницу.

— Брось, Ламберт, не думаю, что у нас могут быть проблемы. По крайней мере сейчас, — тихо сказал Весемир.

Мы уселись за стол напротив ведьмаков. Я поджала ноги по-турецки — пол в зале был ещё холоднее, чем наверху, понизу сквозило, хотя от огня шло тепло.

— Ну? — Ламберт исподлобья посмотрел на меня.

— Что — ну? — я глянула на Весемира.

— Расскажи, кто ты и как здесь оказалась, — попросил он.

— Хорошо. Меня зовут Яна и, если я не сплю, то, похоже, каким-то образом переместилась в ваш мир.

Меня никто не перебил, и я набрала в лёгкие воздуха для храбрости. Если ввязался в драку — дерись, и надо продолжать действовать так, будто всё происходило взаправду.

Я рассказала, что жила в другом мире и пока точно не уверена, но мне кажется, что попала в тот мир, который описан у нас в книгах.

— Как если бы вы попали в мир, о котором поёт в балладах Лютик.

— Ты знаешь Лютика? — удивился Эскель.

— Я знаю тех, кто описан в наших книгах, но я не знаю, насколько это правда у вас. И эти истории такие популярные, что по ним даже снимают кино...

Тут наступили сложности. Концепцию кино я объяснить, наверное, смогла бы, но вот игру... И решила начать хотя бы с кино.

— Это как выступление театра, которое вы смотрите через мегаскоп, и можете пересмотреть заново в любое время. Совершенно обычное дело у нас, технологии, никакой магии.

Ламберт мрачно качал головой, мой рассказ ему явно не нравился. Весемир задумчиво исследовал руки, сложенные на столе, а Эскель заинтересовался.

— И что же ты там видела?

— Когда я попала сюда, я смотрела, как Геральт с Иорветом пытались с помощью Филиппы Эйльхарт достать стилет, чтобы расколдовать Саскию.

Весемир будто проснулся.

— Так-так. В последней весточке Геральт писал о том, что направляется из Вергена в Лок Муинне, но там ничего не было про это.

— Может, ещё не успел. В Лок Муинне заварилась каша. Я тоже знаю не всё, а только до определённого момента.

Я решила не рассказывать, во всяком случае пока, что знаю и о том, что будет после. Оставим козыри напоследок. По всей видимости, я попала именно в то время, которое было в игре в момент, когда Филиппа ударила заклинанием Иорвета и меня, и все события, описанные в третьей части игры, ещё просто не произошли.

Рассказала, как Филиппу арестовал Радовид и вырвал ей глаза, о том, что чародейка обманула всех и привязала к себе разум Девы-дракона, и как Геральт с Иорветом пытались достать волшебный стилет и освободить Саскию.

— ... и в тот момент, когда им удалось снять защиту с сундука со стилетом, Филиппа ударила эльфа заклинанием. Геральт пытался помешать, и так случилось, что удар пришёлся на Иорвета и на меня, пополам. Дальше я отключилась и пришла в себя уже у вас.

— Хорошая байка, — Ламберт прищурился, — а, может, ты просто шпионка, которая слишком много знает?

— Может, но я не шпионка. Иначе придумала бы что-то более правдоподобное!

Ламберт и подключившийся Эскель устроили мне нечто вроде перекрёстного допроса. Всеми силами я надеялась, что существование других миров не было для ведьмаков тайной. Они точно должны были знать об этом от Цири или Геральта. Однако просто так верить на слово они не собирались. Ламберт и Эскель ловко исполняли партии злого и доброго полицейских, задавали каверзные вопросы о нашем мире, о семье, обо мне. Я бесстрастно отвечала, зная, что только говоря полную правду, не дам себя запутать. Тому, кто по долгу службы общался с налоговой инспекцией, никакой допрос ведьмаков не страшен.

— Ха, вот ты и попалась! — воскликнул Ламберт, — говоришь, тебе сорок два, так?

— Да.

— Я, знаешь ли, видел женщин в сорокет. И если они не прожжённые магички, то выглядят они совсем не так.

Он вылез из-за стола и зашарил в сундуке у стены. «Где же эта чёртова штука?»... «Ага!». Ламберт вернулся с пыльным овальным зеркалом в руке, протёр его рукавом и сунул зеркало мне в лицо.

Я посмотрела. Несомненно, в зеркале отражалась я, только как если бы на меня наложили омолаживающие фотофильтры, как в современных телефонах. Непроизвольно потрогала щёки, лоб. Морщин у меня не было и в нашем мире, слава прогрессу, но очевидно, что кожа стала совершенно другой. Юной. Погладила тыльную сторону ладоней — они стали чуть более мягкими. Заметила и ещё кое-что, но решила пока не привлекать к этому внимания.

— Охренеть, — объяснить эти метаморфозы я не могла.

Эскель расхохотался, и даже Весемир улыбнулся:

— Хмм... Возможно подействовала магия нашего мира, свела, так сказать, реальный возраст к возрасту души.

— У нас обычно возраст души подтягивается за реальным, а не наоборот, — проворчала я.

— Так или иначе, — продолжил Весемир, — надо решить, что с тобой делать.

— Мне нужно как-то попасть назад. Очевидно, мне могла бы помочь Филиппа Эйльхарт, но не уверена, что она не превратит меня в жабу вместо «здравствуйте». Не говоря уже о том, что живой в вашем мире я не протяну и недели.

— Геральт причастен к тому, что дамочка попала к нам, и он спец по чародейкам и проклятиям, — подал голос Ламберт. — Значит, надо отправить её к Геральту, и пусть это будет его головная боль.

— Мысль правильная, — задумчиво согласился Весемир, — да только ловить Геральта всё равно, что блоху в траве. Тем более, зима всё ближе.

Он подошёл к камину и подбросил в огонь полено. Не спеша поворошил кочергой угли. Все молчали.

— В последнем письме Геральт писал, что собирается приехать к весне...

Отчётливо и ярко в голове вспыхнула мысль, как следует действовать дальше. Сон это или нет, я должна была воспользоваться шансом:

— Позвольте мне остаться до весны! — воскликнула я. — Я пригожусь... научусь!

— Я против, — вскинулся Ламберт, — у нас своих проблем хватает. Соберём в дорогу, так уж и быть. Дадим нормальную одежду вместо этого тряпья, и пусть уматывает.

— Ламберт, — тихо сказал Эскель, — выставить на улицу девушку, никогда не видевшую вблизи оружия и не жившую в нашем мире, равнозначно убийству.

— Наличие сисек, Эскель, не делает человека особенным. Каждый чёртов раз, когда вы притаскивали сюда свои «предназначения», это оборачивалось для всех, подчеркну, для всех нас, большими проблемами. Вспомни, что стало с Дейдрой!

— Довольно! — глаза Эскеля опасно вспыхнули, но он тотчас взял себя в руки. — Не путай тёплое с мягким. Мы не обсуждаем сейчас вопросы Предназначения, мы думаем, что делать с человеком, волею судьбы попавшему к нам. И неважно из другого мира или нет.

Весемир кашлянул.

— Волею судьбы... Да, — тихо повторил он. — Мы можем пожалеть о том, что не сделали того, что должны.

— Лучше бы ты жалел о том, что делал много лет то, что должен! — зло бросил Ламберт.

— Я думаю, надо посоветоваться, — спокойно прервал перепапку Эскель, — между нами, ведьмаками.

— Ну хорошо, пойдёмте, — Весемир аккуратно повесил кочергу и направился в сторону другого конца зала.

Ламберт, делая вид, что меня не существует, двинулся за ним. Эскель, проходя мимо, подмигнул. На душе потеплело, надежда есть. Поверят мне или нет, главное, чтобы не пришибли сразу или не вышвырнули на мороз, а там разберёмся. Не то чтобы мне улыбалось жить на птичьих правах в берлоге ведьмаков, с другой стороны — вот оно, приключение, не о том ли я мечтала всю жизнь? Правда, из глубин домашнего кресла, а то ещё и с бокалом вина в руке, эскапистские мечты выглядели как-то порадужнее.

Подбросив полено в камин, я залезла на лавку с ногами и замоталась в плед. С той стороны, куда ушли ведьмаки, не доносилось ни звука. Огонь весело взялся за деревяшку, и, глядя на языки пламени, я думала о том, как сильно мне не хватает близких рядом. Вместе мы что-нибудь бы да придумали.

Наконец, послышались шаги, ведьмаки вернулись к столу. Ламберт мрачно кривился, я воспряла духом.

— Мы обсудили, — Весемир пристально посмотрел на меня, — ты можешь остаться до весны, до приезда Геральта. Но у нас маленькое хозяйство, мы всё делаем сами, так что тебе придется взять на себя кое-какие обязанности.

— Согласна, спасибо! — я соскочила с лавки, ступни обожгло холодом. — Только скажите, что делать!

— Экая, успеешь ещё. Я бы для начала поел, мы ещё не ужинали.

— Посмотрю, что есть, — Эскель направился в комнату по ту сторону камина. Все потянулись за ним. Я думала помочь чем-нибудь, но ведьмак кивнул на мои босые ноги. — Сиди, первый ужин в счёт заведения.

Весемир взялся накрывать на стол. Ламберт исподлобья глянул на меня.

— Только предупреждаю, без фокусов. И ещё, даже не думай трогать мои вещи.

— Ты их подпиши, вышей монограммы, и не буду.

— Я предупредил по-хорошему.

Весемир и Эскель вернулись, нагруженные посудой, куском мяса на блюде, краюхой хлеба и пузатым глиняным горшком. Ламберт благосклонно осмотрел еду, вылез из-за стола и достал из шкафа в углу початую бутылку с мутно-белой жидкостью.

— Махакамский сегодня в самый раз. Мне надо забыться.

— Хорошая идея, — поддакнул Эскель, — а раз уж в нашем медвежьем углу появилась дама, ещё кое-что не помешает.

Он захлопал дверцами того же шкафа и вернулся с пыльной тёмной бутылкой.

— Люблю чародеек, после них всегда остаются обширные запасы. Надеюсь, это всё ещё эрвеллос, а не укус.

Ведьмаки разлили в металлические кубки махакамский спирт себе, а мне тёмно-вишнёвого вина.

— Ну, будем, — Весемир сделал внушающий уважение глоток.

— Будем, — все последовали его примеру.

Вино обожгло пищевод и горячей волной плеснуло в желудок. Надо бы поесть, в первый раз за всё это время я ощутила, как сильно голодна. У жёсткого мяса был резкий привкус. «Наверное, потому что дичь», — подумала я, но спросить не решилась. В горшке оказалась

капуста — жидкая, сладкая и кислая одновременно. Грубый серый подсохший хлеб был лучше всего.

Махакамский спирт разговорил ведьмаков. Они расслабились и принялись обсуждать хозяйственные дела. Ламберт объявил, что пойдёт на охоту. Весемир прикидывал на сколько хватит запасов и не пора ли съездить в ближайшую деревню.

— Я бы ещё поднакопил сырьё на продажу, — не соглашался Эскель, — нет смысла тащиться с пустыми седельными сумками.

— У озера появились следы утопцев, они опять стягиваются на зимовку, — Ламберт воткнул вилку в мясо и точным движением ножа отсёк кусок. — Вот и будут нам ингредиенты на продажу.

— И стена ещё, стена, вы мне всё обещаете помочь с весны, лето прошло, зима на носу. И где стена? — Весемир обвел ведьмаков грозным взглядом.

— Да на месте она, только в виде камней, — отмахнулся Ламберт, — отдельных, правда. Всего-то, собрать их в кучу.

— Они уже два года лежат в куче!

— Ещё полежат, успеем, — Ламберт налёг на спирт.

Весемир недовольно покачал головой. Повернулся ко мне.

— Сегодня переночуй в комнате Геральта, там, где мы тебя нашли. А завтра решим, куда тебя поселить.

— Спасибо, Весемир. Я... пожалуй, пойду тогда. Спасибо за еду и вино, всё было ужасно кстати.

Я нерешительно наклонилась к Эскелю. Из всех ведьмаков, как мне показалось, он меньше других запарился моим появлением и отнесся к этому происшествию с любопытством и умеренным интересом. Может быть потому, что жизнь в Каэр Морхене не баловала событиями, а может и потому, что Эскель был ровесником и близким другом Геральта и знал от него о том, что для их мира всякие странности — это вполне нормально.

Была ещё одна причина обратиться к нему — последняя проверка на реальность, финальный приговор. Туалетный тест. В отличие от нажимания на глаз, это было лично моим персональным изобретением проверки реальности на прочность. Ни в одном из снов, как бы сильно ни хотелось в туалет и какие бы туалеты ни снились, а снились разные — и гигантские общественные во дворцах и в старинных подвалах, полузатопленные галереи и грязные дощатые бараки с рядами дырок, полные людей и пустые, но во снах никогда не получалось использовать их по назначению.

— Не мог бы ты показать, где у вас туалет и как он тут работает?

Выходя из столовой вместе с Эскелем, я услышала голоса Ламберта и Весемира.

— Она не слишком-то разговорлива.

— С каких это пор ты полюбил разговорчивых женщин, Ламберт?

По дороге я пыталась объяснить ведьмаку, как устроен унитаз у нас, но он только смеялся:

— Ты точно нездешняя, этого просто не может быть. Даже у магов я таких штук не видал.

Туалетом оказался крохотный альков, куда мы поднялись по башенной винтовой лестнице. Комнатушка нависала над пропастью, в дырку в сидушке задувал ветер. Эскель оставил мне свечу:

— Дальше сама доберёшься — просто иди наверх. Первая дверь в комнату Весемира, а

этажом выше Геральта.

Он развернулся и, совершенно спокойно ориентируясь в полной темноте, направился вниз, насвистывая.

Я поднялась в комнату. Туалетный тест был пройден. Сказать, что я была удивлена, было бы недостаточным. Я была раздавлена, ошеломлена, и вместе с тем неожиданно возбуждена открывшимися перспективами. Физика, здравый смысл, весь мой человеческий опыт восставали от идеи, что я действительно переместилась в другой мир. Однако субъективная реальность, данная мне в ощущениях, утверждала обратное. Верить себе или верить опыту — нехитрый вопрос, я выбрала первое просто потому, что не хотела сойти с ума в этом мире, хоть бы это и произошло в том. Даже если я лежала в коме и ходила под себя где-то там, в том мире, что ж — мои галлюцинации настолько хороши, что я выбрала поверить им. Я попала в другой мир, и это... это... захватывало дух. В груди бухнул азарт, и проснулся интерес исследователя. Я осмотрелась по сторонам.

Угли в камине посреди комнаты уже прогорели. Я бросила сверху пару полешек, и, немного подумав, они занялись пламенем.

Со свечой в руке обошла круглую комнату и зажгла канделябры на стенах. Да, я прекрасно знакома с обстановкой — Ведьмак три, самое начало игры. Интересно, здесь ли бадья для купания? А вот и она, задвинута в угол, внутри набросаны какие-то тряпки. От дерева, из которого была сделана лохань, шёл банный запах хвои.

На столах вперемешку были навалены книги, стояли пузырьки. Я открыла наугад толстый фолиант: «Альгули — это гули, которые питаются трупами на протяжении стольких лет, что сладкий вкус человеческой плоти вынудил их нападать на живых людей и съесть их неостывшие тела». Отлично, я понимаю язык, и устный и письменный. Наверное, из-за того, что я играла в локализованную версию игры, меня зашвырнуло в локализованную версию вселенной. Это радовало.

Подойдя к большому, в рост, зеркалу, я стянула с рамы небрежно брошенное покрывало. Открытие Ламберта взволновало меня — надо бы посмотреть, в кого я тут превратилась. Впилась взглядом в тёмное в неверном свете свечей отражение. Да, стала моложе, сколько мне тут? Двадцать? Двадцать пять? По нашим меркам я бы дала столько. По местным, если их девушки созревают раньше, мне могло бы быть и шестнадцать-восемнадцать, кто знает. Стала чуть подтянутее, и по ощущениям от свободных джинсов, потеряла пару килограммов. Как там было, в одном из мемов нашего мира? Хочешь за секунду похудеть на два кило — выпрями спину. «Или попади в другой мир», — прошептала я. Черты лица смягчились, глаза стали ярче и будто немного больше. Брови избавились от попыток их окультурить и разлетались решительными дугами. Пропали модные блонд-мелирования, цвет волос вернулся к природному светло-русому. Странное было ощущение, довольно противоестественное. «Ты попала в игру, сорокалетним тут не место», — говорило зеркало.

— Ну что же, Яна, искательница приключений, тебе выдали неплохой стартовый набор, я считаю, — нарочито бодро сказала я и подмигнула. Отражение подмигнуло в ответ как-то кривовато и выглядело просто растерянной девушкой.

Зеркало я зашторила обратно. Кто знает, может у них тут в зеркалах тоже какие-нибудь твари водятся. Погасила свечи на стенах, оставив единственную на прикроватном столике, и забралась под плед. Пришло время исследовать ещё одно моё приобретение.

Раскрыла левую ладонь. Посередине виднелась будто вытатуированная тонкими светло-

коричневыми линиями фигура, напоминающая каплю или большую запятую. Внутри запятой вились закорючки текста, который я не смогла разобрать. Текст закручивался в спираль и уходил в точку диаметром миллиметров пять. Похоже, что метка появилась после заклинания Филиппы — значит, какое-то заклятие на мне лежит, и нужно что-то сделать, чтобы его снять. Однако добраться до Эйльхарт сейчас невозможно — она скрывается где-то в виде совы, и если следующая игра не врёт, то появится нескоро и в Новиграде.

Что же, вот и план нарисовался, и у меня есть время до весны. Освоюсь. А после, раз уж попала не куда-нибудь, а в цитадель ведьмаков, начну приводить в исполнение второй шаг плана.

Задув свечу, я улеглась. Глядела в черноту. Теперь, когда рациональная часть сознания выполнила работу, и ни перед кем не нужно было держать лицо, ничто больше не могло утихомирить ждущее своего часа смятение. Временный душевный подъём, вызванный вином, открытиями и тем, что мне дали кров, прошёл. Мысли о семье захватили меня. Каково им там, пока я тусуюсь здесь с ведьмаками? Неизвестно же, сколько времени прошло в нашем мире. От мысли о возможно разной скорости времени поплохело. «Лучше всё-таки, чтоб это мне приснилось», — подумала я, неосознанно крутя на пальце обручальное кольцо из белого золота, которое не снимала уже двадцать лет. А потом провалилась в сон.

КАЭР МОРХЕН. Глава 2. Добро пожаловать в средневековье

Я стояла посреди собственной гостиной. Неужели вот так вот просто я вернулась домой, стоило лишь заснуть? Вместе с радостью в груди кольнуло разочарование.

Глянула на ладонь — символ-капля на месте. Моя гостиная была на месте, все домашние были на месте, и даже я сама так и сидела в кресле, сжимая в руках геймпад. Прежвременная радость скукожилась, а сожаление по упущенным приключениям трусливо растаяло, как и не было.

На большом угловом диване застыли муж и ребёнок. Муж лежал, подняв руки с айпадом, и читал, сын улыбался, держа на коленях ноутбук с очередным ютубером. В ногах свернулся кот. Все были абсолютно статичны и неподвижны, как восковые фигуры. Потрогала сына за плечи — тёплые, обняла и поцеловала его, мужа. Муж так и продолжал смотреть в айпад, а сын в ноутбук, будто время здесь остановилось. Пошла было исследовать квартиру, но за пределами гостиной упёрлась в вязкую и упругую невидимую преграду и не смогла сделать ни шагу дальше.

В длинном зеркале над диваном отражалась новая я — непрошенный гость в своей прежней жизни. Но что-то же я могу сделать?

Кухня у нас совмещена с гостиной, так что туда я добралась без проблем. Открыла кран — вода не текла. Пока я тормозила, глядя в раковину, на кране набухла крохотная капля.

Вернулась обратно. Экран телевизора заливала ярко-белая вспышка заклинания Филиппы. С опаской я прикоснулась к плечам той версии меня, что сидела в кресле. Жива, но мышцы странно напряжены, будто окаменели. Крайне дико и непривычно было смотреть на себя вот так, со стороны. Зашла спереди и отпрянула — на спокойном с виду лице жутко выделялись закатившиеся глаза, сверкающие белком, радужка едва-едва выглядывала из-под верхнего века. Нет, со мной тут явно не всё в порядке. Эпилептический припадок? Обморок?

На обеденном столе приветливо светился экран моего ноутбука. Я открыла браузер, интернет подвисал, но работал. Погуглила «точное время онлайн с секундами» и зашла на сайт, где крупно высвечивалось 19:16:48. Секунды не двигались. Рядом был счётчик миллисекунд, также застывший. Я смотрела на него, не зная, что предпринять, и вдруг 548 миллисекунд перешёл на 549. Значит, время тут всё-таки идёт! Только очень-очень медленно.

Неотрывно, словно от этого зависела жизнь, смотрела я на онлайн-часы. Казалось, что время больше никогда не сдвинется с места, и всё-таки, наконец, миллисекунд стало 550. Как же засечь, сколько времени я ждала? Ничего не придумав, начала считать секунды вслух. Когда счёт дошёл до 394, миллисекунды на экране показали 551. Предположим, считала я правильно, следовательно, одна секунда в старом мире это 394000 секунд в ведьмачьем. А значит, за одну минуту в старом мире в ведьмачьем пройдет чуть более девяти месяцев, а за час — почти сорок пять лет. Уфф, расчёты всегда меня успокаивали.

Если я управлюсь с тем, чтобы найти способ вернуться назад, скажем, за год, то тут моего состояния за минуту с небольшим не должны заметить. Посмотрела на себя в кресле и на устрашающе поблёскивающие белки глаз. Как долго я продержусь так, пока мозг не откажет? Минуту, десять, час? Я не знала. Но интуиция подсказывала, что ключ к возвращению лежит где-то в ведьмачьем мире. Я должна заставить Филиппу Эйльхарт

помочь мне, иначе, я была уверена, в моём мире ни один врач не вернёт меня к жизни.

Однако радовало, что время есть! И есть цель номер один в новом мире — не сдохнуть. А дальше разберёмся.

Теперь предстояло понять, как отсюда выбраться. Стащив с кресла плед, я растянулась на полу, чтобы хорошенько подумать, и мгновенно уснула.

***

Чудесным моё очередное пробуждение назвать было никак нельзя. В дверь колошматили. В комнате едва-едва посветлело.

— Иду, сейчас! — я выскочила из постели.

За дверью обнаружился Весемир, который бодро пробасил:

— Пойдём, я покажу тебе комнату, и можешь осваиваться.

Опять босая и абсолютно невыспавшаяся, я потопала за ним. Мы прошли мимо двери в спальню старого ведьмака и спустились в главный зал. Слева на стене на гигантской растрескавшейся картине неизвестный рыцарь на белом коне сражался с помесью петуха и зелёного птеродактиля.

— Скажите, а сколько времени сна в среднем нужно ведьмакам?

— Да нисколько не нужно, сон это так, для удовольствия. Ну, или для восстановления сил.

— Ясно, — хмуро ответила я.

Весемир ухмыльнулся в усы. Мы спустились в зал, пересекли его, оставив справа дверь в кухню, и вошли в ещё одну башню.

— Идём на самый верх. Мы решили, что эта гостевая тебе подойдёт.

Бывшая гостевая, а теперь временно моя комната, была очень похожа на комнату Геральта — такая же огромная и круглая, с чередой парных арочных окон по периметру, с камином между колонн по центру. Первый свет проникал сквозь мозаичные стёкла и переливался на мраморном полу.

— Какая красивая комната! — обрадовалась я.

Весемир довольно кивнул.

— Ни одна гостья не жаловалась, что правда, то правда.

Как будто впервые он заметил, что я босиком.

— Хмм... думаю, что если покопаешься в сундуках, то найдёшь подходящую одежду. Немного воды в умывальнике ещё есть. Когда солнце выйдет из-за Волчьей скалы, спускайся на завтрак, там и решим, что дальше.

Весемир ушёл. Переминаясь с ноги на ногу, я ощущала голыми ступнями прохладу пола, видела на плитках разноцветные блики от стёкол. Я вдыхала воздух комнаты, где давно никто не жил — такой непохожий на городской, с едва слышимым оттенком благовоний и пыли. Сомнений не оставалось — я была тут живой.

Поборов разошедшиеся рамы, я отворила створки окна, в сторону которого махнул Весемир, и внутрь потёк свежий воздух, а взгляд упёрся в отвесную каменную стену, уступами уходящую ввысь. Наверное, это и была Волчья скала — сейчас солнце скрывалось за ней.

Распахнула окно слева и ахнула. Комната была на самом верху башни, замок стоял на горе, и с высоты открылась долина с тёмными лесами вокруг озера, и в воде, над которой клубился утренний пар, отражались в бесконечной голубой пропасти снежные горные пики.

Из окна на противоположной стороне комнаты виднелись три похожие на мою башни,

венчавшие крепость по углам, и черепичная замковая крыша.

Теперь, когда я знала, что с моей семьей всё в порядке, и у меня есть запас времени, ко мне вернулась бодрость духа, и, наконец, потихоньку начало приходить осознание, в какое грандиозное приключение я попала. Было бы весьма глупо не исследовать тут всё, раз выдалась такая возможность — люди вон за сельский туризм большие деньги платят, чтобы хоть немного отвлечься от обрыдлой городской жизни. А тут — абсолютно другой мир, с магией и ведьмаками. Платить за туристический пакет мне, правда, предстояло не деньгами, которых у меня тут, конечно, не было, а работой на «эко-ферме» Каэр Морхен. «Смогу, не рокет сайнс, — уговаривала я себя, — всё-таки я в трёх поколениях от предков, живших в деревне. Они могли, и я смогу!» Для меня — человека двадцать первого века, которому, чтобы добыть еды, нужно было лишь уметь пользоваться интернетом, а чтобы постирать — запустить стиралку, идея средневекового натурального хозяйства не казалась слишком привлекательной, хотя и не пугала. Даже наоборот, был в ней какой-то органикоромантический флёр. А вот что пугало, так это немалая вероятность того, что моё место в Каэр Морхене ведьмаки определяют однозначно, и что оно окажется на кухне. Но об этом я решила волноваться потом. Сейчас главное — завоевать доверие ведьмаков. Я плотно закрыла окна.

Умывальник нашёлся в огороженном углу в глубине комнаты. На столешнице громоздилась дубовая шайка, исполнявшая роль раковины, над ней на крюке висел медный чайник. От ледяной воды я окончательно проснулась. Слева в ванном углу спряталась неприметная дверь, и к своей радости я обнаружила, что у меня есть холодный, конечно, но лично мой туалет. Дыру прикрывала деревянная крышка, рядом притулилось ведро с водой и черпаком. Под крышкой на много метров вниз уходила отвесная стена. Хорошо, что моя башня в тыльной стороне Каэр Морхена!

Пришло время заняться одеждой. В первом сундуке такого размера, что в нём могла бы поместиться парочка мужчин в полный рост, лежали постельные принадлежности, переложенные свёртками с высушенной лавандой. От белья пахло свежестью.

В следующем сундуке мне открылось разноцветье скомканного и перемешанного тряпья. Потянув за одну из вещей, я достала нечто, что вероятно было платьем сложного кроя — за тёмно-бордовым лифом с серебряным шитьём выскользнула за ремешками струящаяся юбка. Рукава валялись отдельно. Это даже и не поймёшь сразу, как надевать. Захлопнув крышку, я отправилась искать что-то попрacticalнее.

На последнем из больших сундуков мне улыбнулась удача. Тут тоже была, судя по размеру, женская одежда. Стопками теснились разномастные штаны, белёные сорочки, куртки. Я примерила рыжие, ковбойского вида кожаные штаны перед таким же зеркалом в рост, как в комнате Геральта. Между ног и на заднице была вшита вставка, явно для верховой езды. Достала сорочку с пышными рукавами и кожаные ремешки, которыми подхватывали рукава выше локтя (я заметила вчера такие у Ламберта). Вместо бра нашлись полоски ткани с лямками и с завязками на спине — вероятно ими перевязывали грудь. Пока мне это было не нужно, дома я носила спортивные топы, и один из них был на мне. Нашла сапожки из кожи настолько мягкой и тонкой, что им впору было бы быть перчатками. Под ними лежали ещё одни из толстой кожи на невысоком каблуке, с отворотами. Мне повезло с размером — сапоги хоть и были чуточку больше, чем нужно, но, главное, не были мне малы.

К своей досаде я не нашла ничего похожего на носки. В предыдущем сундуке было что-то воздушное, вроде чулков, но их не поносишь каждый день. И тут на дне я увидела их —

стопку портянок. Где же был мой мозг, когда в детстве дедушка объяснял, как их наматывать? Единственное, что я помнила — это его утверждение, что для ходьбы в кирзовых сапогах портянки служили гораздо лучше носок. И что если замотать их правильно, то они не собьются, но если неправильно, кровавые мозоли обеспечены. Кое-как я навертела прямоугольные лоскуты вокруг ступней и натянула сапоги. Верхнюю одежду исследовать уже не успела, яркие лучи солнца просветили комнату насквозь — время вышло. Я помчалась вниз, попутно взглянув на себя в зеркало. Почти как Индиана Джонс! Не хватало только шляпы. Перепрыгивая через две ступеньки, я неслась по башенной спиральной лестнице без перил и боялась опоздать, будто в первый день на новой работе.

На кухне уже хлопотали Весемир с Эскем. Ламберта не было. Весемир принес сковороду со шкворчащей яичницей, на столе ждали хлеб и кувшин молока. Эскем разлил похожий на чай горячий травяной напиток по кружкам.

— Как спалось? — приветствовал он.

— Отлично, — соврала я.

— Вижу, что ты нашла себе одежду, добро, — наставительно начал Весемир. — Эскем, покажи Яне хозяйство, и примемся за работу. Я хочу поправить сарай для скотины, потолок там совсем прогнил, а холода придут со дня на день.

Я поперхнулась чаем — вдобавок и скотина! С другой стороны, откуда ещё могли взяться молоко и яйца.

— Ламберт ушёл на охоту, так что дичь будет.

— У нас уже некуда её девать, — Эскем недовольно покачал головой.

— Пусть его. Пускай проветрится, ему не помешает, — проворчал Весемир и с шумом отодвинул лавку. — Я буду во дворе, приходи, если что-то нужно.

Я благодарно кивнула. Мы с Эскемом убрали со стола, и он показал, как мыть посуду с помощью нескольких тазов и бурого куса мыла в форме сплюснутого шара.

— Ламберт сварил, — с гордостью сказал он, — сделал запас на несколько лет вперёд. Если настанут трудные времена, сможем мылом торговать, неплохая прибыль будет.

Эскем посмотрел на меня.

— Ты не переживай. Ламберт говнюк ещё тот, но он привыкнет, вот увидишь.

— Спасибо, — ответила я и подумала, что, постарайся я быть милее и покладистее, то смогла бы найти к Ламберту подход. Но стараться не хотелось совершенно. — Пока я переживаю не сильно, хотя и неприятно, что он меня невзлюбил.

— У каждого ведьмака за плечами есть то, с чем сложно жить. Не все с этим могут смириться.

Я внимательно посмотрела на Эскема. Заметила, что сегодня он был гладко выбрит. А ещё то, что вживую он был гораздо симпатичнее игровой версии, хотя, как и в игре, лицо с правильными чертами уродовали старые шрамы, рассекавшие бровь и тянувшиеся по правой щеке до губ. Один такой рубец он задумчиво поглаживал кончиками пальцев, застыв над мойкой. Как и положено ведьмаку, Эскем был высок, строен, широкоплеч. На вид ему можно было дать от тридцати пяти до сорока пяти лет, хотя двигался он пластично и ловко, как юноша. Рукой ведьмак откинул упавшие на лоб тёмные, без единого седого волоска, стриженные волосы, и я в первый раз обратила внимание на глубоко посаженные золотисто-карие глаза с чуть опущенными уголками и вертикальным зрачком. Эскем улыбнулся мне.

— Пойдём за водой.

На улице стояла тёплая ласковая погода. Шелестел свежий ветерок, и со стройного

дуба, росшего недалеко от входа в замок, отрывались и кружились редкие жёлтые листья. Даже не верилось в ворчание Весемира, что зима близко.

Мы свернули направо на двор с каменным колодцем по центру. В замковой стене за колодцем зияла гигантская дыра, рядом валялись камни и инструменты у приготовленных бочек со строительным раствором. Около колодца пощипывала траву белая коза.

— Колокольчик, кто опять удрал из загона? — воскликнул Эскель.

Я погладила козу по жёсткой шерсти между ушей, и она посмотрела на меня пустыми жёлтыми глазами, мемекнула и отбежала в сторону. Судя по полному вымени, Колокольчик хотел, чтобы его подоили.

Эскель набрал воды и налил доверху два из четырёх принесённых вёдер, а ещё два до половины. Мои полуналитые вёдра всё равно были тяжеленными, и чтобы их взять, я вспомнила все инструкции фитнес-тренера по становой тяге. Не хватало ещё сорвать спину в первый же день. Чтобы наполнить деревянную бочку на кухне, мы сделали ещё пару ходок.

Потом последовала экскурсия по запасам еды. В кухне хранились мешки с крупами, мукой, на деревянных лесах висели колбасы, над камином сушились пучки трав. В углу под лесами был проход, и мы спустились по узкой лестнице. Тут было значительно холоднее, чем наверху. По дороге ведьмак щелчками пальцев зажигал свечи на стенах. Открыл ещё одну дверь, за ней оказалась небольшая каменная комната, в центре которой на возвышении стоял ящик в рост высотой с зазорами между досок. Внутри виднелось с полметра слежавшегося льда, присыпанного опилками.

— А куда уходит талая вода? — спросила я. Пол был сухим.

— Там под ящиком дырка, вода стекает по жёлобу и дальше через трубу в стене наружу.

— Настоящий холодильник!

Вдоль стен по кругу холодильной комнаты тянулись полки, на которых громоздились сырны головы, шматы сала, стояло бесчисленное множество банок, кувшинов и бидонов. Внизу в ящиках хранились лук, капуста и пересыпанная песком морковь.

— Надо масла захватить, — Эскель взял кусок, завернутый в бумагу, на которой угадывался текст.

— Неинтересная была книга?

— А, бесполезная, трактат пророка Лебеды, — Эскель подкинул масло в руке. — Но уже опять полезная!

Я адски замёрзла, и мы вернулись в тёплую кухню.

— Теперь скотина!

Тщательно вымыв руки с мылом, мы вышли из замка и прошли за ворота в следующий двор пониже, заросший травой и молодыми ёлками. Ветер гнал по земле клубы пыли и раскачивал ветви раскидистого старого дуба.

— Какой балкон! — я побежала к величественной арке в стене.

Арка оказалась выходом со двора на внешний периметр стен. Горы слева и справа спускались в долину, где извивалась и сияла на солнце река. Эскель посмеивался от моего обалдевшего вида.

На скале справа возвышалась полуразрушенная башня.

— Что это? — спросила я, хотя знала ответ.

— Раньше там тренировали ведьмаков. Но я этого уже не застал.

Внизу у внешних ворот я заметила под навесом трёх лошадей. Но сейчас мы вернулись обратно в нижний двор. В глубине на пустыре, обрамлённом высоченными замковыми

стенами и башней, от которой остался лишь остов, возился Весемир, мастеровивший навес над развалинами бывшей пристройки. В хозяйстве у ведьмаков числились знакомая мне коза Колокольчик и куры.

— Были ещё и свиньи, но их мы уже съели. И второго Колокольчика. Надо будет прикупить на зиму, — Эскель подтянул упирающуюся козу и привязал к столбику. — Теперь доить!

Ох, ну ладно. Я присела на камень рядом с козой, подставила кожаное ведро и начала доить — так, как это выглядело в моём представлении. На удивление дойка оказалась не таким уж сложным делом, и скоро на каждое сжатие ладони в ведро прыскала белая струя.

Весемир подошёл, хитро прищурился.

— Может нам и корову, раз такое дело, прикупить?

— Нет, только не корову! — воскликнула я, подумав, что даже второй Колокольчик это уже слишком.

Ведьмаки расхохотались. Мои кулаки уже просто не имели силы, чтобы сжиматься, а молоко и не думало заканчиваться. Эскель бесцеремонно подвинул меня и перехватил козы соски. У меня глаза на лоб полезли — в ведро будто полным напором открыли кран с молоком. Вскоре вымя опустело и повисло тряпчочкой. Мы собрали восемь яиц, спрятанные курами по разным углам загона, и вернулись с добычей на кухню.

Дверь распахнулась, и ввалился Ламберт. Снял переброшенную через плечо связку уток, бросил её на стол, расселся на скамье. Я украдкой рассматривала его. В жизни он выглядел моложе, худощавее и выше, чем в игре, но с такими же залысинами, чёрной щетиной бороды и саркастичной усмешкой. В ответ он оценивающе смерил меня взглядом с головы до ног.

— Единственный смысл от тебя, с которым я мог бы смириться, если бы ты надела одну из меригольдовых штучек, глаза чтоб подчеркивались, — Ламберт сделал выразительные движения обеими руками у груди. — А ты и это провалила.

Я распрямилась.

— Тебе никогда не говорили, что ты прекрасно умеешь располагать к себе людей?

— Нет, — удивился Ламберт.

— И правильно делали, что не говорили.

Эскель фыркнул и повесил над камином объёмный котелок с водой.

— Птицу потрошить, — пояснил мне.

Ламберт встал и протопал через кухню в дверь, которая вела в его комнату на вершине одной из башен.

Когда вода вскипела, Эскель опустил уток на пару минут в ведро. Повалил пар, душно запахло мокрыми перьями.

— Начинай с крыльев и хвоста и щипай подряд, без дырок.

За исключением перьев на хвосте, работа не была сложной. Пока я, обжигая пальцы, возилась с одной птицей, Эскель принялся за вторую, а вернувшийся Ламберт за третью. Через некоторое время они взялись за следующих птиц, я же всё продолжала борьбу с первой.

— Надеюсь, ешь ты во столько же раз меньше, во сколько медленнее работаешь.

— Надейся на лучшее, готовься к худшему, — меня понемногу начала забавлять перепалка с Ламбертом.

— Вообще, хорошо бы нам научиться есть впрок, — сказал Эскель, — льда в погребе почти не осталось, солёную птицу уже сил нет жевать, копчёной забиты все полки.

— Весемира на тебя нет, Эскель, кощунствуешь, — Ламберт понизил голос и прогудел: — а зима близко!

Ещё не наступил полдень, а я уже измоталась. Сегодня была очередь Эскеля готовить, и он прилаживал одну из потрошёных уток на вертел. Около камина закончились дрова, Весемир показал мне поленницу, и пока никто не видит, я решила попробовать поколоть колуном, воткнутым рядом в пень. Сначала я боролась с этим здоровенным топором, который не хотел выниматься из пня. Потом с поленом, в котором он застрял от удара. Потом плюнула, вбила топор обратно в пень, набрала дров и с ужасом увидела, что Ламберт, вернувшийся из конюшни, уже некоторое время наблюдает за мной.

— Смотри, ты топор так тюкнула, что его ветром сдует, — он легко вынул топор и загнал в дерево чуть ли не по обух так, что теперь я точно не смогла бы его оттуда вынуть.

— Да пошёл ты! — выдохнула я. — Руби себе на здоровье.

Меня распирала злость. Я никогда не стану такой, как они. Бессмысленный и бесполезный современный человек в мире, где всего надо было добиваться либо силой, либо магией, а я была лишена и того и другого.

После обеда все опять разбрелись по делам. Эскель и Ламберт занялись копчением, приделав широкую трубу к печи на внешнем дворе. Я убралась, покрутилась возле Весемира, помогла ему там придержать, тут подать, попутно выпрашивая о быте ведьмаков, о хозяйстве.

Потом направилась исследовать внешний двор. Молодые ведьмаки развесили уток на крюки внутри трубы и разминались с мечами. Я невольно залюбовалась их грацией. Больше всего сейчас, да что там скрывать, и в нашем мире тоже, я мечтала уметь так, как они. И даже лучше, чтобы заехать Ламберту в глаз, хоть разочек. Обогнула их вдоль стены и подошла к мирно жующим сено лошадям. Возле спокойной гнедой кобылы нервно прядал ушами иссиня-чёрный конь, который скосил на меня бешеный глаз и затопал копытами. Ещё одна лошадь была ровного светло-серого цвета, переходившего в чёрный на ногах, с чёрными же гривой и хвостом. Я залюбовалась красавицей и, протянув руку, погладила шелковистую морду.

— Я же сказал не трогать мои вещи! — заорал Ламберт.

Тихо выругавшись, назло Ламберту я провела по ласковой морде ещё раз и ретировалась в замок. До ужина оставалось не так много времени, и я желала провести его одна. Натаскала воды наверх и заметила, что под обручальным кольцом вспухла мозоль. Снимать и оставлять кольцо в комнате не хотелось, и я решила порыться в оставшихся сундуках. В конце концов, в мою игровую бытность Геральтом, мы с ним занимались этим постоянно.

В сундучке на столе нашлась россыпь всевозможных коле, браслетов, ожерелий и монет. А вот и то, что нужно. Вытянув тонкую серебряную цепочку, я подвесила на неё кольцо и надела на шею. Так-то лучше. Застелила постель, стянула сапоги с натёртых ног (портянки таки сбились в комки) и упала на кровать.

Ужин я проспала и открыла глаза с рассветом, чувствуя себя совершенно отдохнувшей. Сегодня во сне я не попала домой и спала без сновидений.

С первым лучом солнца я спустилась вниз. За завтраком ведьмаки посмеивались, но даже Ламберт обошёлся без наездов. Снова начался трудовой день. Но сперва Весемир дал мне мастер-класс по намотке портянок. Видно было, что ему доставляет удовольствие учить и показывать. Когда результат моих усилий его удовлетворил, он заставил ещё по пять раз снять и намотать портянки заново на каждую ногу.

— Секрет любого успеха в количестве повторений, — назидательно завершил он обучение.

Уборка на кухне, в зале, дойка, корм животным и чистка загона, вода, помощь в готовке еды. Постепенно я встроилась в ежедневную рутину. К своему дежурству я уже уверенно ориентировалась на кухне и наварила огромный горшок борща, благо все овощи для него были. В мешках нашлась ржаная мука, и я замесила закваску — запасы хлеба подошли к концу, и остаток перевели на сухари. Когда-то меня увлекало хлебопечение, и было бы весьма кстати попасть во сне домой и погуглить нюансы, но сон о моём мире больше не приходил.

Я выпросила у Весемира столярный клей — маленький кусочек янтарного цвета, разогрела на водяной бане и склеила разрушенный мною шестиугольный столик. Запах в комнате Геральта оставлял желать лучшего, но дело было сделано.

По вечерам после ужина я присоединялась к ведьмакам у камина в зале. Они читали, играли в шахматы, травили байки и расспрашивали о моём мире.

Ламберт не упускал случая поддеть Весемира, и я поражалась, как старый ведьмак не поддавался на провокации и отвечал, словно терпеливый отец балованному ребенку. Эскель своим мягким юмором гасил то и дело вспыхивающие между Весемиром и Ламбертом искры, но что он сам чувствовал, понять было невозможно.

В один такой вечер ведьмаки много расспрашивали про семью, про учёбу, про работу, то есть подробности лично моей жизни, а не только про устройство мира. Воспоминания разбередили душу, и когда я вернулась в комнату и повалилась на широченную кровать, мне стало жалко себя до жути и одиноко, несмотря на всех ведьмаков, коз, кур и прочую восхитительную природу. Я хотела домой. Сняла обручальное кольцо с цепочки и надела на палец — так я чувствовала хоть какую-то связь с прошлым миром.

С кольцом на пальце связь с прошлым миром оказалась не только духовной. Я снова проснулась в своей квартире. Позы сына, мужа и меня не изменились. Значит, теперь я наконец-то знаю, как попадать домой!

Радостно кинулась к родным — как же я соскучилась! Но, как и в тот раз, они были неподвижны, не отвечали мне. Я больше не принадлежала их миру. Я стала привидением, пассажиром проносящегося мимо поезда, бьющейся в стекло мухой. Я стала невидимкой. Опустилась на пол около сына, обняла его. Кто же я теперь для них, когда мой мир выплюнул, исторг из себя копию меня? «Чёртов репликант, вот кто», — прошептала я. Подошла к прошлой мне, потрогала за руку — жива. «Это её семья, — горько подумалось мне, — я стала лишней». Подтащила плед к дивану, улеглась. «Я просто буду рядом с ними, хоть иногда», — твердила я, и от этой мысли на душе теплело, а потом закрыла глаза и приготовилась к обратному путешествию.

Неспешная жизнь в Каэр Морхене продолжилась своим чередом. Закваска на ржаной муке пузырилась и удваивалась каждый день. С Эскемем мы выложили из кирпичей в очаге нечто вроде духовки, и первый ржаной хлеб получился отличным. Я радовалась, что могу делать хоть что-то, чего они не умели.

Через пару недель, выйдя утром за водой, я заметила, что спокойно могу поднять два полных ведра. Жизнь на воздухе явно приносила свои плоды. Похоже, что время для следующего шага пришло.

После обеда, когда Весемир занимался своими делами, Ламберт куда-то исчез (в конюшне не было его серой кобылы), я подошла к Эскелю, который медитативно точил меч

под сенью старого дуба:

— Эскель, я мечтаю стать ведьмаком, научи меня?

— Это невозможно, — ответил он.

— Но почему же?! — воскликнула я. — Да, я не стану такой как вы, но научусь хотя бы чему-нибудь! Иначе, когда я уеду отсюда, я буду полностью беззащитна не только перед монстрами, но даже и перед простым одиночным бандитом.

— Простой одиночный бандит учился выживать с детства, а у тебя всего лишь несколько месяцев.

— У меня нет другого выбора, я должна использовать это время по-максимуму!

Эскель покачал головой.

— Я могу показать тебе азы фехтования, но я никогда не учил никого ни травмам, ни монстрологии.

— Это ведь лучше, чем ничего.

Он глубоко задумался. Я терпеливо ждала, готовая не сдаваться, пока не уговорю его. Эскель почувствовал это, взглянул на меня исподлобья и безнадежно спросил:

— Ты ведь не отстанешь?

— Нет, — как можно решительней ответила я, — не отстану.

— Ну что же, пойдём.

В замке мы прошли в ту башню, где наверху располагались комнаты Весемира и Геральта. Внизу же ведьмаки оборудовали арсенал — в многочисленных деревянных стойках и стеллажах размещалась тьма-тьмущая мечей, сабель, арбалетов. Висели луки и стояли сундуки с частями доспехов. Эскель выдал грубые, все в пятнах, кожаные перчатки и подвёл к верстаку, на котором были навалены шлифовальные камни, обрезки кожи, тряпки, щётки, стояли бутылки с жидкостями.

— Смотри, эти мечи нужно очистить от ржавчины, — он провёл мимо всех стоек к углу, где кучей валялось явно самое никудышное оружие. — Сначала проходишь тряпкой. Если не помогает, то вот этой щёткой. Если и этого мало, то вот ещё тряпка, надо смазать жидкостью отсюда, подождать и повторить по необходимости. Когда все мечи будут чистые, приходи, научу шлифовать.

Ведьмак выглядел чрезвычайно серьёзным, я его не узнавала. Он обернулся в дверях:

— Да, и ни в коем случае не трогай другие мечи, только те, что в том углу.

Я не задавала вопросов, и он ушёл. Вытянула из кучи массивный меч с кожаной оплёткой на рукояти. Первый раз в жизни я держала в руках такое оружие. К моему удивлению, меч был не слишком тяжёл — килограмма два, два с половиной. Я-то считала, что он должен весить с десятков.

До вечера я натирала, драила и скребла. От ядреного запаха кислоты для протирки лезвий слезились глаза, однако большая часть мечей была готова. Многие из них остались изъеденными в местах, где раньше была ржавчина, и потеряли гладкость, но ни следа самой ржавчины больше не было. Я смазала готовые мечи маслом и отправилась ужинать.

За столом ждали Весемир с Эскемем, Ламберт так и пропадал где-то, и оба ведьмака сидели с похоронным видом.

— Я закончу сегодня, — сообщила я Эскемю.

— Тебе не обязательно заканчивать сегодня.

— Нет, я хочу двигаться дальше, — твёрдо произнесла я, глядя ему в глаза.

Он понял, что я понимаю, что мечи — это только первое крохотное испытание в

надежде, что я не захочу продолжать. Но оно хотя бы имело смысл — так или иначе ухаживать за оружием мне придётся. Хорошо, что он не попросил отделять гречку от риса! Возможно потому, что ни гречки, ни риса здесь не было.

— Ладно, завтра шлифовка, заточка, полировка.

Шлифовка, заточка и полировка отняли ещё пару дней, так как другая работа никуда не делась. Я пропадала в арсенале всё свободное время и пересекалась с остальными обитателями замка лишь за едой. Наконец, на третий день, когда мы поужинали, и ведьмаки устроились у камина, я объявила, что всё готово.

— Добро, — Весемир откашлялся, — иди сюда, девочка, посиди у огня с нами. Эскель рассказал о твоей просьбе, и он настаивает на том, что ты сможешь...

— Да, я хочу учиться ведьмачьему делу, пожалуйста, пожалуйста...

— Погоди, не сепети, — неторопливо продолжил Весемир. — Ты знаешь, что раньше ведьмаками могли стать только юноши и только после Испытания Травами. Те времена ушли безвозвратно. Мы пробовали воспитать ведьмаков без мутаций. Для них для всех это плохо закончилось... Кроме Цири, но у неё своя судьба. Да и где сейчас Цири, не знает никто.

Он помолчал.

— Все эти дни мы, конечно, присматривались к тебе. Ты упряма и не боишься препятствий, но этого мало. Путь ведьмака — трудный путь. Даже если бы Испытание Травами ещё можно было проводить, сейчас я бы не воспользовался Правом Неожиданности, чтобы набрать новых детей, хоть бы такая возможность предоставлялась каждый день.

— Жаль, что ты не додумался до этого много лет назад, — подал голос Ламберт.

Он полулежал в кресле у огня и смотрел в потолок, закинув ноги на каминную решётку и заложив руки за голову.

— Я был на Пути.

— Ты и сейчас на Пути, — тихо сказал Эскель.

— У меня тоже есть здесь путь, — вклинилась я, — и мне надо найти его. Возможностей не так много: знатную даму сыграть я не смогу, служанки привязаны к господам, профессии у меня здесь нет...

— Ты думаешь логически, дитя. А ведьмаками становятся потому, что иного выбора нет.

— Но я попала к вам, а не куда-либо ещё. Ни к чародейкам, ни к крестьянам. У меня и правда нет другого варианта... Единственное, что вас останавливает — это то, что я обычная!

Весемир пристально смотрел мне в глаза, а я старалась выдержать взгляд и прилагала титанические усилия, чтобы не зареветь.

— У меня есть для тебя испытание, что решит наш спор, — наконец, произнёс он и назидательно поднял палец: — Сила всё ещё может принять тебя, хотя трансмутация с помощью эликсиров и трав, которую раньше проходили молодые ведьмаки, более недоступна. Только пройдя испытание, ты сможешь пойти нашим Путём, и никак иначе. Тебе нужно выспаться. Завтра начнём.

***

Было ещё темно, когда в дверь спальни постучали.

— Яна, вставай и спускайся, — донёсся голос Весемира.

Не замечая ледяной воды, я торопливо умылась, оделась и побежала вниз. Ощущение было, как перед экзаменом. Только бы медвежья болезнь не началась!

Весемир ждал в зале, разжигая потухший камин. Кивнул в сторону объёмного свёртка.

— Бери.

Я подняла тюк с толстым одеялом и парой жёстких подушек. В кухне Весемир захватил кувшин с водой и кружку, и мы прошли в башню, где наверху была комната Ламберта, но направились не вверх, а по ступеням, уходящим круто вниз.

Путь преградила решётка. Погромыхивая связкой, Весемир выбрал массивный ключ и долго возился с проржавевшим замком.

— Я надеялся, что мне больше никогда не придётся открывать эту дверь.

Старый ведьмак повёл по каменному узкому коридору, и по мере нашего продвижения на стенах загорались свечи, при этом я не смогла заметить, чтобы он щёлкал пальцами или даже шевелил ими.

Остановились на развилке. Потолок коридора, уходящего направо, был обрушен, и проход перегородило завалом.

— Там когда-то была лаборатория, — пояснил Весемир и повернул налево.

Мы вошли в тёмный зал, обрамлённый еле-еле различимыми в приглушённом синем свете колоннами. На вымощенной белым мрамором площадке в центре возвышались пять исполинских камней-менгиров. Свет шёл из круглого сквозного отверстия в центральном камне. Я ощутила лёгкое жжение в левой ладони, украдкой взглянула — линии татуировки переливались едва видимым голубым светом. Сжала ладонь в кулак.

Весемир указал на место перед светящимся камнем.

— Ты будешь медитировать здесь десять дней. Я буду приходить четыре раза каждый день. Три раза я принесу еду и воду, в четвёртый заберу посуду и пожелаю тебе спокойного сна... Твоя задача, — продолжил он, — сидеть с ровной спиной на одеяле или подушке. Сидеть от завтрака и до позволения лечь спать. Ты можешь вставать, только чтобы поесть и дойти до уборной, она на выходе из зала. Ты должна будешь молчать всё это время. Если ты не будешь медитировать сидя, если ты будешь говорить, если ты уйдёшь отсюда, а дверь всегда будет открыта, то испытание будет провалено.

Он помолчал.

— Я обязан спросить тебя в последний раз... Ты готова? Подумай серьёзно — сейчас последний шанс отказаться и вернуться к нашей нормальной жизни. Из Испытания в Кругу Камней ты не выйдешь прежней.

— Никогда. Я готова, — хотела бы я быть так уверена в своих словах, но сдаваться было нельзя.

— Тогда приступим.

Весемир поставил на каменный пол рядом с одеялом кувшин и чашку.

— Скоро я принесу завтрак. Начинай.

Я уселась на подушку в позу полулотоса. Старый ведьмак положил тяжёлую тёплую ладонь мне на плечо, постоял несколько мгновений, развернулся и вышел. Наступила тишина.

***

Я посидела немного, потом налила воды. Потом у меня поочередно стали чесаться нос, плечо, лопатка. Потом я поняла, что не против бы уже согнуть спину, но не решилась. Я пробовала медитировать и раньше, в прошлой жизни, но постоянно отвлекалась и не могла

закончить спокойно даже десятиминутную медитацию. А теперь мне предстояло так сидеть десять дней! Линии на ладони погасли, и жжение исчезло. Я расстроилась. Нужно сконцентрироваться.

Полчаса или час до прихода Весемира с завтраком были самыми долгими в моей жизни. Я рассмотрела все камни, спина начала болеть, а колени ломило. Однако, когда старый ведьмак неслышно возник из-за спины, я сидела в той же позе, что он меня оставил.

— Поешь и возвращайся к медитации, — тихо сказал он, придвинул тарелки с едой и ушёл.

В первой оказалась пустая овсяная каша, во второй нарезанная морковь. Съев всё, я вернулась на пост.

До обеда, а потом и до ужина, время тянулось бесконечно. На обед Весемир принёс чашку овощного бульона и тарелку пшённой каши. На ужин были сушёные яблоки. Я догадалась, что смирять мне придётся не только дух, но и тело.

К вечеру я отсидела попу, спина нещадно болела, а сама я впала в отупение и протрацию. Тишина вокруг стала необъятной, темнота слилась с тусклым светом, и я потеряла ориентацию в пространстве. Казалось, что существовала лишь бесконечная тьма, которую заполняла моя боль.

Когда Весемир пришёл забрать тарелки и сказал: «Время спать», я, как сидела, так и повалилась ничком на одеяло. Распрямить ноги удалось не сразу, но момента, когда удалось, я уже не помнила, потому что спала.

Второй день начался похоже, только я вмиг, без промедления, погрузилась в ощущение точки в бесконечном пространстве. Задышала и стала концентрироваться на воображаемом шаре перед переносицей. Временами я вообще теряла ощущение тела, а временами боль и ломота в суставах обрушивались дикой, бешеной волной, и единственное, что оставалось — это дышать. Дышать и возвращаться вниманием в точку перед глазами. Волна боли уходила, чтобы вернуться вновь.

На третий день тело одеревенело, но боль отпустила. Изменились и ощущения. Я перестала быть точкой в пространстве — теперь я совершенно растворилась в нём, превратилась сама в темноту, голубое свечение, которое не делало мрак светлее, а лишь подчёркивало его. Я потеряла счёт дням и времени и уже не замечала, когда появлялся Весемир. Ему приходилось класть руку мне на плечо, и я покорно вставала и брела к еде или валилась спать.

После одного из приёмов пищи (я окончательно сбилась с понимания, какого именно) я вернулась на подушку, закрыла глаза, сосредоточилась на дыхании, уже привычно растворившись в темноте, и услышала тихий-тихий шёпот. Слуховые галлюцинации постепенно заполняли пространство. Шёпот то замолкал, то возникал вновь, приближаясь и отдаляясь, то вращался вокруг. Казалось, что кто-то пытается говорить со мной, но я не понимала слов.

День на пятый или шестой к слуховым галлюцинациям добавились зрительные. Когда я закрывала глаза, уже знакомая темнота, пронизанная шёпотом, озарялась всполохами голубого света. Они переливались, как северное сияние, сходились в спирали и расходились.

Интенсивность свечения нарастала, и ладонь опалило острой болью. Вот только ладоней у меня больше не было, поэтому жгло всё моё существо, которого тоже не было, а была лишь сияющая и переливающаяся бесконечность. И в этой бесконечности появился дракон. То был не такой дракон, как в мире Ведьмака — мой дракон был похож на японских

драконов-змей, с ослепительным голубым телом с синими отростками, рогами и длинными усами, уходящими в веющие нити. Дракон медленно приближался, заполняя собою небо, тело его грациозно извивалось. И вот огромная морда с змеиными глазами, которые сияли, вынырнула рядом. Он проплывал над головой, меня обвивали нити усов, жгли кожу ледяным пламенем. Дракон уплыл вдаль, а я сидела в восторженном ошеломлении от открывшегося чуда.

Когда я укладывалась спать, боль в левой ладони напомнила о себе. Знак сиял чистым голубым светом.

На следующий день к невидимому собеседнику присоединился второй. Они перешёптывались, и к голубому свечению добавились жёлтые всполохи. Вслед за этими всполохами из пропасти подо мной неторопливо выскользнул жёлтый дракон. Он вертикально поднимался, а потом с высоты ринулся на меня, изогнулся в последний момент и проплыл, практически задевая мою макушку чешуей на животе.

Подошедший Весемир потрясённо замер с планками в руках — второй камень в зале начал испускать жёлтое свечение.

На девятый и десятый дни к пляске присоединились зелёный и сиреневый драконы. Они переплетались, закручивались в спирали и перешёптывались. Они обращались ко мне, они хотели услышать меня, но я знала, что одно единственное слово всё разрушит, и молчала.

Десятый день завершился. Вечером пришёл Весемир:

— Время окончилось, пойдём.

Я открыла глаза. Четыре камня из пяти светились, но один оставался безжизненным. Я замотала головой. Ведьмак подошёл ближе и потянул за руку.

— Пойдём, дитя.

Вырвав руку, я замотала головой ещё отчаяннее, показывая на последний камень. Слёзы лились из глаз. Я знала, что всё будет напрасным, если я уйду. Весемир уговаривал, но я не вставала. В конце концов он сдался:

— Да будет так.

Я ждала, но ничего не происходило. Поняв, что и не произойдёт, я задышала, сконцентрировалась. Я не буду ждать, я буду просто находиться тут столько, сколько потребуется.

Оранжевый дракон появился на двенадцатый день медитаций. Он был ярче тысячи солнц и жарче тысячи солнц. Он весь состоял из пламени. Я распалась на атомы и испарилась в этом жаре. Дракон по спирали поднялся вверх и сплёлся с остальными. Они кружились, шёпот стал настолько громким, что мои барабанные перепонки лопнули бы, если бы они у меня были. Драконы свились в тугий канат, и темноту залило ослепляющим белым светом. На миг я увидела бесконечный экран телевизора в тот момент, когда заклинание Филиппы ударило меня. Экран взорвался яркими осколками, и на месте переплетённых драконов возник один — белоснежный. С высоты он нырнул вниз и всей мощью ударил мне в голову. Позвоночник пронзило будто разрядом молнии. Длинное тело дракона влетало в макушку сверху вниз, вот уже остался только хвост, а вот и хвост исчез внутри. Весь гигантский дракон целиком был во мне. Давление распирало, разрывало, пока не стало невыносимым, и я взорвалась. Выброс энергии, похожий на взрыв сверхновой звезды, погнал прочь от меня круги световых волн. Постепенно интенсивность излучения спала, и вокруг как ни в чём ни бывало разлилась полная темнота и тишина.

Я пришла в себя от того, что за плечи трясли.

— Яна, очнись, все кончено.

— Я видела, я видела его! — бормотала я.

— Тихо, всё хорошо, — Эскель подхватил меня под мышки и помог подняться.

Весемир приобнял и кивнул в сторону камней. Все пять светились, и зал заливал ровный белый свет.

— Я не видел этого почти сто лет.

Сил отвечать не было. Эскель проводил в спальню, довёл до кровати.

— Отдыхай. Тебе нужна пара дней, чтобы прийти в себя.

Я благодарно кивнула, крепко держа его руку в ладонях, потом спохватилась и отпустила.

— Спасибо, Эскель, — хриплым сорванным голосом произнесла я первые за много дней осмысленные слова. — Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, Яна.

Весь следующий день я пролежала в постели. Ведьмаки приносили еду и поили бульоном, в этот раз куриным, а не овощным. Я порывалась встать, но Весемир не позволял.

— Завтра, завтра будешь вставать. Из Испытания нужно выходить постепенно.

Наутро я начала потихоньку гулять, пока что только по комнате. Ощущение собственного тела возвращалось медленно, но неуклонно. Кроме слабости я не чувствовала особых перемен, за исключением того, что время от времени из глаз, будто сами, без всякой видимой причины лились слёзы. Татуировка на левой ладони изменилась — вместо бежевых, линии стали белыми и чёткими. На третий день я спустилась к завтраку.

— Ты похожа на Кащея, — приветствовал Ламберт.

— Зато он был бессмертным! — парировала я и развеселилась. Перепалки с Ламбертом всегда возвращали мне радость жизни.

— Ты сделала первый шаг на Пути, девочка, — важно произнёс Весемир, — остальной Путь — в упражнении. Начнём сразу после хозяйственных работ. С обеда и до ужина ты будешь заниматься фехтованием с Эскем. Я буду преподавать базовые эликсиры и азы монстрологии. Мы не успеем изучить всё, остальное тебе придется осваивать на Пути. Ламберт...

— Ну уж нет, у меня самоотвод.

— Я хотел попросить тебя заняться стеной.

— А что стена? Хорошая стена. Через дыру в ней чертовски удобно спускаться к озеру. Я займусь ею после того, как разберёмся с утопцами и завершим сезон рыбалки. Я, кстати, строю лодку, так что у меня есть план на следующие дни.

— Эскем, завтра покажи Яне тропу для утренней пробежки, — Весемир серьёзно посмотрел на меня, — ты должна постоянно тренироваться, помни об этом.

Хозяйственных дел накопилось уйма — пришла моя очередь дежурить на кухне. Пока меня не было, закваска скисла, и я замесила новую. Заготовила чан щей и запекла в построенной Эскем духовке кабанью ногу, притащенную неугомонным Ламбертом. В оставшееся перед обедом время уселась в зале медитировать. Мне крайне важно было узнать, со мной ли тот опыт, который я испытала, или то было волшебство камней силы. К своему восторгу, как только я сконцентрировалась, знакомая темнота заполонила пространство, и я перестала существовать — лишь тёплое белое свечение расходилось от той точки, откуда был обращён мой взгляд.

— Когда-нибудь ты поймёшь, что Пустота это и есть Путь, — раздался мягкий голос Весемира. — Тебе нужно будет обдумать это, но не сейчас.

Я плавно вынырнула из медитации.

— Что я видела там, Весемир? Что означают эти змеи-драконы?

— Змеи-драконы? Не знаю. Я знаю только, что место силы приняло тебя, и ты можешь начать изучать знаки, которые мы используем. Без мутаций твоя сила будет меньше, чем могла бы быть, но она теперь с тобой.

— Как бы я хотела пройти мутации и получить суперсилу!

Весемир покачал головой.

— Не шути так, девочка, ты просто не знаешь реальную цену за неё.

Старый ведьмак выложил на стол книги, которые держал в руках, кинул в камин полено

и присел рядом со мной. Я любовалась им — какой он колоритный, хорошо сложенный в свои несколько сотен лет. Вот уж красивая старость.

— А как вы стали ведьмаком, вы помните?

Весемир смотрел на огонь и колебался с ответом. Очень просто было сказать, что не помнит, но всё-таки он заговорил:

— Меня продала ведьмакам собственная мать. Она была пьяницей и служила в борделе. Маги, которые занимались нашей школой, в те времена ходили по деревням, подбирали сирот и выкупали за гроши таких, как я.

Я смотрела на него, пытаюсь справиться с неловкостью. Зря я спросила.

— Это было слишком много лет тому назад, — он улыбнулся, — моим домом стал Каэр Морхен, моей семьёй — ведьмаки. Я благодарен своей судьбе. И поэтому много лет я пользовался Правом Неожиданности с уверенностью, что это правильно. Для меня... для нас, ведьмаков, это была единственная возможность иметь хоть какую-то семью. А сейчас... я рад тебе.

Благодарность переполнила меня, я порывисто обняла Весемира, и он отечески похлопал меня по плечу.

Со стороны входа раздались голоса. Ламберт и Эскель вернулись к обеду.

После еды Эскель выдал мне деревянный меч, и мы отправились на внешний двор.

— Начнём с основных стоек и ударов, — сказал он. — Твоя задача — отрабатывать их до автоматизма, используя всё время, которое есть. Мы не будем разучивать какие-то особенные трюки, пируэты и передвижения, только базовые. Но лучше знать их, но хорошо, чем знать много, но плохо.

Эскель показал стойки — меч вверху, меч перед собой, меч внизу.

— Стойки важны для правильной постановки тела и отработки, но помни, что в бою фиксироваться в них нельзя, ты будешь слишком предсказуема.

Дальше шла последовательность ударов: сверху вниз, через стороны, снизу вверх, работа ногами.

— Не семени, ноги чуть расслаблены, но передвигайся уверенно, как при ходьбе, работают обе ноги.

— Слушаюсь!

Мы занимались до ужина, а на десерт Весемир выдал в мои трясущиеся после фехтования руки увесистую стопку книг.

— Начнём с трупоедов и инсектоидов, тем более, что их можно найти в окрестностях.

Наутро, ещё до завтрака, Эскель позвал показывать тропу для пробежки. Впервые я вышла за пределы замка. Осень уже вступала в свои права, подлесок весело светился жёлтым и красным, и только вековым елям всё было нипочём.

— Сегодня пройдем пешком по тропе, завтра пробежим вместе, а дальше сама.

— А меня не съедят?

— С чего бы это? При тебе будет меч, — удивился Эскель и добавил: — Привыкай к мысли, что теперь ты решаешь, кого съесть.

Мы свернули с дороги вниз по едва заметной тропке. Она петляла между деревьев, проваливалась в ямы, шла то вверх, то вниз. Дорогу преграждали мшистые поваленные стволы, и я подныривала под них или с риском поскользнуться перелезала поверх, попутно продираясь сквозь ветки.

Тропа спускалась до самого озера, а потом круто поворачивала назад. Обратный путь

был намного сложнее, так как шёл в гору. Местами нужно было лезть на камни и перепрыгивать расщелины. Я с ужасом думала о том, что по этой тропе придётся бежать — всегда ненавидела бег даже по ровной дороге.

Вернулись мы, когда солнце уже встало, а остальные ведьмаки позавтракали. Я везде ходила со своим деревянным мечом за спиной и повторяла серии ударов при любом удобном случае.

Перед обедом Весемир позвал на отработку ведьмачьих знаков. Первым был Аард.

— Пальцы вот так, хорошо, и выпад рукой. Нет, не так, вот так.

Я выбрасывала руку вперёд, но ничего не происходило.

— Расслабься, не думай, но сконцентрируйся.

— Я не могу не думать! — мне было досадно, что ничего не выходит.

— Вот свеча, ставлю здесь, — Весемир повёл пальцами, и свечной фитиль вспыхнул. —

Твоя задача — задуть её Аардом. Тренируйся.

Он ушёл, а я со злостью всё делала и делала выпады рукой. Свеча скорее потухнет от того, что прогорит, а не от моего знака! Через час я окончательно выдохлась. Хлопотавший на кухне Ламберт просунул голову в сквозной проём камина и не преминул поддеть меня.

— Ваше место на кухне, дорогой! — выкрикнула я, и чтобы справиться с раздражением, сделала пару вдохов и выдохов. Выпад рукой, ещё один. Пламя свечи шевельнулось и погасло.

— Ламберт, сработало! — закричала я.

— Не волнуйся так, это случайность. Сквозняк.

Я зажгла многострадальную свечу и продолжила тренироваться дальше. Рука уже болела, но я знала, что то была не случайность. Правильное дыхание — вот ключ. Раз, ещё раз, и слабенький порыв ветра от руки загасил пламя вновь.

— Хватит, — гордо сказала я и направилась на кухню. — Ну, что ты сжёг сегодня для нас на обед?

— Для вас сегодня жжёное вчерашнее мясо, госпожа, — Ламберт с шутовским поклоном поднял крышку, выругался и молниеносно снял сковороду с огня, — вот чёрт! Ты виновата, и правда сжёг.

С готовкой у Ламберта были особые отношения и без меня. Никто так виртуозно не умел портить еду. Весемир обычно готовил простые, но добротные блюда. Эскель частенько рылся в кулинарных книгах, добавлял пряности, придумывал что-то необычное. Ламберт же мог испортить даже ту еду, которую нужно было только подогреть. Между тем остальные ведьмаки не жаловались. Порой они относились к еде, как к чисто техническому сочетанию питательных веществ, которые необходимо поместить в организм. Я решила учиться и этому тоже. Неизвестно, чем придётся питаться потом.

После обеда мы с Эскелем продолжили тренировки. Сегодня он добавил упражнения с мечом одной рукой.

— Две руки не всегда будут доступны, во второй может быть арбалет или нож, и это не должно тебе помешать. Кстати...

Он принёс из арсенала старый арбалет и пачку болтов в чехле.

— Целься в мишень, больше повторений на левую руку. Болты соберёшь. А потом делай связку из упражнений с мечом и стрельбы из арбалета.

Вечером Весемир проверил мои успехи с Аардом.

— Неплохо для начала. Теперь сбивай книгу.

На столе в паре метров от меня он поставил уже знакомый пухлый том «Гулей и Альгулей», и я принялась за упражнения вновь, пока ведьмаки спокойно отдыхали у камина.

Наутро Эскель разбудил меня, напомнил взять меч и арбалет, и мы побежали. Он тоже был в полном снаряжении, с парой мечей за спиной. Как я и ожидала, бег для меня очень скоро превратился в пытку. Нет, в новом теле бегать было гораздо легче, чем в предыдущем, но всё равно тяжело. Я переходила на шаг, Эскель терпеливо ждал. Уже недалеко от озера я поскользнулась на гнилых листьях, устилавших тропу, и проехала на спине, к счастью, ничего себе не повредив.

— Сегодня займемся страховками, — спокойно прокомментировал ведьмак.

К завтраку я вернулась мокрая, усталая и выжатая, как лимон, а дыхание невозмутимого Эскеля даже не сбилось. Мне было ужасно стыдно за свои беговые достижения, и закрались подозрения, что я ввязалась в проект, осилить который мне невозможно по определению.

Днём Эскель показал, как правильно падать вперёд, назад, из положения стоя и из положения сидя на коленях. Теперь мне нужно было перекатываться через весь двор, а потом возвращаться перекатами через спину. На следующий день он установил бревно на уровне пояса, и теперь страховки нужно было делать, ныряя через это бревно рыбкай.

Одежда к концу дня превращалась в ком грязи, и вечерняя стирка в деревянной бадье со знаменитым ламбертовым мылом перешла в категорию ежедневных рутин. К вечеру измученные натруженные мышцы ныли, на руках и ногах расцветали красочные синяки, и я, кряхтя, смазывала их специальной едко-вонючей мазью. Чтобы дать забитым мышцам хоть какую-то возможность расслабиться и восстановиться перед неминуемым напрягом следующего дня, перед самым сном я заставляла себя делать растяжку, вспоминая йоговские занятия из прошлой жизни. Не раз и не два, пока я стояла в какой-нибудь «собаке мордой вниз» и постанывала от боли в руках и ногах, приходили малодушные мысли о том, что неплохо было бы послать всех в баню, упасть на подушку и проспять недели две. Но тут же одёргивала и посылала в баню себя, не позволяя себе даже приближаться к кровати, пока ежевечерний ритуал подготовки к завтрашнему дню не будет выполнен до конца.

Поначалу обязательным завершением этого ритуала было посещение моего мира. Дело ли в магии Шепчущих Камней или в том, что потихоньку моё здешнее тело теряло связь с телом прошлым, но с замешательством и страхом я замечала, что днём воспоминания о том мире смазываются и теряют осязаемость — как случается с любым, даже казавшимся очень реальным сном. Что, если я забуду себя, забуду мою семью? Приходя на ум, эта мысль ошпаривала, делала спину потной в миг, и, словно человек с провалами памяти, еженощно я отправлялась в мой мир, чтобы ухватить ускользающую из рук реальность. Времени на сон после таких походов оставалось катастрофически мало, и в конце концов Весемир провёл со мной воспитательную беседу о пользе здорового сна и припугнул, что прекратит обучение, если я продолжу засыпать на ходу. Пришлось подчиниться, и, вместо ежедневных, путешествия в мой мир стали еженедельными.

Утренняя пробежка в одиночестве неожиданно мне даже понравилась. Мне не нужно было успевать за Эскелем, и я бежала в своем темпе. День за днём я замечала, что новое тело адаптируется к нагрузкам гораздо быстрее, нежели в прошлом мире. Совершенно точно дело было не только в возрасте, но и, возможно, в магии, которая пропитывала этот мир, и у которой с моим телом были какие-то свои взаимоотношения.

Через пару недель стало понятно, что зима и правда близко. Зарядили дожди, и небо почти всегда застилало низкие тучи. Замок выстыл, в коридорах сквозило, и согреться было

возможно только у камина и в тёплой духоте кухни.

Эскель выдал стальной меч из груди того металлолома, что я очищала от ржавчины. Мы стали больше времени уделять спаррингу. Весемир настоял, чтобы мы также отрабатывали приемы боя против гнильцов, утопцев и арахноморфов, так как с наступлением осени они всё чаще встречались в окрестных лесах. Я изучала манеру передвижения, нападения чудовищ, а также их уязвимые места. Потом новые знания нужно было продемонстрировать на муляже, а потом роль чудовища исполнял Эскель.

Получив вместе с новым телом его новую биохимию и гормональную систему, с удивлением и досадой я обнаружила, что частенько меня стали обуревать чувства, которые я не планировала испытывать до возвращения в свой мир, и была жутко недовольна собой, осознав, что мне выраженно нравится находиться рядом с Эскемем. И не только потому, что он был терпелив, добр ко мне и обладал мягким чувством юмора, но и потому, что он был мужчиной. Каждый день по несколько часов кряду он был рядом, в тесном контакте тренировок, и как бы ни были мучительны и сложны эти тренировки для тела, бежала я на них с радостью.

Временами, словно героиня любовного романа — того, где неминуемые объятия в кружевах и кринолинах на мягкой обложке, я засматривалась на его руки (Эскель всегда высоко засучивал рукава рубашки перед тренировками). А когда он дрался с Ламбертом, и я украдкой подглядывала, отвлекаясь от избиения соломенного манекена, в крови будто вскипали и бежали пузырьки, как в только что открытой газировке. Тело подводило, но как же хорошо, что мозги мои остались при мне! Поэтому я ничем не выдавала столь некстати возникающие реакции, тем более, что Эскель был моим наставником и тренером.

С Ламбертом было веселее — любое общение с ним вызывало прилив адреналина и жажду схватки, кто кого. В силе с ним я тягаться не могла, поэтому старалась не отставать в язвительности. Временами казалось, что наши отношения перерастают в хорошую дружбу. В другое же время Ламберт закрывался, обливал меня холодом и презрением, и о возможности дружбы я забывала до следующей оттепели.

Весемир начал учить знаку защиты Квен. С Аардом у меня уже стабильно получалось валить разные предметы, и нужно было только развивать силу. «Главное — повторение», — не забывал напомнить Весемир.

Квен — защитный знак, к счастью, стал получаться практически сразу. Экзамен на него я прошла неожиданно. Я в одиночку тренировалась на внешнем дворе и была так сконцентрирована на процессе, что не заметила, как Ламберт, до того ухаживавший за своей лошастью, незаметно появился сзади. Краем глаза увидела движение сбоку, на автомате сложила левой рукой Квен и почувствовала удар. Вернее, почувствовала инерцию удара, сам удар поглотил с треском Квен. Знак распался, я отпрыгнула в сторону и увидела, как Ламберт, держащий в руках двухметровую жердь, одобрительно кивает и показывает вытянутый вверх большой палец руки.

Первым желанием было наорать на него, но я также одобрительно закивала, вытянула вперёд правую руку и нарочито медленно разогнула средний палец. Видать, этот жест имел одинаковое значение в любых мирах, потому что Ламберт с палкой наперевес бросился в атаку. Я понимала, что убивать меня он вряд ли собирается, поэтому сосредоточилась и расслабилась одновременно, в меня будто вселился какой-то весёлый бес. Я уклонялась от молниеносных ударов, перемещалась по площадке и с каждым ударом меча срубала кусок палки Ламберта. Когда от неё осталось меньше метра и я уж чувствовала себя победителем,

Ламберт отвлек обманным манёвром и со всего маху вытянул меня по заднице остатком палки. Эх, а я уж размечталась, что могу с ним тягаться. Завершение боя было таким неожиданным, что я осела на землю и расхохоталась. Вслед за мной расхохотался и Ламберт. Мир был восстановлен.

Вечером ведьмаки вернулись к обсуждению планов. Установилась ясная, холодная погода, и ею следовало воспользоваться, чтобы съездить в деревню за припасами до того, как ляжет снег.

— Я согласен с планом, — сообщил Ламберт, и все удивлённо воззрились на него. — Однако предлагаю завтра всё-таки сделать рейд за утопцами.

— Я должен доварить эликсиры на продажу, — покачал головой Эскель.

— А я тебя и не прошу со мной идти, — Ламберт хитро прищурился. — Мы пойдём с Яной.

— Не может быть и речи! — хором заявили Весемир и Эскель.

— Не будьте папиками, ей нужна практика, — Ламберт заглянул в опустевший бокал с сидром и наполнил его доверху. — Квен она освоила, я сегодня проверил. Аард уже не плох, может растрепать утопцу причёску, а они этого не любят. Кстати, я заметил гнездо гнильцов в пещере, которая выходит прямо на Мучильню...

— Мучильню? — переспросила я.

— Ну да, на тропу, по которой ты ежедневно бегаешь, сюрприз, правда? — Ламберт отхлебнул сидра, и все последовали его примеру. — Ну а потом, что с ней сделается, она же будет со мной...

— Именно потому, что она будет с тобой, — перебил Эскель.

— Я хочу пойти! — заявила я.

Весемир с Эскемем переглянулись.

— Добро, — Весемир решительным хлопком по столу подвёл итог беседе. — Завтра утром пойдёте.

Перед сном я подготовила экипировку на завтрашний поход. Нашла давно примеченную куртку из толстой кожи с предусмотренными петлями для крепления защиты, нашла щитки на плечи, бёдра и голени. Штаны, сапоги и перчатки до локтя у меня уже были.

Позавтракали затемно, и Эскель выдал мечи из стойки, соседней с моим «мусорным» углом. Там хранили оружие получше, за которым регулярно ухаживали. Я взмахнула серебряным мечом, попробовала стальной. Они были легче, чем мой тренировочный, и ладнее лежали в руке.

Эскель же помог затянуть бесчисленные ремни на защите, и от его прикосновений снова приятно затомило внутри. «Господи, Яна, хорош уже, а?» — возвала я к разуму и отвернулась, лишь бы только не смотреть на него, уверенная, что проницательный ведьмак тут же всё поймёт, чего мне совсем не хотелось. Он закончил с пряжками, легонько хлопнул по спине и, секунду помедлив, также легонько дёрнул за туго сплетённую косу.

— Готово!

Весемир вручил по сумке через плечо с запасом бутербродов и по фляжке с водой.

— Гляньте, как мамушки и нянюшки расстарались, — Ламберт с усмешкой наблюдал за проводами. — Всегда буду тебя с собой брать, можешь даже меч не доставать. И из замка не выходить.

Мы пролезли в дыру в стене за колодцем и начали чертовски удобный по мнению Ламберта, но больше похожий на падение, спуск к озеру через камни, корни деревьев, обрывы, кусты и водомоины. Я старалась бежать след в след за ведьмаком, и, к счастью, моя скорость передвижения уже позволяла делать это без одышки.

Где-то на полпути Ламберт остановился.

— Мы уже близко, слушай сюда, — сказал он, и я удивилась перемене в его голосе — Ламберт был сосредоточен, внимателен и серьёзен, ни намека на саркастичность.

Таким моментом следовало дорожить. Я кивнула.

— Я буду использовать ведьмачье чутьё, твоя задача беспрекословно подчиняться моим сигналам. Ты не сможешь увидеть всего того, что вижу я. Рука вверх, вот так, — он согнул левую руку в локте и вытянул ладонь, — замереть, не дышать и не сходить с места до моей команды. Если даю указания голосом, ты без пререканий их выполняешь.

Я опять кивнула.

— Прямо под нами вход в грот, а вон там Мучильня.

И действительно, я узнала знакомый изгиб тропы, по которой ежедневно бегала, и мшистый камень на ней, с которого надо было прыгивать.

— В гроте поселилась семья гнильцов, обосновалась на трупе старого медведя. Гнильцов же ты уже проходила?

Я кивнула в третий раз. Если бы Ламберт мне что-нибудь продавал, то по расхожему мнению из нашего мира я бы в этот момент, наконец, это что-то купила бы.

— Значит, знаешь, что если гнильца не убить сразу, то от болевого шока у него начинается реакция, которая заканчивается при смерти взрывом. Наша задача убивать их с одного удара. За взрывающиеся железы, если они в целостности и сохранности, в деревне дают по тридцать оронов.

— А как мы в тесном гроте сможем убивать их с одного удара?

— А мы их выманим, — Ламберт достал из сумки объёмный свёрток в дерюге, развернул, и в нос ударило запахом тухлого мяса. Ведьмак аккуратно достал кусок, дополнительно завернутый в страницу полезнейшего трактата пророка Лебеды. — Вставай правее, я левее. Первых двух убьём с прыжка.

Он аккуратно сбросил мясо, которое покатилося по склону, собирая на себя труху и хвою, и приткнулось у входа в грот. Мы заняли места. Сердце бешено колотилось. Я глубоко задышала, и Ламберт недовольно покосился на меня.

— Выходят, приготовься, — едва слышно процедил он.

Из пещеры бочком, крадучись и прижимаясь к земле, вышли два гнильца. К моему ужасу тот, что справа, был чуть ли не вдвое выше левого. Я сосредоточилась, ладонь Ламберта была поднята. В следующий миг она сжалась в кулак, и мы прыгнули.

Ведьмак снёс голову левому гнильцу в прыжке, я же приземлилась на карачки перед носом своего, сориентировалась и прямо снизу сделала выпад серебряным мечом, разогнула ноги и пропорола живот чудовища вверх до грудины. Никогда не думала, что это будет так тяжело и так легко одновременно.

— В сторону! — крикнул Ламберт.

Отпрыгнув, я увернулась от когтей другого гнильца и с разворота загнала меч ему в шею. Из раны брызнула зловонная жидкость и облила меня с головы до ног.

Ламберт уже справился с остальными двумя, один из которых был поистине гигантского размера. Хорошо, что не он вышел из пещеры первым!

— Чистая работа, — похвалил ведьмак и выставил ладонь, чтобы я могла хлопнуть по ней. Однако только я занесла руку, он отдёргнул свою, — ну, не настолько чистая, как могла бы быть.

На нём самом не было ни капли грязи.

— Фу таким быть! — я вытерла руку в липкой слизи о траву. — Что дальше?

— Берём шкуры, зубы и железы.

К дальнейшему жизнь меня не готовила. Мне и дичь-то разделявать не доставляло удовольствия, а тут — гнильцы! Но я стиснула зубы и приступила к осваиванию ещё одного ведьмачьего навыка.

Железы Ламберт сложил в мою сумку, себе взял всё остальное.

— Вперёд, к утопцам! — весело скомандовал он. — Кстати, почему ты не использовала знаки?

— Я забыла про них, — честно ответила я.

Ламберт рассмеялся.

— Думаю, нам пора устроить привал и перекусить. Пока мы разделявали этих товарищей, я порядком проголодался.

— Что, прямо тут? — я выпучила глаза на красующиеся на поляне расчленённые трупы гнильцов.

— А что тебя смущает? — с полной серьёзностью спросил он, глянул на меня и захохотал. — Один-ноль в мою пользу. Пойдём вон туда, наверх.

Мы вскарабкались на камень, который пальцем торчал из склона и имел абсолютно плоскую, как стол, вершину. Сверху открывался потрясающий вид на долину — лес зелёно-жёлто-оранжевыми пятнами спускался к блестящему гладкому озеру, солнце освещало снежные склоны гор напротив. Я взяла бутерброд и устроилась на краю камня, свесив ноги. Мы ели в молчании. Ламберт, сидящий рядом по-турецки, задумчиво смотрел вдаль.

— Есть советы про утопцев? — спросила я, когда мы собирали вещи.

— Квен не забудь. И мочи их, как придётся.

Мы спустились к озеру, местами под ногами хлюпало.

— Держись за мной. Я беру левый фланг, ты правый.

Я достала меч. Мы уже шли по щиколотку в воде среди пожухлой травы и плавающих листьев. Сапоги чавкали по грязи.

— Начинаем! — тихо скомандовал Ламберт.

Мы замерли в стойках, а из воды, рыча, неслись к берегу с тучей брызг, как купальщики от акул, с десятков синих существ с характерными гребнями на загривках. Я наложила Квен и ждала. Резко выбросила руку с Аардом и чертыхнулась — ближайший утопек даже не подумал остановиться. Полоснула режущим ударом по его кистям и с прыжка рубанула по второму. Ко мне бежали ещё трое, а первый очнулся и набросился снова. Я ударила его Аардом, и утопек опрокинулся на спину. Потом занялась вновь прибывшими. Я пыталась не дать им окружить меня и носилась кругами, тесня их друг к другу. Треск Квена подсказал, что меня задели — это опять был тот первый неугомонный утопек. Бахнула его Аардом, и в этот раз ударная волна откинула его на пару метров. Восстановила Квен и ринулась на оставшуюся троицу.

В момент переката по взбаламученной жиже, чувствуя, как по волосам за шиворот заливается липкая холодная грязь, краем глаза я заметила, что Ламберт уже спокойно сидит на корточках, прислонившись спиной к чахламу деревцу, и с интересом наблюдает за происходящим. Меня обуяла ярость. Я шарахнула настырного первого новым Аардом и расправилась с ещё одним. Осталось двое плюс первый, а я уже начала уставать. Замедлила темп, отступила. С рычанием, переходящим в визг, утопек прыгнул, я увернулась и сделала выпад. Осталось двое. В который раз я грохнула Аардом первого и, наконец, он затих. Последний отнял больше всего времени и остаток всех сил, но я прикончила и его. В изнеможении опустилась на колени в хлюпающую грязь.

— Ты села в лужу, — радостно заметил Ламберт.

Он сидел такой спокойный, такой чистенький, что я подумала: «Сейчас или никогда». Делая вид, что изнемогаю от усталости, я согнулась над сумкой и незаметно достала одну из желез гнильцов. Разогнула и швырнула в него. Реакция Ламберта была молниеносной — он совершенно спокойно отклонился, и железа пролетела мимо лица, но ударилась в дерево за его спиной и разлетелась вонючим облаком.

— Один — один, — торжествующе сказала я, подошла к Ламберту и протянула руку ладонью к нему.

Прищурившись, он смотрел снизу вверх, явно размышляя, не стоит ли прибить меня прямо тут. Слизь гнильца стекала по его волосам на шею и капала за шиворот. Потом поднял руку, усмехнулся и хлопнул меня по ладони.

— С тебя тридцать оронов за железу.

— Согласна. Готова дать ещё тридцать за ещё один такой бросок, идёт?

— Идёт, но это будет последний бросок в твоей жизни.

Теперь настал черёд разделявать утопцев. Если бы прошлая я только знала, чем мне придется заниматься!

— Берём мозг и когти. С когтями осторожнее, они отравлены, ну, ты знаешь.

Увесистым ножом Ламберт надрезал кожу на голове утопца и ударил рукоятью в затылок, чтобы разбить место, где соединяются кости черепа. Теорию я знала, но увиденное

было уже чересчур. Почувствовав, что меня мутит, я метнулась в сторону многострадального деревца, где меня и вывернуло.

Обратно мы шли, нагруженные благоухающей добычей, сами от неё, в смысле запаха, не сильно отличаясь.

— Может, к обеду успеем, — мечтательно проговорил Ламберт.

— Что-то мне не хочется.

— Привыкнешь, — ведьмак дружески хлопнул меня по спине. — Ты молодец.

Я недоверчиво покосилась на него, но решила промолчать, чтобы не испортить такой исключительный момент.

В замке нас встретил Эскель. Забрал сумки с добычей и кивнул мне:

— В твоей комнате я наполнил бадью горячей водой.

— Эскель, ты лучший! Горячая ванна — это именно то, что сейчас нужно.

— А мне ты налил горячей воды? — ревниво поинтересовался Ламберт.

— Вообще-то, я был уверен, что тебе она не понадобится.

— Вот так вот, сплошная несправедливость и неравенство. Ламберт весь в говне и без ванны, а Эскель — лучший, — Ламберт схватил с кухни кипящий чайник. — Ставь новый, этот возьму я.

Отмокая в ванной, я думала о том, что очень счастлива. Такая схватка, и я не облажалась! С точки зрения ведьмаков гнильцы и утопцы это мелочь, но для меня это была первая битва и великая победа. В остатках тёплой мыльной воды я прополоскала одежду, решив постирать её вечером. Единственное, чего мне сейчас больше всего хотелось, это есть.

Было время как раз между обедом и ужином, однако, спустившись на кухню в поисках еды, я застала всех ведьмаков в сборе. Ламберт уплетал пряный гуляш, волнующий запах которого я учуяла ещё на башенной лестнице, и я тоже налила себе доверху тарелку и отрезала гигантский ломоть хлеба. В кухне было натоплено, пахло едой и потрескивал камин, а за окном темнел холодный осенний вечер, в который не надо было выходить. Ведьмаки обсуждали поездку в деревню.

— Нужно взять телегу, в седельные сумки всё не поместится, — Весемир, прищурившись, изучал лист со списком покупок.

Взял перо и дописал ещё один пункт.

— А можно мне тоже поехать? — попросилась я. — Очень уж интересно посмотреть на мир снаружи.

— Это как Эскель решит, — ответил Весемир, — может, вдвоём вам и легче будет управиться.

— Я не против, — кивнул Эскель, — ненавижу делать покупки.

— И я ненавижу, — радостно поддержала я, — будем ненавидеть вместе.

— С такими купцами нам не продать всё ненужное так, чтобы хватило на всё нужное, — съязвил Ламберт.

— Поехали с нами, — предложил Эскель.

— Ну уж нет. У меня лодка негулянная, и причал к зиме надо построить.

Остаток дня мы посвятили сборам. Я постирала и развесила в комнате у камина одежду, сильно надеясь, что она успеет высохнуть до завтра. Нашла тёплый плотный плащ с капюшоном и вскоре была готова.

Вечер мы провели в зале у камина. Весемир разрешил сегодня отдохнуть и ничего больше не изучать, поэтому я подвинула к огню кресло, залезла в него с ногами и блаженно дремала, потягивая сидр, под тихие звуки негромкой беседы, постукивание шахматных фигур и шелест страниц.

Ежедневное преодоление, тренировки, работа так поглотили меня, что прошлая жизнь, мой отдел, сотрудники, и даже семья казались чем-то далёким и ненастоящим. Исподтишка наблюдая сквозь полуприкрытые веки за ведьмаками, которые приютили и приняли меня, я всё больше не понимала, кто я в действительности — та или эта. Разум достался мне в наследство от прошлой меня, но была ли я тут самостоятельным человеком или только слепком, проекцией той я, сидящей в кресле в другом мире? Всё более я ощущала себя отдельной личностью. Да, у нас с прошлой мной общие воспоминания и цели — нам нужно снять проклятие Филиппы, или мы умрём. Но имею ли я право жить здесь свою собственную жизнь? Ведь после снятия проклятия я исчезну, умру, развоплюсь. Новое тело утверждало, что да, имею. Разум же решил, что он страус, и всячески отлынивал от неудобных вопросов. Уж слишком хорошо и покойно было тут, у камина. Как дома.

***

Ещё до рассвета Эскель успел запрячь вороного Василька в телегу и побросал в неё мешки с товарами на продажу. Конь недовольно встряхивался, перебирал копытами и пятился — упряжь ему категорически не нравилась. Эскель обнял его за голову и нашёптывал что-то в подрагивающее ухо. Я отогнала некстати появившуюся мысль о том,

что хотела бы быть на месте Василька. Конь несколько раз недовольно махнул чёрным хвостом и смирился.

Весемир поднял решётку ворот, Эскель повёл Василька под уздцы, я шла следом. Старый ведьмак помахал нам на прощание, и мы отправились в путь.

Телега охотно катилась под гору по сухой утрамбованной дороге. Я догнала Эскеля.

— А какое расстояние до деревни? И вообще, расскажи про неё, — попросила я.

— Вёрст семьдесят, думаю. Верхом мы бы управились за день, а на телеге доберёмся с ночёвкой. Скоро выйдем к Гвинлеху, который видно со стен Каэр Морхена. Истоки реки высоко в горах, здесь она набирает силу, мы пойдём вдоль неё. Потом Гвинлех спускается в Каэдвенскую равнину, и в Ард Каррайге, столице Каэдвена, он уже под сотню шагов шириной. А мы едем в деревню Износки.

— Износки?

— Ну, если точнее, Малые Износки. Большие лежат уже на выходе на равнину.

Василёк вдруг запрядал ушами и зафыркал. Эскель внимательно прислушался своим ведьмачьим слухом.

— Эндриагам не нравится, что кто-то заходит на их территорию. Можешь потренироваться, всё равно делать нечего. Только смажь меч маслом, там в телеге справа сумка.

Я боялась упасть в глазах ведьмака, поэтому без разговоров запрыгнула в телегу, нашла сумку с маслом от инсектоидов и смазала меч. Эскель остановил коня.

— А как мне их найти?

— Вон там, в десятке метров от телеги две особи.

Лихорадочно вспоминая, что знаю об эндриагах, я направилась в сторону, указанную Эскелем. Игни, к сожалению, я ещё не проходила, попробую Аард. Главный приём против этих чудовищ, похожих на бронированных лобстеров с повадками скорпионов, я помнила — следовало точно попасть мечом между пластинами панциря. А если удастся подсесть артерию на шее, то убить эндриагу получится с одного удара. Другое дело, что у них ещё есть мощные отравленные мандибулы, и они вряд ли позволят протыкать свои артерии без борьбы.

Я наложила защитный Квен и через пару секунд увидела самих эндриаг. Чудовищами, недовольными нашим вторжением, оказались эндриаги-воины, охраняющие территорию вокруг гнезда. Я атаковала без лишних разговоров, снесла ближайшей пару ног и воткнула меч в шею второй. К сожалению, я промазала, меч скользнул по панцирю впустую, и поэтому пришлось продолжать. Аардом я отбрасывала первую эндриагу и искала момент для атаки, попутно обновляя Квен, так как пару молниеносных ударов хвоста с ядовитым жалом я пропустила. В итоге, бедных членистоногих я уменьшала по фаланге, так и не сумев добраться до шеи, и только когда они уже не могли двигаться, оглушила каждую Аардом и добила.

Вернулась к Эскелю я вся в смущении и недовольная собой. Он посмеивался.

— Ничего, за два дня напрактикуешься.

Ниже по реке природа изменилась. Появилось больше лиственных деревьев, трава стала выше и гуще. Тут нам начали попадаться арахноморфы, похожие на переросших пауков-птицеедов. С ними было проще разделаться, так как у них не было такого мощного хитинового панциря, как у эндриаг, но взамен они ловко плевались липкими сгустками паутины. Вторую половину дня я провела в телеге, отрывая застывшую, как клей, паутину от

одежды.

На ночлег Эскель выбрал место подальше от реки на сухом уступе. С одной стороны нас прикрывала отвесная стена, с другой склон уходил ступенями вниз. Коня ведьмак выпряг из телеги и завёл к нам наверх, телегу же оставили уступом ниже.

В университете я ходила с друзьями в пешие походы и очень любила этот момент — когда дневной маршрут пройден, хозяйственные дела сделаны, и можно просто сидеть и смотреть на блики пламени и переливающиеся угли. Мы с Эскелем погрели мясо, я насадила хлеб на прутик и поджаривала на костре. К ночи температура упала ниже ноля, жаром огня жгло лицо, а спина мёрзла от холода. Эскель вздохнул и сложил второй костёр, между которыми я и улеглась, завернувшись в одеяло. Сам ведьмак остался медитировать.

На следующий день Гвинлех катил свои воды плавно и степенно, будто забыв, что с десяток вёрст назад шаловливо бурлил на порогах и обрушивался с уступов. Ближе к полудню стали встречаться первые путники. В основном это были охотники, которые так же, как и мы, направлялись на субботний рынок в Износки. Они не были склонны к разговорам, сдержанно кивали Эскелю, украдкой и с любопытством поглядывали на меня. Возможно, мой вид и правда был необычен для женщины — в полной защите, с двумя мечами и арбалетом за спиной. Но я вспоминала игру в третьего Ведьмака и Цири и старалась держаться так же уверенно, как и она.

К вечеру мы добрались до Износок. В деревне горели костры, из труб ладных, крытых камышом изб валил дым. Жители на улицах, судя по всему, готовились к празднику.

— Что происходит? — допытывалась я у Эскеля.

— Покров. Сегодня водят последние хороводы. Работы на земле окончены, начинается зимний сезон.

— Надеюсь, в гостинице будут места.

В единственной корчме, по совместительству и гостинице, осталась всего одна комната. Хозяин объяснил, что на праздник и на ярмарку съезжаются все окрестные сёла. Мы распрягли Василька и перетаскали в комнату мешки из телеги.

— Пойдём ужинать, заодно и узнаем, что в мире делается.

В душной корчме стоял дым коромыслом. Одинокий скрипач наяривал на скрипке, несколько пар в танце отбивали ритм каблуками. В углу шлёпали картами игроки в гвинт. Мощный мужик бандитского вида с четырьмя кружками пива, с которых капала пена, остановился у нашего стола.

— Пиво, милсдари... и милсдарыни, — осклабился он, — из еды сегодня только свиное колено, капуста и драники.

Эскель кивнул. Мужик грохнул о стол парой кружек.

— Всё будем, — Эскель щелчком подкинул монету, которую здоровяк ловко поймал.

— Благодарствую.

От пива и тепла меня разморило. Эскель же поднялся из-за стола и растворился в толпе. Мне не удалось спокойно уединиться со своим пивом — по соседству расселась развесёлая компания, и вскоре раздались слова, от которых девушки закатывают глаза в любом из миров:

— Девушка, а чтой-то ты такая грустная? Иди к нам, развеселим!

Мельком я оценила обстановку — четверо парней, может быть местные. Продолжила тянуть пиво, делая вид, что страдаю глухотой, и размышляла о том, что в драке я ещё не участвовала и очень не хочется начинать.

— Девушка, эй, девушка! — крики соседей стали громче.

Один из храбрецов вылез из-за стола, покачнулся и, подбадриваемый товарищами, перелез через лавку напротив меня.

Я сделала самое кислое лицо из возможных. В жизни я и так была счастливым обладателем того типа лица, которое в расслабленном и безмятежном состоянии кажется окружающим презрительным или недовольным. А уж с кислой миной шансы охладить пыл были стопроцентными. Однако, я не приняла в расчёт свой новый юный возраст и то, что за окном стояло средневековье, а не двадцать первый век. Тут поднятой бровью не отделаешься. Отсутствие интереса со стороны молоденькой девушки лишь раззадорило молодцев, и вот уже я слушала: «Ты чо?», «Смотрите, какая сухариха выискалась!», «Наш Идзек, значит, мордой не вышел?». Я вздохнула.

— Милый, шёл бы ты отсюда, пока мужик мой не вернулся, — наклонилась я к самодовольно лыбящемуся напротив Идзеку. — Ой, уже поздно!

К столу подошёл Эскель во всей своей красе, в куртке с шипами и с мечами за спиной. Бедный Идзек запутался в лавке и упал бы, если бы его не подхватили под мышки товарищи.

— Всё в порядке? — Эскель сел.

Весьма кстати нам в тот же момент подали еду.

— Теперь уже да. Приставалы.

Эскель резко обернулся в сторону соседей, но тех уже и след простыл.

— Узнал что-нибудь интересное?

— М-м, что? Да. Хенсельт потерял долину Понтара после неудачного штурма Вергена и вроде как успокоился, но это мы и так знаем из письма Геральта. Но народ не верит в мирную передышку — ходят слухи, что чёрные готовятся к третьей войне.

Я поёжилась. Я-то знала, что война будет. Сейчас 1271 год, значит, в следующем году.

— А что до деревни, то всё спокойно. Сегодня в ночь молодёжь выйдет на последние хороводы, будут через костры прыгать. Каждый год так. А потом жениться будут до упаду, — Эскель зевнул. — А завтра и в воскресенье ярмарка. Я договорился о месте на рынке, распустил кое-какую информацию о том, что мы привезли. Надеюсь, завтра быстро всё распродадим, и в идеале, завтра же и закончим с покупками. Я — спать. Ты идёшь?

Я осмотрелась. Молодёжь из корчмы ушла, остались лишь те, кто решил пить до конца, да картёжники.

— Мне любопытно что там, на хороводе. Я только гляну и вернусь.

— Ладно, но давай недолго, потому что потом я буду считать, что что-то случилось, и пойду тебя искать. А мне не хочется, я бы поспал.

— Договорились, я только глянуть.

Я вышла из корчмы. На ясное небо высыпали звёзды, морозный воздух пах дымом и осенью. Из-за палисадника на меня забрехала собака.

— Ухожу уже, ухожу, — проворчала я, поправила нож на поясе (мечи я решила не брать) и пошла на свет костров в центр деревни, откуда слышались музыка, смех и голоса.

У самого большого костра толпился народ, я оглядывалась по сторонам и видела только молодые лица. В центре круга ладный юноша играл на свирели, а трое девушек исполняли задорную песню и отстукивали ритм бубнами и трещоткой. Пели и играли они виртуозно, что было удивительно для небольшой деревни в сотню домов. Девушки непринужденно раскладывали мелодию на три голоса, а парень мастерски им аккомпанировал.

Потом толпа задвигалась, забурлила. Молодёжь бралась за руки, и вот уже и меня

схватила смешливая парочка — девушка с одной стороны, парень с другой, и мы понеслись вокруг костра. Все явно знали последовательность движений, и скоро хоровод распался, часть участников взялась за руки, подняла их над головой, а остальные забегали внутрь и хватали себе пару — в точности «ручеек», в который мы играли в детстве.

Выбравшись из игры, я стала бродить в толпе и глазеть. Многие уже разбились на парочки, гуляли между костров и пританцовывали.

Я уже подумывала было вернуться в корчму, когда моё внимание привлекла девушка, которая так же как и я, была без спутника и легко скользила в толпе между людьми, не приближаясь к кострам. На ней была светлая накидка, капюшон лежал на плечах, иссиня-чёрные прямые волосы опускались ниже пояса. Я обошла кругом — мне захотелось увидеть её лицо, потому что она не была похожа на деревенских жителей. Выполняя манёвр, я потеряла девушку из виду и уже развернулась было, чтобы уйти, когда столкнулась с ней лицом к лицу.

Она была совсем юная и прелестная. Белая кожа, чёрные дуги бровей, нежный небольшой рот, неяркий румянец и глаза, синеву которых можно было рассмотреть даже при свете костра — её лицо было идеальным. Я ощутила, что тону в этих глазах, и зачарованно смотрела на неё.

— Кто ты? Меня зовут Маренка.

Дыхание перехватило, и я незаметно сконцентрировалась, вернула на миг моё видение пустоты. Наваждение спало. Интуиция подсказала, как нужно действовать.

— Меня зовут Яна, госпожа, — я вежливо поклонилась.

Она задержала на мне равнодушный взгляд, едва заметно кивнула и скользнула дальше. Ей вслед поворачивались головы, люди расцепляли ранее сомкнутые руки. Девушка исчезла в толпе.

Я помотала головой и поняла, что вспотела. Ну, в баню, это всё. Я иду спать!

В комнате Эскель медитировал, сидя на полу. Увидев меня, кивнул и перебрался на кровать. Я погасила свет, разделась и залезла под одеяло в свою постель.

— Спокойной ночи, Эскель.

— Спокойной ночи, Яна, — уже сонно ответил он.

КАЭР МОРХЕН. Глава 7. Пропавшая девушка

Наутро с рассветом мы заняли наше место на рынке. Не то вчера вечером Эскель провел отличную маркетинговую работу, не то товары ведьмаков были дефицитом, но у нашего прилавка постоянно толпились покупатели и зеваки. К моему удивлению, первыми ушли четыре железы гнильцов, на которые мы выставили цену в пятьдесят каэдвенских марок, причём расхватили их женщины.

— Зачем они им? — недоумённо спрашивала я Эскеля.

Тот смеялся и пожимал плечами. Местная травница скупила внутренности туманников, мозги утопцев и сушёные эмбрионы эндриаг. Бронники и оружейники брали шкуры и когти чудовищ и масла для клинков. Охотники — мази для заживления ран и эликсиры Белый мёд и Кошку. Женщины к Белому мёду покупали Слезы жен, с помощью которого можно было мгновенно снять опьянение. Других эликсиров мы не продавали — для обычных людей они были слишком токсичны. Даже Кошку и Слезы жён нужно было использовать только вместе с Белым мёдом, не то отравления не избежать.

Я аккуратно заносила поступления в тетрадь и чувствовала себя в своей стихии. Эскель в виде живой рекламы расхаживал по ту сторону прилавка и объяснял покупателям свойства товаров, я же заворачивала, отсчитывала и записывала.

По ходу дела мне пришлось разобраться с курсом валют, так как народ расплачивался, чем придётся. К концу дня у нас было 3960 каэдвенских марок, 2500 орен. Сейчас орен, валюта Темерии, примерно равнялся по стоимости марке, но его курс постоянно снижался, так как в Темерии продолжалось безвластие. Вдобавок мы заработали 580 нильфгаардских флоренов и 1090 новиградских крон. По сегодняшнему курсу в марках мы выручили немногим больше двадцати тысяч — огромные деньги по местным меркам, учитывая, что за сотню новиградских крон (или семьсот марок) можно было купить отличного коня, а пуд муки стоил всего марок двадцать. Кожаный мешок, куда мы складывали выручку, был тяжёл, как гиря.

— Ничего, будем закупаться, избавимся от марок и орен, и кошель полегчает. Давай его сюда, положу в безопасное место, — Эскель запихал мешок в заплечную сумку.

Мы продали за десять флоренов все остатки скопом ушлому торговцу, ожидавшегося своей очереди, и стали собирать пустые мешки. Тут я заметила, что к нам направляется пожилой мужчина, который уже некоторое время нерешительно переминался с ноги на ногу недалеко от нашего лотка.

— Милсдарь ведьмак, позвольте побеспокоить!

Эскель пожал его руку.

— Приветствую, Юлиуш, — сказал он. — Неужто у самого старосты дело к ведьмаку?

— Был бы рад, чтобы не было, милсдарь, да меня спросить забыли, — староста огладил бороду и почесал затылок. — Тут, значит, вот какое дело... А пойдёмте до корчмы, и девушку вашу берите, я дело и объясню.

Мы с охотой поддержали его предложение. Расположились за столом в углу, и вчерашний официант тут же наметал полный стол снеди — сказывалось присутствие старосты. Тот важно кивнул и повернулся к нам.

— Так вот, праздник сейчас у нас. Вчера хороводы водили, сегодня свахи по избам пойдут. Радостное время. Да вот такая незадача, что пропала девушка у нас одна. Бабка

ейная вчера приходила. Голосила, как блажная, обеспокоила общественность... Бетка-то сирота, с бабкой и живёт, а тут ушла в лес и исчезла. А старуха нам спуску не даст, дурной глаз у ней, попортит свадьбу. Вот я, значит, и послал пару охотников, да вернулись они ни с чем. Найдите, милсдарь, Бетку, в накладе не останусь. А то жена моя и говорит, ссориться начали молодые-то, вчера ещё танцевали, а сегодня видеть друг друга не хотят. Думает она, бабкин это сглаз.

— Возьмусь, отчего нет, мне бы только с покупками успеть.

— Так завтрава ярмарка ещё открыта, да и протекцию вам осуществлю, списочек-то оставьте, что надобно. Лучшую цену организую.

Эскель попросил у корчмаря лист и перо и выписал для старосты добрую половину из нашего перечня припасов. Юлиуш спрятал бумагу за пазуху лёгкого тулупа.

— Мне понадобится поговорить с бабушкой Бетки, чтобы начать поиски, — сказал Эскель.

— Так по главной улице идите, крайний дом слева.

Мы рассчитались за обед, закинули пустые мешки в комнату и направились на поиски дома старушки. Я радовалась и волновалась одновременно — первый раз на ведьмачьем заказе! Эскель был спокоен, но мрачен.

— Не нравятся мне истории с пропавшими девушками. Чаще всего они очень плохо заканчиваются, — пояснил он и постучал в дверь указанного дома.

Хата была маленькой, но опрятной. На стук дверь распахнулась, а на нас обрушился поток брани. Грузная старуха упёрла руки в боки и сообщала всему миру о том, что думает о тех, кто тревожит её, особенно если он мутант или мутантова девка. Эскель поморщился, незаметно сложил пальцами Аксию.

— Добро, бабушка, нас прислал староста, чтобы найти твою внучку. Расскажи нам всё, что знаешь.

Старуха пару раз открыла и закрыла рот, как рыба, выброшенная на берег, потом посторонилась и пригласила войти. Эскелю пришлось пригнуться, и я шагнула за ним в тёмную комнату. Мы сели на лавку под окном.

— Бетка моя пропала, — старуха подслеповато моргнула и вытерла передником покрасневшие, вдруг набрякшие слезами глаза. — И так не от мира сего была, ходила вся в думах, мечтала... Но работница была хоть куда, и слова поперёк я от неё ни разу не слышала.

Я подумала о том, что это неудивительно, учитывая бабушкин боевой характер.

— Когда вы в последний раз её видели?

— Дак в четверг, когда парни ходят и на хоровод зовут девок, кто им приглянулся. Так моя дурёха целый день дома сидела, Марека ждала.

— А это кто? — уточнил ведьмак.

— Да чего уж тут, самый видный парень в Износках. На свирели дудит, из семьи богатой — дом ихний у рынка, с резными наличниками. Половина девок по нему изводится, вот и Бетка моя туда же. Ждала его до вечера, а потом сказала, что хворосту принесёт. Пошла в лес да и сгинула, — она опять промокнула глаза передником.

— Мне нужно что-то из её вещей, то, что она часто носила, — попросил Эскель.

С вешалки у двери старуха вытянула вязаный платок.

— Вот, ушла не покрывшись, а вечерами уж холодно.

Даже я почувствовала слабый хвойный аромат, когда Эксель взял платок в руки.

— Пихта, сосна, толика кедра, — задумчиво перечислил он, — она использовала

эфирные масла?

— Да, любила запах хвои, все свои сбережения извела на пузырьёк той весной, я уж её ругала-ругала, — старуха опять начала всхлипывать. — Найдите Бетку, живую или мёртвую, милсдарь ведьмак!

Эскель кивнул. А действие Аксия бабульку явно отпускало.

— А чегой-то за девушка с вами? Мечи, ножики, не годно это, а глаза-то обычные.

— Моя ученица, — ровно ответил ведьмак.

Мы вышли на воздух. Меня распирало от гордости. Эскель усмехнулся.

— Ладно, давай за работу. Это хвойное масло нам здорово поможет.

Он сосредоточился, замер, поводя носом, как ищейка.

— Туда, — махнул рукой к выходу из деревни.

Мы направились к лесу. У опушки послышалась мелодия, и навстречу выпорхнула стайка юношей и девушек. Впереди, играя на свирели, шёл Марек — именно его я видела вчера у костров, статный и красивый. А рядом с ним, легко касаясь ногами в белых сапожках земли, ступала та самая прекрасная Маренка. Марек пританцовывал, увивался вокруг неё, и было видно, что играет он лишь для неё одной.

Мы разминулись, и я поделилась с Эскемем вчерашними наблюдениями на хороводе.

— Это нехорошо. Очень нехорошо, — проворчал он. — Что-то с этой девушкой не так, я тоже заметил. Но ты говоришь, что твоё видение из медитации помогло освободиться от наваждения?

— Да. Правда, не понимаю, зачем я ей кланялась, но тогда это казалось единственно верным решением.

— Возможно, оно и было верным. Но главное, что ты можешь обращаться за помощью к силе, которую открыли в тебе камни. Используй это.

Мы сошли с тропы. Эскель опять погрузился в себя, и, ведомые его ведьмачьим чутьём, мы следовали за слабым запахом хвойного масла в глубь леса, уходящего вверх по склону горы. Из опавшей листвы выглядывали массивные белые камни, и чем выше мы забирались, тем больше их всплывало из-под земли. Было сухо, листья шуршали под ногами, но тонко пахло осенней грибной сыростью и мхом.

Путь вывел к обрыву. Из расщелины высоко вверху хлестала струя воды, падала, разбиваясь о скальные выступы, и весёлым ручейком устремлялась на встречу с Гвинлехом.

— След обрывается, — констатировал Эскель, посмотрел вниз в расщелину и выругался.

Мы сделали крюк и спустились к ручью. Прошли вверх по течению до водопада, где струя низвергалась в круглый каменный бассейн, откуда брал начало ручей. На камнях лежало на боку тело девушки. Голова лицом вниз свешивалась в воду, руки и ноги были вывернуты под неестественными углами. Казалось, ещё миг, и она подтянет руку, оправит юбку, задравшуюся на плечи, распрямит ноги в грубых шерстяных чулках. Чем-то нереальным, безотчётно тревожным и жутким веяло от её неподвижности. Тонкая муравьиная дорожка пересекала белую бескровную ладонь и по рукаву рубахи утекала под мышку.

— Бери за ноги, — скомандовал Эскель и приподнял Бетку за плечи.

Я взялась за твёрдые, раздувшиеся над туго затянутыми башмаками щиколотки, и мы отнесли девушку подальше от воды. Эскель перевернул её на спину. Я расправила на ней юбку, стараясь не смотреть на мертвенно-белое лицо и зияющую на месте лба вмятину.

— Привыкай, это наша работа, — сказал Эскель, глянув на меня. Помолчал, отвёл в

сторону волосы со лба девушки: — Кровь вымыла вода. Что же, боюсь, мы принесём плохие вести про Бетку. Но меня больше интересует другое...

Он поднялся с корточек и прошёл в глубину за воду, лившуюся сверху. Там оказался низкий грот, а у дальней стены виднелось нечто похожее на алтарь — плоский камень, посередине которого была установлена деревянная фигура. Очертания фигуры едва угадывались, так как дерево расслоилось от постоянного воздействия воды, но это явно была статуя женщины. У её ног стояла грубо выдолбленная из камня чаша в однозначно узнаваемой форме черепа.

— Нехорошо, — опять повторил Эскель и провёл пальцем по плоскому камню. — Сюда попали брызги крови Бетки. Плюс вся та кровь в бассейне...

Он глубоко задумался. Потом попросил ещё раз рассказать о вчерашней девушке. Помолчал.

— И староста обмолвился, что молодые люди начали ссориться. Всё сходится. Пойдём назад.

Я сгорала от любопытства. По дороге Эскель всё-таки заговорил.

— Это древний алтарь, его не использовали больше сотни лет. Он принадлежит Маре, богине зимы и смерти.

— Маренка! — ахнула я.

Эскель кивнул.

— Лишь только у неё была чаша из человеческого черепа. Кровь Бетки помогла ей воплотиться, и теперь Мара желает жить. И у неё это получится, как минимум до весны.

— А чем это грозит?

— Может быть и ничем, да вот только сомневаюсь, что юноши из деревни захотят смотреть на других девушек. По легенде, Мара жаждет испытать человеческие чувства, которых она лишена. Любовь. Вряд ли это ей удастся, конечно, но кто знает, сколько ещё будет таких вот самоубийц. Если уж даже на тебя подействовали её чары, что говорить о парнях.

— И что же делать?! — воскликнула я.

— Покупать сани, — ответил Эскель и не проронил до деревни больше ни слова.

В деревне мы и правда пошли первым делом к мастеру. Эскель продал ему нашу телегу и купил взамен сани. Тот смотрел на нас, как на умалишённых.

— Теперь мне нужна твоя помощь, — сказал ведьмак, когда мы вернулись в корчму.

Я радостно закивала, однако он всучил мне Весемиров список.

— Сейчас я пойду к старосте, чтобы до темноты они успели принести тело с ручья. А твоя задача проследить за припасами — они должны быть собраны и упакованы. М-м, кроме живности, её заберём завтра. Завтра же сходим к броннику и оружейнику.

— А как же Мара и всё такое? — разочарованно протянула я.

— Я отправлю мужиков за телом, а сам пойду к Мареку. Есть у меня сильное подозрение, что только он сможет помочь.

Эскель ушёл, а я отыскала хозяина корчмы, которому староста поручил собрать для нас припасы. Тот выдал ключ от чулана, где я нашла муку, крупы, колбасы, сыры, специи и далее по списку, всё собранное и аккуратно упакованное. Проставила галочки у каждого пункта на листе и отправилась ждать в нашу комнату. Хозяин корчмы перехватил на полпути:

— Сударыня, извольте на живность глянуть, тугоньки.

Он провёл через обеденный зал в сарай, пристроенный сбоку корчмы. В отдельном загоне задумчиво топталась серая коза и меланхолично жевала сено.

— Лучшая коза в деревне, ведро молока в день даёт. А здесь поросята, трое ваших. Сегодня они ещё с мамкой побудут, а завтра заберёте. Они без титьки уж нормально живут.

На соломе лежала на боку, как выброшенный на берег кит, гигантская свинья, и вокруг носилось шгук восемь поросят. Вздохнув, я изобразила на лице искренний восторг, поблагодарила мужика и улизнула в комнату.

Ожидание было невыносимым, и я уселась медитировать. Эскель вернулся незадолго до заката.

— Медитация? Отлично! Пойдём быстро перекусим, и я уйду.

Он скрылся за поворотом крутой лестницы, ведущей в обеденный зал корчмы, и я вприпрыжку побежала за ним. У меня было миллион вопросов.

— Ну расскажи же, — взмолилась я, когда мы уселись за стол в ожидании еды.

— Бетку нашли и принесли в деревню. Про Мару я Юлиушу рассказал. К счастью, он достаточно стар и даже вспомнил, какие истории ходили про алтарь в его детстве. А потом пошли мы с ним Марека уговаривать.

— Ты будешь её убивать? — замороженно прошептала я.

— Зиму невозможно убить, — Эскель улыбнулся. — Но я буду пытаться развоплотить её обратно. А для этого нужна помощь Марека — он тут центральная фигура и интерес обеих девушек. Проблема в том, что он по уши влюбился в Маренку и совершенно не хочет, чтобы она исчезла.

— И как же быть?

— Ну, я применил Акий, потом снял с парня наваждение. Он даже вспомнил свою прежнюю невесту, Купаву. Сразу после ужина мы выдвигаемся.

— А я?

— Нет. Я всегда за то, чтобы у тебя была практика, но сейчас не тот случай, — Эскель накрыл мою руку ладонью, и у меня жарко вспыхнули уши. — Надеюсь, даже меч не

понадобится. Мне нужно будет лишь следить, чтобы Марек не уснул и делал, что должен.

Мы расплатились за еду, Эскель встал.

— Удачи, — тихо напутствовала я.

Полночи я вертелась в постели, волновалась и злилась на Эскеля. Как можно быть таким близким и таким далёким одновременно? Потом меня сморил сон. Во сне я слышала звуки свирели.

***

Утром я подскочила на кровати. Эскеля не было. Я торопливо оделась и выбежала во двор. На улице стояла тишина, и в этой тишине крупными пушистыми хлопьями падал снег. Поразмыслив, я направилась в сторону рыночной площади. Торговцы только начали раскладывать товары, сетуя на погоду и смахивая сугробы с прилавков.

В конце улицы, уходящей в лес, шевелились тени, едва различимые в густо валящем снегу. Я заспешила туда и уже достигла дома Бетки, когда из-за деревьев показалась группа людей. Первым я заметила Эскеля, который был на голову выше остальных, и выдохнула с облегчением. Четверо мужиков тащили кого-то на одеяле, тут же был и староста. Когда они поравнялись со мной, оказалось, что на одеяле лежит Марек, и белое, бескровное лицо его было обращено в небо. С порога Беткиного дома провожала процессию тяжёлым взглядом старуха в чёрном.

— Он жив? — тихо спросила я Эскеля.

— К счастью, да, но выкарабкается не сразу. Этот идиот таки поцеловал Мару. Пришлось тащить его на спине до самого низа, где меня ждал староста с охотниками.

Пока я воздержалась от расспросов. Из нарядного дома у рынка выбежала румяная полная женщина, наверное, мать Марека, и заголосила. Староста успокоил её, Эскель распорядился о том, какой уход нужен юноше.

Мы вернулись в гостиницу. Ведьмак завалился на кровать и объявил, что ему нужен час, чтобы прийти в себя. Не зная, чем заняться в это время, я отправилась слоняться по деревне. Всюду кучками собирались люди и пересказывали последние новости. Я видела, как в дом Марека постучала стройная девушка, и её впустили внутрь. На рынке царил ажиотаж. Все стремились закончить дела до того, как снег, который и не думал останавливаться, заметёт дороги.

— Я ж грю, саней нет! Нету саней, всё продал! — услышала я вопли уже знакомого нам ремесленника. — Вот, милсдарыня ведьмачка, подтвердите этому господину, что эти сани не продаются!

Я сурово вперила взглядом в щуплого мужика, который вцепился в борт наших саней и не желал отцепляться.

— Это сани ведьмака! — гаркнула я и грозно зашевелила бровями. — Хочешь купить, иди к нему.

— Нет уж, сударыня, не извольте волноваться, — мужичок попятился и исчез в толпе.

— Экий настёрный. А вы-то, милсдарыня, вовремя сани купили, оставшиеся у меня с руками оторвали. Куда б теперь телеги деть, я-то думал их продам.

— А нельзя телегу вместо колёс на полозья поставить? — спросила я.

— А чего ж нельзя, можно! — лицо мужика просветлело, а потом опять затуманилось. — А ежели снег сегодня стает, а у меня телеги с полозьями?

— Купил бы ведьмак сани, если снег стает? Но вы как знаете.

Я оставила ремесленника чесать затылок и двинулась в сторону гостиницы, довольная,

что наши сани на месте. Проходя мимо рыночных рядов, я вдруг увидела её — шляпу моей мечты. Кожаная, с аккуратными слегка загнутыми по бокам полями, не совсем как у Индианы Джонса, но того же стиля. Я даже не стала сбивать цену — отсчитала торговке двести каэдвенских марок и нахлобучила шляпу. «Мне ещё нужен хлыст. И сапоги со шпорами, и куртка с бахромой», — размечталась я.

Эскель уже проснулся и ждал меня в корчме к завтраку. Я смахнула со шляпы снег и гордо села.

— У меня обновка! А ещё я отстояла наши сани. Знаешь ли, на сани сегодня ажиотажный спрос.

— Поэтому мы купили их вчера, — невозмутимо ответил ведьмак.

— Ну расскажи же, пожалуйста, откуда ты знал? И что произошло ночью?

— Я не знал, но догадывался, что если удастся Мару развоплотить, то настанет зима. Она ведь уже проснулась, хоть и в виде девушки. А зима — это снег. Всё просто.

— Да уж, элементарно, Ватсон, — Эскель приподнял бровь, я рассмеялась. — Забудь, это из одной истории из нашего мира, потом расскажу. А что было ночью?

— Мы пришли на место. Марека я накачал эликсирами, чтобы наваждение его не брало. Ну и Аксий мне надо было применять всю ночь напролёт, из засады. Мы наполнили чашу, ту, в виде черепа, кровью парня.

— И Мара тебя не заметила? А он дал кровь без возражений?

— Я был очень убедителен, так что почти без возражений. Мареку нужно было всю ночь играть для неё на свирели, — Эскель отставил тарелки и неторопливо продолжил. — Едва стемнело, появилась Маренка, как из-под земли. Я следил сверху, с утёса, откуда спрыгнула Бетка. Далековато для Аксия, но более-менее безопасно. Марек играл, а она опустила молча рядом, обняла его. Так они и сидели — он играл, она слушала. А незадолго до рассвета эликсиры уж перестали действовать, Аксий его больше не брал, ну, он и поцеловал её.

— А потом? — меня разрывало от любопытства.

— А потом, к счастью, наступил рассвет. Поцелуй прервался, и Мара исчезла. Если бы не рассвет и если бы целовались они дольше, парня было бы не спасти. Мара просто отправилась бы искать других жертв, и ничего бы не получилось. Её надо было продержат у чаши с кровью до первого света. Так что, она исчезла, и пошёл снег. А я понял, что всё удалось. Спустился к нашему герою-любовнику и потащил вниз.

— А чаша?

— Чаша была пустая, когда я его забирал. Мара приняла дар. Так-то! — Эскель улыбнулся. — Пойдём до бронника, а потом к оружейнику. И пора уезжать, пока дороги не завалило окончательно.

У бронника, помимо вещей из списка, мы купили мне новую куртку из укреплённой кожи с уже нашитыми накладками из метеоритной стали на плечах и руках. Куртка была красивой, но значительно тяжелее моей старой. Ещё я вцепилась в меховые унты (во всяком случае, выглядели они так, как наши унты). Мне не улыбалось ходить по снегу в кожаных сапогах на каблуке. Эскель посмеивался над моей шляпой, на которой быстро нарастал сугроб.

— Вы с Ламбертом будете два сапога пара в шляпах.

— Мы с Ламбертом два сапога пара, да оба левые, — вспомнила я продолжение пословицы. — Но зато в шляпах!

Мы отдали мечи на правку оружейнику, пополнили запас арбалетных болтов. Пока ждали мечи, я ещё докупила у давешней торговки вязаные варежки, носки, шарф и легчайшую жилетку из лисьей шкуры, которую можно было надевать прямо поверх брони.

Староста ждал нас в корчме и сиял как новый пятак.

— Милсдарь дорогой ведьмак, вот и вы. Низко кланяюсь за избавление от напасти. Был сейчас у батьки Марека, парень спит, на лицо румянец вернулся, а ведь был белый как снег.

— Только вот снега-то теперь и навалит.

— Дак это же хорошо! Гости из окрестностей в Износках задержатся, больше товаров купят, больше денег за постой и еду заплатят. Нам-то ехать никуда не надобно, к зиме мы готовы.

Староста помедлил.

— Мы люди небогатые, но отец Марека благодарность передать велел. Единственный сын, как никак... Если изволите, милсдарь ведьмак, в счёт оплаты возьмите товары и живность, что мы для вас собрали. И вот медвежью шкуру для вашей девушки в придачу, домой-то вам добираться далече.

Пока я соображала, прикидывая, сколько мы в итоге заработали, Эскель кивнул.

— Да будет так.

Мы погрузили в розвальни клетку с поросятами, небольшой запас прессованного корма в дорогу. Привязали Колокольчика-2 позади саней, плотно набили мешки с припасами, расставили бочки. Я любовно приткнула медвежью шкуру — она была огромная, пушистая и лёгкая, с длиннющей шерстью.

— Может быть, нам стоило купить ещё одну лошадь? — спросила я Эскеля. — Я могла бы практиковаться в верховой езде.

— Тут мы вряд ли найдём хорошую лошадь. А потом нам придётся содержать её всю зиму. Лучше купим тебе лошадь весной. Практиковаться можешь на Васильке.

Конь обрадовался свободе, немного поартачился, но полный сил потянул сани прочь из деревни. Снег хрустел под полозьями, поросята недовольно хрюкали, коза звенела колокольчиком. «Яна Джонс и ковчег с приветом», как мысленно я окрестила наш табор, удалялись всё дальше в горы.

Путь домой занял четыре дня. Сани увязали в снегу, и приходилось раскапывать дорогу, благо запасливый Эскель, оказывается, прихватил в деревне пару деревянных лопат.

Коза недовольно мемекала и на стоянках рыла снег, чтобы добраться до зелёной травы. А снегопад всё не прекращался. Воды Гвинлеха казались чёрными на фоне белоснежных берегов.

По пути у меня опять была практика, в том числе по стрельбе из арбалета. На этот раз нас донимали гарпии. Мы не брали с них никакой пользы, сани и так были перегружены.

Ночевали у костра. Я укладывала на снег толстую подстилку из лапника и с головой заворачивалась в медвежью шкуру. В первую ночь Эскель остался медитировать. На второй же ночёвке ему, видать, надоело мёрзнуть, и, пока я спала, он просочился под шкуру со стороны моей спины. Проснувшись я глубокой ночью, почувствовав на боку тяжёлую руку. Приоткрыла глаза и сквозь длинный медвежий мех увидела, что костёр погас. Однако спине было тепло, а в груди стало жарко. «Глупая девчонка, это совершенно ничего не значит! Лишь походная необходимость и средневековая непосредственность, — урезонивала я себя. — Будь на моём месте Ламберт, они спали бы так же».

Днём, пока мы неспешно шагали по пухлому снегу, ведя под уздцы Василька, с натугой переступающего тонкими стройными ногами, я пересказывала Эскелю приключения Шерлока Холмса. Начала с моей любимой «Пёстрой ленты».

— А у Шерлока точно глаза были обычные? Сдаётся мне, он был ведьмаком, — сделал вывод Эскель.

Незадолго до заката на четвертый день похода показали на горе очертания Каэр Морхена.

***

Когда мы распаковались, Весемир рассказал последние новости. Снега навалило так много, что часть замковой крыши обрушилась. Обвалом повредило стену у арсенала, и оружие оказалось погребено под камнями.

— Ох, арсенал обязательно нужно расчистить! — воскликнула я.

— Ты что-то знаешь? — с подозрением спросил Ламберт.

Я кляла себя за болтливость, а Весемир веско произнёс:

— Ламберт, мы уже обсуждали это, и я повторю вновь — мы не станем расспрашивать Яну о будущем. Если оно мрачно, мы поддадимся мрачности и не сделаем того, что могли бы. Если оно безмятежно, мы не будем достаточно осторожны. Яна, эти слова касаются и тебя — остерегайся раскрывать будущее, — старый ведьмак помолчал. — Впрочем, аккуратно сформулированные советы мы с радостью примем, и про арсенал я тебя услышал.

Он внимательно и цепко посмотрел мне в глаза:

— Что-то ещё?

— Да, — кивнула я, втайне радуясь, что он спросил. — Чёртова стена, её всё-таки надо заделать.

— Ну вот, у нас есть программа увеселений на зиму, — Весемир хлопнул по коленям и встал. — А теперь — ужин!

Ужин был поистине королевским. Мы распаковали часть привезённых деликатесов: нежный сыр, мягкую колбасу, соленья, белый хлеб. Ламберт разлил крепкую вишнёвую

настойку ведьмакам и откупорил для меня бутылку содденского вина с южного берега Яруги. Эскель рассказал про наши похождения.

— То есть вы не потратили ни гроша на припасы? — удивился Ламберт.

— Представь себе, наша команда сработала на отлично, — улыбнулся Эскель.

Следующие дни ушли на то, чтобы привыкнуть к уходу за расширившимся хозяйством. Поросят поселили вместе с козами в загон, курам смонтировали высокие насесты. Я заквасила капусту в двух дубовых бочках — теперь и зима не страшна. Ведьмаки пропадали в арсенале, расчищая его от камней, и строили планы, как починить крышу.

Мои тренировки никуда не делись. Каждое утро я натягивала унты и бежала по Мучильне, протоптав через несколько дней в снегу глубокую тропу. Мне начали встречаться редкие гнильцы, утопцы и гарпии. От голода чудовища бросались на любую доступную добычу, и я использовала их для практики, собирая ингредиенты, которые не требовали взламывания черепов и снятия кожи. Иногда мне удавалось подстрелить зайца. А однажды на меня решил поохотиться кабан, увидевший во мне конкурента и не пожелавший оставить в покое. К счастью, его злобность значительно превышала размер, и я умудрилась взвалить кабанью тушу на плечи и шаг за шагом дотащить до кухни.

Весемир начал обучать меня Аксию.

— Крайне полезный знак, не раз поможет избежать драки, — пояснил он. — Тренироваться будешь на Колокольчиках. Если получится на столь безмозглых созданиях, то на людях успех обеспечен.

Надо отметить, что второй Колокольчик оказался наивреднейшей козой. Плевать он хотел на мой Акий, смотрел тупым взглядом и убегал от дойки, несмотря на то, что вымя раздувалось от молока. Я ходила за ним хвостом целый день, пока не показалось, что у меня начало получаться, хотя, возможно, коза просто смирилась с постоянным преследованием. Поэтому я тренировала знак ещё и на поросятах и курах, пока не убедилась, что он всё-таки действует.

Теперь козы покорно, как в цирке, шли на дойку и подставляли вымя, и их даже не надо было привязывать. А я к тому времени уже могла подоить двух коз без перерыва на отдых.

Я не забыла обещание Эскеля насчёт Василька и выезжала верхом сначала по кругу внешнего двора, а потом и на дорогу снаружи замка. Конь шёл по снегу мягко, и прогулки по заснеженному лесу скоро стали любимой частью дня. Когда-то я недолго занималась верховой ездой и, пользуясь случаем, вспоминала забытые навыки. Теперь мне также пришлось помогать с уходом за лошадьми, чему я в общем-то была только рада.

Тренировки с мечом и отработка страховок, как обычно, входили в ежедневный план. Частенько со мной занимался Ламберт, который окончательно привык ко мне, и у нас установилось нечто вроде осторожной дружбы, замешанной на взаимных подколках. А пару раз даже Весемир решил тряхнуть стариной и оценить мой уровень подготовки. Хвалить меня он не стал, но я видела, что старый ведьмак доволен.

Пришел черед изучать Ирден, знак-ловушку. И снова первыми подопытными стали куры, свиньи и козы. Я выпускала их из загона, фиксировала Ирден, а потом с помощью Акия заставляла вернуться на место.

Когда ловушка более-менее стала получаться, втайне ото всех я решила попробовать свои силы на Васильке. Улучив момент, когда ведьмаки занимались новыми стропами, я вывела коня во внешний двор и сняла узду. Почуввав свободу, конь загарцевал по площадке. Я наложила Ирден. Знак подействовал, вокруг лошадиного круга с потрескиванием замерцали

фиолетовые искры, но Василёк будто взбесился. Он так бился, что я испугалась, что он повредит себе чего-нибудь, и быстро стала накладывать Аксий за Аксием, пока он более-менее не успокоился. Накинула на морду недоуздок, и тут вредный коняга улучил момент и укусил меня за ничем не защищённое плечо. Я взвыла от боли, но, взяв себя в руки, продолжила ласково разговаривать с конём, пока парковала его обратно в стойло. Следующие несколько дней мне пришлось задабривать Василька морковью, и, в конце концов, злопамятный конь простил меня. Так я зареклась использовать знаки на друзьях. Укус на плече проходил месяц.

Пока Ламберт не видел, я дружила с Тучей, его серой кобылой. Она была покладистой и ласковой, и я подкармливала её морковью, обнимала, чесала и похлопывала по шее. К зиме все лошадки выпустили толстый подшёрсток и стали совсем меховыми.

В хозяйственных хлопотах прошло ещё чуть больше месяца, и наступили дни зимнего солнцестояния. Ведьмаки решили закатить пир горой, а у меня была тайная мечта — хорошенечко надраться. Жизнь вдали от дома и в постоянных тренировках требовала большого напряжения, и ничего лучшего для расслабления я не придумала, но, конечно, посвящать в свой план никого не стала.

Ламберт забил одного из наших поросят. Ну как, поросят, они выросли уже в здоровенных свиней. Я напекла пирогов с мясом и вареньем, сделала сладкую рождественскую кашу из цельного овса. Про Рождество здесь, конечно, не слышали, и мои попытки объяснить суть христианства были встречены с таким же искренним интересом, как если бы я рассказала о культе поклонения макаронному монстру. Почему бы и нет? Чего только в мирах не придумают.

В праздничный вечер мы торжественно расставили горящие канделябры, накрыли на стол и чинно расселись. Весемир произнёс длинную речь о том, как ему важно, что его близкие рядом, и поднял бокал за тех, кто на Пути — за Геральта и Цири. Потом отметил, что я внесла в их жизнь хлопоты, и повторил, что рад мне, в заключение сказав, что теперь я точно считаюсь ученицей ведьмаков. Я, как смогла, донесла до них ту искреннюю благодарность, что чувствовала, и, завершив официальную часть, мы начали пировать.

Все расслабились и смеялись, и даже степенный Весемир вспомнил курьёзные случаи из практики, найдя в моём лице благодарного слушателя. Судя по физиономии Ламберта, эти истории он слышал раз пятьсот. Как-то раз, говорил Весемир, его позвали известить нечисть в подполе одного зажиточного дома. Хозяева утверждали, что там поселился как минимум фледер — из низших вампиров. Весемир спустился в подвал и нашёл чрезвычайно довольного кота, который прекрасно себя чувствовал среди запасов масла, сметаны и яиц и догадался устраивать шумные представления для жильцов.

— А денег я взял как за фледера, — закончил ведьмак. — Хотел кота себе взять, но куда там, коты нас не любят.

Ламберт поведал, как убежал из окна одной дамы, завернувшись в простыню.

— Слава богам, рядом были бани. Пришлось бахнуть охранника Аксием, чтобы он меня пустил. И когда это чучело, муж то бишь, ввалилось в купальни, у него было с десятков кандидатов, и все в простынях.

— А мы с Геральтом, — начал Эскель, — ещё детьми решили устроить салют. Настоящий, красивый, чтоб как в Новиграде был.

— Как же, помню, — подтвердил Весемир, — с тех пор от нашей башни на стене один остов сохранился.

— Да, — засмеялся Эскель, — что ведьмаки ни смешивают, в итоге получается бомба.

Я уже забыла о своём плане напиться, но неожиданно он выполнен сам собой. К сожалению или к счастью, у меня абсолютно отсутствует период, когда я ещё на ногах, но колоброджу, несу чушь и делаю глупости. Происходит наоборот — минуту назад я полна сил и веселья, а потом организм сурово сообщает, что баста, включён обратный отсчёт и срочно нужно принимать горизонтальное положение, и неплохо бы, чтоб в собственной постели.

Так и произошло. Я встала из-за стола, споткнулась о лавку, уронила вилку и поняла, что нужно отступать в направлении кровати, желательнее не ударив в грязь лицом. Ведьмаки понимающе переглянулись, Ламберт заржал. С гордо поднятой головой я пожелала всем спокойной ночи и отправилась в свою башню, по дороге задев плечом шкаф.

Рядом материализовался Эскель, приобнял за плечи и повёл наверх. Я пыталась сопротивляться, но его хватка была железной.

— Перила-то на лестнице мы ещё не сделали, так что идём смирно и спокойно, — уговаривал он.

Все накопленные и невысказанные за месяцы в Каэр Морхене эмоции, наконец-то, нашли шанс выйти наружу. Я упёрла лоб в плечо Эскеля и зарыдала. Мозг при этом осознавал происходящее, и я понимала, что завтра мне будет очень, очень стыдно. Но поделаться ничего не могла.

Эскель довёл рыдающую меня до кровати, помог стянуть куртку и сапоги. Я продолжала рыдать, скрючившись на постели. Ведьмак достал из пояса пузырёк, капнул в чашку с водой.

— На, выпей.

— Что это? — с трудом разлепив опухшие глаза, спросила я и утёрла лицо рукавом рубахи.

— Иволга с Белым мёдом, завтра будешь как новенькая.

Я послушно выпила эликсир.

— Прости меня, Эскель, я веду себя как дура, а не как ведьмачка.

— Всё хорошо, ложись.

От его заботы я заревела с новой силой. Эскель сидел рядом и держал тёплую руку у меня на плече, пока я не стала проваливаться в сон. Поднялся:

— Спокойной ночи, Яна. Думаю, что из тебя выйдет настоящая ведьмачка.

Последние слова я слышала уже в полусне и не была точно уверена, произнёс ли он их.

***

Наутро мне, конечно же, было стыдно, при этом чувствовала я себя полной сил. Стиснув зубы, я оделась и побежала. Сегодня я осилила Мучильню дважды, сначала в одну сторону, потом в другую.

Жизнь потекла своим чередом. Ведьмаки закончили расчищать арсенал, соорудили временную крышу взамен рухнувшего куска и занимались укреплением конструкции замка.

Весемир решил, что пора учить меня Игни. Оранжевый дракон появился на Испытании последним, так и упрямый огненный знак никак не хотел получаться. Я знала, что рано или поздно я его сделаю, но когда — было совершенно непонятно.

К середине марта дневное солнце уж начало припекать. Снег стал ноздреватым, появились проплешины земли, запахло весной и переменами

В один из дней, когда я тренировалась на внешнем дворе, пришёл Весемир, уселся на булыжник и, нежась на солнце и прищурившись, долго наблюдал за тренировкой. Потом подозвал меня.

— Ты значительно продвинулась в искусстве владения мечом, Яна.

— Спасибо, стараюсь.

Весемир кивнул, помолчал.

— В открытом бою ты уже более-менее подготовлена к встрече с чудовищами. Не со всеми, конечно, но это дело практики. Но вот что меня беспокоит — ведьмак должен уметь выслеживать, чувствовать, замечать больше, чем обычный человек. В этом нам помогли мутации.

— И что же мне делать? — расстроилась я.

— Я думаю... Думаю, что раз тебе открылась энергия Шепчущих Камней, мы должны начать тренировки вслепую. Тебе нужно научиться подключаться к силе, ведь она тебя приняла.

Весемир достал из кармана чёрный лоскут ткани.

— Давай попробуем.

Я завязала глаза. Ожидаемо я перестала видеть вообще что-либо и совершенно не понимала, что делать.

— Сначала страховки, туда и обратно.

На всякий случай защитившись Квеном, я закувыркалась по двору. Впечаталась в стену. Начала делать страховки назад и врезалась в противоположную.

— Так не пойдёт, — прикрикивал Весемир. — Сконцентрируйся! Будь как в медитации!

Медитация в прыжке — такого я ещё не делала! Но честно попыталась, всё-таки опыт ежедневных медитаций я накопила приличный. Задыхалась, привычно растворилась в пространстве и делала страховки так, будто стен и препятствий нет вовсе. Слабое ощущение, что впереди что-то есть, заставило остановиться. Я подняла повязку — перед носом была стена. «Ага, — подумала я, — надо прислушиваться к чуйке, а не пытаться ничего увидеть или понять».

— Так, теперь в сторону бревна, высокая страховка! — скомандовал Весемир.

Разумом я уже не могла сориентироваться, где находится бревно, да и времени на раздумывания не было. Поэтому направила перекаты в ту сторону, куда мне интуитивно показалось правильным, и также интуитивно сделала высокий прыжок через место, где мне почувствовалось бревно. Стянула повязку — ага!

— Получилось! — закричала я Весемиру.

Тот важно кивнул.

— Надевай повязку, — услышала я со спины голос Эскеля.

Он подошёл, прокручивая в руке тренировочный меч. Я подняла свой деревянный, надвинула повязку, сконцентрировалась. Дальнейшее было похоже на избиение младенцев. Немножко я могла предугадать, с какой стороны будет атака, но этого было совершенно недостаточно. Я просто не успевала за Эскелем, как если бы сильно близорукий человек решил поиграть в пинг-понг с профессионалом. Весемир, однако, остался доволен.

— Главное — практика. Теперь большая часть тренировок в замке должна быть с повязкой на глазах.

Легко сказать! Я чувствовала себя так, словно пришлось начинать всё сначала. Однако через месяц уже уверенно отбивала мечом снежки, которые Эскель швырял в меня.

В знак солидарности Эскель и Ламберт, когда тренировались со мной, тоже завязывали глаза. Они стали позволять учиться вместе с ними бою против нескольких соперников. Теперь или они нападали на меня, либо я присоединялась к одному из ведьмаков, и мы

вместе атаковали второго.

Для тренировки я зажмуривалась на утренней пробежке по Мучильне: надеть повязку и лишить себя возможности подглядывать у меня ещё не хватало духу.

Как и раньше, домой в свой мир я отправлялась где-то раз в неделю. Ставила музыку, по которой жутко скучала в Каэр Морхене, устраивалась на диване между сыном и мужем и тихонечко сидела, прикрыв глаза. Всё сильнее я ощущала, как новая я отдалялась от моей семьи. Я изменилась, вросла корнями в тот мир, родной для моего нового тела. Однако я твёрдо знала, что когда вернусь обратно, всё снова будет хорошо. Для той меня. Когда-нибудь.

Начало мая встретило взрывом зелени. Вчера её ещё не было, а сегодня деревья выпустили листья, как по команде. В горах и в лесу на склонах лежал снег, но внизу буйствовала весна.

Я уже значительно продвинулась в ведьмачьих науках, но своенравный Игни всё не выходил, как я ни старалась.

В один день Ламберт вернулся к ужину с озера, где готовил лодку к сезону. Уселся к нам за стол.

— С Гвинлеха поднялись по течению утопцы, — рассказал он. — И туманники. На берегу их, что грязи.

— Хорошо, это очень хорошо, — неожиданно заявил Весемир.

Все с удивлением повернулись к нему.

— Геральт может показаться со дня на день, — пояснил старый ведьмак. — А значит, обучение Яны подходит к концу. Я считаю, что время для испытания Медальона пришло.

Ламберт выругался. Весемир вытянул из кармана толстую цепочку с кулоном в виде волчьей головы.

— Это медальон Лео. Я уже некоторое время ношу его с собой, жду подходящего момента. Он настал.

Все молчали. Эскель сосредоточенно изучал пол.

— Завтра, Яна, ты возьмёшь медальон и отнесёшь на Башку Тролля, — продолжил Весемир. — Верхний путь по мосткам завалило лавиной, так что остаётся нижний. Ты пройдёшь через болота у озера, потом через пещеры. Твоя задача — наполнить медальон энергией в Круге Стихий. Раз вернулись трупоеды, значит, испытание будет настоящее, как надо.

— Как будто Старого Грота недостаточно, чтобы оно было настоящее, — буркнул Ламберт.

— Девочка, как обычно, ты можешь отказаться, — обратился Весемир ко мне. — Правда, зная твоё упрямство...

— Я не откажусь, — кивнула я.

— Ну и зря, — Ламберт с грохотом встал. — Пойду-ка, прогуляюсь.

После ужина Эскель в деталях объяснил мне, как идёт тропа, особое внимание уделив схеме пещер.

— При удачном раскладе ты доберёшься до убежища Грота за час-полтора. Возьмёшь Кошку в смеси с Белым мёдом, я приготовлю. Старый Грот — больной на всю голову циклоп, он спит весь год, кроме лета. Ни в коем случае не пытайся геройствовать, ты должна пройти его пещеру тихо и не разбудить.

— А тролли? Я знаю, что их можно уболтать, правда, не уверена, что мне хватит остроумия.

— От завала в арсенале остались мраморные обломки. Возьмёшь несколько штук — тащить тяжело, но пусть лучше будут. Попробуешь троллей задобрить... Я всё-таки надеюсь, что они тебе не встретятся.

Казалось, что Эскель волнуется, он не был похож на себя. Его беспокойство передалось и мне и только усилило мои недобрые предчувствия.

— Никаких подвигов с закрытыми глазами, даже не думай. Обращайся к силе, но используй все органы чувств, какие есть. С туманниками будь осторожна, эти гады умеют ловко маскироваться.

Он помолчал.

— Давай ещё раз. Повтори мне весь путь.

Я повторила, он поправил и заставил повторять до тех пор, пока не был удовлетворён результатом.

***

Спала я спокойно. После завтрака, который прошёл в молчании, Эскель выдал мне два меча из следующей по крутизне стойки. Сделав короткую разминку, я осталась в восторге. Новый серебряный меч весил килограмма полтора, не больше, и был прекрасно сбалансирован.

— Эрлихрад. Этот меч очень хорошо работает в связке со знаками, так что не забывай их. И вот этот арбалет возьми.

Я затянула все ремни на защите, пристегнула флягу с водой. Еду решила не брать. Весемир торжественно надел мне на шею медальон.

— Береги его. Сейчас — это просто кусок металла, но после активации он будет тебе верным помощником.

Ведьмаки проводили к пролому в стене. Я обернулась, помахала им рукой и лёгким бегом начала спуск к озеру.

Сперва всё шло прекрасно. Я заправила медальон Лео за пазуху (он приятно охлаждал тело) и повторяла слова Эскеля: «Спускаешься к причалу Ламберта. Там болотисто, так что ожидай утопцев и туманников».

Взвесив меч в руке, я сконцентрировалась. Пока чисто: майское болото выглядело подозрительно дружелюбно, чирикали птички, тумана не было. Но пара утопцев таки появилась. Я разделалась с ними и, местами проваливаясь по колено в топкий берег, стала забирать правее. А вот и туманник. Квен на себя, Ирден на него, сработало. Я подскочила к искрящейся ловушке и убила наполовину материализовавшегося полупрозрачного монстра с двух ударов. Квен затрещал, я проморгала второго. Восстановила защиту. Ирденем туманника поймать не смогла, оглушила Аардом и добила. Пока всё идёт хорошо.

Выбравшись на узкую полоску твёрдой земли под круто уходящими вверх скалами, я остановилась отдышаться и просканировала местность — ничего. Повторила инструкцию: «Побежишь по правому берегу, и скоро будет залив со входом в пещеру, перед ним островок. Переплывёшь протоку, пересечёшь островок. Остерегайся медведей, они недавно проснулись, так что будут голодные и дурные. С ними не дерись, используй Аксий. Обходи стороной, не трать силы».

До протоки я добралась без приключений, нашла островок. Вот только на нём взад-вперёд ходил медведь! Я выругалась, каким же он был огромным. В холке он был выше моего роста! Нет уж, островок надо было как-то обойти, и я решила продираться сквозь бурелом дальше по суше. Манёвр оказался успешным. Около входа в пещеру я перешла вброд ручей и снова выбралась на берег озера. Теперь только бежать и бежать дальше прямо.

Путь до нужной пещеры по ощущениям занял чуть ли не полдня. Медведей тут была тьма. Я отсиживалась в укрытиях, перебежками продвигалась вперёд, уверенная на все сто, что силы моего Аксия не хватит на такую тушу. Наконец, я нашла нужную мне протоку и обломки лодки. Так, тут будут накеры, и мне надо выпить эликсир.

Белый мёд совершенно не мог скрасить невыносимую горечь с жёстким анисовым привкусом Кошки. Глаза мои чуть не вылезли из орбит и заслезились. К горлу подкатила тошнота. Белый Мёд частично компенсировал токсическое действие эликсиров, но всё же не до конца. Свет вокруг стал слишком ярким, и я ослепла. Хорошо ещё, что мы отработывали бой с закрытыми глазами, потому что в следующий момент меня окружили верещащие накеры. «Квен и групповой стиль», — как мантру повторяла я слова Эскеля. Когда верещание стихло, глаза, наконец, освоились и я шагнула в пещеру. «Держись правее», — так, уступ, ещё один. Великим моим приобретением жизни у ведьмаков стало умение подтягиваться. Отсчитывая нужные повороты в разбегающихся подземных ходах, я не спеша выискивала путь через лабиринт. Наконец, выбралась на полого уходящий вверх узкий ровный коридор и заметила вдалеке зеленоватый свет. Всё верно.

Коридор оканчивался порошком, за которым в паре метров внизу тянулся просторный зал с колонной посередине. В дальнем конце зала через дырку в потолке пробивался луч дневного света, но та часть пещеры, которую мне нужно было пройти, лежала во тьме. Где-то в этой тьме и должен был быть циклоп... Сзади зарычали. Я убила троих накеров и вновь застыла за порошком. Тишина прерывалась только звуком падающих капель. Я осторожно перевалилась на ту сторону и мягко спрыгнула в зал. «Тихонько, легонько спускаешься, и по правой стенке шагах в пяти будет уступ. По нему выберешься наверх».

Еле-еле, не дыша, я двинулась в темноте по правой стенке и вдруг с ужасом распознала прямо перед носом очертания огромного тела, распостёртого аккуратно под уступом, куда мне нужно было залезть. Я не знала, что делать. Акий? Ростом циклоп вероятно был метров пяти, не возьмёт. Я сконцентрировалась и не почувствовала ничего. Ещё раз — ничего. Это было странно.

Защитилась Квеном и подкралась ближе. Туша лежала абсолютно неподвижно, дыхания не было слышно. Я тихонечко протянула руку, готовая убежать, и дотронулась до голы ноги. Кожа была ледяной. Набравшись храбрости, продвинулась к груди. Великан полусидел, запрокинув голову, и единственный глаз смотрел в потолок. Подавив страх, я дотронулась до шеи и вляпалась ладонью во что-то липкое. Циклоп был мёртв, причём мёртв недавно — тело полностью окоченело, ткани ещё не начали разлагаться.

Делать нечего, я взобралась по его груди до уступа, после которого должен был быть выход наверх. Так оно и оказалось.

С облегчением я вдохнула свежий воздух. Свет ещё резал глаза, и я решила перевести дух. Выход из пещеры был высоко в горах, и мне открылся вид на долину и далеко внизу на наше озеро. Лучшего места для медитации нельзя было придумать. Сердце, наконец, перестало бешено колотиться, дыхание выровнялось, тошнота ушла. У меня появилась догадка, кто так удачно подсобил мне со Старым Гротом, но я решила проверить её потом. Мои дела тут ещё совсем не закончены.

С объяснениями Эскеля я чувствовала себя как при езде на машине с навигатором. Как он и сказал, от выхода из пещеры круто налево уходила тропа. Было в этом нечто читерское, ведь вряд ли у молодых ведьмаков, проходящих испытание, была такая подробная инструкция. Хотя и мне до молодых ведьмаков было крайне далеко.

Я побежала по тропе, уводящей вверх в ложбину между горами. Ели, выпустившие свежие мягкие светло-зелёные отростки, приветливо махали лапами на ветру. Слева и справа от тропы громоздились обломки каменных глыб, будто дети великанов разбросали свои кубики.

«Пробежишь сквозную пещеру. На выходе тропа раздваивается. Налево в логово скальных троллей, туда не суйся. А направо, в ста шагах, будет твоя цель». Так, вот и пещера, даже скорее расщелина между столкнувшимися валунами, и теперь мне предстоит встретиться с троллями.

Сделав придуманные накануне приготовления, на вытянутых ногах я вышла из пещеры.

Избежать знакомства с троллями не удалось, в десяти метрах от меня стояло двое. Я представляла по игре, как они выглядят, но в реальности они были и живописнее, и страшнее: как статуи орангутанов, которые скульптор только начал выдалбливать из цельной скалы, да так и бросил. Над низко посаженной головой громоздилась горбом каменная броня. Крохотные глаза прятались под нависающими надбровными дугами, а массивные челюсти явно были способны пережевать добычу вместе с костями и шкурой, абсолютно не напрягаясь. Направо уходила тропа, на которую мне нужно было попасть, но даже думать об этом не приходилось, так как весьма проворно для таких огромных и на вид неповоротливых существ, тролли подбежали ко мне, опираясь на мощные руки.

— Девушка возьмак, — сказал один.

— Вкусный, — подтвердил второй.

— Дорогие тролли, я совершенно не вкусная, я пью горькие эликсиры.

— Девушка горький и говорить, — констатировал первый.

— Я вам подарки принесла, только пропустите меня вон на ту тропу.

— Девушка добрый, — сказал второй и добавил: — и вкусный.

— Я очень невкусная. Примите мои дары, — медленно, не совершая резких движений, я достала из рюкзака мраморные куски. — Только для таких добрых и могущественных троллей, как вы, я принесла лучшие камни.

— Троли любить камни. Троли гуще, — закивали ребята.

— Не можем пропустить, — резюмировал первый.

— Но почему? Вам не нравятся камни?

— Камни хороший. Острый палка плохой. Девушка отдать острый палка и идти.

— Спасибо, добрые тролли, я согласна.

Не торопясь, я достала из ножен стальной меч и положила к мрамору. Потом бочком осторожно стала продвигаться к своей тропе.

— Девушка хромой и горбатый, — сказал первый тролль.

— И вкусный, — добавил второй.

С максимальной скоростью, что могла развить, я заковыляла прочь. Когда тролли остались за поворотом, я вытерла пот со лба, сняла куртку, достала из под неё арбалет, который проложила по плечам, и вытянула Эрлихрад. Меч я пропустила под арбалетом вдоль спины, засунув лезвие в штаны, конец лезвия уходил ниже колена. «Хромая и горбатая, — бормотала я, — и вкусная». Меня одолел нервный смех. Я вставила меч в ножны за спиной, подхватила в левую руку арбалет и направилась к Кругу Стихий.

К каменной площадке на обрыве вели полуразрушенные ступени. Площадка будто парила в высоте, где далеко внизу лежала наша долина. Вокруг громоздились заснеженные пики. Как обычно, у меня захватило дух. Невозможно было привыкнуть к этой красоте.

На краю площадки лежал гигантский камень-стол, весь покрытый масляными пятнами от огарков свечей. Я сняла медальон Лео и положила в выемку в центре камня. Осмотрелась — всё чисто, но на всякий случай взвела замок арбалета и уселась медитировать.

Некоторое время ничего не происходило, но не успела я даже начать размышления о

том, каким образом смогу распознать, что медальон наполнился энергией, как он легонько засветился. Не выходя из медитации, из-под полуприкрытых век я неотрывно смотрела, как свет набирал силу и мощь. К чудесам тоже невозможно привыкнуть. Свечение всё усиливалось, и я чувствовала, что оно соединяется с моим свечением, тем, которое я получила в кругу Шепчущих Камней в Каэр Морхене. Мы с медальоном становились единым целым. И, как в прошлый раз, энергия достигла своего максимума и взорвалась, разошлась белыми волнами света. Медальон погас.

Я протянула руку, и в тот же момент воздух прорезал крик. Гигантская тень накрыла площадку, и неизвестное чудовище схватило медальон. Закричав, я молниеносно просунула правую руку в цепочку и рванула на себя. Лучше смерть, чем так по-дурацки я просру новообретённое сокровище! Куда там. Когти чудовища кольцом сомкнулись на цепочке, оно расправило огромные крылья и взлетело. Цепочка медальона удавкой стянула кисть, и я повисла на правой руке.

Чудовищу, похожему на летающего ящера, совсем не понравилась лишняя ноша. Изгибая длинную змеиную шею, зубастой пастью оно пыталось оторвать меня от блестящей добычи. Когда оно изгибалось, мы крутились и падали. Ящер хлопал крыльями, восстанавливал баланс, и мы неслись над пропастью дальше. Я подняла левую руку с арбалетом и выстрелила, целясь в горло, прикрытое рыжими лохмами бороды. Попала. Стрела не причинила чудовищу особого вреда, но оно хотя бы перестало откусывать меня от своей лапы.

Выкинув в пропасть бесполезный арбалет, я наложила Квен. Что делать дальше, я не представляла. Падение отсюда было несомненно смертельным, а ящер только набирал высоту, направляясь скорее всего в сторону гнезда где-то в горах.

Я стала накладывать Аксий. Чудовище немного успокоилось, и, судя по таким знакомым по попаданиям самолёта в воздушную яму тянущим ощущениям в желудке, мы начали терять высоту. Справа далеко внизу блеснуло озеро.

Аксий, Аксий, Аксий. Мы плавно спикировали на высокогорную поляну, окружённую скалами. Чудовище растопырило лапы для посадки, я оттолкнулась от земли и рванула медальон на себя. Он повис на перчатке, кистью правой руки я не могла пошевелить. Квен, Аксий. Выхватила меч левой рукой и стала обходить чудище по кругу. Теперь я хорошо его рассмотрела. Тело ящера было покрыто ярко-красной, переходящей в жёлтый чешуёй. Голова тираннозавра, перепончатые крылья, длинный хвост с мощным жалом на конце. Не оставалось сомнений, что это виверна. Я вспомнила, что они крайне ядовиты.

Виверна оправилась от Аксия и бросилась на меня. Работая только левой рукой, я в основном уворачивалась и перекачивалась, чтобы не попасть под зубы и удары хвоста. Время от времени мне приходилось перехватывать меч, прижимая его правым локтем к телу, и обновлять Квен, накладывать Аксий. Оглушения Аардом, казалось, вообще не действовали на неё. Улучив момент, я попробовала Ирден, и виверна забилась, прямо как Василёк, а я подскочила и рубила изо всех сил. Некоторые удары достигли цели, однако виверна всё ещё была полна сил, в отличие от меня, я уже еле-еле держалась на ногах. Уклонения получались всё хуже. Я сделала выпад, надеясь попасть в тонкую кожу на животе. Меч вошёл глубоко в тело, однако виверна вцепилась челюстями мне в левый бок, порвав куртку, и отшвырнула ударом хвоста. Зубами она вырвала меч, отбросила его, как зубочистку, и кинулась на меня. Я выставила вперёд беспомощную правую руку с висящим медальоном, заорала и в исступлении наложила Игни. Медальон вспыхнул, и из моей руки вырвалась струя пламени.

Пока мой крик не затих, огонь поджаривал виверну. Мы упали на землю одновременно.

Бок раздирала боль, одежда набухла от крови. Негнущимися пальцами я достала из-за пазухи пузырёк смеси Белого мёда и Иволги, зубами выдрала пробку, залила в себя эликсир и отрубилась.

***

Чёрные и красные круги плавали в мареве перед глазами, откуда-то издалека доносился голос Эскеля:

— Яна, девочка моя, держись, только держись.

Лицо Эскеля вынырнуло из тумана, приблизилось ко мне. Мне чудилось, что он улыбается, и я протянула руки, чтобы обнять его, прижать к себе, поцеловать. Вместо этого в рот полилось нечто отвратительное и обжигающее. Лицо Эскеля распалось на круги, и мне показалось, что я опять лечу в лапах виверны. Голова болталась из стороны в сторону, меня качало, и снова стало темно.

Я проснулась в своей постели в Каэр Морхене. Утреннее солнце заливало комнату, дерзко играло бликами в мозаичных стёклах и мраморных прожилках пола. Послышался шорох, и на край кровати присел Эскель. Подержал ладонь у меня на лбу.

— Добро пожаловать в мир живых, ведьмачка. Убить королевскую виверну — непростая задача даже для опытного ведьмака.

Я слабо улыбнулась.

— Эта сволочь пыталась стащить мой медальон. Сколько я уже так лежу?

Эскель успокаивающе накрыл ладонью мою ладонь.

— Неделю. У тебя была лихорадка, пришлось повозиться. Поздравляю с первым шрамом. Ты молодец, что выпила Иволгу, иначе не дотянула бы до тех пор, как я тебя нашёл. Но всё равно в рану попало слишком много яда.

Временное прибежище правой руки под тёплой ладонью Эскеля меня полностью устраивало, поэтому туго перебинтованной бок я ощупала левой рукой. На груди покоилась приятная тяжесть, и я сжала в кулаке медальон.

— Спасибо, Эскель.

Перевернув ладонь, я взяла его руку, которую он почему-то не спешил убирать, в свою.

— Медальон сработал.

— Я знаю. Отдыхай.

— Погоди, расскажи ещё что-нибудь! Как ты меня нашёл?

— Когда ты не вернулась вечером, стало ясно, что что-то пошло не так. Мы с Ламбертом отправились на поиски, а на полпути ко входу в пещеру нашли следы крови, уводящие в гору. Ламберт решил дойти до Круга Стихий, а я взял этот след. Потом наткнулся на битый арбалет.

— Да, мне пришлось выкинуть его в полёте после первого выстрела.

— Я так и понял. Кровь виверны привела к её укрытию, а там я обнаружил тебя. Хорошо, что это было высоко в горах — трупоеды не успели добраться туда раньше меня.

Ведьмак замолчал, и я смотрела на него во все глаза — что-то в нём неуловимо изменилось. На лице лежала тень.

— Вчера ночью приехал Геральт, — наконец, произнёс он.

Я сжала его ладонь.

— Но это же хорошо!

— Да. Конечно.

Задумавшись, Эскель посидел ещё немного, потом мягко забрал руку и встал.

— Отдыхай. Я думаю, что, если будет желание, ты можешь спуститься к ужину.

Я кивнула, устроилась поудобнее на подоткнутых со всех сторон подушках и заснула.

Сон дал мне сил. Проснулась я, когда вместо белых утренних лучей комнату просветили закатные оранжевые. Потихоньку села на постели, проверила бинты. Правое запястье было перевязано так же аккуратно, как и рёбра. Медленно, боясь лишней раз шевельнуться, натянула штаны, сапоги, рубашку. Дошла до умывальника и плеснула воды на лицо. Собралась с духом — новость о приезде Геральта меня взволновала. Ковыляя, как древний старец, я направилась вниз.

В зале никого не было, а на кухне одиноко хлопотал Ламберт.

— Можно я тебя обниму? — огорошила я ведьмака.

— Эм-м, даже не знаю, что тебе ответить.

Я подошла к нему, обняла, а он стоял обалдевший с руками по швам, как истукан. Я отпустила его.

— Хочу сказать спасибо за помощь со Старым Гротом.

— Это не я!

— Ври больше! Ни у кого не было такой возможности, а ты уходил гулять накануне.

— Ну ладно, я. Ненавижу суку. Только, чур, Весемиру ничего не говори, пусть считает, что пещера до сих пор является испытанием. Вдруг нам ещё какая тёлочка на голову свалится.

— Сам ты тёлочка!

Я осторожно опустилась на лавку.

— Расскажи, что было?

— Что, что. К вечеру Эскель взбесился. Навёл шухеру. Оторвал меня от сидра! Ну, мы и потопали. Разделились на полпути, он побежал по следу крови, а я пошёл проверять, вдруг я старину Грота не добил. Но он лежал ровнёхонько там, где и положено. Я добрался до Круга Стихий, меч, кстати, твой прихватил, увидел следы борьбы и чешую виверны и понял, что первый след был правильным. Вернулся, а Эскель уже спускается с тобой на руках. Ты бы так не волновала старичка, он уже не новенький.

Тон Ламберта переменялся:

— И вообще, он неделю в твоей башне торчит, как приклеенный, а Ламберт — подай да принеси, Ламберт — коз дои, Ламберт — готовь!

Я рассмеялась.

— Какой же ты вредина. Хорошо, что ты есть.

Ламберт возмущённо фыркнул и стал носить снедь к камину в зал. Я перебралась туда же и с волнением ждала возвращения ведьмаков.

Наконец, послышались голоса, и Весемир, Эскель и Геральт пришли к столу.

Я жадно вглядывалась в так хорошо знакомого мне по играм ведьмака. Белые волосы, лицо с острыми чертами, недельная щетина. С удовлетворением я отметила, что носил он ровно ту причёску, которую я делала ему в игре — выбритые виски и затылок и длинные сверху волосы, собранные сзади в хвост. Никакого там «цинтрийского хвоста» и прочих глупостей. Он был такой же высокий и мощный, как и Эскель, и так же ладно сложен. В целом он был именно таким, каким я его помнила по третьей игре.

В свою очередь, Геральт также внимательно изучал меня. Очевидно, что моя история была ему уже известна. Я порадовалась, что на шее у меня висит медальон школы Волка.

Он подошёл, протянул руку:

— Геральт.

— Яна.

Его рукопожатие было слишком крепким для моей повреждённой кисти, и, видать, мне не удалось это скрыть, потому что Геральт ухмыльнулся и покровительственно потрепал меня по плечу.

Все расселись. Весемир обвёл взглядом свою команду.

— Ну что же, все ведьмаки школы Волка в сборе. Редкий момент. Я... Что там говорить, я счастлива. Давайте же выпьем.

Ведьмаки с удовольствием присоединились к призыву, я подняла стакан с водой.

— У нас есть, что обсудить, — продолжил Весемир. — Но сначала, Геральт, расскажи нам, что происходит в большом мире.

— Не знаю даже, с чего начать... — Геральт отставил кружку с медовухой. — Нильфгаард опять затеял войну. Лирия и Ривия уже взяты, сейчас идут бои в Аэдирне и Темерии. Их завоевание это лишь вопрос времени.

— Последнюю весточку я получал от тебя из Вергена.

— Да, Аэдирнской Деве удалось сплотить Долину Понтара, и последние полгода были кратким мигмом надежды на лучшее. А сейчас, — Геральт вздохнул, — сейчас у них нет шансов. Под боком эльфийская Дол Блатанна — вассал Нильфгаарда. Через реку Хенсельт, который в любой момент может нарушить мирный договор. А главное, что Долина Понтара лежит на пути чёрных в Каэдвен, так что, как только Аэдирн падёт, Нильфгаард ударит туда. Неокрепшему государству Саскии не выстоять, несмотря на то, что основные силы Эмгыр направил по другую сторону Махакамских гор, в Темерию.

— Однако они выстояли уже один раз против каэдвенцев, — задумчиво сказал Весемир. Геральт покачал головой.

— Проблема в самой Саскии. Похоже, что стилет, которым мы с Иорветом пытались снять заклятие... Похоже, что он снял только часть. Аэдирнская Дева больше не может контролировать себя в ипостаси дракона, а значит, у Долины Понтара не будет туза в рукаве.

— То есть, старая сука Эйльхарт всё равно всех обхитрила? — протянул Ламберт.

Геральт кивнул.

— Как обычно, она обхитрила всех, включая себя. Я пытался найти след нашей волшебной совы, но пока безуспешно.

— Кстати, о заклятии Саскии, — Весемир глянул на меня. — Похоже, что попадание Яны в наш мир связано именно с вашей с Иорветом попыткой заклятие снять.

Я пересказала историю моего появления в Каэр Морхене.

— Покажи ладонь, Яна, — тихо попросил Весемир.

Ну конечно, как я могла подумать, что ведьмаки не заметят мой знак за всё то время, что мы провели вместе! Тем более что они ухаживали за мной последнюю неделю, пока я была в отключке. Я положила левую руку на стол и раскрыла ладонь, на которой чёткими белыми линиями был вытатуирован мой знак-капля.

— Эта метка появилась в этом мире вместе со мной. Дома ничего подобного у меня не было. И сначала она была бежевой, но после испытания в круге камней побелела.

Геральт взял мою ладонь и приблизил к глазам.

— Очевидно, это магическая печать, — он отпустил руку и не спеша отхлебнул медовухи. — Я не буду врать, что не видел подобного. Похожий знак появился на руке у Иорвета.

Эскель нахмурился, все молчали. Весемир кашлянул.

— Подведём итоги. Благодаря Филиппе, девушка из одного из миров на Спирали и вожак скоя'таэлей получили по магической печати. Для Яны это скорее плюс, так как, полагаю, эта печать позволила силе наполнить её.

— Про Иорвета я такого сказать не могу, не знаю. Он жаждет найти Филиппу и отомстить. За всё — за Саскию, за метку на руке.

— Ну, это не новость. Этот эльф просто не будет собою, если ему не будет хотеться за что-нибудь отомстить, — проворчал Весемир.

— Это правда, — Геральт задумчиво кивнул.

— Возможно, тебе стоит объединить с Иорветом усилия в поиске Филиппы, — обратился он ко мне. — Хотя, вряд ли для него это сейчас первоочередная задача. Последний раз, когда я зимой говорил с ним в Вергене, он искал рунного мастера, чтобы показать ему злополучный стилет.

— Геральт, а ты больше не собираешься в Верген? — спросила я.

— А это вторая часть истории, — Геральт похлопал себя по груди. — Я получил письмо от Йеннифэр...

Эскель удивлённо присвистнул.

— Да. Я искал её безрезультатно всю зиму и потом вот так, буднично, получил от неё письмо. Она будет ждать меня в деревне Вербицы под Вызимой.

— И никаких подробностей, ни тебе надушенного локона, ни отпечатка напомаженных губ? — встрял Ламберт.

Геральт с горькой усмешкой покачал головой.

— Дружище, ты же знаком с Йен.

— О да, и знакомился бы и дальше исключительно по переписке. Хотя и это перебор.

— Что ты собираешься делать? — спросил Весемир.

— Я должен ехать, и как можно быстрее. Это как-то касается Цири.

Весемир задумчиво произнёс:

— Путь к Вызиме неблизкий, несколько дней или даже неделя погоды не сделают. Я предлагаю такой вариант. Я, ты и Яна выйдем вместе. В Больших Износках или чуть дальше разделимся — ты проводишь Яну в Верген к Иорвету, а я через Ард Каррайг спущусь по реке до замка Ла Валеттов и оттуда двину в Вербицы, чтобы перехватить Йеннифэр, если ты задержишься. В Вергене Яна пойдёт своим Путём, а ты присоединишься ко мне.

— Наверное, так и стоит сделать, но затягивать нельзя, — Геральт повернулся ко мне: — Сколько тебе нужно времени, чтобы восстановиться?

— Понятия не имею, — я развела руками, — меня никогда раньше не кусали виверны.

Эскель поднял взгляд.

— Неделю. Через неделю шрам полностью зарубцуется, и ты сможешь ехать. Я дам тебе в дорогу запас эликсиров и мазей для полного восстановления.

— Значит, решено, — Геральт хлопнул рукой по столу. — Через неделю отправляемся. А теперь мне необходимо надраться.

— Всем необходимо надраться, — весело поддакнул Ламберт.

Я тоже была бы не прочь надраться. При мысли, что нужно покинуть Каэр Морхен, где я провела девять месяцев, мне стало не по себе. Я, конечно, понимала, что не могу сидеть тут вечно, но голос разума ничего не мог поделать с подступившей тоской.

— Пойдём, я сменю тебе повязки, — позвал Эскель. — Потом я буду не в состоянии, таков мой план на сегодня.

Мы поднялись ко мне. Под медным чайником Эскель тщательно и долго мыл руки ламбертовым мылом.

— Раздевайся.

Я заколебалась.

— Яна, от того, что ты в сознании, у тебя не выросло ничего нового на теле, — Эскель вернулся и помог высвободиться из рубашки.

Моя левая рука едва поднималась из-за раны на боку. Ведьмак размотал повязку, намотанную вокруг рёбер.

— Лучше, гораздо лучше, — тампоном он зачёрпывал мазь из банки и промакивал рану. — Наверное, дня через три ты могла бы ехать. Заживает отлично. Но лучше всё-таки подождать неделю. Одевайся, и давай посмотрим руку.

Я влезла в рубашку. Под бинтами на запястье красовался будто бы браслет из лилового синяка.

— Сжало знатно, хорошо, что ты была в перчатках — сустав цел. Давай сегодня ещё наложим мазь и повязку, а завтра уже можно будет её снять.

— Эскель, я... Я не хочу уезжать, хотя и знаю, что надо.

— Иди сюда, — я шагнула и спрятала лицо у него на груди. Эскель обнял меня, щекой прижался к макушке, — ты больше не моя ученица, Яна. У тебя свой Путь.

Я обвила его руками, но он отстранился.

— Отдыхай, а я пойду напьюсь. Сегодня моя очередь рыдать.

Эскель резко развернулся и ушёл. Я медленно опустилась на кровать. Все ведьмаки твердят, что у меня свой путь, а раз уж в каком-то смысле я теперь одна из них, то надо принять, наконец, и это.

***

Похоже, что ведьмаки колобродили до рассвета, так как, спустившись утром на кухню, я застала только Весемира, гремящего сковородкой.

— Доброе утро! — радостно приветствовал он. — У нас вчера не было возможности поговорить. Расскажи, как прошло Испытание Медальона? Королевских виверн в этих местах мы давно не видали.

Я в подробностях расписала своё приключение, опустив только судьбу Старого Грота. Врать Весемиру было невыносимо стыдно, но и подставлять Ламберта не хотелось.

Старый ведьмак внимательно слушал, с особым тщанием расспросил о каждом бое, похвалил там, где я сработала правильно, и подсказал, что нужно было делать в остальных случаях. На рассказе о троллях он ухмылялся в усы и приговаривал:

— Неплохо, весьма неплохо.

Потом вышел в зал и вернулся с томиком по драконидам.

— Пока не можешь тренироваться, изучи. А в следующие дни пробежимся по духам и призракам. Тут их нет, но в большом мире, особенно сейчас, когда кругом война, тебе частенько придётся с ними сталкиваться.

Он поставил на стол канделябр со свечой:

— Зажги.

От неожиданности я растерялась, но миг сложила Игни. Свеча зажглась.

— Ну вот, а ты говорила, что не получается.

— Так оно и не получалось, но медальон мне помог.

— Яна, медальон способен лишь усилить то, что есть, он не способен ничего сделать сам по себе, — назидательно сказал Весемир, и мы приступили к завтраку.

В следующие дни я штудировала книги и занималась с Весемиром теорией. С другими ведьмаками я почти не пересекалась, все были заняты своими делами. Я высматривала Эскеля, но он, казалось, избегал меня. Через три дня, действительно, рана на боку зарубцевалась, и повязка уже была не нужна. Я рассмотрела шрам в зеркале — не слишком-то романтичные крокодильи полукруги челюстей спереди и сзади и рваные полоски от зубов. Вздохнула и намазала мазью. Синяк на кисти почти сошёл (местами остались лишь жёлтые переливы), но главное, что к руке полностью вернулась подвижность.

Потихоньку я начала тренироваться. На пятый день решила выйти на Мучильню, и бег по весеннему лесу неожиданно доставил такое удовольствие, словно я не бежала, а летела. И в этом полёте мне хотелось запомнить как можно больше, ведь неизвестно было, вернусь ли я когда-нибудь в Каэр Морхен.

Настал шестой день. После утренней пробежки я вернулась в замок, и меня перехватил Ламберт.

— Эй, ведьмачка-драный бок, иди сюда!

— Чего тебе, заноза в заднице? — ласково спросила я.

Ламберт провёл к конюшне.

— Я видел, как ты втайне от меня крутила шашни с моей лошастью.

— Ничего не было! Не было ничего!

— В общем, я решил не прощать изменницу. Ты можешь взять Тучу.

У меня упала челюсть.

— Ты серьёзно? Я ведь не откажусь.

— Да. Бери, пока я не передумал, я куплю себе получше. В зале справа от входа в сундуке седельные сумки и седло. Хорошие, зерриканские. Хоть спину лошади не натрёшь каким-нибудь дерьмом.

Меня переполнил восторг — у меня теперь есть своя лошадь, да не абы какая, а лучшая в мире! Увидев моё лицо, Ламберт отступил на шаг:

— Не-не-не, второй раз обнимашек я не потерплю!

С разрешения Весемира я присвоила пару комплектов одежды и обуви. Взяла мои зимние вещи, защиту, запас эликсиров и мазей, пару кусков мыла, а сумки всё равно оставались полупустыми. Взяла одеяло, которое можно было использовать как спальник, и мою шикарную медвежью шкуру. Непонятно зачем взяла даже джинсы и чёрную футболку. Хватит. Остальное заполню едой в дорогу и водой.

Весемир отвёл в сторону и отсчитал четверть привезённых нами с Эскем денег.

— Твоя доля, всё справедливо.

Я спрятала монеты в кожаный пояс, который надевался через плечо под куртку. На выходе меня встретил Эскем, провёл в арсенал и выдал два меча из самой крутой стойки.

— А, и ты ещё кое-что забыла, — с верстака он стянул объёмный мешок. — Привяжешь к лошади, это твоё.

Я развязала мешок, на меня пахло бальзамирующей жидкостью — из глубин скалилась зубастая бородатая голова виверны. Вот, оказывается, где пропадал Эскем эти дни.

— Ух, теперь я совсем как настоящая, с трофеем!

Эскем невесело улыбнулся. А у меня со всеми этими сборами было чувство, что я внучок, которого многочисленные бабушки и дедушки собирают первый раз в летний лагерь.

К вечеру всё было готово. Мы распрягли лошадей, чтобы они отдохнули, и отправились ужинать. Разговор то начинался, то затихал, и все были погружены в свои мысли. Наконец Весемир поднялся из-за стола, объявил, что предпочитает поспать перед дорогой, и ушёл. Остальные тоже разбрелись по своим комнатам.

Я лежала в кровати, и мне не спалось. Я не могу так вот просто взять и уехать! В конце концов, я здесь и я там — разные люди, и в том мире у той меня есть семья и близкие, и я имею право на свою собственную жизнь и частичку тепла тут, хотя бы немножечко, хотя бы на миг. Я соскочила на пол, натянула штаны и рубашку и босиком выскользнула из комнаты.

Может быть, я пожалею об этом, но — не сделаешь, не узнаешь. Спустилась в зал, прошла к двери в башню Эскеля. Поднялась наверх и постучала.

— Входи, — услышала я голос ведьмака.

Комната Эскеля была точно такой же, как моя, только более по-спартански обставлена. Его кровать была заправлена, а он сидел на полу перед тлеющим огнём камина. Я присела рядом. Ведьмак смотрел на меня, красные отблески играли на его лице.

— Эскель, я уже не твоя ученица, ты сам сказал это, — тихо начала я. — И несмотря на то, как я выгляжу тут, я уже взрослая женщина и способна решать... сама. Сегодня я хочу быть с тобой.

— Яна...

Он потянулся ко мне, приподнял лицо за подбородок, поцеловал. Как давно я этого хотела! Я забралась к нему на колени, обняла за шею. Нежные поцелуи становились всё более настойчивыми, нетерпеливыми. Я стянула рубашку, Эскель скинул свою. Воздух комнаты охлаждал кожу, а ладони Эскеля обжигали, и мы спешили, будто дорвались друг до друга, а потом, опомнившись, замедлялись, чтобы не гнать эту ночь вперёд, чтобы она не кончалась. Пальцы пробегали по шрамам, губы искали губы. Эскель подхватил на руки, отнёс на кровать, оставшаяся одежда комком полетела на пол. Придавил тяжёлым телом, и я обхватила его руками и ногами — мне хотелось, чтобы он был ещё ближе, прижался ещё теснее. Мы любили друг друга так жадно и отчаянно, как любят мужчина и женщина, у которых так давно никого не было и у которых так долго никого не будет.

Я лежала у ведьмака на груди, он легонечко водил пальцами по моему позвоночнику. Мне хотелось, чтобы это время длилось вечно, но оно было неумолимо. Наконец, я оторвалась от него, оделась. Эскель молча наблюдал за мной.

— Пора. Прощай, — я опять залезла на кровать.

Он притянул меня, поцелуй был долгим. Я с сожалением поднялась. И пошла к себе. Когда я проходила через зал, то увидела у камина медитирующую фигуру.

Утром я облачилась во все доспехи, завязала туго косу, надвинула на глаза шляпу. Встала перед зеркалом:

— Ну что же, Яна — искательница приключений, глава закончена, полный вперёд!

Лошади глухо стучали копытами по пыльной дороге и шли спокойной рысью. Несмотря на то, что периодически мы переходили на шаг, места, знакомые по осеннему путешествию в Износки, мы проезжали гораздо быстрее, чем в тот раз на телеге.

На обед остановились ровно на том уступе, где мы ночевали с Эскемем. Я ослабила подпругу у Тучи, мы принялись за еду. Весемир и Геральт молчали. Складывалось впечатление, что молчание — это такая форма диалога между ними, они понимали друг друга без слов. Я молчала тоже. Очередная страница была перевёрнута, всё происходило слишком быстро.

Между тем вокруг пели птицы, и жизнь была ключом в каждом листе, травинке и в журчании Гвинлеха.

Долгий путь в седле с непривычки давал о себе знать. Несмотря на то, что ход у Тучи был необычайно мягок, спина моя раскалывалась, а между ног появились болезненные натёртости. Я использовала это время, чтобы тренировать активную медитацию. Закрывает глаза и концентрировалась, улавливая изгибы дороги, положение моих спутников, шевеление невидимых животных в кустах за обочиной.

В Малые Износки мы прибыли после заката. В этот раз гостиница при корчме была полупуста, и мы каждый получили по комнате. Хозяин корчмы встретил как старых друзей — Весемира и Геральта он знал давно, а мне заговорщицки прошептал в ухо:

— Марек с Купавой первенца ждут, низкий поклон передавали милсдарю ведьмаку.

Я благодарно кивнула. Всё, значит, было не зря.

По случайности или из большого расположения мне досталась именно та комната, где мы ночевали с Эскемем. Я бросила сумку с вещами, посмотрела на пустую кровать в дальнем углу. Хорош уже! У меня свой путь! Так тому и быть.

Пошла проверить Тучу. Шустрый пацанёнок вывел её из денника на развязку, выскреб крючком копыта и смазал их маслом. Мягкой щёткой я прошла по шелковистой морде, по шее и крупу моей лошади, пока паренёк расчёсывал хвост и гриву.

— Хотите ли косы заплести, госпожа? — спросил он меня, — лошадка-то будет как принцесса.

— Нет, не надо принцессу, — я улыбнулась, вложила в его руку монету, — просто расчеши.

— Благодарствую, всё устрою в лучшем виде.

Убедившись, что Туча в порядке, я отправилась спать. Рассвет мы встретили на тракте.

— К ночи доберёмся до Больших Износок, а там посмотрим. Может быть, удастся дальше продолжить путь по реке.

Весемир будто бы вспомнил о моём существовании и вновь стал гонять по теории. Сегодняшней темой были огры.

— С накерами и троллями ты уже сталкивалась. У многих огров есть зачаток разума, это надо использовать. Но часто они настолько агрессивны, что у тебя не будет возможности с ними поговорить. При встрече, например, с циклопом...

— Я бы избегал, — встрял Геральт.

Он был мрачен и с начала поездки, казалось, сторонился меня.

— Несомненно. Именно это я и хотел сказать, — продолжил Весемир, — циклопы

злобны, хитры и с ними ни в коем случае не следует вступать в разговор. Помни, что бегство — это совершенно правильный выход из многих сложных ситуаций.

Я кивнула и с тайной благодарностью вспомнила Ламберта, который помог мне не столкнуться с безумным циклопом.

Местность снова неуловимо менялась. Леса стали гуще, могучие сосны и ели ровными колоннами уходили в небо. Дорога вышла к берегу Глинвеха, который степенно катил свои воды.

В Большие Износки мы въехали в темноте и по тихим улицам направились в центр. Копыта зацокали по мощёной дороге. Весемир явно знал, куда ехать. Потом свернули в грунтовые переулки и, наконец, остановились у корчмы «Три весла».

Внутри было полно народу, и мужчины, все как на подбор, расхаживали в огромных кожаных сапогах с отворотами, чёрных штанах с зелёными помочами и длинных куртках из тёмного холста. Некоторые выделялись щедро развешанными на лямках серебряными побрякушками и пряжками и ходили от одной группы посетителей к другой, важно выпятив грудь.

— Плотогоны, — шепнул мне Весемир, — весной начинается сплав леса.

Толстый хозяин корчмы, всячески извиняясь, достал единственный ключ.

— Комната большая, вы не беспокойтесь милсдари, удобства в лучшем виде!

Удивительно, что он не обманул. Выделенная нам мансарда занимала весь этаж — без особых проблем тут смогли бы разместиться ещё с пяток человек, и приходилось следить лишь за тем, чтобы не удариться затылком о массивные тёмные балки. Мрачность Геральта повысилась ещё на пару процентов, так как в полный рост он мог разогнуться лишь в центре комнаты, и поэтому он ухватился за одну из кроватей и с грохотом выволок в середину.

За ужином я продолжила наблюдение за плотогонами — кажется, тут активно происходил процесс найма в артели.

На нас не обращали никакого внимания, все были поглощены бизнесом. Мы заняли стол в углу, и через раздражающе бесконечное время нам поднесли едва тёплое рагу и едва холодное пиво. После ужина Весемир сообщил, что ему нужно найти кое-кого, и растворился в толпе.

Мы с Геральтом остались вдвоём. Интересно, что после пары сотен часов, проведенных в игре «в шкуре» Геральта, я совершенно не знала, с чего начать разговор. Он тоже не пытался говорить. Так мы молча и сидели, потягивая пиво, когда к нам подсели Весемир и щуплый на вид старичок.

— Якуб, — представил его ведьмак, — мой давний знакомый и негласный король плотогонов в этих местах.

Старичок зажмурился от удовольствия, как кот, и на его коричневой, выдубленной от ветра и солнца коже разбежались во все стороны морщинки.

— Те времена уж прошли, мой друг, теперь у нас новые короли, — вздохнул он. — Так что у вас за дело?

— Я направляюсь в Ард Каррайг, а мои друзья до Пожарища. Если ты лес погонишь может, сможешь троих пассажиров взять?

— Отчего ж не погоню. Послезавтра на рассвете выдвигаемся, формовщики уж плоты вяжут. А так дело доброе. Времена сейчас беспокойные, мне б не помешала хорошая охрана.

— Так договорились, — Весемир пожал Якубу руку.

— Пойду тогда, мне ещё пару парней нанять нужно. Народ пошёл избирательный,

капризный. Цены ломают, говорят, Михал-Великан вдвое даёт. Эх, — старик махнул рукой и встал.

Весемир повернулся к нам:

— На плоту-то оно лучше будет. И лошади отдохнут, и нам лишнего по большакам не болтаться.

Геральт кивнул.

— До Пожарища плыть дня три-четыре.

— Да, там и сойдёте. До Шаэрраведда за неделю доберётесь. А там советую по Ликсели, а потом по Понтару на лодке прямо до Вергена.

— Да, план таков, — кивнул Геральт.

Мы не торопясь допили пиво. Плотогоны завершили дела и тоже принялись налегать на выпивку. Шум нарастал.

— Не пойти ли нам спать? — зевнул Геральт. — Неохота участвовать в драке.

— Мудрое предложение, — поддержал Весемир.

Наутро я напросилась с Геральтом в город. Да, Большие Износки уже больше напоминали город, а не село: на центральной площади стояли солидные каменные дома, горожанки щеголяли в платьях с пышными разноцветными юбками, широкими рукавами и низким лифом, стыдливо пряча грудь под кружевами, которые ничего не скрывали, торговцы на рынке разделились в добротные камзолы, чулки и туфли с пряжками. Прямо цивилизация по сравнению с Малыми Износками.

Геральт, поторговавшись, продал кое-какие ингредиенты, потом долго и придирчиво осматривал товары у бронника.

— Ерунда, — повернулся он ко мне. — Центр мы обошли, тебе ещё куда-то надо?

— Нет. Я бы потренировалась...

— На плоту потренируемся, в городе лучше не привлекать лишнего внимания, — буркнул Геральт. — Мы тут и так как белые вороны.

И правда, куда бы мы ни пошли, вслед поворачивались головы. И немудрено — высоченный ведьмак с белыми волосами и девчонка в штанах и в мужской шляпе, и каждый с парой мечей за спиной. Будь я на месте жителей, сама бы глазела.

— Тогда лучше вернуться в гостиницу, — вздохнула я.

Мы проверили лошадей, пообедали с Весемиром и купили в лавке за углом хлеба, сыра и колбас в дорогу. Было очень странно ничего не делать. Впервые за много месяцев, полных работы и тренировок, я не знала, чем себя занять, чтобы перестало быть так муторно на душе. В комнате повторила знаки и уселась медитировать.

Утром, ещё затемно, Весемир скомандовал собираться. Мы оседлали лошадей и шагом двинули в направлении реки — лагерь плотогоны разбили в паре вёрст ниже по течению.

На берегу горели костры, туда-сюда сновали тени. Плоты уже были связаны, и их соединяли в звенья. Якуб носился тут же, как фурия, и командовал формовщиками отборным матом. Он явно был в своей стихии.

Наконец, гигантские плоты из длиннющих брёвен связали в восемь звеньев. По ширине они едва ли не перегораживали реку. Якуб заметил нас и приветственно замахал руками.

— На четвёртый! Туда!

Мы подвели лошадей к деревянным мосткам, перекинутым с берега на плот. Туча испугалась и не хотела идти. И только когда Плотва Геральта спокойно перешла на ту сторону, моя кобыла смирилась и, прижимая уши, позволила себя перевести.

На плоту был оборудован помост из досок, сколочена привязь для лошадей. Работники носили тюки сена, тащили сундуки. Вместе с нами на плот зашло двое человек, одетых как торговцы.

— Похоже, у нас будет компания, — предположил Геральт.

Мы сняли с лошадей седельные сумки и расставили полукругом вокруг жестяного листа, который служил кострищем.

Солнце только-только показалось из-за леса, когда, наконец, все товары были перенесены. Мостки втянули, и плотогоны, вооружённые длинными баграми, заняли места. Якуб заорал береговым команду. Канаты отвязали, и наше путешествие началось.

Тяжко нагруженные плоты медленно выходили на середину реки. Работники носились вдоль всей цепи, следя, чтобы неповоротливая бревенчатая змея нигде не коснулась берега. На переднем плоту вперёд по ходу были установлены колоссальной длины вёсла, которыми трое плотогонов подруливали, придавая всей цепочке правильное направление. Мне ужасно хотелось посмотреть за их работой поближе, но пока я решила не мешаться под ногами и удовлетворить своё любопытство потом, когда станет поспокойнее.

За излучиной Гвинлех расширился, и плоты заскользили плавно, будто сами по себе. Якуб, вытирая белым платком пот с залысин, подошёл.

— Ну, стало быть, выбрались. Я под это дело, раз мы с охраной, ещё взял пассажиров, — он мотнул головой на торговцев. — Везут в столицу холст и шкуры. На плотках-то груза много можно перевезти. Им выгода и мне прибыток. Так что, ежели вы не против, то с вас я ничего не возьму, а если надо и доплачу, за охрану, стало быть.

— Ох и хитёр же ты, — покачал головой Весемир.

— Жизнь такая, умей вертеться. Парней-то я себе в команду так и не добрал давеча, — Якуб досадливо сморщился. — Правда, один мужичок встретился, обещал двоих из своей артели отрядить. В полдень будем мимо Красного села проходить, там их и подберём. И хорошо б они там были, а то моим ребятам и смениться не с кем.

Я пошла болтаться по плотам, перепрыгивая с одного на другой. Ровный помост был только на нашем, четвёртом, да на втором, где устроились сами плотогоны. Остальные плоты были сооружены из стянутых канатами вязанок брёвен, и нужно было смотреть в оба, чтобы не оступиться и не переломать ноги.

Все плотогоны были при работе: один дежурил на корме, ещё пара с баграми в руках ходила вдоль плотов, следя за расстоянием от берегов, и трое, широко расставив ноги, стояли на передних рулевых вёслах. Я выбралась к ним на нос.

— Эй, Якуб, ты нам смену прислал? — весело крикнул мощный мужик на среднем весле.

— А ты, Микуло, устал что ли? Ишь, смену ему подавай! — Якуб хитро прищурился и повернулся ко мне. — А что, Янко, хочешь испытать работу плотогона?

Я радостно кивнула.

— Ну-ка, Матей, дай девушке место.

Молодой парень — совсем юный, с голубыми смешливыми глазами и белым пухом на подбородке — поднял из воды правое весло, закрепил в высоком положении. Вытер пот, смахнул соломенные волосы со лба.

Я встала на его место, упёрлась широко ногами в доски, скопировав позу у соседних плотогонов, и попыталась снять весло со стопора. Мне пришлось всем весом навалиться на рукоять, пока весло, наконец, не высвободилось и не начало падать лопастью в воду. Ноги

мои оторвались от помоста, и я повисла бы в воздухе, если бы Матей не пришёл на помощь. Вдвоём (мне хотелось думать, что вдвоём) мы погрузили весло в воду под нужным углом, и теперь мне приходилось прилагать адские усилия, лишь бы оно не виляло в воде, а было хотя бы параллельно остальным. О правильном подруливании речь вообще не шла. Никогда бы не подумала, что стоять на весле так сложно! Плотогоны добродушно посмеивались. С помощью Матея я вынула весло из воды.

— Со стороны и не видно, как это тяжело!

— Да, работа у нас нелёгкая. Но, как по мне, нет занятия достойней, чем плотогон! — Якуб горделиво выпятил грудь и постучал по ней.

Я вернулась к своим.

— Что, решила сменить профессию? — подмигнув, спросил Весемир.

— Ну уж нет, ведьмаком быть как-то полегче! — объявила я.

Ближе к полудню из-за леса выплыли красные черепичные крыши. Плотогоны подрулили так, что мы почти касались берега. Река делала поворот, и в излучине двое коренастых мужиков перепрыгнули на борт. Якуб, потирая руки, тепло встретил их и проводил к костру плотогонов.

Геральт вспомнил об обещанных тренировках. Чтобы не портить мечи, мы взяли палки и ушли заниматься на последний плот, подальше от любопытных глаз.

В бою ведьмак был в своей стихии и оказался терпеливым учителем. Он решил обучать меня особенностям боя с людьми.

— Чудовища это прекрасно, но на пути тебе гораздо чаще придётся сталкиваться с людьми, а они — чудовища поопасней.

Мы тренировались до вечера, сменив несколько палок. Потом вернулись в наш импровизированный лагерь. Якуб притащил котелок с густым варевом.

— Уха плотогонов, — гордо сообщил он, — я съем шапку, если вы скажете, что пробовали что-то лучше!

Уха и правда была потрясающая. Наваристая, с разными видами рыб, раками и еще какой-то речной мелюзгой. Я закатывала глаза от наслаждения, Якуб смеялся и шутил от удовольствия.

Закатное солнце прочертило оранжевую дорожку на реке. Торговцы тихо перешёптывались у своего костра. Плотогоны, наконец-то, могли меняться и по двое-трое отдыхать. Весемир ушёл к Якубу, а мы с Геральтом молча смотрели на огонь. Я опять почувствовала со стороны ведьмака непонятную мне отчуждённость.

— Геральт, — тихо спросила я, — что не так?

— Хм-м... — ведьмак продолжал изучать языки пламени.

— Что?

— Эскель мне как брат, — наконец, заговорил он, — ты поиграла в него и ушла искать дорогу в свой мир, а он остался там.

Я вспомнила медитирующую фигуру, которую видела в зале, возвращаясь от Эскеля. Значит, это был Геральт.

— Ясно, — меня переполнила обида. — Я поиграла в него. То есть, за несколько дней ты увидел достаточно, чтобы сделать такой вывод: Эскель — маленький мальчик, а я — коварная искусительница, у которой нет никаких собственных чувств!

— Не злись, — неожиданно мягко оборвал Геральт. — Именно потому, что Эскель далеко не маленький мальчик, мне это и не нравится. Последний раз, когда он полюбил, он

зализывал раны много лет.

— Дейдра? — едва слышно спросила я.

— Да. Она была его Дитя-Неожиданность, но появилась в его жизни уже взрослой. Их отношения были «кровь-кишки» во всех смыслах. Она оставила ему на память только шрамы, в том числе на лице. Вот почему я боюсь, что открывшись снова, он не сможет так просто этого перенести.

— Тогда почему он не поехал со мной?! — почти крикнула я.

— Он отпустил тебя на твой Путь, — Геральт помолчал и тихо добавил: — Но я точно не тот, кто имеет право тебя судить. Проехали.

— Проехали, — грустно кивнула я. От Геральта я совершенно не ожидала подобного выговора. — Расскажи про Верген.

— Иорвет ждёт меня, чтобы продолжить поиски исцеления для Саскии. Я не могу с ним пойти. Но думаю, что ты сможешь.

— Вот уж он обрадуется, — настроение у меня совсем упало.

К нам вернулись Весемир с Якубом. Старый плотогон был чем-то озабочен. Геральт вопросительно приподнял бровь.

— Похоже, у нас намечается работёнка, — сказал Весемир.

— Да, может, мне и кажется, — Якуб присел у костра. — Не нравятся мне новые парни. Работают хорошо, дело знают, да начали моих ребят подбивать, дескать, плывём аж до Белого Моста, там вдсятеро цену за лес дадут. А у меня контракт в Ард Каррайге, какой Белый Мост. А мои-то простофили уши развесили. Сдается мне, что их Михал-Великае подослал.

— Я второй раз слышу это имя, — проговорил Геральт, — кто это?

— Эх, гнусный человек, скрывать не буду, — Якуб махнул рукой. — Появился с год назад. Плотогон он прекрасный, тут ничего сказать не могу. Платит работникам вдвое больше, деньги из карманов так и сыпятся. По кабакам его артель везде знают — дебоширят и в карты играют, и ходят слухи, что в картах везёт им несказанно. Сговаривались с разными артелями вместе работать, да только о тех артелях я больше не слыхал. А сам Михал месяц от месяца как будто растёт. Он и был-то мужиком огромным, а теперь, сказывают, в три роста гигант.

— Хм-м... — многозначительно промычал Геральт.

— Живут они обособленно, захватили село заброшенное, отстроили. И вот, беспокоюсь я, значит, что мы мимо этого села после заката проходить будем, в ночь. А тут ещё и погода меняется, чую — быть буре.

Я оглядела безмятежное небо. Было необычайно тихо, и только плоты хлюпали по воде. Весемир заговорил:

— Мы можем встать на ночь, переждать бурю?

— Да это ж целое дело, плоты легче спустить, чем остановить. Правда, будет чуть ниже подходящее место.

Якуб посидел ещё, обхватив руками голову.

— Так тому и быть.

Плотогоны засуетились, забегали, готовя верёвки. Угрюмые новые мужики недовольно препирались с Якубом, остановка явно не входила в их планы. Геральт подошёл и, многозначительно сложив руки на груди, встал за спиной у Якуба. Мужики, мрачно зыря на ведьмака, принялись за работу.

В сумерках плоты подогнали к песчаному берегу, поросшему соснами. По команде Якуба плотогоны прыгнули в воду и стали наматывать верёвки на стволы деревьев. Верёвки затрещали и натянулись, плоты ударились друг о друга, лошади испуганно заржали. Но, наконец, вся тяжеловесная, растянувшаяся вдоль берега конструкция остановилась. Торговцы, маша руками, что-то недовольно втолковывали Якубу, но тот лишь отмахивался и показывал на небо. А буря и правда надвигалась. Ветер захлопал непривязанными лоскутами ткани. Торговцы бросились закреплять товар.

По мосткам мы перевели лошадей на берег под сень вековых сосен. Весемир с Геральтом натянули большой тент, под которым мы привязали лошадей и уложили седельные сумки. Лагерь готовился к беспокойной ночи.

А ветер всё крепчал. Толстые сосны раскачивались, сгибаясь чуть ли не до земли. Слышался гром и страшный треск, словно где-то невдалеке ломались и падали деревья. Гвинлех вскипел, и волны заливали качающиеся плоты. Геральт вышел на берег и стоял, скрестив руки на груди и всматриваясь в темноту на другой стороне реки. Я, пригибаясь под порывами ветра и придерживая шляпу, подбежала к нему. По сапогам ударили брызги и пена. Небо прорезала разветвлённая молния.

— Ты видел, Геральт?! — завопила я, перекрикивая ветер и показывая на противоположный берег.

Геральт кивнул. Серия молний осветила небо, и на его фоне чётко стало видно возвышающийся над деревьями гигантский чёрный силуэт плотогона с огромным топором в руках. В свете молний он яростно крошил брызжущий щепками лес. Ударил гром, и после канонады раскатов хлынул ливень. Больше ничего невозможно было рассмотреть, и мы вернулись в лагерь.

Народ, кто как мог, устроился на ночь. Плотогоны сгрудились под своим тентом, пустив к себе торговцев, сиротливо кутающихся в один плащ. Весемир, прикрыв глаза, спокойно сидел в позе для медитаций под нашим навесом, и рядом весело горел костёр из абсолютно мокрых брёвен. Геральт опустил у костра, я устроилась между седельными сумками.

К утру буря улеглась, а солнце взошло на ослепительно чистом голубом небе, как будто ночью ничего и не было. Защебетали птицы.

В лагере же плотогонов обнаружилась пропажа — исчезли двое новых мужиков и молодой Матей.

ПУТЬ В ВЕРГЕН. Глава 13. Под мохнатой елью, в тёмном подземелье

Якуб не находил себе места. Он рвал на голове жидкие седые волосы и причитал так, как и должны плотогоны — трехэтажной матершиной.

Весемир с Геральтом понимающе переглянулись и отправились осматривать лагерь. Но сами плотогоны ничего не заметили, как и торговцы, которые, нахохлившись, сидели у своих сундуков.

— Где спал Матей? — спросил Геральт.

— Вот тут, рядом со мной, — пробасил Микула, — пока буря была, он на месте был, а потом я уж спал, не видел.

Сумки новых плотогонов исчезли.

— Значит, они подготовились к побегу, — заключил Геральт, — а что с вещами Матея?

Весемир присел у лежанки юноши, проверил.

— Всё на месте, — пошарил вокруг. — Так, а это что у нас?

Весемир затих, и я поняла, что он использует ведьмачье чутьё.

— Геральт?

— Да, вижу. Трава примята, будто волокли тело.

Я увязалась за ведьмаками. След вывел к реке.

— Похоже, они перебрались на ту сторону.

Весемир в задумчивости погладил подбородок.

— Узнали что-нибудь? — к берегу торопился Якуб.

Старый ведьмак повернулся к нему.

— По всему выходит, что твои новые плотогоны сбежали и прихватили с собой парня.

— Матей не мог с ними сбежать, я его с детства знаю. Кто угодно мог сбежать, только не Матей!

— Он и не бежал, — мрачно сказал Геральт, — его уволокли. Вероятно, на ту сторону реки.

— В лагерь Михала-Великана! — ахнул Якуб, — какой же я долбаный идиот, какой идиот! Что ж я матери-то его скажу, она мне парня доверила, велела беречь, как сына!

Весемир положил тяжёлую руку на плечо старика, и тот под ней сник, стал совсем крошечным.

— Причитаниями делу не поможешь. Геральт, вы с Яной идите по следу, а я останусь на охране в лагере.

— Я собирался идти один.

— Даже тебе может понадобиться помощь, — голос Весемира был суров. — У девочки лёгкая рука.

Геральт, помешкав, кивнул.

— Тогда отправляемся немедленно.

Микула с помощником уронили с плота на тот берег, подняв фонтан брызг и едва достав до кромки песка, бревно. Ведьмак прошагал по нему, как по прямой дороге, а я пару раз покачнулась, но не ударила в грязь лицом и тоже перебралась без приключений.

Этот берег серьёзно потрепало ночным ураганом. Сцепившись кронами, повисли друг на друге изломанные деревья. Песчаный пляж, весь в чёрно-зелёных разводах ила и

водорослей, засыпало ветками и трухой.

— Надо найти продолжение следа.

Геральт, водя носом, направился по берегу. Я сосредоточилась. Может быть, и моя сила мне что-нибудь подскажет?

Сначала я не чувствовала ничего. Потом появилось навязчивое желание идти вниз по течению. Выставив перед собой руки, я закрыла глаза и следовала за ощущением, которое вело.

— Ты что-то видишь? — спросил Геральт.

— Нет. Только чувствую, что нам туда.

По мокрому песку, похрустывающему под сапогами, мы шли вдоль воды, и через полсотни шагов ощущение переместилось резко вправо.

— Ага! — воскликнул Геральт. — Вижу начало следа. Держись позади.

Мы устремились в чащу, и я старалась ступать так же неслышно, как ведьмак. Через некоторое время бурелом из выкорчеванных ураганом деревьев закончился, лес посветлел. Мы выбрались на опушку.

— Почти пришли, — тихо сказал Геральт, — видишь забор по ту сторону? Опушка прекрасно просматривается. Ага, вон и вышки. На них часовые... Так, ты берёшь левую вышку, к ней проще незаметно подобраться, я пойду к правой.

— Людей надо совсем убить? — задала я дурацкий вопрос.

— Яна, нам очень повезёт, если Матей ещё жив, — раздражённо начал Геральт и добавил, смягчившись: — И есть у меня подозрение, что это уже не совсем люди.

Попытавшись сглотнуть ком в пересохшем горле, я кивнула. Мы разделились. Перебежками от одного зелёного островка ивняка к другому я приближалась к забору, благо наши противники поленились очистить от зарослей опушку. На вышке, надстроенной над углом частокола, лениво опёршись о перила, стоял часовой, одетый как плотогон.

— Мамочки ж вы мои, пусть только Геральт будет прав! — я бесшумно подняла арбалет, прицелилась в голову.

Сосредоточилась, выдохнула, выстрелила. Бесконечно долгая секунда прошла до той поры, как часовой пошатнулся и осел, исчезнув из вида.

Краем уха я зацепила тончайший свист и, пригибаясь, побежала вдоль забора ко второй башне. Там меня ждал Геральт.

— Путь свободен. Внутри пока никого нет.

Он подтянулся, перепрыгнул по ту сторону частокола и отворил бревенчатую калитку под башней. С обнажёнными мечами в руках мы, озираясь и прислушиваясь, продвигались по периметру.

— Геральт, — я схватила ведьмака за рукав, — клянусь, я попала ему в глаз!

Часовой с моей башни, живее всех живых, протяжно засвистел. С Геральтовой башни ответил свист, и в забор перед моим носом воткнулась стрела.

— Я своего вроде как тоже убил, — чертыхнулся Геральт, подхватил под локоть, и мы помчались за одну из поленниц, расставленных на территории внутри забора.

На бегу Геральт выстрелил ещё раз в своего часового, и краем глаза я успела заметить, как тот упал.

— От дома бегут трое, я займусь ими, а ты добей своего.

Сложив Квен, перебежками и перекатами я вновь направилась к моей башне. Выбросила Аксий — часовой застыл с поникшей головой. Вскинула арбалет. Теперь-то уж

точно попала! Мужик секунду постоял и медленно повалился внутрь забора.

Геральт уже расправился с последними тремя. В наступившей тишине отчётливо слышалось кряхтение. Часовой с Геральтовой башни, лежащий в пыли с раскроенным черепом, приподнялся на локтях, потянулся за топором. Пока я с отвисшей челюстью наблюдала, Геральт выругался, подскочил и одним ударом снёс ему голову, и мне в моём ступоре казалось, что капли крови зависли в воздухе. Молнией ведьмак метнулся к лежащим троим, которые начали шевелиться, и сделал то же самое. Многозначительно обернулся на моего.

— Я не могу, — прошептала я.

Геральт скривился и заорал:

— Собирай головы! Быстро!

Я схватила ближайшую за чуб, вторую за бороду. Бородатая голова пыталась меня укусить. Ведьмак обезглавил моего часового и уже тащил от соседней избы мешок, попутно высыпая из него зерно.

— Бросай сюда!

Мы кинули головы в мешок и завязали горлышко.

— Прогрызут же, — с опаской сказала я.

— А чёрт знает, что с ними делать!

Геральт задумался, достал серебряный меч и не спеша подошёл к обезглавленному телу, которое уже село и близоруко шарило по земле рядом с собой руками. Он вогнал серебряный меч точно в сердце. Раздался звук, как от удара о камень. Края раны зашипели и обуглились.

— Чертовщина какая-то, — Геральт повернулся ко мне. — Давай их свяжем, хрен знает, что ещё тут можно сделать.

Я притащила верёвки, сложенные в аккуратную бухту возле одной из изб, и мы туго связали телам руки за спиной и ноги. Шевелящийся мешок с головами Геральт забросил в одну из клеток с человеческий рост высотой, рядом стоящих у забора. Закрыв замок, выбросил ключ в бурьян.

— Никогда такого не видел, а ты?

— Только в кино про зомби.

— Про кого?

— Зомби. Это мёртвые люди, живые мертвецы, для которых существует единственная цель в жизни. Например, есть мозги.

— Мозги эти не едят, но то, что они не живые — это точно. Серебряный меч только на нежити так себя ведёт, — Геральт убрал меч в ножны. — Будем надеяться, что на этом они закончились. Пойдём осмотримся.

На территории было несколько приземистых хат и двухэтажный дом. Мы начали с него.

Нам открылась просторная общая кухня — с длинными лавками и сбитыми из брёвен столами, с расставленными вдоль стен мешками с припасами. На второй этаж вела узкая лестница, рядами там стояли койки. Мы вернулись вниз, к кухне, где в глубине за печью нашлась ещё одна дверь. Геральт толкнул её.

Вероятно, мы зашли в кабинет. На полках, на тесном заваленном свитками столе громоздились стопки книг. Повсюду были расставлены жестяные подставки с оплывшими чёрными свечами. Я подняла одну книгу — «Демонология и жизнь», вторую — «Гоэтия как искусство». Ведьмак в очередной раз выругался. Я сосредоточилась.

— Геральт, за той стеной что-то есть.

— Да, знаю, видишь царапины на полу? Тут потайная дверь, и что-то должно её открывать.

Мы зашарили по комнате: отодвигали стулья и заглядывали под стол, нажимали на выступы и сучки в деревянной обивке стен, дёргали за витые шнуры занавесей на окне. Ничего.

— Попробуй ещё раз, — скомандовал Геральт.

Я уселась посреди комнаты, закрыла глаза в медитации. Поначалу зов из-за стены перекрывал всё, но через некоторое время стал различим тоненький импульс сбоку. Я протянула руку и с закрытыми глазами пошла навстречу. Рука упёрлась в канделябр на стене, в комнате таких было четыре.

— Что-то с ним нужно сделать, — сказала я, ощупывая резную латунную ножку.

Геральт отодвинул меня и стал дёргать и крутить канделябр, будто хотел оторвать его от стены. Потом снял свечу. От неё протянулся тонкий шнурок, щёлкнуло, и панель в стене отошла на миллиметр. Геральт подсунил нож в щель и, нажав, открыл дверь.

Мы втиснулись в полутёмную каморку со столом по центру. На столе, широко раскинув руки, лежал на спине Матей. Светлые волосы на запрокинутой голове разметались, а взгляд остекленевших голубых глаз был обращен в потолок.

— Нет, только не это! — закричала я, подскочила к нему и приложила пальцы под подбородок к сонной артерии.

— Яна, он мёртв, — тихо сказал ведьмак и отвернул полу куртки Матея.

Рубаха под курткой была закатана к шее юноши, и под ней посередине груди зияла чёрная в свете свечи развороченная дыра.

— Какая-то тварь очень любит сердца, — мрачно сказал Геральт.

— Да как же так! — я не справилась с собой, и из глаз предательски брызнули слёзы. — Геральт!

— Плачь, ведьмачка, — тихо проговорил он, — плачь, пока умеешь.

Я заревела навзрыд. Так не должно было случиться, только не Матей!

Геральт вернулся в кабинет и начал рыться в бумагах.

— Надо понять, что это за существо...

— Демон? Здесь все книги про демонов, — предположила я, когда, наконец, высморкалась, отдышалась и смогла говорить.

— Да, но должен быть ключ. Демон всегда как-то связан с хозяином, и если эту связь уничтожить, демон вернётся в свой мир.

— То есть кто-то, скорее всего этот Михал, вызвал демона и заставил его служить себе?

— Или хотел заставить, но демон захватил власть над телом.

В четыре руки мы перебирали бумаги, отбрасывая просмотренное на пол. Из толстого тома «Гоэтическая демонология» с окрашенным в чёрное обрезом выпал листок. Он был потемневший от времени, с коричневыми пятнами, будто его спасли из огня. Я расправила бумажку под свечой — там был стих, и строчки обрывались на сгоревшем нижнем крае:

Под мохнатой елью,

В тёмном подземелье,

С дивным входом меж корней

Старый демон ждёт гостей.

Он неслыханно богат,

Он хранит заветный клад...

— Геральт, я знаю этот стих! И знаю эту сказку! — воскликнула я. — Там у стиха ещё было продолжение.

— Какое? — Геральт заинтересованно повернулся, отшвырнув взятый со стола свиток.

— Не помню... хотя очень любила эту сказку в детстве. Да там вся суть была в этом продолжении!

— Это указание на главное укрытие демона, — Геральт постучал пальцем по листу у меня в руках. — А тут это так, продовольственная база и жилище для его м-м... зомби. Кстати, мне нужно проверить одну вещь, можешь не ходить со мной.

Но я всё равно пошла. Во дворе он опустился на корточки у связанного и извивающегося безголового тела, перевалил на спину и вонзил в сердце ведьмачий нож. Я отвела взгляд.

— Я же сказал, что можешь не ходить, — сердито буркнул он.

— Я ведьмачка, я должна.

Геральт фыркнул и, отвернувшись к трупам, с хрустом вырезал сердце из грудной клетки. Очистил от тканей. Подбросил в ладони и кинул мне. Я поймала и ахнула.

— Но это же камень!

— Вот именно, — отряхивая руки, Геральт поднялся. — Нам нужно найти логово этой твари. Я заметил ещё один выход из лагеря, там должны быть следы.

От ворот с другой стороны частокола начиналась тропа, и майский лес был таким радостным, таким безмятежным, что на миг показалось, что всё увиденное было лишь сном.

Однако ведьмак явно взял след. Он уверенно вёл по тропе через лес, который густел и темнел. Над головой сомкнулись кроны, деревья стали в несколько обхватов толщиной и стояли тесно. Мы бежали в полумраке, пока тропа не растворилась во мху у огромного, вросшего в землю валуна. Сверху, оплетая его корнями, склонилась косматая ель. Мой ведьмачий медальон дрогнул.

— Покажи стих, — потребовал Геральт.

Я протянула ему бумажку.

— Похоже, что мы нашли место. Только что дальше делать — неясно...

Он обошел вокруг камня, замер там, где тропа исчезала.

— Это иллюзия, — наконец, сказал он. — И у меня нечем её снять.

— Может быть, стих должен сработать?

— Давай, читай, — ведьмак сунул бумажку обратно мне в руки.

Вслух и с выражением я читала стих, и на миг почудилось, что камень стал нерезким, изображение дрогнуло и смазалось, но только на миг.

— Не действует, — разочарованно протянула я.

Геральт с досадой поглядел в небо, выдохнул и склонился ко мне.

— Яна, видишь, на этой бумажке сгорел низ? — с напором произнёс он. — Это значит, что там были ещё слова. Напрягись. Некоторые мифы, как и демоны, кочуют из мира в мир, и если ты вспомнишь продолжение стиха, он может подействовать.

Глядя в бумажку и бормоча под нос, я зашагала по поляне. Думаю, это же была твоя любимая сказка! Я вспомнила верное средство, опустилась на колени и прикрыла глаза. Знакомое белое свечение окутало меня. Где-то там, где-то в моём сознании в недрах памяти был спрятан ответ. Я долго сидела, вглядываясь в темноту под веками.

— Бинго!

— Ну наконец-то, — проворчал Геральт, который прислонился спиной к камню и терпеливо ждал.

Под мохнатой елью,
В темном подземелье,
С дивным входом меж корней
Старый демон ждёт гостей.
Он неслыханно богат,
Он хранит заветный клад.
Кто родился в день воскресный,
Получает клад чудесный.
— Что за чушь?
— Не знаю, так было в сказке!

Геральт открыл было рот, чтобы возмутиться, но тут камень исчез, словно его изображение стёрли. Под свод из корней уводил вниз коридор. Мы переглянулись, достали из ножен серебряные мечи и шагнули в подземелье.

Ведьмак неслышно шёл впереди. Через полсотни шагов он обернулся, приложил палец к губам. Тогда и я тоже услышала далёкий гул голосов. Осторожно ступая, мы двинулись дальше. Земляной потолок коридора становился всё ниже. Я сосредоточилась на дыхании. Только держать себя в руках, только не поддаться панике! С детства я страдала клаустрофобией, и в любых тесных, особенно подземных, помещениях у меня начинались панические атаки. Я зажмурила веки и шла по ощущениям, силясь представить, что потолка над головой нет.

Геральт тронул меня за рукав. Я открыла глаза. По спирали коридор уходил вниз вокруг стены гигантского подземного зала. Нас скрывали похожие на спутанные бороны свисающие с потолка корни, но в просветах мы могли наблюдать за происходящим внизу.

На полу зала горела затейливой формы пентаграмма, составленная из свечей. Кругом на коленях стояли плотгоны. А в центре... В центре возвышался тот самый великан — в три человеческих роста мужик в одежде плотгона, силуэт которого мы видели при свете молний. У его ног в аккуратном земляном резервуаре бил родник. По узкой канаве от родника через дыру в стене вытекал из зала ручей. В руках великан держал нечто крохотное и светящееся. Я вцепилась в плечо Геральта и зажала ладонью рот. Это было пульсирующее сердце.

Монотонным басом великан читал мантру, его верные зомби гудели и раскачивались в такт. Медленно и незаметно голос становился громче, темп нарастал, и плотгоны начали отбивать ритм ладонями по земле. Великан поднёс сердце ко лбу, потом положил на кусок коры. Аккуратно опустил кору в родник. Темп достиг апогея. Кораблик с сердцем, покачиваясь, постоял немного, пока его не подхватило течение, поплыл по ручью и исчез в отверстии в стене пещеры.

— Слушай, быстро, — горячо зашептал Геральт мне в ухо. — Я отвлеку всех на себя, а тебе нужно пролезть туда, куда уходит ручей. Я туда просто не помещусь. Где-то там ты должна найти главное сердце.

От ужаса, что придётся лезть в тесный лаз, меня парализовало. Что угодно — я готова отрезать головы и вынимать сердца, только не туда! Задышала, понимая, что не смогу и надо быть полной дурой, чтобы согласиться на такое. Кивнула. Выбора нет. Геральт внимательно посмотрел на меня, поднял руку, как учил Ламберт.

Пошли! С мечами наперевес мы ринулись в зал. Наложив Квен, я продвигалась к ручью. Геральт превратился в смерч, мечи крутились вокруг него, сливаясь в круги. Он продрался

через плотогонов к Михалу, а тот воздел руки и начал расти.

— Яна, давай! — крикнул Геральт.

Я бросилась к дыре, упала на живот в ручей. Голова пролезает, плечи уже еле-еле. Рукояти мечей упёрлись в свод. Я вылезла, скинула ножны, арбалет, мечи, куртку. Зажав в руке ведьмачий нож, я снова стала ввинчиваться в дыру, и когда пролезла туда целиком, то поняла, что застряла. Накатила паника, терпеливо ждущая своего часа. Единственным желанием было биться о стенки этого тоннеля, который грозился стать моим гробом. Дышать, только дышать! В таких условиях медитировать мне ещё не приходилось. Медленно, ведомая моим белым светом, я стала продвигаться вперёд, извиваясь и отталкиваясь носками сапог от дна ручья. Метров через пять (а по ощущениям — километров) показалось, что тоннель расширился, появились корни. Перекрестив руки и цепляясь за корни, я рванулась, пропихнула себя вперёд и вывалилась в пещеру.

Её заполнял слабый свет. Ручей, текущий из прохода, откуда я только что выпала, огибал помещение с земляными стенками, из которых выпирали бока валунов. Я подобралась к свету — ручей собирался в каменном резервуаре, и, по всей видимости, из него вода уходила куда-то вниз. Каменную чашу заполняла флотилия корабликов из коры, и на каждом приглушённо светились сердца.

Сердце на крайнем кораблике светилось ярче других. Я выудила его из воды и отложила в сторону.

— Яна! — докатился до меня далёкий отчаянный крик.

Так, быстро, что-то нужно делать! Подхватывая с лодочек сердца, я вонзала в светящуюся плоть ведьмачий нож. Одно, второе, третье, сколько же их тут! Сердца гасли, и я отбрасывала их на пол. Последнее сердце было мягким и крупным, едва помещаясь мне в ладонь, и испуганно сжалось, когда я подняла его. Выдохнув, я воткнула в него нож. Сердце трепыхнулось и начало съёживаться, пока не распалось в прах. Я опустилась на пол, вытерла о землю ладонь.

— Яна, ты там? — услышала я крик.

— Да! Тут!

— Все кончено, возвращайся!

При мысли, что опять придётся лезть через дыру, замутило. Но не могу же я остаться в этом земляном мешке!

— Геральт, спусти по ручью верёвку и вытяни меня! Я сама не выберусь!

Наступила тишина. Наконец, из ручья показался привязанный к куску коры конец верёвки. Выбросив кору, я крепко привязала верёвку к левому запястью. Наклонилась, подняла с пола последнее светящееся сердце. Осторожно залезла в дыру.

— Тащи!

Верёвка натянулась, и я, помогая всем телом, потихоньку продвигалась по тоннелю. Когда мои плечи показались из отверстия, Геральт подскочил, подхватил под мышки и, как Винни-Пуха из норы, вытянул меня в зал. Я стояла, покачиваясь, сжимая драгоценное сердце в руке.

— Что тут было? — я огляделась.

— Натуральный ад, — Геральт обвёл рукой зал. — Они всё оживали и оживали, но в какой-то момент по одному стали рассыпаться в прах.

Ведьмак поднял с земли камень.

— Вот всё, что от них осталось.

— А Михал?

— Эта тварь задала жару, я уж думал, что тут и кончусь. Он мог оборачиваться — превращался в змею, в рой ос. И точно так же мои удары только на время выводили его из строя. Но потом и он... — Геральт поддел сапогом булыжник. — Вот тебе и Михал-Великан.

— Геральт, там было хранилище сердец.

Я рассказала, как уничтожила их. Ведьмак серьёзно слушал, кивнул на тускло светящееся сердце у меня в руке.

— Думаешь, это Матеево?

— Да.

— Навряд ли мы сумеем помочь ему.

— Но мы должны хотя бы попытаться!

Геральт, помедлив, кивнул.

— Давай выбираться отсюда.

Не рискнув надевать куртку прямо поверх вымокшей и измазанной в земле рубашки, я закинула её за спину на перевязь с мечами, подхватила сердце.

— Я готова.

Мы вернулись на яркий дневной свет. Как будто и не было этого кошмара в подземелье! Добрались до лагеря плотогонов Михала. На месте обезглавленных тел чернел пепел.

Матей так и лежал на столе.

— Нам не нужно как-то продезинфицировать сердце? — робко спросила я.

Геральт бесцеремонно взял его у меня из рук, опустил в бочку с водой и поболтал там.

— Теперь молись своим богам, чтобы всё получилось. Потому что я в этом совсем не уверен.

Он подошёл к телу, покрутил сердце, прикидывая правильное положение. Мне показалось, что оно стало светиться ярче и биться чаще. Геральт поднёс его к дыре в груди, и сердце, будто само, скользнуло внутрь. Некоторое время ничего не происходило. Я отчаялась.

И тут наш труп чихнул. Мы с Геральтом переглянулись. Ведьмак склонился над Матеем, а тот чихнул ещё раз и открыл глаза.

— Ну-ну, тихо, дружище, лежи.

— Где я?

— М-м... ты попал в неприятности, но теперь всё хорошо. Что ты чувствуешь? — Геральт придерживал Матея, который порывался встать, за плечи.

— Я в порядке. Где Якуб? Он хватится меня и будет ругать!

— Не будет, не переживай, будет он тебя целовать и обнимать. Яна, нам нужно перевязать рану, поищи что-нибудь.

Порывшись в сундуках в столовой, я нашла отрез холста. Мы разорвали его на полосы, Геральт достал из кармана мазь.

— Сейчас будет очень больно, но так надо, потерпи.

Перевязав Матея, который, закусив губу, часто дышал, мы соорудили из одеяла со второго этажа и пары жердей носилки. Геральт подхватил их у головы, я взяла ноги. Ну что же, Яна, ты хотела тренировок, вот тебе силовые!

***

Вечером того дня мы сидели у костра. Я успела искупаться в ледяной воде, сменила одежду и чувствовала себя вновь родившейся. Якуб вышиб пробку у бочки пива.

— Хотел открыть её по приезде, но сегодня случай поважнее!

Геральт рассказал о наших похождениях.

— А что же Михал-Великан, кто это был? И зачем они нашего Матея уволокли?

— Михал ваш был дурак, — буркнул Геральт, — никогда ещё заигрывание с демонами до добра не доводило. Он начитался книжек и вызвал демона себе в услужение. Хотел богатства и славы и обменял их на своё сердце. Ну, а тот, не будь дурак, завладел его телом. И стал собирать новые сердца, они давали ему силу. Уж не знаю, скорее всего своим плотогонам он тоже сулил горы золотые, и обменивал их сердца на кусок камня. А Матей... — Геральт пожал плечами. — Думаю, демон ждал свежих сердец — его люди должны были захватить твои плоты ниже по течению, у своей деревни. А когда его плотогонам не удалось удержать нас от стоянки, то демон рассвирепел. Мы видели его в ночи, как он крушил деревья. Ну, они и решили задобрить его, принесли ему в жертву хотя бы одно сердце.

— Эх, у парня второй день рождения сегодня.

— Пусть благодарит Яну, — серьёзно сказал Геральт. — Я бы ни за что не смог бы пролезть к сердцам и, скорее всего, не стал бы спасать сердце Матея.

Якуб схватил меня за руки и долго тряс, рассыпаясь в благодарностях. Я смутилась и сидела, чувствуя, что щёки мои горят. Весемир хитро посмотрел на Геральта.

— Да, я помню твои слова, — сказал Геральт, — ты был прав.

ПУТЬ В ВЕРГЕН. Глава 14. Белая роза Шаэрраведда

Через день к утру мы добрались до Пожарищ. Несмотря на название, к реке спускалась улица с новенькими ладными домами.

— Так пожар лет десять тому назад был. Отстроились, — пояснил Якуб.

Плотогонь готовились к стоянке, в деревне они должны были привязать ещё один плот. А мы с Геральтом оседлали лошадей и ждали высадки. Я проведала Матея — юноша лежал на плоту работников, заботливо укутанный в одеяла.

— Эх, Янка, точно ли ты отдала мне моё сердце? Может, разбила сначала? — Матей хитро улыбнулся и протянул руку.

— Не ври, — засмеялась я, — на месте твоё сердце, целёхонькое и ни капельки не разбитое, я видела.

Краски вернулись его мальчишескому лицу, он выглядел гораздо лучше, чем вчера вечером, и уж точно лучше, чем давеча на столе с дыркой в груди. Я подержала его за руку и вернулась к ведьмакам.

— Геральт, а чтоб вам до Ард Каррайга с нами не добраться? — вопрошал старый Якуб. — Три дня пути осталось, а там по тракту домчите до Ликсели.

— Не надо нам трактов, — угрюмо ответил Геральт.

— И то правда, времена снова мутные, — старый плотогонь почесал затылок, обернулся ко мне: — Янко, душенька моя! Дай с тобою попрощаюсь. А то бросай этих ворчунов, да иди ко мне в артель. Если не на весло, так на охрану поставим!

Я рассмеялась, а старик поднялся на цыпочки и смачно чмокнул меня трижды в щёки.

Весемир попрощался с Геральтом, прижал меня к груди. Я обняла его крепко.

— Помни, что ты всегда можешь вернуться в Каэр Морхен, это теперь и твой дом тоже. Удачи на Пути.

Я спрятала лицо у него на груди. Только бы не зареветь. Я не могу допустить, что вижу его в последний раз! Всё. Пора. Мы с Геральтом перевели лошадей на твёрдую землю и отправились в путь.

***

Вокруг бушевала весна. Лес сменился на светлый лиственный, всё цвело, порхало и щебетало. Лошади после трёх дней вынужденного простоя приплясывали на ходу. На опушке Геральт придержал Плотву, подмигнул мне:

— Наперегонки до конца луга?

— Да!

Мы встали бок о бок на границе густой тени деревьев и ярко-зелёной солнечной травы. Геральт махнул рукой. Я подала Тучу, которая только этого и ждала, в галоп, привстала в стременах и пригнулась к самой её шее. Ветер бил в лицо, и мы неслись над лугом как выпущенные стрелы. Такой забытый восторг скорости и полёта я чувствовала последний раз тысячу лет назад, в прошлой жизни, когда удавалось промчаться на сноуборде по пустынному склону, а в этой жизни так и вообще впервые.

В лес на той стороне луга мы ворвались одновременно.

— Я победила! — заявила я.

— Наглое враньё, — ответил Геральт, — Плотва была впереди на полморды.

— Не докажешь!

Геральт улыбнулся, мы пошли шагом. После совместной вылазки в подземелье демона лёд между ведьмаком и мной окончательно растаял. Казалось, что Геральт смирился и с вынужденной задержкой на своём пути из-за крюка в Верген, и с моим существованием.

— Геральт, а почему мы не едем по трактам? Из-за того, что ты принял сторону скоя'таэлей?

— Да, в Каэдвене меня могут узнать, нам не нужны лишние хлопоты. Хм-м... ты многое обо мне знаешь, — недовольно продолжил он.

«Не представляешь, насколько много», — подумала я про его бесчисленные приключения и столь же бесчисленные романы, свидетелем которых я стала.

— Многие вещи я прожила буквально в твоей шкуре.

— Отвратительно, я будто попал на бал без трусов, — буркнул он. — И без штанов.

— Прости, мне очень неловко от этого. Но я даже представить не могла, что где-то эти события происходят по-настоящему.

Я помолчала. Геральт молчал тоже.

— Ужаснее всего то, что я знаю, что будет дальше. В общих чертах. Но теперь я не могу принимать решения за тебя.

— Несказанно рад это слышать, — язвительно отметил он.

— Весемир наказал никому не рассказывать про будущее. Но это гнетёт меня.

— Знание будущего — опасный подарок. Весемир прав.

— Так своего-то будущего я не знаю. И не знаю, правда ли то, что я знаю, и изменится ли то, что я знаю, от того, что я здесь.

— Ты сама себя запугала, — Геральт остановил Плотву и спешился. — Некоторые вещи уже изменились, например, в жизни Матая. Не забивай голову — есть Путь, он ведёт, следуй ему. Всё просто. А мой Путь говорит, что пора перекусить.

Мы распрягли лошадей и устроили обед. Геральт лежал на земле, смотрел в небо сквозь качающиеся кроны и жевал травинку. Я последовала его примеру. Ничего нет, будущего нет, есть только тот миг, когда ты лежишь и смотришь в небо.

— Эй, подъём! — я не заметила, как задремала. — Вставай! Пока лошади отдыхают, по плану рукопашный бой.

Я нехотя поднялась, помотала головой, сгоняя дрёму. А ведь так хорошо всё было! Скинула куртку.

— Меня почти не учили чистому рукопашному бою, только в дополнение к бою с оружием.

— Во-первых, не всегда нужно убивать, а иногда даже совсем нельзя, — менторским тоном начал Геральт. — Во-вторых, оружие тебе не всегда будет доступно. Поэтому правило номер раз — бей или беги, и ты должна с первого намёка на драку знать свой план. С твоим весом и силой бежать — лучший выход. Забудь о том, что сможешь легко уделывать мощного мужика, а тем более двоих. Каждый вечер ты будешь отрабатывать удары.

— Но где?

— На седле. Подвесишь седло, основные удары я покажу. А теперь запомни правило трёх «Г».

— Трёх Геральтов?

— Нет, — усмехнулся ведьмак, — Глаза, Горло, Гениталии. Что-то одно будет всегда открыто. Начнём с глаз.

По команде Геральта я подошла, взяла его голову в ладони и приложила большие

пальцы к векам.

— Спасибо за массаж, но я не это имел в виду. Жми на глаза. Сильнее! Это не мыльные пузыри, им не так-то легко причинить вред.

Щупать лицо постороннего человека было ужасно неловко и страшновато. Под пальцами чувствовались упругие глазные яблоки.

— Когда будет нужно, хватаешь так и давишь на глаза, что есть мочи. Эй, полегче!.. Ни один противник сразу после этого не сможет нападать, а у тебя появится время. А потом вот так хватаешь голову и коленом в нос.

Геральт хлебнул воды из фляги.

— Теперь горло. Потрогай кадык. У тебя его нет.

Я протянула руку.

— Он твёрдый.

— Да, и удар в него кулаком, ребром ладони, чем угодно тоже сработает отлично.

— Перейдем к гениталиям? — весело спросила я.

— Ну уж нет! Тут будет только теория. В любом случае попасть в пах не так просто, как кажется. Будешь отрабатывать удары на седле. А теперь уклонения и перемещения.

Мы кружили по поляне, Геральт напал, мне нужно было отклоняться и контратаковать.

— Не бей в торс, с твоими ударами это как минимум бесполезно. И в живот тоже.

Пресс у ведьмака был каменным.

— А вот в лицо, если попадешь, особенно в нос, или боковым в ухо — то хорошо.

После тренировки мы двинули дальше. Потянулись походные дни. В лесу, кроме мелкой дичи, нам не встречалось ни хищников, ни чудовищ. Порой мне казалось, что едем мы в глуши в какой-нибудь Калужской области, а не в Каэдвене.

Каждый вечер и каждую стоянку я отрабатывала удары руками и ногами на несчастном седле, пока Геральт отдыхал у костра. На дневном привале у нас был спарринг.

— Уже лучше... чем ничего, — прокомментировал как-то ведьмак.

На седьмой день Геральт стал вести себя осторожнее. Мы больше не разжигали костров.

— Мы сближаемся с трактом, — пояснил он. — Заночуем у Шаэрраведда, завтра выйдем к реке.

Я вела Тучу след в след за лошадей Геральта, и незадолго до заката мы добрались до первых развалин легендарного города эльфов, о котором я читала в книгах.

— Геральт, а можешь показать мне Шаэрраведд?

— Хм-м... вообще, это не лучшая идея. Там мы можем напороться на эльфов. С другой стороны, насколько я знаю, все они ушли в долину Понтара, — ведьмак задумался. — Слезай на землю, пойдём.

Спешившись, мы повели лошадей под уздцы. Закатное солнце высвечивало мрамор руин, между которыми, взломав камень, выросли могучие деревья. Растения поглотили развалины, и каменные глыбы скрылись под травой и мхом.

Мы осторожно пробирались вперёд, пока не достигли полуразрушенной колоннады. Прошли в обвалившуюся, вросшую в землю арку с узорчатым орнаментом. Геральт повёл рукой.

— Тут.

По центру в руинах между колоннами угадывались очертания чаши фонтана. Вода нашла себе другой путь, струилась по мозаичным обломкам и огибала насыпь, на которой

цвёл пышный куст, усыпанный белоснежными розами. Плети увивали белую мраморную плиту с изображением прекрасного юного лица — Аэлирэнн, легендарной эльфийской предводительницы, которая повела за собой молодых эльфов в последний бой. Геральт молча указал на барельеф.

— Когда-то я был здесь с Цири, — тихо произнёс он. — Она просила разрешения сорвать розу.

Он смотрел мне в глаза. Я покачала головой.

— Эти розы цветут здесь не для меня. Может быть и для Цири, но точно не для меня.

Геральт кивнул. На ночлег мы расположились неподалёку от фонтана. Солнце ещё не зашло, а по другую сторону небосвода уже сиял белый круглый диск луны.

Мы наскоро перекусили, спустилась ночь. Вокруг стояла полная тишина, не пела ни одна птица, ветер не шевелил листву. Я улеглась, завернувшись в одеяло, около седельных сумок, Геральт сел медитировать.

***

Проснулась я внезапно и привстала, не понимая, что произошло. Встретилась глазами с Геральтом. Ведьмак приложил палец к губам.

Со стороны фонтана лилось, будто приплывало по воздуху, пение. Спросонья мне показалось, что поёт ангел. Высокий голос переливался, мелодия струилась, и это было самое прекрасное и самое печальное, что я когда-либо слышала.

Я приподнялась на лежанке и вопросительно мотнула Геральту головой в сторону источника пения. Он колебался секунду, потом кивнул и бесшумно встал.

Тихонько мы пробрались к фонтану. Ведьмак задержался, разглядывая барельеф, и в белом свете луны я увидела, что по мраморному лицу Аэлирэнн текут живые слёзы. Мелодия была уже близко и доносилась откуда-то снизу.

Перешагивая обломки, Геральт осторожно направился вокруг фонтана. Махнул мне рукой, подзывая. Между колоннами за кустами орешника скрывался ведущий вниз провал. Голос раздавался оттуда. Геральт спустился первым, подал мне руку, и по обрушенной лестнице мы пробрались в подземный зал под фонтаном.

В неверном свете луны, просвечивающей через проём, угадывались на стенах высеченные фигуры эльфов. Один держал у губ флейту, дама с ниспадающими волной волосами занесла кисть над мольбертом. Тонконогая лань брала яблоко из рук юноши с острыми ушами.

По всей ширине дальней стены тонким слоем текла вода, собиралась на полу и сквозь трещины просачивалась вниз, а на водной плёнке на стене, как на экране, лунно светилось изображение стройной девушки в тонкой тунике. Сложив руки на груди и обратив вверх лицо, она пела.

Мы стояли неподвижно и слушали. Наконец, песня оборвалась, эльфийка повернула к нам голову. Это была Аэлирэнн, девушка с барельефа.

— Ты не сорвала розу... — мягким певучим голосом произнесла она. — Только тот, кто побывал в других мирах и теперь не находится целиком в этом, может услышать моё пение и увидеть меня под полной луной. Не так ли, Gwynbleidd?

— Да, я был в других мирах.

— И ты, юная Айни...

— Яна, — поправила я и получила пинок от Геральта.

Серебристый смех эхом прокатился по залу.

— Твой огонь скрыт, но он есть, — эльфийка помолчала. — Настанет день, и тебе придётся дать ему выход.

— Почему ты не ушла на Остров Яблонь вместе со всеми? — тихо спросил Геральт.

— Я не могу. Не могу показаться на глаза тем, кто погиб по моей вине. Я навечно обречена быть на границе между мирами, пока... — она помедлила. — Аенуе, подойди.

Я, наконец, догадалась, что таким именем нарекла меня Аэлирэнн, и осторожно подошла к призраку.

— Возьми это и передай тому, кто так же, как и я, проклял себя. Проклял за то, что вёл за собой. За то, что обрёл молодых эльфов на гибель. Скажи ему, что в последний бой я приведу всех, кто скитается без покоя. В Дол Блатанна должны вернуться живые цветы!

Изображение прекрасной эльфийки затуманилось.

— Прощайте, — донеслось до нас, — Луна уходит.

Геральт склонил голову, я тоже. Призрак Аэлирэнн исчез, и совершенно прозрачная вода бежала по стене. Геральт всматривался в темноту, туда, где вода скапливалась в лужу.

— Что-то там видишь? — спросила я.

— Да.

Ведьмак достал из-за пазухи лучину, движением пальца зажёлг и опустил к самому полу.

— Возьми.

Я протянула руку к чему-то, что блестело под водой. Поднесла к глазам. На тонкой цепочке белого металла висела крошечная, виртуозно выполненная неизвестным ювелиром роза.

— Белая Роза из Шаэрраведда, — прошептал Геральт.

В молчании мы вернулись в лагерь. Перед сном Геральт повернулся ко мне.

— Я говорил тебе, что ничего выдумывать не надо. Путь сам найдёт тебя.

ПУТЬ В ВЕРГЕН. Глава 15. На «Марийке»

Следующим утром мы с Геральтом выбрались на тракт — широкую разбитую грунтовку с засохшими колеями, размеченную кое-где верстовыми столбами с указателями. По дороге я пыталась ведьмака, кого могла иметь в виду Аэлирэнн.

— Геральт, я не очень-то понимаю иносказания. Почему Аэлирэнн прямо не сообщила, кому мне следует отдать розу?

— Когда придёт момент, ты будешь точно знать — так это работает, — слишком на мой взгляд беззаботно ответил он.

— Но ты сам как думаешь, я должна отдать розу Йорвету?

— Хм-м... не уверен. Он слишком молод по эльфским меркам, и он как раз из тех, кто шёл за такими, как Аэлирэнн.

Тракт вывел к оживлённой фактории Карнат на берегу Ликсели. Поселение огораживал массивный частокол, и по подъездной дороге пылили гружёные телеги. На обочине торговли разложили на деревянных ящиках свои товары и хрипылыми голосами зазывали клиентов.

— Дела тут идут бойко, — заметила я.

— В факторию привозят товары со всего восточного Каэдвена, а потом по Ликсели сплавляют их в Темерию и Реданию.

— А почему именно сюда?

— Выше Карната Ликсель несудоходна, там броды. А отсюда при желании можно доплыть до Новиграда.

Лавируя между телегами и стараясь не наступать в навоз и лужи лошадиной мочи, мы спустились по главной улице к пристани, где было пришвартовано единственное пузатое одномачтовое судно.

— Торговый когг, — пояснил Геральт, — пойдём поищем капитана.

Спешившись, мы протиснулись сквозь вереницу грузчиков, которые носили мешки на палубу. У бортов с криками летали чайки. Геральт уверенно вёл на корму, откуда раздавались громогласные команды.

Мы поднялись по ступеням на ют, и перед нами во всей красе предстал источник звука. Капитан был едва ли не выше Геральта ростом, но в пару раз шире, а в области талии так и втрое. Рубаха на могучей груди была расстёгнута, открывая изогнутый латунный свисток на толстой цепи и густые заросли, которые обладатель груди с наслаждением почёсывал. Та часть лица, что была видна из-за курчавой бородищи, могла бы принадлежать профессиональному боксёру, который очень много пропускал ударов в голову, и выглядела устрашающе, но сквозь щёлки опухших век на нас смотрели весёлые глаза.

— Ахой! Капитан «Марийки», Ондра Жук, — представился он и пожал Геральту руку. — Чем обязан?

— Геральт из Ривии, ведьмак. Ищем судно до Вергена.

— Сколько груза?

— Два человека с лошадьми, груза нет.

— А лошади чай не груз? Плюс фураж. Пятьсот марок и по рукам. Но только до Вергена, в Хагге беру на борт купцов.

Геральт поморщился, цену весёлый Ондра заломил чуть ли не втрое.

— По рукам.

— Ведите лошадей на нос и сами туда же. Место осталось только на палубе. Бабки вперёд, отчаливаем в рынду.

Мы перевели лошадей на борт и привязали на носу. В этот раз Туча показала себя умницей и не артачилась на узких деревянных сходнях. Пристроив лошадей, мы сошли на берег. Я шёпотом пыталась узнать у Геральта, сколько времени до отплытия.

— В полдень отходим. У нас есть время поесть в деревне.

Вернувшись на главную улицу, мы завернули в ближайшую таверну «Рыба и бочка». Строго соответствуя названию, внутри стоял запах жареной рыбы.

Миловидная круглая хозяйка таверны встретила на пороге.

— Проходите, хорошие мои, присаживайтесь. Сегодня караси свежие, только утром поймали.

Через минуту на столе появилось ледяное пиво, а через десять хозяйка водрузила между нами огромную шкворчащую сковороду.

— Где вы остановились, голубчики? Вижу, что с дороги, — в исполнении этой женщины даже уменьшительно-ласкательные были такими же милыми и естественными, как и она сама. — У меня комната есть хорошая, с видом на реку.

Однако «голубчик» Геральт ответил с таким лицом, будто сжевал лимон:

— Благодарю, мы отплываем скоро.

— На «Марийке» — то? А, значит, с Ондрой нашим познакомились уже? Он из местных, из села. Служил в Бурой Хоругви, да после битвы под Бренной вернулся чисто фарш, по кускам собирали, — разговорчивую хозяйку было не остановить. — Остепенился, женился, старый когг армейский по связям купил, теперь грузы возит...

Внимание её переключилось на новых посетителей, а наше на сковороду зажареных под прессом карасей — истинным блюдом богов после дорожной сухомятки.

Расправившись с едой и отвалиясь на спинки стульев, мы не спеша стали коротать время за пивом. Я разглядывала посетителей. В основном это были работники всех мастей, да группа краснолюдов-ремесленников. Хотя я и старалась не глядеть слишком откровенно, но не могла удержаться — в этом мире я видела краснолюдов впервые. Были они крепко сбитыми (о невеликом росте можно было догадаться только по ногам, не достающим с лавки до пола), рукава на мощных, как окороки, предплечьях засучены, а бороды (у кого заплетенные в косу, у кого пышно лохматые) спускались под столешницу.

Исподтишка подсматривая за их столом, я блуждала взглядом по залу, когда моё внимание привлёк человек, сидящий спиной к окну. Лицо его скрывал глубокий капюшон, но казалось, что он неотрывно наблюдает за нами. Геральт легонько пнул под столом по щиколотке, я спохватилась и перевела взгляд в кружку.

— Ты заметил того странного персонажа? — спросила я ведьмака по дороге на когг.

— Да, а он заметил, что ты заметила, что он за нами наблюдает.

Мы пробрались по палубе через тюки, бочки и сундуки на нос лодки к лошадям. Штабелями груза мы оказались отгорожены от остальных пассажиров, что лично меня вполне устраивало.

Погрузка завершилась, капитан залихватски дунул в свисток, в колокол ударили трижды. Огромный квадратный парус набрал ветер, и «Марийка» отправилась вниз по реке.

***

Геральт ушёл толковать с капитаном, а я взобралась на гору из деревянных ящиков и смотрела на реку, лесистые берега. Потом стала наблюдать за работой матросов и за

попутчиками. Моё внимание привлекла семья эльфов, устроившаяся недалеко от мачты. Как и краснолюдов, эльфов во плоти я видела впервые. Муж, жена и ребёнок лет шести (я не знала, как быстро растут дети эльфов) сидели в круге из баулов, сундуков и свёртков. Они были одеты в просто, но элегантно скроенные длиннополые кафтаны светло-зелёных оттенков и кутались в плащи. Головы взрослых закрывали капюшоны, а у дочки, которая сосредоточенно раскладывала на досках палубы узор из стеклянных бусин, сквозь мягкие волнистые волосы виднелись острые ушки.

Дверь в кормовой каюте отворилась, и я чуть не упала со своего наблюдательного пункта. Из тёмного проёма, шурясь на солнце, показался давешний человек из корчмы. Он откинул капюшон (по плечам рассыпались волнистые светлые волосы), покрутил головой и направился к капитану, разговаривающему с Геральтом.

Я изнывала от любопытства и, чтобы время прошло быстрее, занялась чисткой лошадей. Складки пробили четыре раза, когда, наконец, Геральт вернулся. Он был не один.

Таинственный светловолосый незнакомец галантно склонился в приветствии. Мельком взглянув на Геральта, я протянула гостю руку для рукопожатия.

— Александр, — взяв мою ладонь, он прикоснулся к ней губами.

— Яна, — кивнула я, чувствуя себя неотёсанной деревенщиной.

Геральт с усмешкой наблюдал за церемонией знакомства. Наш гость присел на один из ящиков, из-под полы плаща показались богато изукрашенные ножны меча. Мы расположились на седельных сумках, и я продолжила незаметно рассматривать Александра, ибо смотреть было на что. Голубая кровь — первая мысль, что приходила в голову при взгляде на него. Аристократическое лицо с высоким лбом, правильные черты и чувственные губы вкупе с волнистыми светлыми локонами, которые он успел перехватить чёрным ремешком, — всё напоминало прекрасные образы античных героев.

— Ты сказал, что у тебя есть дело, — без обиняков начал Геральт.

— Да. Я путешествовал в Ард Каррайг с поручением от короля Стенниса. Но это между нами, на борту этого судна я инкогнито, — хорошо поставленный дикторский баритон был как нельзя более под стать внешности Александра.

Геральт хмыкнул.

— Трудно сохранять инкогнито, имея аэдирнский акцент и занимая лучшую каюту.

— О, наш дорогой капитан — человек широких взглядов. Вы знаете, что он вернулся героем после битвы под Бренной? После этого Аэдири и Каэдвен стояли одним фронтом против герцога Даги. И он мудро придерживается нейтралитета, наш капитан, как будто бы не было битвы под Вергеном, испепелившей Бурую Хоругвь. Тем более, что сейчас королю Хенсельту и юному монарху Стеннису не до вражды.

— Конечно, — насмешливо сказал Геральт, — свободная Долина Понтара под руководством Саскии им обоим как кость поперёк горла.

— Можно сказать и так, — Александр достал белоснежный платок и изящно приложил к абсолютно сухому лбу, — и тут я хотел бы перейти к делу.

Он помолчал, аккуратно сложил платок.

— Ещё будучи принцем, Король Стеннис встречал тебя в Вергене незадолго до битвы Аэдирнской Девы с Хенсельтом.

Геральт кивнул.

— Стеннис высоко оценил твою помощь и защиту от разъярённой черни. Если бы не ты, они учинили бы самосуд.

— До сих пор я не уверен, что поступил правильно, — мрачно произнёс Геральт. — Принц Стеннис был замешан в отравлении Саскии.

— Я глубоко уверен, что это не так, — непреклонно заявил Александр, — в любом случае спасение жизни принца дало Аэдирну новую надежду на стабильность, иначе стране грозила бы незавидная судьба Темерии.

— Я рад за Аэдирн, — проворчал Геральт, — но при чём тут я?

— Король Стеннис хотел бы пригласить тебя ко двору, как свою правую руку. Некогда ты был ею для Фольтеста. Я знаю, что лучшие люди посланы на поиски аэдирнской чародейки Йеннифэр из Венгерберга. Вместе вы могли бы составить блестящую команду при дворе.

Геральт замер. Медленно покачал головой.

— Мой путь не лежит в Аэдирн.

По красивому лицу нашего гостя промелькнула тень разочарования.

— Что же, мои надежды уговорить тебя с первого раза не увенчались успехом, — он поднялся. — Однако я буду пробовать ещё, возможно, ты изменишь своё мнение.

Он сдержанно и элегантно поклонился мне.

— Моё почтение, — развернулся на каблуках и ушёл.

— Молодой дурак, — буркнул Геральт, когда наш посетитель скрылся в каюте.

— Стеннис так плох?

— Он не то что плох, он никакой. Жидкое говнецо, кичащееся своей королевской кровью, кроме которой других достоинств-то у него и нет.

— А этот Александр показался мне не таким уж ужасным, — задумалась я, — он, конечно, весь такой рафинированный и аристократичный...

— Он дурак, — опять повторил Геральт. — Он сочинил себе сказку о благородном короле и преданных рыцарях и сам же в неё верит. С высоты таких иллюзий обычно очень больно падать.

На ночь громогласный Ондра приказал поставить когг на якорь. Ветер стих, стало слышно лягушек. Сырой с запахом тины речной воздух опустился на палубу, и подмешивался к нему душистый и тревожный аромат черёмухи, бледные облака которой в темноте были едва различимы по берегам. Я растянулась на шкуре, смотрела на незнакомые звёзды и отчаянно скучала по Эскелю.

***

Утром парус все ещё безвольно висел, ветра не было. Капитан показался на юте, облизнул палец, повертел им в воздухе. Недовольно покачал головой и спустился на палубу.

— Эй, девчушка, подь сюды, — зычно гаркнул он в сторону эльфийской семьи.

Мужчина-эльф резко вскочил и заслонил собой жену и дочь.

— Да ты не ерпенься, дело у меня к твоей дочке, — прогудел Ондра.

— Какое может быть дело к маленькому ребёнку? — мелодичный голос эльфа звучал жёстко.

— Дак ветер зазывать будем, — капитан наклонился к эльфу и заговорщицки пробасил на весь корабль: — девственница, понимаешь, нужна. А где в этом поганом мире девственницы ещё остались, чтоб постарше детей? То-то и оно. Будешь рядом стоять, не бойсь.

Из-за спины отца с любопытством высунула нос давешняя эльфийская малютка. Ондра пошуровал в кармане штанов.

— Во, сахара кусок, отдам, как заработаешь. Подь сюды, к мачте, и скреби её ногтями, будто ты драный кот.

Девчушка засмеялась, подбежала к мачте, начала перебирать пальчиками по дереву и ласково замяукала.

— Не! Давай скреби, как вампир, как брукса, чтоб её черти драли, сильнее! — командовал капитан.

Девочка растопырила пальцы, зарычала тоненьким голоском и под смех команды и пассажиров проскребла ногтями по мачте сверху вниз.

— Готово, вот твой леденец, — Ондра обвёл всех грозным взглядом. — И чтоб никому не свистеть, за борт выкину!

Магия это была или совпадение, но через пару минут парус затрепыхался на ветру. Матросы кинулись по местам, и с попутным бризом «Марийка» отправилась по реке дальше.

Девочка расхрабрилась и забегала по палубе, сопровождаемая возгласами благодарности. Мы развалились у седельных сумок и предавались безделью.

— Поиграй со мной, — вдруг раздался рядом нежный голосок.

Я обернулась, эльфийская девочка выглядывала из-за ящика.

— Залазь сюда, — я поманила её рукой, привстала и успокаивающе махнула её маме, что ребёнок у нас.

— Меня зовут Неса, — пропыхтела она, карабкаясь по ящикам.

В подоле кафтанчика она сжимала что-то обеими руками. Перелезла, отпустила подол, и по доскам палубы раскатились стеклянные шарики.

— А я Яна. Во что будем играть?

— Я — Серебряная Змея, — важно сказала Неса, — а это мои детки, они ещё яйца, и им очень холодно.

— Тогда я буду папа — белый дракон.

— Нет, папа будет он, — она ткнула пальчиком в сторону Геральта, который, развернувшись вполоборота и щурясь на солнце, наблюдал за нами, — он весь белый. А ты будешь айни.

— Кто-кто? — опешила я, вновь услышав это слово.

— Ты будешь Аенуе, огонь по-нашему, имя у тебя похожее. Тебе надо согреть моих деток.

Я, как могла, изобразила греющий огонь. Неса была счастлива.

— А теперь они вылупились и поползли искать новый дом. Прямо как мы.

— А что стало с вашим прежним домом? — вкрадчиво спросил Геральт.

Девочка вздохнула.

— Плохие люди выгнали папу с мамой. Мы едем к Деве-Драконоубийце, говорят, она всех принимает, — девочка хитро посмотрела на Геральта, — вот если бы у нас взаправду был белый дракон, он бы нас защитил.

Геральт завозился и стал шарить в сумке.

— На, это тебе. Дракон не белый, но вдруг он тебя защитит, — он вложил в ладошку девочки крупную восьмиугольную монету.

— И правда, с одной стороны дракон!

— Это монета из самой Зеррикании, там водятся настоящие драконы.

Неса взвизгнула от восторга и побежала хвалиться родителям, забыв все свои бусины. Довольный Геральт откинулся обратно на сумки.

— Беженцы. Слава о Саскии летит далеко.

Неса вернулась, и до обеда мы с ней играли. Неожиданно на нос пришёл сам капитан, облокотился на ящики и с одобрением посмотрел вокруг.

— Через пять склянок Бан Глеан, небольшая остановка. Геральт, как встанем на ночь, приходи в мою каюту, думаю сегодня турнир по гвинту устроить, — Ондра задорно подмигнул всей своей бородатой физиономией. — Этот аэдирнский хлыщ так и напрашивается, чтобы его хорошенечко ощипали.

Геральт хмыкнул и кивнул.

В Бан Глеане стояли и правда недолго. Пополнили запас воды, да взяли пассажиров. На борт взойшло с десятков солдат. На груди у каждого красовался вставший на дыбы единорог.

— Каэдвенская солдатня, — Геральт тихо выругался. — Судя по всему, в увольнительной.

Солдаты и в самом деле вид имели довольно расхлюстанный и были уже явно навеселе. Они вольготно расселись на палубе, потеснив других пассажиров. Капитан вручил им внушительных размеров бутыль.

— Нильфгаардская лимонная — выпейте, братки, за то, чтоб чёрные издохли.

Водку каэдвенцы встретили одобрителем гулом. Они пожимали капитану руку, а он хлопал их по плечам. Ондра был рад своим.

Незадолго до заката мы вышли из Ликсели в Понтар. Река стала шире раза в три, ровный ветер гнал нас вперёд. Однако к ночи он опять стих, и судно поставили на якоря.

С наступлением темноты Геральт отправился в капитанскую каюту играть. Соседи от стадии скабрёзных анекдотов перешли к стадии песен, и неизвестно, что звучало хуже.

Я устроилась медитировать, чтобы не слышать их. Мне уже практически удалось отключиться, когда рот мой зажала рука, а в бок упёрлось остриё ножа.

— Не рыпайся, сучка, один звук и заткнёшься насовсем.

Тяжеленное тело навалилось на меня, в нос ударила вонь чеснока и перегара. Меня опрокинули на спину, и я постаралась задеть сапогами ящики, чтобы создать хоть какой-то шум. За песнями никто его не услышал, однако манёвр не ускользнул от внимания нападавших.

— Малыш, держи её, — скомандовал первый, — а я гляну, что этот вергенский хрен тут везёт.

В грудь вдавилось массивное колено. Над ним нависало брюхо, обтянутое каэдвенской формой с единорогом.

— Что вам нужно? — задыхаясь и отталкивая обеими руками колено, просипела я.

— Закройся, — бросил первый, похоже, главарь. — Я узнал твоего хахалю, он был в Вергене под знамёнами этой выскочки Саскии. За его голову дадут жирную награду.

Я лихорадочно пыталась придумать выход из положения. Сложила Аксий, и отвратительный, нависающий надо мной обрюзглый Малыш зашатался, но тут же в глаз прилетел кулак третьего солдата.

— Добро, Стручок, держи ей руки!

Левую ладонь раздавило подошвой сапога. Малыш пришёл в себя, кряхтя и чуть не проломив коленом рёбра, поставил другую ногу на мою правую ладонь и с размаху вlepил кулаком по лицу. Голова будто лопнула, я ударилась затылком о палубу, и перед глазами поплыло красное марево.

— Ах ты, шалава, ещё брыкается, — главарь бросил рыться в нашей поклаже и развязал

пояс на штанах. — Давай-ка для начала с тобой потолкуем.

Под одобрительный гогот остальной пары он попытался содрать с меня штаны. Я выворачивались и брыкалась, вдохнула, чтобы крикнуть, но мне прилетел третий удар. Ярость застила глаза — ненавижу, ненавижу, ненавижу насильников! Ногами я молотила, куда придётся.

— Вот бесноватая, — с расстановкой проговорил Малыш и не торопясь занёс руку.

Я поняла, что следующий удар станет последним. Малыш на миг замер с поднятым кулаком. Из рта полилась струйка крови, он схватился за горло и повалился на меня. Мои руки свободны! Отталкивая от себя его неподъёмную тушу коленями, я увидела Геральта, который всадил нож по рукоять Стручку в бок и с разворота локтем нанёс удар главарю. Песня на палубе резко стихла, остальные солдаты бежали к нам. Я прыжком поднялась на ноги, развернулась в сторону неудавшегося насильника и с наслаждением выпустила Игни в расстёгнутую мотню. Он заорал, я переместила струю огня выше на лицо, добавила левой рукой Аард, и каэдвенец спиной вперёд полетел за борт. Подхватив меч, я прикрывала Геральта и не давала зайти к нему с тыла, пока он с быстротой молнии вырубал одного солдата за другим. Перевалив последнее тело за борт, мы разогнулись, посмотрели друг на друга.

— Цела? — резко спросил Геральт, кивнув на залитую кровью рубаху.

— Да, это не моя кровь.

В наступившей тишине мы увидели, что из-за ящиков на нас глазееет толпа народу — старшие эльфы, Александр, матросы. Ондра растолкал зрителей и вылез вперёд. Изучил место драки, пристально посмотрел мне в глаза. Я твёрдо выдержала его тяжёлый взгляд, хотя вид мой — в окровавленной рубахе, с разбитым лицом — явно оставлял желать лучшего.

— Притянуть судно к берегу и спустить сходни! — скомандовал он.

По кивку Геральта мы стали навьючивать лошадей. Когда судно приблизилось к обрывистому берегу и матросы перебросили мостки, капитан подошёл к нам, посмотрел исподлобья.

— Убирайтесь, — сказал он глухо.

Мы молча перевели лошадей. Сходни втянули на корабль. Из-за борта выглянула маленькая фигурка и замахала нам рукой.

— Это Неса позвала меня к тебе на помощь, — нарушил молчание ведьмак.

Я помахала в ответ. «Марийка» медленно отдалялась от берега в темноту.

На ночь мы устроились выше по течению, где берег полого сходил к воде. Искупавшись и умыв горящее лицо, я сменила рубашку и вернулась к костру. Геральт протянул открытую банку с мазью на доньшке, от едкого и знакомого запаха которой накрыло на миг ощущением, что вокруг зима, а я в Каэр Морхене и, значит, всё будет хорошо.

— На, обработай ушибы. Лицо разбито знатно, завтра себя не узнаешь, — ведьмак помолчал и осторожно спросил: — Они... он, э-э-э... не успел причинить тебе зла?

— Нет, — усмехнулась я, — слава шпанам из усиленной кожи и ремню! В юбке история была бы иной. Но правило трёх «Г» мне совсем не помогло.

— У тебя не было шансов, — пробурчал Геральт, порылся в сумке и выудил флягу. — На, выпей, полегчает.

Я сделала глоток, водка огнём прокатилась по пищеводу. Действительно, легчает. Эдак я и крепкий алкоголь в этом мире начну пить! Вернула флягу Геральту, он отхлебнул.

— Ну и хитрый же жук, этот Ондра Жук! Выигрыш-то мой так и не отдал.

— Почему, вообще, он нас прогнал? Это несправедливо! — возмутилась я.

— Он был в элитном отряде каэдвенской армии, и он солдат, а солдаты бывшими не бывают. Да и проблемы у него будут, трупы-то всплывут ниже по реке.

— Тогда, получается, хорошо, что он нас ссадил, мог бы вой поднять.

— Именно. Но вой-то он, конечно, поднимет, только завтра. Но мы уже на земле Саскии, сюда за нами не сунутся.

Я взяла из рук Геральта флягу и, передёрнув плечами и сморщившись, сделала второй глоток. Ядрёная гадость, но меня заметно попускало.

— Геральт, нападавшие узнали тебя. Один из них видел тебя рядом с Саскией в битве за Верген. За твою голову назначена награда.

— Вот почему они докопались. Ну что же, пусть попробуют эту награду заслужить, — легкомысленно произнёс он, забрав у меня флягу. — Ладно, хорош, тебе пора спать, завтра весь день будем в седле.

Утром мы неспешно выступили в сторону Вергена, стараясь не терять из виду реки. Прибрежные леса были глухими, местность уходила вниз, и кое-где среди травы проглядывала вода.

— Хорошо, что сейчас весна. Прошлым летом здесь такой гнус был, хуже гарпий, — ворчал ведьмак.

Топких мест к полудню стало больше, от пригревающего солнца над болотом парило. Геральт соскочил с Плотвы и пошёл пешком, я последовала его примеру.

— Надо смотреть в оба, туман на болотах приманивает нечисть.

На всякий случай я достала меч. Мы вышли на поляну, покрытую мягким ковром светло-зелёного мха, тут и там усыпанного мелкими голубыми цветами. Поляна выглядела бы необычайно жизнерадостно и умиротворяюще, если бы не желтоватый туман, местами клубившийся над кочками. Я потянула за мох, выдернула пучок. Под ним была вода.

— Сфагнум, — обратилась я к Геральту, — верховое болото.

— Обойдём по краю, — кивнул он.

Мы двинулись по опушке, ведя лошадей по твёрдой земле. Туман густел у кочек причудливыми загогулинами, оставляя обманчивые просветы над топкими местами. Сквозь

них уж завиднелась кромка леса по ту сторону поляны, когда Плотва Геральта задрала морду и, фыркнув, заржала, и вслед за ней испуганно заржала и моя Туча.

Из тумана выступила прекрасная обнажённая девушка. Она шла поперёк болота, слегка касаясь босыми ногами земли. Искоса посмотрела в нашу сторону, грациозно взмахнула руками и откинула за спину тяжёлые пшеничные косы, открыв нашему взору полные груди.

Геральт следил за девушкой каким-то странным взглядом, на лице его появилась глуповатая улыбка. За первой девушкой вышла вторая, тоже обнажённая. Эта была ярко-рыжей, волосы крупными волнами ложились на плечи. Издалека она показалась мне смутно знакомой. За ней стали выходить девушки ещё и ещё — они шли от одного сгустка тумана и исчезали в другом, потом снова появлялись. Они изгибались, призывно манили руками.

— Где-то здесь должны быть туманники, иначе этого не объяснить, — пробормотал Геральт себе под нос и достал из ножен меч.

— Я не понимаю, почему всех всё время заманивают голыми женщинами, нет чтобы... — начала я и осеклась, проследив за направлением руки Геральта.

Из тумана вышел Эскель в чём мать родила. Он шёл за дамами неспешно потягиваясь, под кожей перекачивались тугие мышцы. Во рту у меня пересохло. Когда Эскель скрылся в тумане, и я едва подавила в себе желание крикнуть: «Эй, вернись!», на этот своеобразный подиум вышла, тут уж я не могла ни с кем спутать, Йеннифэр. Она была так же обнажена, как и другие, но в отличие от них не пошла дальше, а остановилась посреди поляны, тряхнула головой (чёрные блестящие локоны рассыпались по плечам) и, оперев руки в бёдра, начала сверлить Геральта взглядом.

— Геральт, так это всё твои бабы были! — воскликнула я.

— Берегись! — крикнул ведьмак и отпрыгнул.

Вместо прелестниц с болот на нас мчалась толпа туманников. Я наложила Квен и ринулась в атаку, однако образ позирующего Эскеля так и засел у меня в голове, смеша и смущая одновременно.

Бой был недолгим. На мою долю пришлось два туманника, всех остальных убил Геральт. Стараясь не глядеть друг на друга, чтобы не прыснуть со смеху, мы отправились дальше.

Происшествие на болотах погрузило меня в мечтательное волнение. Мельком окинув взглядом Геральта, я заключила, что он испытывает схожие чувства.

К концу дня мы добрались до крохотной деревни в десяток домов. Нашли единственную корчму, привязали лошадей под навес. В пустом зале хозяин-краснолюд протирает абсолютно чистые кружки.

— Альф, — приветствовал он нас.

— Геральт, — ведьмак пожал мощную руку.

— Белый Волк?! Вот это дела, помню тебя! Я был в отряде малого Бурдона, у Скалена когда мы задали жару этим каэдвенским жопам! — Альф хлопнул себя по ляжкам. — Добро, присаживайтесь, сейчас мигом всё сообразим.

Мы уселись за стол, расслабились. Так хорошо было оказаться в безопасности среди своих! Альф тотчас принес пива и удалился хлопотать на кухню, бросая на меня странные взгляды. Мы с Геральтом стукнули кружками, усмехнулись, отвели глаза.

— Но откуда туманники-то знали? — спросила я.

— Туманники разные бывают. Эти за образами залезли прямо нам в мозг. Как же всё чертовски сложно, — Геральт обхватил голову ладонями и вперился взглядом в кружку.

Воскресив в памяти вереницу геральтовых женщин, я поняла, кого мне напомнила та рыжая красotka — это была Трисс. С распущенными волосами узнать её было не так-то просто.

— Сочувствую тебе, — с лёгкой насмешкой сказала я, — это было, м-м... впечатляюще.

Геральт распрямился, большими глотками допил кружку, грохнул её о стол и схватил вторую, благо краснолюд принёс пива с запасом.

— Почему всё так сложно? — повторил ведьмак. — Память вернулась ко мне совсем недавно, и теперь меня как бы двое, и чувств тоже... много. К тебе вышел только один призрак, всё просто.

— Ну как, просто. Меня тоже двое. Есть здешняя я, которая хочет к Эскелю. Есть я в том мире, у которой есть муж, причём любимый. И есть просто я, общая, которая никак не поймёт, кто она — та или эта, и изменяет ли она мужу, у которого вообще-то есть другая я, или...

Геральт наморщился и движением ладони пресёк мою тираду:

— Тебя вычёркиваем. Но бывает, бывает просто. Вот, скажем, Иорвет...

Я наострила уши, а Геральт пристально взглянул на меня исподлобья.

— Иорвет без ума от Саскии. Когда он рядом с ней... — он задумался, подыскивая слова, — когда он рядом с ней, глупее зрелища не придумаешь! Но как же хорошо, когда просто!

— А Саския?

— Тут всё сложно. Думаю, она любит его, но держит на длинном поводке.

— Ну вот, — засмеялась я. — Опять сложно. Но есть простое и у тебя, скажем, Трисс тебя любит.

— Это просто, — кивнул Геральт, — но со мной всё сложно.

Альф поставил перед нами дымящиеся колбаски с неизменной капустой и горячий, ещё клейкий внутри, хлеб. Вторая кружка Геральта опустела, но на её месте волшебным образом возникла следующая.

К концу трапезы мы уже были изрядно навеселе.

— А с Йен всё очень, очень и очень сложно, — с нажимом подвёл Геральт итог нашей беседы, прерванной едой. — По сравнению с этим, всё сложное — оно очень простое.

Я позволила Геральту выиграть первенство по сложности, так как уже спала на ходу. Мы поднялись в комнаты. Я зажгла свечу и посмотрелась в маленькое мутное зеркало, прикрученное к стене. На меня глядела оплывшая физиономия, левый глаз которой виднелся сквозь щёлку в лиловом фингале на пол-лица. «Да уж, писаная красавица рассуждает о сложностях любви», — покачала я головой и завалилась спать.

ПУТЬ В ВЕРГЕН. Глава 17. Чем срут гарпии

От деревни уводила одичавшая, вся в молодых ёлках грунтовая дорога. Топкие места остались позади, и вокруг громоздились скалы, поросшие хвойным лесом.

— К полудню уже будем в Вергене.

В голосе Геральта явственно слышался оттенок нетерпения. Миссия ведьмака по сопровождению меня к Йорвету близилась к концу, и он стремился как можно быстрее отправиться в Велен на встречу с Йеннифэр. Осуждать его я не могла, однако всё сильнее меня одолевало беспокойство. Я слишком привыкла иметь рядом более опытных ведьмаков, чтобы не тревожиться о перспективе действовать в одиночку.

Дорога уходила в сторону от реки, и в просвете между скалами блеснули воды широко раскинувшегося Понтара.

— Почти на месте, — Геральт пустил лошадь в галоп.

Воздух пронзили режущие крики, оглушающе захлопали крылья.

— Ну конечно, гарпии, как я забыл, — проворчал ведьмак, осадил Плотву и спешился.

Я соскочила с Тучи.

Бой не был долгим. В паре с Геральтом никакой бой не был долгим. Мы сделали по выстрелу из арбалетов и использовали Аард, чтобы сбить зубастых чудовищ наземь, где они были лёгкой добычей. Здешние гарпии немного отличались оперением от блёклых серо-чёрных гарпий окрестностей Каэр-Морхена — концы их крыльев переливались ярко-синим. Я выдернула ультрамариновое перо и вставила за ленту шляпы. Геральт ухмыльнулся.

— В тот раз один здешний чудик дал мне контракт на мешок перьев гарпий.

— Да, я помню, — засмеялась я, — потом оказалось, что они ему нужны на костюме для ролевых игр.

— Если достаточно долго жить отшельником, то рано или поздно даже гарпия покажется тебе красавицей, — наставительно произнёс Геральт. — Однако мы пришли.

Переведя лошадей по камням через мелкое озерцо, мы приблизились к вмурованной в скальную породу массивной деревянной двери с коваными накладками.

— Геральт, ядрен матрён, какими судьбами?! — раздался басовитый рык.

Из тени нависшей скалы выступил коренастый краснолюд с заплетённой в косу красной бородецей.

— Дагг Борос, рад видеть! — Геральт крепко пожал руку краснолюда, для чего тот перекинул топор на другое плечо. — Ты теперь сторожишь северный вход?

— Да я то тут, то на Махакамских воротах, то у Metallургов. На одном месте-то стоять со скуки можно сдохнуть, — Дагг зевнул и почесал затылок под шлемом.

Мы прошли через дверь, которая вела в каменный тоннель.

— Что нового в городе?

— Что-что, слух идёт, чёрные будут здесь скоро. Да вы до Сесилия Бурдона дойдите, он всё расскажет. Чует моя жопа, в этот раз так легко мы не отделаемся.

Мы прошли ещё одну дверь, и взору открылся Верген — древний город шахтёров и металлургов, вырубленный в горных утёсах. В причудливом переплетении каменных улочек тут и там виднелись выкрашенные красной охрой деревянные двери, ведущие в глубь скал. Окон не было вовсе.

— Сесиль у себя, должно быть, — напутствовал нас краснолюд, ухмыльнулся, поглядев

на меня, и вернулся на пост.

Мы спустились по каменной лестнице, перешли через хлюпающие мостки необъятную лужу и направились к старосте города. Геральт прекрасно ориентировался в лабиринте улиц и тоннелей. Я узнавала кое-какие места, помня их по игре, но в реальности Верген был гораздо больше, чем там.

Наконец мы остановились у облупленной двери с резными филёнками. Ведьмак для приличия грохнул по ней кулаком и толкнул. Мы вошли в полутёмный прохладный зал, освещаемый тусклым светом камина, с резных колонн которого на нас строго смотрели бородатые старцы. Коридор вывел в уютную комнату — камень стен и пола прикрывали мягкие узорчатые ковры. Камин размером поменьше, чем в зале, ярко горел, и от огня по массивным дубовым балкам плясали тени. У стола, вырезанного из цельного камня, сидел староста Вергена Сесиль Бурдон, обхватив руками голову, и смотрел в разложенные перед ним бумаги.

— Кхм, — Геральт откашлялся, — Сесиль...

Краснолюд подскочил на месте, оправил зелёный бархатный камзол.

— Ба, Белый Волк! — от широкой улыбки по его лицу разбежалась сеть морщин. — Вот это новость!

Он затряс мощной рукой руку ведьмака и радостно захлопал по плечу, не разжимая хватки — так, что Геральту пришлось пригнуться. Ростом краснолюд едва доставал ему до пояса.

— То-то Саския обрадуется, мы тут, э-э-э... в небольшом затруднении.

— В большой заднице, ты имел в виду? — мягко спросил Геральт.

— Именно! А это... м-м?

— Яна, ведьмачка школы Волка. Она будет...

— Ни слова больше! Вам надо устроиться с дороги. А после обеда прошу сюда, тут всё и обговорим.

Староста под руки вывел нас из дома и зычно крикнул:

— Скален! Скален!

Из проулка вынырнул молодой племянник старосты. Голова его была покрыта объёмным беретом, борода игриво заплетена в три косички. Фасонистый камзол Скалена был того же кроя, что и дядин, только пурпурного цвета и украшен бантами.

Церемония встречи повторилась снова. Сесиль выдал племяннику указания, и тот через путаницу улиц сопровождал нас к таверне. По дороге мы встречали мужчин и женщин всех народностей: краснолюдов с бородами лопатами, краснолюдов в широких юбках, эльфов в зелёных одеждах и тоненьких эльфиек, людей. Все они радостно приветствовали Геральта.

— Ты тут вроде знаменитости, — сказала я.

— Хм-м... — Геральт не стал отвечать.

В таверне, куда мы спустились по двум пролётам стоптанной каменной лестницы, царило оживление. Было время обеда. И снова я отметила, что за массивными столами вперемешку сидел народ всех рас, не кучкуясь по этническому признаку. «Значит, Саскии всё-таки удалось сплотить их», — думала я.

В своей комнате я успела лишь кинуть вещи на приземистую кровать в нише стены и умыться, когда в дверь прогрохотали. Геральт уже ждал, облокотившись о косяк и постукивая мыском сапога по полу. За обедом он тоже спешил. Мы торопливо закинули в себя еду и вернулись к дому старосты. Ведьмак толкнул дверь, и я шагнула за ним, понимая,

что за порогом начинается новый этап моей жизни.

***

В давешнем зале в доме старосты ярким подрагивающим светом горела круглая люстра с двенадцатью свечами. Длинный монолитный каменный стол, за которым разместились бы дюжина человек, был завален бумагами. На дальнем краю стола огни свечей в ветвистом резном канделябре выхватывали из тьмы обширную карту и склонившихся над ней Сесиль Бурдона и Саскию. С любопытством всматривалась я в знаменитую Аэдирнскую Деву, про которую только узкий круг посвящённых знал, что она сама была драконом. Имя Саэсентессис слышали немногие.

Саския подняла голову от бумаг. В человеческой ипостаси она была необычайно красива. Светлые волосы охватывал вокруг лба серебряный ободок, под стремительными дугами бровей светились умом и решительностью чёрные глаза с длинными ресницами. Полные, хорошо очерченные губы приоткрылись в приветственной улыбке.

— Белый Волк! — Саския порывисто вскочила, подбежала к Геральту и, обняв, по-мужски решительно постучала его по спине.

— Это Яна, ведьмачка, — в который раз представил меня Геральт.

Взгляд Саскии задержался на моём медальоне Школы Волка. Потом она прямо и открыто посмотрела мне в глаза, протянула руку.

— Друзья Белого Волка — мои друзья, — её совершенно не смутил лиловый синяк под моим глазом, а рукопожатие было крепким.

Мы расселись за столом, Сесиль разлил по кубкам ледяное белое вино.

— Я не вижу Йорвета, — вопросительно произнёс Геральт.

— Я тоже его не вижу, — Саския недовольно хлопнула ладонью по столу. — Он ушёл с небольшим отрядом и именно тогда, когда на счету каждый боец.

— Хм-м... но я так понимаю, что он ушёл не просто так, — Геральт многозначительно посмотрел Саскии в глаза.

— Надеюсь, — она опустила взгляд. — Киаран остался с белками за главного, расспроси его завтра. Сегодня он обходит посты эльфов на подступах к Вергену. Теперь же меня интересует другое.

Она подвинула и расправила карту, искусно начерченную тонким пером. В центре карты тянулась долина между реками Понтар и Дыфня. Было видно, что предыдущее название аккуратно соскоблили, и теперь здесь каллиграфическим почерком было выведено «Свободная Долина Понтара».

— Сейчас Нильфгаард готовится к захвату Венгерберга. Несколько дней или неделя, и столица Аэдирна падёт. Следующая цель — мы. Чёрные пойдут на Верген, так как только тут они смогут прорваться дальше на север в Каэдвен. У нас есть месяц, пока они не окажутся у наших стен.

— Сколько их? — Геральт склонился над картой.

— По моим данным не меньше пятнадцати тысяч. Сколько-то погибнет при штурме Венгерберга, если штурм будет, сколько-то оставят в тылу. Нам надо готовиться минимум к десяти тысячам. Это в два раза больше, чем было у Хенсельта год назад.

Сесиль Бурдон мрачно кивал:

— Наших едва наберётся три тысячи, и это вместе с женщинами, стариками и грудными младенцами. Способных держать оружие в руках не больше полутора тысяч, а профессионалов из краснолюдов и эльфов из них около пятисот.

— Херово... — Геральт задумался. — Но есть месяц на подготовку.

— А сколько можно набрать людей, если эвакуировать все сёла по эту сторону от Дыфни? — встряла я. — Вместо того, чтобы смотреть, как горят их деревни, жители могли бы помочь тут.

— Я думала об этом, — кивнула Саския. — Тактика выжженной земли... Если мы подтянем всех сюда, засыпем или отравим колодцы, увезём провизию, завалим дороги, то это задержит и ослабит армию чёрных. Но можем ли мы решиться на такое?

— И у них будут трудности со снабжением, — поддакнул Геральт, одобрительно взглянув на меня.

Я взбодрилась. Сесиль задумчиво почесал под бородой.

— Мы могли бы отправить женщин и детей из сёл в Тиль и Калькар, а мужчин с припасами завернуть сюда.

— Хорошо, у нас прибавится полторы тысячи крестьян, которых ещё надо будет обучить, — Саския сжала губы. — Но этого всё равно мало.

— У нас есть преимущество стен, — неуверенно возразил староста.

— В прошлый раз Хенсельт направил часть сил на проход через шахты... — начала я, вспоминая сюжет игры. — А как глубоко уходят шахты под Вергеном?

— Ты знаешь, как шёл бой с Хенсельтом? — удивилась Саския.

— Я рассказал, — не моргнув глазом, соврал Геральт.

Сесиль внимательно посмотрел на меня:

— Верген — старый Махакамский город. Ещё за пятьсот лет до прихода людей краснолюды, гномы и боболаки работали здесь. Их шахты протягиваются на десятки, если не на сотни вёрст под город, но мы завалили в них входы, чтобы оттуда не лезла всякая нечисть.

— Если нильфгаардцы решат часть сил пустить на прорыв через Тоннель Основателей, то, чисто теоретически, возможно ли направить эту часть армии в старые шахты, завалив проходы в город?

Краснолюды буравил меня взглядом. Все выжидающе смотрели на него.

— Это возможно не только теоретически, — с нажимом проговорил он, — но и практически. Учитывая, что у нас прибавится рук, мы сможем это сделать. Но что дальше?

— Взорвать, завалить, — не задумываясь, ответила я.

— У нас нет столько селитры на бомбы, — покачал головой Геральт. — А потом, кто-то должен быть там, чтобы эти бомбы взорвать.

Саския, потеряв интерес к разговору про шахты, заспорила с Сесилем насчёт расселения беженцев.

— А откуда ты берёшь селитру для бомб, Геральт? — спросила я, наклонившись к самому уху ведьмака.

— Беру у торговцев, иногда у оружейников, — так же тихо ответил он. — Но она дорогая, сволочь, и её очень мало: её возят только из Зеррикании.

Я выпала из беседы и погрузилась в размышления, лихорадочно пытаюсь вспомнить знания из детства, когда мы делали бомбочки из пропитанной селитрой газеты и фольги. Селитра-то в нашем мире продаётся готовая, но я ведь интересовалась вопросом и помню, что в средневековье её делали из чего-то обыденного, типа компостных куч, а ещё импортировали из Чили. Так, точно! Чилийская селитра, её добывали практически в чистом виде из древних залежей птичьего гуано. Залежи птичьего гуано...

— Геральт! — закричала я так, что все подпрыгнули. — Чем срут гарпии?

***

Солнце уже клонилось в сторону заката, когда мы с Геральтом и щеголеватым племянником старосты добрались до заброшенной каменоломни недалеко от Вергена. Спустились в котлован по дороге, спиралью уходящей вниз по стенам. Помимо вооружения каждый из нас тащил по лопате, сложенной верёвочной лестнице и мешку. Геральт подвёл к каменным воротам и вставил подёрнутый ржавчиной ключ во внушительных размеров замочную скважину.

— В прошлый раз я уничтожил тут все гнёзда гарпий, но они могли вернуться, — сказал он и толкнул дверь.

Сквозь извилистый тоннель мы вышли к каменной кромке обрыва. По сторонам громоздились причудливые скальные конструкции: внизу, в пропасти, терялось дно расщелин, через которые местами можно было перебраться по каменным обломкам, а ввысь устремлялись утёсы. Вечернее солнце, отражаясь от стен, наполняло пространство зеленоватым светом. Скалы нависали над уступами, и внутрь вели прихотливо изгибающиеся проходы.

Геральт посмотрел в теряющуюся в тумане испарений бездну.

— Гарпии жили здесь тысячелетиями. Там внизу, должно быть, накопились неисчислимые запасы их дерьма. А, вот и они, легки на помине.

Мы расправились с парой гарпий. Эти были золотистыми, с перламутровыми крыльями.

— Гарпии-келайно. Обожают красть сны и заточать их в кристаллы. Нужно найти место, где проще добраться до дна.

Геральт повёл в глубь тоннелей. Местами приходилось перепрыгивать разломы, уходящие в пропасть, и карабкаться на уступы. Скален, несмотря на свой малый рост, проворно успевал за ведьмаком.

Путь вывел на площадку, выступающую над краем впадины между скал. Плотный туман заполнял впадину, словно стакан, и взбирался на стены. На краю был установлен монументальный базальтовый диск, рассечённый глубокими трещинами. По его окружности вились каменные узоры, огибая сквозное отверстие в центре.

— Сюда гарпии вставляют кристалл со сном, и его изображение появляется на тумане, — пояснил Геральт.

— Вот бы сон чей-нибудь посмотреть, — замечтался юный краснолюд.

— Не бойшься, Скален, что это окажется твой сон? — насмешливо спросил ведьмак. — Здесь мы можем спуститься.

Мы привязали к диску-проектору снов лестницы и соскользнули на дно впадины, опознавая положение друг друга лишь по голосам. Резкий аммиачный запах помёта гарпий стал едва выносимым. Геральт с хрустом воткнул лопату в землю.

— Чистейшее дерьмо, — подтвердил он. — За работу! Пора отсюда выметаться.

Наполнив мешки помётом, мы двинулись в обратный путь. В Вергене нас провожали удивлённые лица горожан.

— Надеюсь, ты знаешь, что с этим делать дальше, — пробурчал Геральт. — Не то это дерьмо мне будут долго припоминать.

— Ну, в общих чертах знаю, но завтра буду знать точно.

Геральт пристально посмотрел на меня, но ничего не сказал.

Скален проводил к Титу Сороке. Кузнец-краснолюд, одетый в домотканую рубаху с засученными рукавами, кожаные фартук и штаны, насмешливо глянул на перепачканный

камзол племянника старосты, протянул Геральту руку, а потом вопросительно кивнул на мешки с помётом.

— Сесиль сказал во всём вам помогать. Что делать-то надо?

— Сегодня с мешками ничего делать не надо, но на завтра мне понадобится несколько ведер крепкого щёлока, — ответила я.

— А, это не проблема, золы завались, — кузнец почесал бритую голову. — Сейчас поставлю вариться, утром будет готово. Что-то ещё?

— На сегодня всё, — я отрицательно помотала головой.

— Ты, Геральт, алхимика нам достал? — подмигнул Тит ведьмаку. — Будем, значит, из дерьма золото получать?

— Лучше! — важно сказала я, молясь про себя, чтобы воспоминания меня не подвели.

Вместе с Геральтом мы вернулись в таверну. Ведьмак отправился развлекаться к народу, а я ушла в свою комнату. Пора было посетить мой мир. Я сняла с цепочки кольцо и надела на палец. Как назло, сон не шёл, я слишком волновалась за успех эксперимента. Что же, буду медитировать. Как обычно, медитация меня выручила, и я наконец уснула.

***

Оказавшись дома, я бросилась к ноутбуку. Мне потребовалось несколько долгих и нервных часов тормозящего интернета, чтобы найти нужную информацию и заучить её наизусть. С селитрой разобрались, хорошо. Но что насчёт пороха? Если есть селитра, древесный уголь и сера, то порох готов.

Я крепко задумалась. Порох изменил ход истории на Земле, имею ли я право раскрывать его рецепт в мире Ведьмака, могу ли взять на себя такую ответственность? С другой стороны, некоторая вариация пороха на основе зерриканской селитры там уже была известна, именно она входила в состав ведьмачьих бомб. «Так что, ничего страшного, — решила я, — мы просто попытаемся использовать знание более эффективно». Я обняла мужа и сына. Позы их абсолютно не изменились, и я пошла проверить старую себя. С ней ничего не случилось тоже — жива, хоть всё так же в отключке, и пока никто не заметил её нездорового, мягко говоря, состояния. Я примостилась спать на плед. Пора назад.

***

Утром, ещё затемно, мы с Титом Сорокой разложили помёт крупными кусками в три бочонка, в которых предварительно провертели отверстия в крышках и доньшках. Заткнули пробками нижние отверстия, установили бочонки на деревянные подставки и залили кипятком.

— Теперь ждём до обеда. Партия маловата, но для проверки эксперимента сойдёт, — распорядилась я.

После завтрака я отловила Геральта и упростила потренироваться со мной. Мне хотелось провести с пользой каждый миг, пока он рядом. Он нехотя согласился, а после тренировки мы направились в район, где расквартировали скоя'таэлей.

Небольшой отряд во главе с правой рукой Йорвета только вернулся. Белки снимали оружие, обменивались новостями. Завидев Геральта, Киаран раскинул в стороны руки и широко улыбнулся. Ритуал приветствия повторился. Ведьмак представил меня, и взгляд зелёных миндалевидных глаз с интересом задержался на моём синяке.

— Рад тебе, Gwynbleidd, — изящный эльф оказался обладателем глубокого баритона, — я знал, что ты идёшь. Мы засекли вас в дне пути от Вергена.

— Я смотрю, к Вергену ни одна мышь не проберётся незамеченной.

— Конечно, — улыбнулся Киаран. — Пойдёмте в таверну, я бы поел с дороги.

По пути я исподтишка рассматривала его. Стройный эльф с гибким телом был одет в длинный зелёный кафтан с высоким воротником и лёгкую кольчугу поверх. Под кафтаном виднелась чёрная сорочка с золотой вышивкой, и из её прямого выреза вилась по груди и поднималась на шею татуировка в виде тонких стеблей. Выглядел Киаран очень молодым. Привлекательное лицо обрамляли стриженные тёмные волосы, а уголки чувственных, красиво очерченных губ были немного приподняты, как будто их обладатель всегда был готов улыбнуться.

— Ну что же, — нам принесли еду и напитки, и Геральт сделал из кружки глоток. — Верген готовится к войне. Что по этому поводу говорят скоя'таэли?

— Мы всегда готовы к войне, — Киаран пожал плечами.

— Но в этот раз всё будет гораздо серьёзнее.

— Мы всегда готовы и к смерти тоже, — равнодушно ответил эльф, — но это не значит, что мы не сделаем всё возможное для победы.

Киаран огляделся, пригнулся поближе к Геральту и понизил голос.

— Йорвет узнал, кто может исправить зачарованный кинжал для Саскии и нанести недостающую руну.

Геральт вопросительно приподнял бровь.

— Проблема в том, что добираться до этого мастера нужно в Синие Горы.

Ведьмак тихонечко присвистнул.

— Да, — шёпот Киарана стал еле различимым. — Не доходя до Лок Муинне, начинается тайная тропа на перевал. Весь год, кроме лета, он непроходим.

Киаран с сомнением взглянул на меня, заколебался.

— Говори, ведьмачка в деле, ты можешь ей доверять, — успокоил Геральт.

Помолчав, эльф продолжил:

— Через перевал скрытыми тропами можно добраться до Ард Дола — последнего из живых эльфийских городов.

— Я был там когда-то, — кивнул Геральт.

— Но как? — глаза Киарана расширились, — даже среди эльфов о нём мало кто знает. Из наших — только Йорвет да я.

— Заказом занесло, — Геральт неопределенно покрутил рукой. — Путь, однако, неблизкий.

— За две недели можно обернуться. Йорвет хочет успеть окончательно расколдовать Саскию до того, как чёрные придут сюда. Я видел его вчера и сообщил, что ты в Вергене. Он тебя ждёт.

Геральт покачал головой и глубоко задумался.

— Сколько тебе ещё нужно времени на эксперимент? — повернулся он ко мне.

— Сегодня вечером станет ясно, удался он или нет. В любом случае времени нужно только до вечера.

Киаран с любопытством прислушивался к разговору.

— Значит, сегодня ночью выходим, — подвёл итог Геральт.

— Лошадей оставьте тут, я дам вам проводника, — Киаран встал. — До вечера, Gwynbleidd.

Эльф слегка кивнул мне и ушёл.

— Как ты понимаешь, я не могу идти в Синие Горы с Йорветом, — тихо сказал мне

Геральт. — Но ты — можешь.

— Непонятно, зачем я им, — с сомнением ответила я.

— Им пригодится ведьмак, ты ведьмак, всё просто. И потом, ты как-то связана с Иорветом печатью.

Я поглядела на знак на ладони. Белые линии оставались такими же чёткими.

— Ладно, посмотрим, что он скажет. А мне пора к кузнецу.

***

С Титом и его мрачным неразговорчивым помощником мы слили жидкость, настоящую в бочонках, и пропустили через сложенную в несколько раз ткань.

— Теперь прольём ещё раз сквозь все бочки!

Сделав это, мы собрали более концентрированный раствор.

— Мне пока этого хватит, но вы повторите процедуру с чистой горячей водой ещё раз, каждый бочонок нужно пролить трижды, — распорядилась я.

Взяла ведро с отфильтрованным от золы щёлоком и начала тихонько вливать в раствор, слитый из бочек с помётом гарпий. Жидкость в чане помутнела, выделились беловатые хлопья. Я размешивала в чане палкой и вливала щёлок до тех пор, пока мне не показалось, что муть больше не образуется. Мы с Титом опять отфильтровали её, а потом поставили чан с теперь уже прозрачной жидкостью на жаровню.

Вокруг начали собираться зрители. Я волновалась, чувствуя себя шутом на ярмарочном представлении.

Пришёл из таверны Геральт и присел недалеко на каменный парапет. Скрестил руки на груди и наблюдал за нами сквозь полуприкрытые веки.

Я размешивала палкой густеющий в чане раствор. Тонкой палочкой брала каплю, проверяла на металлической пластине. Пока недостаточно, капля слишком жидкая.

Краем глаза я заметила Саскию. Её стройная фигура была затянута в лёгкий доспех, который тем не менее оставлял открытой волнующую ложбинку между грудей. Она встала рядом с Геральтом, также перекрестив руки, и к ним присоединились староста Сесиль и Киаран.

Я опять проверила каплю. Она тягуче оторвалась от стика и застыла на пластине.

— Мне нужна бумага, — скомандовала я кузнецу, пытаюсь скрыть дрожь в голосе.

Среди зрителей прокатился шёпот, один торговец выступил из толпы и протянул мне чистый лист из своего гроссбуха.

Я свернула бумагу в трубочку, опустила в чан и позволила пропитаться раствором. Смахнула лишнюю влагу. Зрители терпеливо ждали, пока я размахивала листом в воздухе.

Наконец тонкая бумага высохла полностью. Моё сердце билось так, что казалось, что его стук был слышен всем. Щипцами я подняла уголёк и поднесла к краю листа. Раздалось шипение и треск, от листа повалил едкий дым, пока во все стороны разлетались искры.

— Сработало! — торжественно возвестила я, бросив лист на землю, и попыталась затоптать пламя, что получилось не сразу.

Широкими шагами Саския подошла ко мне, приобняла и радостно хлопнула по спине, да так, что у меня перешибло дыхание. Потом увлекла под руки нас с кузнецом в сторону к Геральту, ожидающему в компании Киарана и Сесилия Бурдона.

— У нас будет селитра? — восторженным громким шёпотом спросила она.

— Да, я дам все указания Титу. Сейчас это только раствор — нам надо будет охладить его, получить кристаллы селитры, а потом ещё рафинировать. Но селитра это только часть

необходимого.

— Зато с нашими залежами гуано у нас её будет завалиться! И не надо будет покупать у зерриканцев, — Тит Сорока потирал руки.

— Что ещё нужно? — резко спросила Саския.

— Нужен древесный уголь и сера.

Сесиль Бурдон поскрёб нос.

— Уголь не проблема, мы делаем его в печах — мы же металлурги, он нам всегда нужен. А вот серы у нас нет.

Повисло тягостное молчание. После подъёма, вызванного успешным экспериментом по получению калиевой селитры, у меня опустились руки.

— Но она есть в Махакаме, — неожиданно продолжил Сесиль. — Там полно чистейших серных месторождений, особенно у старых вулканов.

— Ты сможешь организовать поставку? — Саския была настроена решительно.

— Недели за две, максимум три, управимся.

Саския подхватила меня под локоть, мотнула головой Геральту и остальным. Недалеко был дом старосты, и она хотела уйти подальше от зевак.

— Итак, ещё раз, — начала она, когда мы с ведьмаком, Киараном и самим старостой уселись в зале. — Ты научишь добывать Тита Сороку селитру из помёта гарпий.

— Да. Когда приедет сера, то мы сможем делать порох. А с порохом и селитрой мы сможем взрывать что угодно, причём на расстоянии.

— О наших приготовлениях никто не должен знать, — с напором сказала Саския. — Если нильфгаардцы проведают об этом раньше времени, мы потеряем преимущество. Яна, ты будешь следить за процессом. Добычу селитры организуете в котловане у старой каменоломни. Проход туда мы перекроем.

Саския отправила многозначительный взгляд Киарану, эльф кивнул. Я беспомощно посмотрела на Геральта.

— Яна будет нужна для одного дела с Иорветом. На две недели, — сказал ведьмак.

Саския нахмурилась.

— Я оставлю все инструкции Титу Сороке. Если процесс будет налажен, моё присутствие до прибытия серы не понадобится, — добавила я.

— Тогда решено, — Саския с нажимом опустила руки на стол и поднялась. — Сесиль, мне нужна твоя помощь с гонцами по деревьям.

Совет был окончен. Староста Вергена остался с Саскией прорабатывать детали плана, мы вышли на улицу. После долгих часов у костров с едким раствором я с наслаждением вдохнула прохладный вечерний воздух.

— Геральт, почему Яна должна идти с Иорветом? — Киаран с волнением обратился к ведьмаку. — Я думал, что...

— В этот раз у меня другая война, Киаран, — покачал головой Геральт. — Я должен быть в Велене уже давно. А Иорвету нужен ведьмак.

Киаран опустил голову.

— Иорвету нужен ты, — тихо сказал он.

Потом испытующе посмотрел мне в глаза, и видно было, что недоверие борется в нем с частичкой уважения, вызванного моим шоу с селитрой. Он колебался. Наконец сжал кулаки.

— Приходите в наш лагерь в полночь.

СИНИЕ ГОРЫ. Глава 18. И моё сердце — *hasta la vista*

Мрачный эльф по имени Анару бесшумно скользил по тропе. За ним следовал Геральт, я завершала процессию.

Плечо оттягивала объёмная сумка с вещами. Сборы в поход всегда доставляли мне уйму страданий — так хочется взять всё необходимое и так не хочется это тащить. Я всё-таки засунула свою любимую медвежью шкуру, которая заняла почти весь объём, отпилила кусочек мыла, собрала эликсиры и масла. Фляжка, оружие, моток прочной верёвки, смена белья, плащ. Хватит.

Половинка луны то заходила за клочья облаков, то выныривала вновь. За ущельем выли волки, но на них никто не обращал внимания. Верген, а потом и котлован каменоломни остались далеко позади, мы углублялись всё дальше в лес. В конце концов мы достигли поляны с покосившимся каменным столбом посередине с привычным для Вергена орнаментом из лиц бородатых махакамских старцев.

Анару достал лук, вложил в него три стрелы.

— Зажгите, — велел он.

Геральт кивнул мне, я протянула руку, и от Игни вспыхнула привязанная под наконечниками пакля, судя по запаху пропитанная смесью с дёгтем. В небе прочертился огненный трезубец. Наступила тишина, в которой слышались только шорохи ночного леса да стрекотание сверчков.

— Gwynbleidd, я ждал тебя, — раздался глубокий с оттенком металла мелодичный голос.

Как из-под земли из темноты в окружении двоих скоя'таэлей выступил высокий эльф с повязанным на голове платком, по-пиратски закрывающим правый глаз.

— Иорвет, такие предосторожности на своей территории очень нужны? — ворчливо приветствовал его, пожимая руку, Геральт.

— Когда нужны, тогда очень, — отрезал эльф и махнул в сторону опушки, приказывая следовать за ним.

Вскоре мы добрались до лагеря белок во впадине между каменными грядками. Ярко горел костёр, на фоне луны чернел силуэт лучника на вершине скалы. Мы расселись на брёвнах, уложенных у огня.

— Киаран сказал, что ты идёшь и что ты идёшь не один.

— Да, Яна отправится с тобой в Синие Горы вместо меня, — ответил Геральт.

Иорвет застыл, сделал едва заметное движение рукой, и остальные скоя'таэли растворились в ночи, оставив нас у костра втрём.

Блики пламени плясали на лице эльфа, на карминовой повязке через глаз, на татуировке лозы, поднимающейся из выреза рубахи по шее. Он был совсем как в игре, но он был тут настоящий... живой. Я смотрела на его чертовски притягательное с резкими чертами лицо, высокие скулы, нос с лёгкой горбинкой, жёсткую складку губ (нижняя была чуть оттопырена, придавая лицу оттенок гордости и вместе с тем беззащитности). Я смотрела, и в груди больно выстрелила и распрямилась туго сжатая острая пружина, которая будто ждала этого момента, и вдруг меня осенило, зачем вообще всё это было. Это сделала я и только я, ещё сидя в том злополучном кресле с геймпадом в руках. Если бы не моя иррациональная

тяга к этому персонажу, возникшая в игре, может, и не было бы моего рождения в этом мире с уже подготовленным, предустановленным только для него местом в сердце — иначе объяснить моментально захватившее меня чувство к эльфу было нельзя. За грудиной сдавило, и уверенность, что исправить ничего невозможно — невозможно развидеть и развстретить — мешала дышать.

— Зачем? — глухо спросил Геральта Йорвет.

— Сначала почему. Потому что мне нужно быть в Велене. Моя миссия в Долине Понтара завершена, я должен был довести до тебя Яну.

— Зачем? — с нажимом повторил эльф.

— Затем, что... Йорвет, покажи ладонь, — не допускающим возражения тоном потребовал Геральт.

Эльф, пристально глядя ему в глаза, стянул перчатку с правой руки.

— Яна, — ведьмак кивнул мне.

Я протянула, как и Йорвет, руку к свету костра. На ладони скоя'таэля красовался симметричный моему знак-капля, только залитый чёрным. Бежевые завитушки текста, едва видимые на чёрном фоне, спиралью уходили в светлую незакрашенную точку. Йорвет настороженно изучал мой белый знак.

— Яна появилась в нашем мире в момент, когда в Лок Муинне мы с тобой получили стилет и Эйльхарт ударила тебя заклинанием, — заговорил Геральт. — Ты идёшь к рунному мастеру, который сможет помочь со стилетом. Уверен, что и с магическими печатями он как-нибудь разберётся. Всё это связано, вы должны понять как.

Йорвет посмотрел в землю, на скулу упала тень длинных ресниц. Поддел в костёр ветку носком сапога.

— Мне не нужна обуза, — процедил он, — мы будем передвигаться очень быстро.

— Яна — ведьмак школы Волка. Начинающий, но уже хороший. Тебе понадобится ведьмак. А потом, у неё лёгкая рука, — повторил Геральт слова Весемира, и я с благодарностью глянула на него.

Йорвет впился взглядом мне в лицо. Оценил синяк под глазом. Губы его с насмешкой изогнулись, что не ускользнуло от внимания Геральта.

— У тебя левый глаз, у Яны правый — полный комплект, — заметил он.

Эльф гневно взглянул на ведьмака, но потом его лицо смягчилось.

— Я ждал не этого. Но я верю тебе, Gwynbleidd, — он перевёл на меня тяжёлый взгляд. — На рассвете выдвигаемся к деревне, там ждут лошади. До Синих Гор будем добираться на перекладных.

— Отлично, — кивнул Геральт. — А я и думал, как ты хотел успеть обернуться туда и обратно за две недели.

— Да, времени мало, нам надо быть в Вергене до прихода чёрных. Пока я ждал тебя, мы всё подготовили для быстрого передвижения.

Подхватив сумку с вещами, я поднялась с бревна.

— Тогда пойду спать.

Я и правда уже валилась с ног. Вчерашняя ночь прошла в поисках информации о селитре, а сейчас, по ощущениям, было уже часа три утра — тени начали сереть.

— Прощай, Геральт. Спасибо тебе... за всё, — я повернулась к ведьмаку, он крепко пожал мою ладонь и, притянув, похлопал по спине. Я подняла лицо и тихо прошептала ему в ухо: — Доверяй Цири, ей... ей это очень важно.

Геральт на секунду замер, неуверенно кивнул, и, махнув ему, я направилась в глубь ложбины, где, как я заметила, устроились на ночлег трое скоя'таэлей. Геральт и Иорвет остались тихо беседовать у костра.

Я растянулась на шкуре, мне нужно было подумать. Ощущение жгущейся кровоточащей раны в груди не проходило. Начала медитировать, не помогло. Нет, это не наваждение, чёрт побери! Я глухо, отчаянно и безнадежно влюбилась. Вспомнила Матея и его шутки про разбитое сердце. Сейчас я физически ощущала, будто моё сердце вынули, раскромсали на лоскуты и запихали комком обратно. Вот, значит, как оно бывает. В прошлой жизни, в юности, я, конечно, влюблялась и не раз (зачастую и безответно), но никогда не было такого, как в мифах, когда стрела Амура протыкает сердце и жертва в мгновение ока охвачена любовью. Сейчас эта стрела была ещё и раскалена.

Я подумала об Эскеле — все чувства к нему остались на месте и ничуть не изменились. Гнев и злость на прошлую меня ударили в голову. Почему тут, в другом мире, я не могу выбирать, кого любить?! Почему она диктует мне? «Мамочки мои, вот же я влипла, — думала я, пальцами сжимая мех на шкуре. — Какая же дура!». Но усталость и недосып, наконец, взяли своё, и я уснула.

***

Утром Геральта уже не было в лагере. Лёгким бегом мы спустились к деревне, где ждали лошади. Кроме меня в отряде Иорвета было четверо эльфов: уже знакомый по ночной прогулке мрачный Анару, совсем юный светловолосый Айвор и парочка Роэль и Мона, которые, подмигивая друг другу и улыбаясь, перебрасывались фразами на Старшей Речи.

В деревне староста вывел шесть осёдланных лошадей. Мне досталась норовистая гнедая кобыла с жёсткой рысью. Отрабатывая грубые удары седла, я с грустью думала о своей Туче, как она там в Вергене? Хотя, в конюшне ей должно было быть явно лучше, чем здесь: мы летели галопом, изредка переходя на рысь, и к обеду лошади тяжело дышали, а с морд капала пена.

Я чувствовала себя отбитой котлетой. Да и по эльфам видно было, что хотя они и были отличными наездниками, но с непривычки к длительной верховой езде подустали. Скоя'таэли разговаривали между собой на Старшей Речи, нимало не заботясь о том, что я их не понимаю, и, казалось, совсем не замечали моего присутствия.

Гонка продолжилась до заката, когда мы подъехали к следующей деревне и разместились на ночлег на чердаке крохотной таверны. Устраиваясь на мешке сена, я размышляла о том, зачем я вообще согласилась ехать с белками. Никогда ещё с момента попадания в этот мир мне не показывали так ясно, что я абсолютно не нужна.

Я поднесла к лицу левую ладонь, сжала зубы. «Узнаю, что это за хрень, и пусть катятся. В Вергене полно для меня дел. А потом вернусь в Каэр Морхен. К Эскелю». На душ потеплело, когда я вспомнила о нём, о Весемире, о Ламберте. Они приняли меня. А Иорвет... Иорвет никогда не узнает, что я чувствую. «Пусть катится к чертям и к своей Саскии!» — зло думала я.

Утром нам дали свежих лошадей. Вчерашним требовался отдых в несколько дней, а потом они должны были ждать нашего возвращения.

Очередные скачки начались. По моим прикидкам мы проходили в день километров по сто двадцать, не меньше, и я всю радувалась, что Туча не участвует в этом насилии над лошадьми. Рядом со мной скакала Мона, с наслаждением подставив ветру нежное, с тонкими чертами лицо. Светлые волосы развевались, точёная фигурка привсталала на

стременах. Дорогу позади застилала пыль.

К вечеру налетел короткий ливень, лошади блаженно вскидывали морды под крупные бьющие капли. В воздухе повеяло озоном и особым свежим запахом пыльной земли после дождя. С упоением я дышала.

Второй день скачек подходил к концу — оранжевый закат оставлял длинные тени между деревьев. Мы перешли на шаг, рёбра измученных лошадей вздымались. Через распахнутые, из жердей, ворота наш отряд вошёл в безлюдную деревню. За изгибом улицы над крышами валил чёрный дым.

— *Whete ess evellienn?* — Айвор обернулся к Иорвету, обводя рукой пустынную панораму. *Где все?*

Тот пожал плечами, мы спешили и, оглядываясь, повели лошадей под уздцы по единственной улице к источнику дыма.

Впереди с карканьем взмыла в небо стая ворон. У избы, над обвалившейся крышей которой клубился дым, я заметила движение, достала серебряный меч. Гули. Издалека их можно было бы принять за людей, если бы не полуразложившаяся кожа, выпирающие вперёд зубы и то, что они проворно передвигались на руках и ногах одновременно. Трупоеды собрались вокруг чего-то, что я пока не видела, и глухо зарычали на меня, не отходя от добычи. Я наложила Квен и, не торопясь, приближалась. Эльфы остановились позади, натянули луки. Ещё шаг, и гули бросились в атаку. С медальоном мой Аард работал гораздо мощнее, и я отбрасывала чудовищ, пока разделялась по порядку с одним за другим. Эльфские стрелы свистели вокруг. Через пару минут всё было кончено.

В воздухе висел едкий, кислый после дождя запах пожара. Пробираясь между тушами гулей, я отыскивала предмет их интереса. На земле боком лежал мужчина с уже обглоданными трупоедами руками и лицом. Я перевернула его на спину — на груди растеклось запёкшееся бурое пятно от колотой раны.

Анару, жестикулируя, в чём-то убеждал эльфов, которые вскочили в сёдла.

— *Ninnau éigean va!* — скомандовал Иорвет. *Нам надо уходить!*

— Что вы собираетесь делать? — чётко выговаривая каждую букву, обратилась я к нему. Я не понимала ни слова из их разговора, и меня это злило.

— Анару сказал, что это труп старосты, который должен был дать нам свежих лошадей, — Иорвет обернулся в седле, махнул на дорогу. — Мы уходим, переночуем неподалеку в лесу. Завтра на этих же лошадях двинемся дальше.

— Надо осмотреться и понять, что тут произошло. Те, кто убили старосту, могут помешать твоим планам, — исподлобья я уставилась в лицо эльфу, из-за раздражения и обиды готовая препираться до последнего.

Анару кивнул мне, будто я озвучила его доводы, и эльфы обменялись несколькими фразами на своём языке.

— У тебя есть время до захода солнца, — бросил мне Иорвет.

Солнце уже почти касалось горизонта. Чертыхнувшись, я кинулась соображать с чего бы начать. Вернулась к трупу мужчины. Мышцы шеи и плечи окаменели, однако трупное окоченение ещё не добралось до конечностей, а значит, он был мёртв недавно: точно дольше пары-тройки часов, но не намного. Отлично, я узнала, что старосту убили сегодня днём, и чем это мне поможет? И что делают ведьмаки дальше? «Зачем я в это влезла, только выставлю себя на посмешище, — думала я. — Каждой бочке затычка, обязательно надо себя показать». Но упрямо тряхнула головой. Весемир говорил — используй силу. Весемир в

меня верил.

Опустившись на колени у трупа, я закрыла глаза и сосредоточилась. Темнота окутала меня, и толчком в груди промелькнул импульс, идущий от сгоревшего дома. Открыла-закрыла глаза. Ещё раз. Ошибки не было.

— Там что-то есть! — крикнула я эльфам.

Крыша большого дома, бывшего, вероятно, корчмой, провалилась от пожара. Чёрные стропила обрушились в обеденный зал и загромоздили проход. Несмотря на сегодняшний ливень, от них ещё шёл жар, и пар струйками вырывался из пор дерева. Я ступала между обломков, следуя импульсу. Невидимый зов усиливался, но пройти дальше мешали две массивные обуглившиеся балки.

— Там что-то есть за балками, — обернулась я к эльфам. — Нужно потушить до конца.

Во дворе корчмы отыскался колодец, и, бросив ведро, я краем глаза заметила, что Иорвет кивнул Анару, Роэлю и Айвору помочь мне. Поначалу балки шипели от воды, выделяя ядовитый дым, но вскоре погасли. Эльфы продолжили тушить другую часть дома, я же привязала верёвку с обеих сторон подпруги и пропустила через грудь моей лошади. Второй конец обмотала вокруг балки и попыталась заставить лошадь сдвинуться с места. Усталая кобыла мотала головой и недовольно ржала, пятясь назад.

Я уже хотела было перевязать верёвку на коня Моны, когда Иорвет вытянул ладонью в перчатке по лошадиному крупу. От громкого хлопка по коже лошади пробежала мелкая дрожь, и упрямица сдалась. Первая балка сдвинулась с места.

— Повторишь со второй балкой? — улыбнулась я Иорвету.

— Не понадобится, — ответил он и отвернулся.

Ругая себя за болтливость, я перевязала верёвку. Лошади и правда не понадобилось дополнительных стимулов, и брус, скрежеща по полу, отъехал в сторону.

Откидывая с пути обгорелые деревяшки, я пробиралась в глубь корчмы, когда до слуха донёсся еле слышный шум. Я обернулась к эльфам, поднесла палец к губам. Ко мне скользнула Мона, прислушалась.

— Голоса, — прошептала она.

Мы расшвыряли сапогами остаток мусора, под которым в полу оказался люк. Снизу послышались глухие удары. Айвор сдвинул щеколду, вцепился в железное кольцо и поднял крышку. Прижимая руки к груди, из глубины подвала на нас смотрели люди.

***

Первая радость от спасения улеглась, и по толпе жителей пошла волна стенаний. К эльфам подошёл пожилой мужчина, стащил с головы шапку.

— Что здесь произошло? — спросил его Иорвет.

— Бандиты, — начал старик, руки мяли шапку. — Увели наших девушек, милсдарь, старосту нашего в назидание прирезали, а нас вот, считай, похоронили заживо. И лошадей ваших и наших прихватили, — добавил он торопливо. — Помогите нам, милсдарь, во имя Мелитэле!

Среди сельчан, действительно, были мужчины от юношей до стариков, женщины в возрасте и дети, но молодых девушек не было. Иорвет колебался. Потом задумчиво кивнул.

— Правду говорят, что при нашей королеве милостивой Саскии, скотоели из разбойников на защиту людей встали! — возопил старик и, кряхтя, склонился до земли.

Губы Иорвета горько скривились.

— Мне просто нужны мои свежие лошади, — бросил он. — Когда было нападение и

сколько их было?

— Немного после полудни, милсдарь, когда в сон всех тянет. Дюжина их была, никак не меньше. Здоровенные, с гнутыми мечами и палками в гвоздях.

Иорвет отвернулся и махнул нам седлать лошадей. Усталые животные нехотя оторвались от воды.

— А вы пока соберите пяток мужиков и пусть идут за нами по следам. Когда мы отобьём лошадей, вашим женщинам понадобится помощь, — скомандовал Иорвет селянам и круто развернул лошадь.

Мы двинулись дальше по дороге, на которой даже в сумерках были хорошо видны свежие людские следы и отпечатки копыт.

На Старшей Речи Йорвет сказал что-то эльфам.

— Мы догоним шайку ещё до полуночи, — тихо перевела мне Мона. — Девушек они вели пешком и должны будут встать на ночь.

Эльфийка приветливо улыбнулась, сверкнув белыми зубами, и в её болотного цвета глазах словно вспыхнули смешливые золотистые искры. Я благодарно кивнула и подумала, что за всё время, проведённое в этом мире, у меня не появилось ни единой подруги, с которой можно было бы болтать про всякое — важное и нет, хихикать и не пытаться быть кем-то другим — кем-то умнее, серьёзнее и лучше. Может быть, Мона могла бы ею стать? Мне показалось, что после спасения людей в деревне её отношение ко мне изменилось.

Сумерки понемногу густели и вскоре перетекли в ночь. Луны не было видно, но эльфы прекрасно ориентировались в темноте и не торопились. Уставших лошадей понукать не имело смысла — измученные за день животные тотчас переходили на шаг.

Вскоре в кронах среди листвы замелькали отблески далёкого костра. По еле заметному кивку Йорвета (будто эльфы понимали друг друга телепатически) Анару растворился в ночи. Мы спешили и ждали.

— Двенадцать dh'oine. Уже в дрова и, кажется, готовы перейти к увеселениям, — губы вернувшегося Анару брезгливо кривились.

— Значит, по два выстрела на каждого из нас, — тихо сказал Йорвет.

Повернулся ко мне.

— Ты берёшь одного, — добавил он. — Второй нужен живым.

Пока я кипела внутри, осознав, что мне ясно указали, что я не одна из них, эльфы привязали лошадей и рассредоточились в шеренгу. Приготовив арбалет, я заняла левый фланг.

Послышались разухабистые голоса и улюлюкание. Подкравшись и окружив поляну, посередине которой горел костёр, мы поспели прямо к началу отвратительного зрелища. Пара здоровенных мужиков за верёвку, словно козу, вытаскивала к костру спотыкающуюся девушку. Руки её были связаны, волосы растрёпаны, а глаза молили о пощаде.

Боковым зрением не переставая наблюдать за Моной (её согнутая в локте рука передавала приказ Йорвета по цепочке), я заметила ближайшего разбойника, устроившегося между сёдел с бурдюком вина. Приложила к плечу арбалет.

Бандиты тем временем выволокли девушку, которая озиралась, как загнанная лань, к костру и разрезали верёвки на запястьях. Её подруги сбились испуганной кучкой на дальнем краю поляны. К жертве вразвалку подошёл один из бандитов и рванул платье с плеч. Лёгкий ситец с треском подался.

Я оглянулась на Мону. Ещё не пора.

Девушка в ужасе прикрыла оголившуюся грудь ладонями. Бандит грубо отвёл её руки за спину и сорвал юбку. Вальяжной походкой к извивающейся жертве направился ещё один головорез, который, вероятно, был главарём, так как остальные расступились, пропуская его. Он скинул на землю кирасу с металлическими пластинами и приспустил штаны.

С отчаянием я сверлила взглядом Мону — когда же? Рука не шелохнулась.

Нервы мои были на пределе. Под глумливые выкрики главарь мямлил девичью грудь.

Мона резко махнула, на полувыдохе я спустила замок арбалета. Бурдючное горлышко,

хлещущее вином, вывалилось изо рта моего бандита, голова запрокинулась. Я рванула на поляну, одновременно со мной там появились и эльфы.

Главарь банды, ещё державшийся за грудь оцепеневший девушки, с пьяным непониманием озирался вокруг. Люди его, все до единого, вповалку лежали на земле. Каждому понадобилась ровно одна стрела.

— Так, так, так... на твою bloede arse, кажется, выпало другое развлечение, — металл в голосе Иорвета сбил с бандита весь гонор — он разом обмяк, не смея даже подтянуть штаны.

Скоя'таэли держали его на прицеле туго натянутых луков. Я подобрала остатки платья и за руку отвела девушку, которая, вероятно от шока, покорно последовала за мной, к остальным пленницам. В объятиях подруг плечи её затряслись от рыданий.

Нарочито медленно Иорвет достал нож и приблизился к главарю, которому Айвор успел связать руки.

— Мужик, а мужик, — захлёбываясь, забормотал бандит, — всё, как на духу расскажу, ножичек-то спрячь, будь человеком.

— Dh'oine? Ты мне предлагаешь стать dh'oine? Изволь, — губы Иорвета перекосила усмешка, не предвещавшая ничего хорошего. — Куда вы вели товар?

— Да никуда, мамой клянусь, вот все мы здесь и есть, один я теперь остался.

— Подумай получше, — нож Иорвета описал в руке сальто, и лезвие приблизилось к носу бандита.

— Взяли барахло, девок, лошадей, думали лагерем встать, покутить, — как заведённый, повторял пленник.

По лицу эльфа пробежала тень раздражения.

— Позволь мне, — тихо сказала я, подойдя к Иорвету.

Он резко обернулся, но я не стала дожидаться выговора и сложила Аксий.

— Ты расскажешь этому эльфу всё, что знаешь, — разборчиво и с расстановкой обратилась я к бандиту, — ты хочешь рассказать ему всё, что знаешь...

Пленник засопел.

— Везли барахло в лагерь, двадцать вёрст отсюда.

— Сколько в лагере людей? — спросил Иорвет.

— Полсотни ребят ждёт.

— Как укреплен лагерь?

— Частокол, ворота, четыре вышки, — голос пленника кардинально переменялся и засочился ненавистью, — чтоб, значит, удобно было вас — гнид узкожопых, трахать и мочить, кто с гор пойдёт.

— Исчерпывающая информация, — подозрительно спокойно процедил Иорвет.

Молниеносное движение ножом, и бандит осел на землю. Я отвела глаза.

Иорвет порывисто развернулся и прошагал мимо девушек, жавшихся друг к другу.

— Лошади на месте! — объявил он. — Станем лагерем неподалёку.

Отгнав табун на соседнюю поляну, на пару с Моной мы взяли на себя заботу о девушках, которые ещё не до конца верили своему спасению. В ворованном скарбе в лагере бандитов нашёлся запас шкур и одеял, и мы раздали их пленницам.

— Всё хорошо, девочки, всё кончено, — ласково уговаривала Мона. — Утром из деревни мужики подойдут, вернётесь домой. А теперь вам надо отдохнуть.

Роэль тем временем привёл наших старых лошадей, и я достала из седельной сумки свою неизменную медвежью шкуру. Как обычно, она подействовала на меня успокаивающе.

Я завернулась в неё с ног до головы, и казалось, что мех всё ещё пахнет зимой в горах, костром и дорогой вдоль Гвинлеха, и чудились перед закрытыми веками заснеженные крыши Малых Износок, из труб валил дым, а снег шёл крупными хлопьями. Заснула я с улыбкой на губах.

***

На рассвете до лагеря добрались мужики из деревни. Видать, они оптимистично не сомневались в исходе скоя'таэльской вылазки, потому что приволокли с собой за оглобли телегу. Пока они пересчитывали краденое добро, приветствовали девушек и отдыхали после ночного перехода, мы собрались вокруг костра на военный совет. Эльфы соизволили общаться на всеобщем языке.

— В двадцати верстах укрепленный лагерь, — начал Иорвет. — Нам бы пройти мимо, но они не дождутся обоза с награбленным и снова нападут на деревню. У нас не будет лошадей на обратный путь.

Я с возмущением посмотрела на него — неужели свежие лошади это всё, что его интересовало? Но Иорвет, казалось, был абсолютно серьёзен.

— Осада частокола затянется на многие дни, пока они не изголодают и не начнут делать вылазки. У нас нет столько времени и нас слишком мало, — задумчиво протянул Роэль, переглянувшись с Моной.

— Если бы мы могли незаметно пробраться в лагерь, — замечтался Айвор, — неожиданно напасть...

Иорвет покачал головой, повисло молчание. Рассматривая деревенских, которые навьючивали мешки на наших вчерашних лошадей, я усиленно соображала.

— Если лагерь в двадцати верстах, то обоз должен будет вернуться туда сегодня в сумерках... — начала я.

— К чему ты клонишь? — в голосе Иорвета послышался огонёк интереса.

— В лагере ждут обоз. Для него они откроют ворота. Мы должны стать этим обозом.

Внимательный взгляд единственного глаза Иорвета прожёт меня насквозь, и я, как в тумане, таранилась в его зелёную бездну, падая туда, где тёмные всполохи поднимались из глубин. Однако, спохватившись, с видом (как я надеялась) уверенного в себе профессионала по захватыванию бандитских лагерей прямо ответила на взгляд. Лицо Иорвета неожиданно расцвело ясной мальчишеской улыбкой, став на мгновение совсем юным. Ни разу до этого я не видела, как он улыбался, если только не горько или не саркастически, и дорого бы дала, чтобы увидеть такую улыбку вновь.

— А ты не так проста, ведьмачка? — мигом схватив идею, спросил он под удивлённые взгляды эльфов.

Работа закипела. Для начала мы с Моной откопали в поклаже опешивших мужиков несколько платьев, выбирая размеры побольше.

— Вы возьмёте наших старых лошадей, чтобы вернуться в деревню, — скомандовал Иорвет. — Все остальные мне нужны для дела. А ты, — он ткнул пальцем в молодого, крепко сбитого юношу, — пойдёшь с нами. Когда мы доберёмся до гор, ты отгонишь лошадей назад.

Парень затравленно оглянулся на товарищей, но не посмел перечить.

Следом предстояла самая трудная и неприятная работа. Вернувшись на поляну с мёртвыми бандитами, мы принялись усаживать их на лошадей. Ооченевшие ноги с трудом сгибались, а руки не разгибались. Некоторым мертвецам пришлось проложить со спины

шины, чтобы посадка была правильной. Пока мы привязывали к сёдлам трупы, лошади недовольно фыркали и ржали. Наконец, все были усажены и выглядели жутковато. Роэль с Моной счастливо хихикали, осматривая нашу устрашающую инсталляцию.

Свободными остались точнёхонько семь лошадей. Мы попрощались с деревенскими, которые, нагрузив телегу и усадив в сёдла девушек по двое, потянулись обратно в деревню, попутно бросая боязливые взгляды через плечо на нашу мёртвую конницу.

Сборы завершились, мы двинулись в путь.

***

До лагеря наш отряд добрался, когда солнце ещё стояло высоко. Выбрали укромное место в старом овраге, Анару и Айвор исчезли в лесу, чтобы разведать обстановку.

— Как тебя зовут? — обратилась я к деревенскому парню, который понуро присел в сторонке.

— Каспар, — нехотя ответил он.

— А я Яна, — представилась я, протянув ему руку. — Не переживай, в бой ты не пойдёшь, переждёшь в укромном месте.

— Да? — Каспар взбодрился. — Страшно, ужась как.

— Всем страшно, но если мы их не убьём, они от вашей деревни не отстанут.

— Что правда, то правда. В подполе было ещё страшней, воздуха нет, дети-бабы плачут, причитают, да и мужики не лучше, — он покачал головой, отгоняя недавние воспоминания.

Мона призывно махнула мне рукой. Пришло время выдвигаться к лагерю. Я поднялась с корточек, на миг будто увидев себя со стороны, и подивилась, каким неведомым образом случилось так, что я, мирный современный человек, иду вместе со скоя'таэлями на боевое задание, а не сижу в стороне с Каспаром.

Голос Моны вывел из ступора — она раздавала платья. Тонкий Айвор втиснулся в одно и приосанился, сложив губы бантиком. Все захихикали. Развёл руки.

— Neén, жмёт, я так стрелять не смогу.

Иорвет покрутил своё шерстяное голубовато-серое платье, будто прикидывая, где у него вход, и занырнул было в пышную юбку, но передумал и зацепил платье спереди на пряжки ремней так, что оно повисло на груди.

— Достаточно. Шагов с пятидесяти не разобрать, мы будем путаться между лошадьми, — брезгливо проговорил он, педантично расправляя мятые оборки. — А потом проще будет его скинуть.

Последовав его примеру, мы прицепили платья свисать с груди и закрывать ноги. Я, Мона и Айвор, как обладатели длинных волос, распустили их по плечам. Каждый взялся за верёвки, привязанные к лошадям, осёдланным мертвецами, и я махнула на прощание Каспару. Мы вырулили на дорогу в сторону лагеря. Сумерки сгушались.

Эльфы хворостинами направляли лошадей. За поворотом открылся прямой участок дороги, в конце которого маячил частокол. Мы медленно, делая вид, что спотыкаемся от рывков верёвок, приближались. Вот уже стали видны мощные ворота из брёвен, обрамлённые сторожевыми вышками.

С левой вышки протяжно засвистели. В растерянности я оглянулась на Иорвета, но он невозмутимо сомкнул в кольцо большой и указательный пальцы и два раза оглушительно свистнул в ответ.

Наступила тишина, и мы остановили лошадей, чтобы не подходить слишком близко к часовым на башнях. Пауза казалась бесконечной, получится ли?

Наконец, тяжёлые створки ворот натужно поползли в стороны.

— Эти dh'oine по всему северу используют одинаковые позывные, — с мстительным удовлетворением произнёс Иорвет. — Пока подходим, как шли, по команде — атакуем.

Мы снова тронулись вперёд. Я уже видела бородатых часовых на вышках и вооружённых дубинками бандитов, оттаскивающих створки ворот. Видела, как на их лица стало закрадываться недоумение. Ворота были полностью открыты.

— Adhart! — отрывисто скомандовал Иорвет.

Отодрав платья, мы вскочили в сёдла. Хворостинами эльфы лупили лошадей под мертвецами. Табун, поднимая пыль, нёсся в ворота. Ещё ничего не понимающие бандиты навалились за неподъёмные бревенчатые створки, пытаясь их закрыть, но мы пулей пронеслись мимо, и на ходу эльфы взмахнули мечами. Иорвет направил табун прямо в центр круглого лагеря.

Поднялась паника. Бандиты хаотично метались, скоя'таэли одну за другой выпускали стрелы, обезумевшие лошади под мёртвыми седоками понесли. Творился крошечный ад. Мы скакали по большому кругу внутри частокола.

Уже не менее половины врагов была убита, когда бандиты пришли в себя и с остервенением людей, понимающих, что пощады не будет, дали отпор. Поначалу, не разобравшись, они пытались сражаться даже с всадниками-трупами, давая нам секундное преимущество.

Я пользовалась в основном знаками — сбивала Аардом с ног, давая эльфам простую мишень для стрел. Потом заметила бочки с горючей смесью, расставленные тут и там. Игни, и одна из бочек взорвалась жарким пламенем, превратив в огненные столбы двух бандитов. Моя лошадь шарахнулась, чуть не скинув меня, и понесла. Я накладывала Аксий, чтобы успокоить её, но обезумевшее от страха животное не подчинялось.

Краем глаза я заметила, как конь Моны встал на дыбы и начал заваливаться — в его шее торчала арбалетная стрела. Мона спрыгнула на землю и упала, подвернув ногу. С двух сторон к ней неслись бандиты. Я изо всех сил натянула уздечку. Лошадь истошно заржала и, наконец, остановилась, содрогаясь всем телом. Спрыгнув, я бросилась к Моне. Аардом откинула одного, который уже занёс над эльфийкой саблю, заблокировала лезвием меча и увела в сторону тычок алебардой другого.

Бой с ним был тяжёлым, совсем не по учебнику, хотя в голове, казалось, звучали отрывистые команды Эскеля. Я полагалась в основном на знаки и увороты, защитив себя Квенном и пытаясь вывести противника — гигантского мужика в сальной полурасстёгнутой рубахе — из строя Аксием. Длина алебарды не позволяла подобраться ближе. Рядом, как порхающая фурия, сражалась Мона. Мне, наконец, удалось увернуться от выпада, приблизиться, дёрнув за древко, и выпустить струю огня в волосатую грудь. Бросив алебарду и крича, бандит бегом рванул прочь, и в спину ему воткнулась стрела. С разворота я всадила меч в Мониного противника.

Наступила тишина, и в этой остановившейся тишине я увидела, что в десяти шагах застыл арбалетчик, целясь мне в лицо. Хотела бы я сказать, что у меня промелькнула перед глазами жизнь или пронеслась возвышенная мысль, достойная завершения земного пути. Нет, моей последней мыслью было простое русское ругательство, как нельзя лучше подходящее под ситуацию.

Время замерло. В мельчайших деталях я видела палец, шевельнувшийся на спусковом замке арбалета. Но болт пошёл высоко вверх, а из глаза арбалетчика торчала стрела.

Иорвет опустил лук. Наши взгляды пересеклись. «Ну вот, он ещё и спас меня», — тоскливо подумала я.

— Ты спасла меня, — эхом моим мыслям отозвалась Мона и порывисто обняла меня.

Я благодарно обняла её в ответ. Бой был окончен.

Мы принялись ловить разбежавшихся лошадей. Часть вырвалась в лес за пределы частокола, и Роэль с Айвором отправились их искать. Конь Моны лежал на боку, и из пробитой стрелой трахеи на каждом выдохе пузырями изливалась кровь. Глаза закатились, и он беспомощно перебирал копытами. Мона достала нож, примерилась и с хирургической точностью всадила лезвие в загривок коня у основания уха, прекратив страдания животного.

Эти эльфы, и даже изящная Мона, которая в нашем мире выглядела бы, как воздушная невесомая красавица, были идеальными машинами для убийства. Были настоящими воинами, не испытывающими и тени сомнения, как поступать правильно. Какая же жизнь могла привести их к этому? Я знала какая, если даже я, находясь тут меньше года, довольно легко дошла от охоты на гнильцов и утопцев до убийства настоящих людей из плоти и крови. Я вспомнила неудачливого насильника на барке Ондры, и меня опять обожгло ненавистью. Не так уж и много нужно гуманистически настроенному человеку двадцать первого века, чтобы снова начать убивать.

Иорвет, держа в руках бумаги, показался из-за полога центральной палатки.

— Нильфгаард платит бандитским лагерям на территории Саскии, — проговорил он. — Я это подозревал, но у меня не было доказательств.

Он бережно убрал письма в свою поклажу. Роэль с Айвором, приведшие лошадей, что-то тихо говорили ему. Иорвет кивнул и все эльфы направились за забор. Снедаемая любопытством, я увязалась за ними.

В лесу неподалёку от дальней стороны частокола возвышалась куча, и в темноте я не сразу поняла, из чего она сложена. Роэль приблизился с факелом — мы смотрели на гору тел, небрежно сваленных одно на другое. Снизу трупы уже полуразложились, но сверху лежало несколько мертвецов, еще не тронутых распадом. Казалось, что они тихо спали, если бы не следы ран, свидетельствующих о пытках. Я охнула, осознав, что все тела принадлежали эльфам — это было видно по крою одежды, тонким стройным фигурам и ушам тех, у кого они остались. Белки стояли молча. Потом, повинувшись тихим словам Иорвета, Анару и Роэль прикатали одну из бочек с горючей смесью, уложили и облили хворост.

Погребальный костёр взвился до вершин деревьев. Оранжевые блики переливались на прекрасных застывших лицах скоя'таэлей. Они стояли безмолвно, и лишь Мона тихо плакала, уткнувшись лбом в плечо Роэля, а он мягко гладил её по волосам.

— Они ловили всех эльфов, которые шли с Синих Гор к Саскии, — глухо произнес Иорвет. Во взгляде его, ещё ярче, чем блики костра, горела ненависть. — Собираемся, заночуем ниже по дороге.

Вернувшись в лагерь, мы освободили, наконец, лошадей от привязанных мертвецов, свисающих с сёдел до земли, вернулись на дорогу и выбрали место для лагеря километром дальше.

Айвор привёл Каспара, который шёпотом стал расспрашивать у меня подробности битвы. В красках я расписала ход боя, выставив эльфов настоящими героями-освободителями. Немного хорошей славы скоя'таэлям не помешало бы, сами они, похоже, не стремились улучшить свою репутацию среди людей.

— Завтра доедем до гор, вёрст тридцать осталось, — услышали мы с Каспаром, вернувшись к костру. Иорвет обернулся к юноше. — Оттуда ты отгонишь лошадей в деревню. Ровно через пять дней ты с лошадьми вернёшься и будешь ждать нас в условленном месте у гор. Понятно?

Каспар, почтительно сложивший руки и смотревший на Иорвета, как на новое божество в своем пантеоне, согласно кивал. Эльф усмехнулся.

***

До гор мы добрались, когда солнце висело в зените. Иорвет показал Каспару место, где тому надлежало встретить нас через пять дней, и юноша с радостным гиканьем погнал лошадей обратно в деревню.

Когда он скрылся из виду, эльфы свернули с дороги, уводящей к уже недалёкому Лок Муинне, на невидимую тропу. Солнце палило нещадно, стрекотали кузнечики. От земли поднимался жаркий аромат сухой травы, и за одежду цеплялись колючками кривые горные деревца. Через пару часов ходьбы фляга опустела, мы продолжали карабкаться вверх. Кусты расступились неожиданно для меня, и тропа выбралась на вершину холма: позади в долину уходили леса, сверкала узенькая полоска Понтара, а спереди, за ложбиной, заросшей сочным густым лесом, вздымались горы.

Мы спустились под сень величественных дубов и шагали по мягкому настилу из прошлогодних листьев. Впереди просветлело, и послышался шум воды. Деревья расступились вокруг поляны, выходящей к прозрачному озерцу, и со скал сверху низвергались струи водопада. Мельчайшие брызги образовывали взвесь, в которой на солнце переливалась радуга. Под кроной разлапистого дуба, склонившегося над водой, эльфы скинули с плеч сумки. Ко мне подошла Мона.

— Привал, останемся здесь до рассвета. Отдохнём, — приветливо сообщила она.

Мы наполнили фляги, приготовили еду из вяленого мяса. Анару заварил пряный травяной настой. Гонка последних трёх дней забывалась в мирном покое этого места. Пока было светло, мы занялись приведением оружия в порядок: я правила и смазывала маслом мечи, белки подтягивали тетивы луков, проверяли оперение на стрелах.

Весь вечер я только и мечтала, что о купании, жадно поглядывая на озеро. Свежесть рубашки под кожаной курткой оставляла желать лучшего, и даже освободившись от куртки на привале, потное разгорячённое тело так и просило нырнуть в прохладное озеро, зависнуть под водой, крутясь и вытягиваясь, и разводив руками волны. Я сглотнула.

Наверное, эльфы, несмотря на то, что ни капли пота ни у кого из них я не заметила, думали о том же. Как начало смеркаться, Мона позвала на купание.

— Наша сторона справа от водопада, их левая, — сообщила она мне, и глаза её смеялись.

Отыскав в сумке мыло и чистую рубашку, я радостно последовала за эльфийкой по поросшему ивняком берегу. Мы дошли до скалы, с вершины которой сбегала тонкая водяная струйка в уютную заводь с песчаным дном. Я с наслаждением скинула одежду.

— Какой у тебя шрам! — с детской непосредственностью воскликнула Мона, дотронувшись до следов укуса виверны.

— Угу, — подтвердила я, не особо желая углубляться в подробности.

Алебастровое тело эльфийки было без изъянов.

— Зато синяк на лице уже совсем сошёл, — продолжила она, — расскажи же про шрам! С наслаждением намыливаясь и подставляя тело под ледяную струю воды, я рассказала.

Мона внимательно слушала, и, сама того не желая, я рассказала ей больше, чем намеревалась. Вкратце я описала свою жизнь в Каэр Морхене, ведьмаков, рассказала про Эскеля.

— О, твоя любовь далеко от тебя, — сочувственно проговорила Мона.

«Если бы», — мрачно подумала я.

— Мне с Роэлем повезло, мы всегда вместе, — продолжила она. — И даже дважды повезло, потому что я люблю его, а он любит меня. Половина девушек нашего отряда сохнет по Йорвету.

— Да? — с вежливым интересом я приподняла бровь.

— Да. Он и правда м-м... — Мона попыталась подобрать слово на всеобщем, — милашка.

Я рассмеялась. Слово «милашка» было последним, которым я бы описала командира ская'таэлей, но я её поняла.

— А он что? — спросила я с деланным равнодушием.

— Ничего, — Мона вздохнула. — Говорят, он сохнет по Аэдирнской Деве, но она ещё больше недоступная, чем он, нашла коса на камень.

На небо успели высыпать звёзды, и даже водопад, казалось, притих. Мы сидели у воды, наслаждаясь свежей одеждой и расчесывая волосы. Возвращаться не хотелось.

— А ты давно знакома с Роэлем?

— Да, с детства, родители у нас были осёдлыми эльфами, в селе под Вызимой жили. Мы сбежали к белкам, давно это было. Не знаю, живы родители или нет, но я ни о чём не жалею. К нам относились как к прокажённым, а у Йорвета мы среди своих и на своём месте.

Лицо Моны затуманилось, она скрутила мокрые волосы и подержала их над водой.

— А может, мне и не повезло, что Роэль рядом, — помолчав, тихо продолжила она. — У нас должен был быть ребенок...

Я смотрела на неё, сердце сжалось. Она выглядела такой юной.

— Была зима, нас преследовали. Я не смогла выносить его, — прошептала она, и я сочувственно сжала ей руку.

— Ах, я уже это пережила, — нарочито бодро добавила она. — Только очень боюсь, что это снова может повториться.

По дороге обратно я размышляла о средневековой контрацепции, вернее, об её отсутствии. Бесплодность ведьмаков в этом ракурсе выглядела прямо-таки достоинством.

У костра не было Анару (вероятно, он был часовым), а я впервые увидела своих спутников без доспехов. Зелёный кафтан, кольчуга и короткая кожаная кираса Йорвета лежали на его походном мешке. Из-под закатанных рукавов видны были руки — загорелые, сильные, с немного проступающими венами, а сама тонкая рубашка не скрывала гибкий атлетичный торс. Я тяжко вздохнула, подтащила шкуру к костру и улеглась, заложив руки за голову.

Йорвет потянулся к мешку и вытащил флейту. В ночной тишине под тихий аккомпанемент водопада полилась мелодия. Я смотрела в небо, и под музыку флейты звёзды складывались в очертания далёких величественных дворцов, прекрасных некогда могущественных эльфов и белый корабль, привезший в этот мир Aen Seidhe, который недостижимой мечтой, распустив паруса, всё удалялся от них.

СИНИЕ ГОРЫ. Глава 20. Некрополь

Безмятежный отдых у озера подошёл к концу. На чистое тело я натянула грязную рубашку, упаковала мешок. Эльфы деловито собрались и засыпали кострище палой листвой — на поляне не осталось ни единого следа нашего пребывания.

Иорвет повёл через прикрытую лианами узкую расщелину в скалах. Протиснуться туда получилось, только сняв сумки с плеч. Бочком, как крабы, мы продвигались по ней, продираясь сквозь ветки вросших в камень кустов, и под сапогами хрустела труха, намытая весенними ручьями.

В стороны разбегались разломы. Казалось, что колосс ударил по скале гигантским молотом и она покрылась хитросплетением трещин, сквозь лабиринт которых Иорвет вёл нас, без сомнений выбирая нужный поворот.

Путь вывел на скальную полку — естественный карниз, едва ли в ширину плеч, на склоне ущелья. Эльфы не озаботились никакой страховкой и легко ступали по узенькому выступу. Я замыкала шествие, про себя ругаясь на их беспечность. Из-под ног скатывались в пропасть мелкие камешки.

К счастью, карниз оказался не более тридцати шагов длиной и оканчивался гротом, прикрытым от дождя и ветра каменным козырьком. В глубине грота в стене темнело углубление, обрамлённое заросшими бурым мхом эльфийскими глифами. Ведьмачий медальон задрожал.

Я подошла к углублению — тонкие канавки спиралью спускались в выемку размером с ладонь.

— Что-то чувствуешь? — спросила Мона.

— Да. Это иллюзия? — вибрация медальона была точно такой же, как у входа в подземелье демона. — Что здесь написано?

Айвор провёл пальцами по древним письменам.

— Чистая кровь... — тихо сказал он, — так здесь написано.

Молча, не объясняя ничего, Иорвет вытащил из-за отворота сапога тонкий стилет и без колебаний уколол себя в безымянный палец. Кровь капала в выемку. С седьмой каплей иллюзия задрожала и распалась. Мы вошли в низкий сводчатый тоннель, похожий на краснолюдская шахту.

— Моя кровь бы не подошла, — шепнула Мона, — да и Роэля тоже. У осёдлых эльфов чистую кровь уже не встретить.

Скоя'таэли, как и я, озирались по сторонам, и видно было, что, кроме Иорвета, никто из белок здесь никогда не был. Анару снял со стены рассохшийся факел, протянул мне, и, усмехнувшись, я сложила Игни и зажгла старую паклю, которая тускло зачадила в спёртом воздухе. Вслед за Иорветом мы устремились по тоннелю, прямой стрелой уходящему далеко вниз. Я сосредоточилась, но вокруг, кроме нас, не чувствовалось присутствия ни единого живого существа.

Ход в толще горы казался бесконечным. Анару затоптал потухший факел и снял со стены следующий, чёрный дым пах старым прогорклым маслом. С третьим факелом шахта раздалась в стороны и в высоту — потолок стала подпирать решётка из массивных растрескавшихся деревянных балок — и окончилась перегороженным бревенчатой стеной тупиком. В угасающем свете факела мы увидели дверь, закрытую с нашей стороны на засов

из мощной доски.

— D'yeabl arse, — выругался Иорвет, — этот проход никогда не должен быть закрыт, кто это сделал?

Дьяволова задница

Эльфы сняли с двери доску, Иорвет взялся за деревянную ручку, я прислушалась.

— погоди! — воскликнула я. — Там кто-то есть.

— Ведьмаки — вперёд, — с язвительной галантностью он приоткрыл мне дверь.

Нащупав пузырёк смеси с Кошкой, я сделала глоток. Подкатила знакомая тошнота, свет факела стал нестерпимо ярким. Наложив защитный Квен и, достав меч, протиснулась в щель. Дверь захлопнулась за спиной. Времени рассматривать зал, куда я попала, не было, потому что группа утопцев отвлеклась от исследования глубокой лужи на полу и, недовольно заурчав, дружно бросилась на меня.

Раскидывая утопцев Аардом и делая выпады, я вдруг осознала, что этот бой был полностью под моим контролем. Не то я всё-таки поднабралась опыта с того момента, когда мы с Ламбертом ходили на охоту, не то медальон прибавил сил, но чудовища падали один за другим, не причиняя мне вреда.

Я грохнула кулаком по двери.

— Готово, выходите!

Зажмурилась от света факела. Иорвет кивнул мне:

— Нам надо беречь стрелы.

Держа наготове меч, я пошла впереди рядом с ним. В стороны расходились галереи подземного дворца, совсем не похожие на приведшую сюда шахту: под ногами лежала обломанная и потёртая мраморная плитка с проглядывающим тем не менее изящным узором, стены украшали барельефы, похожие на те, что мы с Геральдом видели в Шаэрраведде.

Путь вывел в гигантский зал со стрельчатыми потолками, откуда разбежалось множество галерей идентичных той, из которой мы пришли. Белки благоговейно обводили взглядом мерцающие в свете факела величественные статуи в ниспадающих одеждах, со скорбно склонёнными головами.

— Зачем эльфы строили дворцы под землёй? — спросила я.

— Это не дворец, — ровно ответил Иорвет, — это некрополь.

Присмотревшись, помимо статуй я заметила расставленные в нишах саркофаги, которые до того принимала за элементы декора.

— На самом деле, мы сделали крюк, чтобы попасть сюда. Если пройти через вон те галереи, то мы выйдем к дороге, от которой рукой подать до Лок Муинне.

— Почему мы не вошли там?

Остальные участники отряда наострили уши. Видимо, они тоже не знали ответа, но задавать лишние вопросы было не в их привычках.

— Того входа, главного, больше нет. Его завалили четыреста лет назад после резни в Эст Хэмлете и Лок Муинне. В некрополь бежали все эльфы, кто смог спастись. Часть потом ушла далеко в Синие Горы и прозябает там. Немногие добрались до Ард Дола, куда идём мы, — терпеливо объяснил Иорвет. — Но в Ард Доле не любят чужаков, боятся, что последний город эльфов постигнет судьба всех остальных, и охраняют тайну пути к нему.

— А кто сделал вход, через который вошли мы?

— Этому ходу не больше двухсот лет, его выкопали после казни Аэлирэнн. Он нужен,

чтобы эльфы долины и гор могли общаться втайне от dh'oine. Поэтому мне неясно, кто и зачем закрыл дверь... Кроме эльфов никто об этом ходе не знает, он предназначен только им. И только настоящий эльф может пройти через него.

— Ну, я-то не настоящий эльф и прошла, — легкомысленно сказала я.

Иорвет бросил на меня странный взгляд и промолчал.

Осторожно мы продвигались во тьме по периметру зала. Действие Кошки прошло, и по пути я зажигала некоторые из массивных масляных жаровен, расставленных по обе стороны арок в боковые галереи. У одной из жаровен Анару остановил меня, сунул палец в котёл, повозил по стенкам и лизнул.

— Масло ещё есть, но, судя по всему, последний раз его доливали несколько лет назад.

Кое-где из трещин в стенах сочилась вода. Я обогнала скоя'таэлей, почуяв шевеление утопцев, которые собирались стайками у луж. Других чудовищ в некрополе не было. Эльфийские мертвецы были упокоены слишком давно и по всем правилам, и, к счастью, с призраками нам встретиться не пришлось.

Местами вдоль стен тянулись ряды разошедшихся сундуков, и валялись около саркофагов полуистлевшие мешки. Вероятно, они сохранились тут со времён, когда эльфы жили в некрополе, скрываясь от преследования.

Мы пересекли зал, и Иорвет снова повёл по лабиринту галерей. Я окончательно запуталась в пространстве.

В этот раз анфилада комнат, плотнее других уставленных сундуками и саркофагами, вывела в необъятный и необозримый в высоту зал в форме цилиндра. Ярусами его опоясывали балконы с беломраморными колоннами, увитыми резными узорами плетистых роз. Мы вышли на третьем этаже. С каждого балкона в глубь некрополя вели многочисленные проходы — в мозгу не укладывалось, насколько гигантским был этот город мёртвых.

Снизу с первого этажа поднималась многометровая, уходящая в темноту сводов белоснежная статуя эльфийской девушки в коротком хитоне, которая держала меч в высоко поднятой руке. Я узнала её — это была Аэлирэнн. Может быть, она и прокляла себя за то, что повела свой народ на смерть, но эльфы не отреклись от неё и не забыли.

Балконы местами обвалились, и Иорвет задумчиво остановился около завала.

— Нам нужно на первый этаж, — он махнул в направлении одного из проходов между стоящими кругом каменными изваяниями.

Я подошла к обрушенному краю. Ведьмачий медальон дёрнулся.

— Здесь есть какая-то магия, — обернулась я к эльфам.

Анару, который запасливо собирал по пути факелы, зажёл один и бросил вниз. Пламя очертило дугу, высветив неподвижные мраморные фигуры эльфов. Среди них лишней и неуместной была одна — тёмная гора из камня, которая, сгорбившись, сидела у подножья статуи Аэлирэнн. Факел подкатился к её ногам. С каменным хрустом фигура зашевелилась и поднялась. Голем!

Иорвет выругался и зашагал взад-вперёд по балкону.

— Какого чёрта тут делает голем?!

— Големов создают маги, чтобы охранять сокровища или проходы. Кстати, и дверь была заперта. Кто-то очень не хотел, чтобы этим путём пользовались, — размышляла я вслух.

— Ты можешь убить его? — раздражённо перебил эльф.

Я снова подошла к краю. Ростом голем достигал балкона второго этажа. С грохотом он затоптал факел и озирался вокруг. Я знала, что где-то в каменном теле искусственно созданного чудовища спрятан магический артефакт, поддерживающий ему жизнь. Взгляд зацепился за могучий торс из булыжников и огромные кулаки-гири. В списке самых мощных чудовищ голем занимал одно из первых мест, я же пока уверенно расправлялась только с самыми слабыми. Анару метнул второй факел, голем заторможенно поднялся и вразвалку пошёл к огню. Ощущение медлительности было обманчивым — големы при желании умели передвигаться молниеносно. Я покачала головой.

Иорвет порывисто остановился, перегнулся через парапет, вглядываясь в тёмный провал выхода.

— Все, кроме ведьмачки, ищите верёвки. Нам нужно как можно больше не совсем истлевших, крепких и длинных верёвок. Открывайте сундуки, мешки, саркофаги, что угодно, — скомандовал он. — А ты... ты достанешь утопцев. М-м... троих, не меньше. Они нужны мне живыми.

Живыми? Как он себе это представляет? Я растерянно смотрела на Иорвета, но он уже стремительно шагнул к сундукам в коридор, из которого мы пришли.

Мучительно пытаясь придумать подходящий способ пленения утопцев, я свернула с балкона в соседний с нашим проход. Ладно, разберусь по ходу дела, да и вообще, сначала этих утопцев нужно хотя бы найти. Глотнула опять Кошку — лишних рук на факел у меня не было. Сосредоточилась, пошла по коридору на звук капающей воды. Так, тут четверо. Защита, оглушение. Одного пришлось убить, трое отлетели к стене. Схватив ближайшего за гребень, я потащила его в сторону балкона, послав оставшимся ещё один Аард.

Утопек скоро очнулся, и снова я оглушила его. Мне пришлось несколько раз повторить экзекуцию, прежде чем я доволокла его тушу до скоя'таэлей. Айвор с Роэлем ловко связали несчастного пленника, а я отправилась за следующими. К моменту, когда я подтащила всех троих, на балконе уже скопилась куча из мотков, клубков и бобин с верёвками разной степени трухлявости.

Иорвет выбрал самую тонкую, привязал к стреле. Отошёл максимально вправо, насколько позволял балкон, туго натянул лук и выстрелил. Стрела прошла за головой изваяния в глубоко надвинутом капюшоне у нужного нам выхода, отскочила от стены и выпала на пол слева, протянув за собой за спиной статуи верёвку.

Голем закрутил головой, пытаясь вычислить источник шума.

— Отвлеки его, — тихо сказал Иорвет.

Анару кинул факел на противоположную, подальше от выхода, сторону зала.

Пока голем расправлялся с очередным факелом, Иорвет тщательно прицелился и выпустил вторую стрелу с тонкой верёвкой. Стрела вошла точно в древко первой. Голем бросил играть с огнём и ринулся к стреле.

— Кидайте утопца! — заорал Иорвет.

Анару и Айвор молниеносно перевалили утопца через каменные перила. Тот плюхнулся на мозаичный пол и забился в верёвках. С поднятым кулаком голем неожиданно стремительно двинулся на него.

Иорвет с Моной тем временем аккуратно вытащили крест из стрел, привязали прочный толстый трос к концу тонкой верёвки и стали протягивать его за шей статуи.

Голем крушил зал. Удары кулаков дробили плитку, а вёрткий утопек никак не хотел умирать. Мне стало не по-ведьмачьи жаль его, и я постаралась выкинуть лишние мысли из

головы. На его месте могли бы быть мы.

Эльфы, наконец, протянули трос за спиной статуи и привязали концы к перилам. Иорвет попробовал его на прочность, недовольно покачал головой.

— Я пойду первым, остальные по убыванию веса, — сказал он. — Анару, когда я из прохода зацеплю верёвку, отвяжи левый конец, и мы натянем её прямо на выход.

Анару кивнул. Снизу раздался предсмертный визг и глухой звук удара. Иорвет порывлся в куче притащенного с верёвками хлама и выбрал ржавую изогнутую скобу. Приложил её к тросу, примерил, взялся с обеих сторон. Я смотрела во все глаза.

Эльф оглянулся, многозначительно кивнул на второго утопца, легко спрыгнул, оттолкнувшись ногами от балкона, и заскользил через зал. В детстве мы занимались подобным развлечением, спускаясь безо всяких страховок по тросу вниз с дерева и тормозя в ржавую пружинную кровать, притащенную со свалки. Отбитые тогда плечи фантомно заныли.

Голем увлёкся новой приманкой, а Иорвет в полёте раскачался, уже у статуи отпустил скобу и прыжком вылетел в проход.

Утопец выпутался из верёвок и бросился удирать, и поглощённый догонялками голем даже не повернул головы, пока Анару с Иорветом туго натягивали трос прямым в нужный нам коридор. Выбрав железки для скольжения, Анару, Роэль и Айвор по очереди исчезли в тёмной арке прохода. Мона порывисто обняла меня и полетела вслед.

Грохот и визг сотрясли зал, с балконов посыпались куски парапета, а в ступне Аэлирээн зазияла пробоина. Голем расправился со вторым утопцем.

Я приложила свою железку к тросу и уже собралась с духом, чтобы прыгнуть, когда верёвка обвисла. Я дёрнула, она подалась. Кровь ударила в лицо. Метр за метром я вытянула её на балкон — конец был аккуратно обрезан ножом.

В глазах потемнело. «Проход предназначен только для эльфов, только настоящий эльф может пройти», — стучало в голове. Они бросили меня! Ярость забралом упала на глаза.

Отшвырнув ненужную железку, я заметалась по балкону. Так, дышать! Я не могу позволить им сбежать! Схватила последнего утопца и из приседа с трудом перевалила его через перила. Перелезла через парапет и спустилась по обрезанной верёвке на первый этаж. Квен, ещё Квен. Заметив меня, голем отвлёкся от пойманного и извивающегося под его рукой утопца и явно размышлял, кого нужно убивать первым. Гнев придавал мне сил, и я рванула через зал к выходу. Бросив добычу, голем бросился в погоню, и в момент, когда я впрыгнула в проход, ударил в арочный свод. Он никак не пролезал в узкий коридор, но бился в него, обрушивая камни проёма и выбивая кулаками дыры в полу. Я побежала вглубь и резко затормозила, обнаружив в соседней комнате всю компанию эльфов.

— *Wloede arse!* — от ярости и обиды я выкрикнула единственные слова на Старшей Речи, которые запомнила. — Настоящие, сука, эльфы! Предатели, вы хотели бросить меня в этом похоронном бюро!

Разинув рты, эльфы смотрели на меня. Лицо Иорвета потемнело и, метнув яростный взгляд, он отшвырнул в сторону верёвку с привязанной стрелой и зашагал в темноту. Мона укоризненно покачала головой, и эльфы устремились за командиром.

Я побежала вслед, на душе было препаршиво. Могла ли я ошибиться? Они же не ушли. С другой стороны, обрезанный конец верёвки так стоял перед глазами. Раздираемая обидой и сомнениями, я молча бежала, и снова на меня никто не обращал внимания.

Коридоры сменялись истоптанными лестницами, поднимающимися вверх. Путь

изгибался, местами переходя в прорубленные в камне тоннели. Поворот, лестница, ещё поворот. Ход упёрся в дощатую стену. Иорвет задёргал ручки двери.

— Заперта! — прошипел он.

Ещё чувствуя гневный подъём сил, я отодвинула плечом эльфов и с двух рук выпустила Аард. Вся моя ярость ушла в этот удар, и медальон на миг раскалился. Дверь повисла на одной петле. Мы выбрались на воздух.

В гору зигзагом уходило ущелье, и наша гонка продолжилась. Под ногами перекатывались булыжники — следы частых оползней. Чем выше мы поднимались, тем свежее и резче становился холодный воздух, который при вдохе проходил прямо в лёгкие, оставляя, при этом, ощущение нехватки кислорода. И с каждым выдохом остатки моей ярости улетучивались, заменяясь опустошением.

От бега и холодного воздуха жгло горло. Мы вышли на перевал. Под крутым северным склоном лежали ноздреватые ледовые наросты. Почувствовав опасность, я достала меч. Со скал, затемнив небо и крича, взметнулась и спикировала на нас стая потревоженных гарпий. Сейчас мне на всё было наплевать: я жгла чудовищ Игни, как из огнемёта, напоминая себе героя Тарантино, я крушила Аардом, рубила мечом, и в этой вопящей мясорубке бок о бок рядом со мной сражались эльфы.

Когда всё было кончено, мы побросали сумки прямо среди разбросанных трупов и в изнеможении опустились на землю. Рядом со мною растянулась Мона, повернула ко мне лицо и прошептала:

— Верёвка перетёрлась, когда я съехала. Мы хотели привязать другую, но ты выдернула конец у меня из рук.

Скалы закрутились перед глазами. Откинувшись спиной на плоский валун, я смотрела в небо, где высоко над головой кружила, широко расправив крылья и наблюдая за нами, парочка беркутов. Значит, эльфы искали верёвку и собирались стрелой запустить мне конец... Резко захотелось провалиться сквозь землю. Глубоко вздохнув для храбрости, я поднялась.

— Простите меня, я всё не так поняла, — громко обратилась я к эльфам. Вспомнила лицо Иорвета, когда он отшвырнул стрелу с верёвкой, прямо встретила его взгляд и тихо добавила: — Прости.

Иорвет приподнялся на локте, долго и, мне показалось, удивлённо смотрел мне в глаза.

— Squaess me, по-эльфийски это звучит как squaess me, — произнёс он и улыбнулся.

Прости меня

— Нет, не так, — своим певучим голосом настойчиво втолковывала Мона. — Arse, arse.

R — лёгкое, а не «аррсе».

— Арсе, — послушно повторила я.

Айвор прыснул в кулак.

— Нет, ты рычишь, как медведь. А надо, чтобы было гармонично — A d'yeabl aep arse, вот так.

Дьяволова задница

Я вздохнула. Мона с энтузиазмом взялась обучать меня Старшей Речи и начала с самого необходимого, с ругательств.

— Ладно, сойдёт, теперь выучи «Suach op arse» и достаточно.

— Что это хотя бы значит?! — воскликнула я.

Эльфийка склонилась к моему уху. Я хмыкнула — могла бы догадаться, какой матерный глагол, аналог для suach, так хорошо мог подходить к заднице.

— Но это используй в самом, самом крайнем случае, только если хочешь оскорбить эльфа навсегда.

Перевал, где мы сражались с гарпиями, оказался не тем, о котором говорил Киаран. Мы снова шли вверх, обходили утёсы, ввинчивались в расщелины. Йорвет высматривал знаки — тут и там на камнях я замечала едва различимые выветрившиеся метки эльфийских рун. Снега становилось всё больше, ледовые наросты уже не прятались под северными склонами, а дерзко захватывали тропу.

Солнце зашло за горный пик. Накрыло тенью, поднялся колючий ветер. Я тщетно пыталась закутаться, чтобы не задувало под слишком тонкий плащ, и запоздало сокрушалась, что не взяла с собой лисью меховую жилетку.

На ночь встали под защитой каменного карниза, с кромки которого вьюгой сдувало вихри сухого снега. Под карниз, однако, ветер не залетал, отгораживая наше укрытие от непогоды снежной завесой. Из тонких кривых стволиков карликовых деревьев, собранных рядом, мы сложили дымящий костёр, который мне пришлось постоянно поддерживать огненным знаком — хворост был мокрым и робкий огонёк то и дело потухал.

— Завтра выйдем на перевал, — глухо произнёс Йорвет, протягивая ладони к костру. — Лишь бы погода не испортилась.

Спали недолго, тесно прижавшись друг к другу. Я с головой завернулась в шкуру, но всё равно всю ночь меня колотило от холода.

Утром погода всё-таки испортилась. Опустился молочно белый туман, в котором мы не видели друг друга на расстоянии вытянутой руки. Йорвет ругался, обогатив мой словарный запас ещё парочкой крепких выражений.

Выйдя из-под карниза в белёсый космос, я сосредоточилась. Определённо, я могла почувствовать слабые импульсы, идущие от помеченных рунами камней.

— Нам надо идти в связке, — вернулась я к эльфам у костра. — Я попробую вести от знака к знаку.

Все обмотали верёвки вокруг груди, и мы протянули их шагов на десять друг от друга. Я осторожно ступала первой. Глаза можно было держать закрытыми, не видно было ни зги, что так, что эдак, различался лишь цвет, было ли всё вокруг белым или тёмным. Камни

звали. В одном месте зов увёл правее, и подо мной обрушился снежный наддув. Иорвет, идущий следом, упал и проехал несколько метров, вспахивая снег ножом. Верёвку дёрнуло, спиной я шарахнулась о стену. Отдышавшись, упёрлась в неё каблуками, и медленно, шаг за шагом эльфы вытянули меня на обрыв.

— Гнездо каких-то грызунов! — крикнула я, лёжа на земле и собирая остатки сил. Засунула в рот комок снега. Во рту не проходил металлический привкус крови.

Я стала выбирать импульсы осторожнее. К полудню ветер, наконец, разогнал последние обрывки тумана, и мы вышли на перевал.

Теперь не оставалось сомнений, что это тот самый перевал — далеко впереди, внизу, за его седловиной расстилалась сочно-зелёная равнина, окружённая неприступными хребтами гор.

И так же резко, как сменилась изменчивая горная погода, отчаяние покинуло грудь, и нас переполнило торжество. Даже угрюмый Анару продемонстрировал нечто, отдалённо похожее на улыбку. Мона, повизгивая, повисла на шее Роэля. С лица Иорвета, казалось, тоже ушла тень, черты разгладились. Он слегка кивнул мне, снимая обвязку с груди, и махнул рукой в сторону нашей цели. Сейчас я была счастлива быть с ними... с ним и не променяла бы этот миг ни на что.

Чуть ниже тропа, наконец, освободилась от снега, и, уже не обманывая, привела к воротам Ард Дола.

***

— Иорвет, старый лис, сколько лет прошло с тех пор, как ты был здесь в последний раз? — слова эльфа с посеребрёнными сединой волосами цвета воронова крыла падали мерно, будто капли, эхом отражаясь от стройных колонн, увитых лианами, и витиеватых каменных узоров террасы. — В тот раз оба твоих глаза были при тебе.

— Зим десять прошло, Аланнэнн, или двенадцать, кто ж считает. Седины в твоих волосах я тоже не помню.

Тишина сгустилась. Вооружённые эльфы, сопровождавшие нас от ворот города на аудиенцию, бесстрастно ждали. Мона, которая до того шептала мне на ухо синхронный перевод, затихла и отстранилась.

Аланнэнн раздвинул в улыбке губы. Волосы его охватывал обруч белого металла, по центру которого светился бледно-голубой сапфир, в точности повторяющий прозрачный цвет глаз эльфа, и оттого казалось, что во лбу его сияет третий глаз.

— Чем обязан чести такого сопровождения? — взрезав металлом голоса тишину, спросил Иорвет и кивнул в сторону охраны.

Аланнэнн метнул взгляд на эльфийку, стоящую по правую руку, хотел было ответить, но она опередила:

— Не волнуйся, Иорвет, уж не тем, что ты тогда сбежал отсюда, не попрощавшись, — её глубокий низкий голос тёк, как медленная река. — Но в этот раз ты привел к нам человека!

Слово dh'oine я поняла и без Моны. Кулаки непроизвольно сжались. «Ну началось», — зло подумала я.

Чёрные глаза эльфийки пылали гневом. Видно было, что в Ард Доле именно она была хозяйкой — высокая, с царственной посадкой головы, ростом она не уступала мужу. Подчёркивая её высочайший статус, в уложенных в затейливую прическу тяжёлых льняных косах поблёскивали грани изумрудов золотой диадемы.

— Это ведьмак, Юланнэн, — для королевы Иорвет добавил в голос обворожительной

мягкости, — без неё мы бы не добрались к вам. Вместо себя её послал Белый Волк.

Эльфийка задумалась.

— Много лет назад Белый Волк оказал нам неоценимую услугу, — неуверенно начал её муж. — И он единственный из dh'oine, кто когда-либо ушёл из нашей долины живым. Предполагаю, что дело, с которым вы пришли, имеет достаточно веские причины, чтобы открывать путь в Ард Дол для непосвящённых.

— Именно так, Аланнэнн, — Иорвет слегка поклонился, — и о них я хотел бы поведать Вашим Светлостям лично.

Юланнэн, видимо, пришла к какому-то решению и хлопнула в ладоши.

— Мы доверяем тем, кому доверяет Белый Волк... и ты, Лис. День клонится к закату. О делах мы поговорим завтра, а сегодня — пир! Несколько лет мы не видели никого с той стороны гор, вечером забудем обо всём!

Я опешила, слишком уж неожиданным был переход от гнева к милости. Иорвет со смирением склонил голову, однако по слегка приподнятой брови я поняла, что и от его внимания это тоже не ускользнуло.

Конвой расступился, и эльфийские владыки чинно вышли с террасы.

— Я провожу вас в покои, — раздался вкрадчивый голос, — Валеос, дворецкий их Сиятельств, в вашем распоряжении.

На террасе, кроме нас и дворецкого, больше не осталось никого, а сам Валеос, казалось, возник из ниоткуда. Он был высок, как и все эльфы, но весь как будто состоял из округлостей и шарниров, а богатством одежды затмевал своих господ. Поверх длинного кафтана небесно-голубого цвета лежали живописные драпировки блестящего шёлка цвета индиго, скреплённые на плече серебряной брошью. Валеос повёл через ажурные мосты, и я, наконец, получила шанс осмотреться по сторонам.

С высоты открывался вид на долину — райский оазис, спрятанный в сердце гор. Дивный сад, где каждое дерево, каждый камень и ручей были на своём месте. Деревянные мостки пересекали пруды и вели в тенистые воздушные беседки из белого камня. Дорожки петляли в цветущих садах и растворялись в тени лесов. Шагая по невесомым мостам, мы приближались к дворцу, перед которым раскинулось горное озеро.

Скоя'таэли Иорвета притихли. Никогда ещё им не приходилось видеть города эльфов в первозданной красоте, не прибегая к помощи воображения и не силясь с тоской разглядеть былое величие в древних руинах. Мона исподтишка пыталась отряхнуть с плаща грязь.

Солнце припекало, стало жарко и потно, и белокаменный тенистый холл дворца подарил прохладу. Валеос провёл сквозь просторный зал с барельефами, стрельчатые окна которого выходили на озеро. В зале уже вовсю начались приготовления к пиру: двигали столы, носили посуду. Голова закружилась от обилия прекрасных эльфийских лиц. Я, в свою очередь, тоже притягивала взгляды, однако отнюдь не столь восторженные, как бы мне того хотелось.

Высокими коридорами, по стенам которых были развешаны шитые золотом гобелены, дворецкий сопровождал в жилую часть.

— В левом крыле покои мужчин, располагайтесь, а дамы — прошу сюда.

Нам с Моной достались соседние комнаты. Эльфийка ушла к себе, и я лишилась своего переводчика. Свалила мешок с вещами у кровати, аккуратно разложила оружие, освободилась от куртки.

В комнате не было ничего лишнего, она была просто, но изящно обставлена, а из окна

расстилались леса, подрумяненные закатом. С наслаждением умыв лицо, я ненасытно пила прохладную свежую воду.

Отворилась дверь, и в комнату бесшумно проскользнула эльфийская девушка. Улыбнувшись мне, знаками попросила встать, развела руками, будто измеряла мою длину, ширину и высоту, и выскользнула обратно. Я пошла к Моне.

Та блаженно растянулась на кровати, закинув на изножье босые ноги.

— Мягкая постель, Яна! — с наслаждением протянула она. — Ты себе не представляешь, какое это счастье!

Я сделала вид, что с разбега собираюсь прыгнуть к ней на кровать, Мона захохотала:

— Нам обещали баню! Сейчас Илона принесёт одежду, и пойдём. Понимаешь, баня!

— Разве в Вергене нету бань?

— Нет, ты всё-таки не понимаешь...

***

Когда Илона привела нас, облачённых в длинные невесомые туники, в бани, я поняла, что и правда не понимала.

Центр белоснежного зала занимал просторный бассейн с прозрачной голубой водой. По бокам располагались каменные чаши, в которых бурлило и поднимался пар.

— Горячие источники, — шепнула Мона, — вся долина утыкана горячими источниками, поэтому тут так тепло.

В нишах между чашами вода лилась из пастей причудливых каменных зверей. Такое забытое ощущение — стоять под горячими струями. На миг показалось, что я дома, в душе, и вся моя жизнь тут мне просто приснилась. Но нет, мягкое журчание воды в чашах, плеск, тихие голоса и смех эльфиек, эхом наполняющие зал, вернули меня в реальность.

Из соседнего помещения валил ароматный пар с запахом соли и трав. Мы посидели на горячих каменных скамьях, и Мона потащила меня дальше, к круглому бассейну, из центра которого время от времени вырывалась к потолку струя воды. Эльфийские девушки, сидящие по бортику в бассейне, как одна, повернули головы в нашу сторону. Я попыталась кое-как прикрыть рукой шрам. Мона уже что-то говорила им, когда из воды вырвалась новая струя, и девушки, завизжав, зашлись хохотом. Я вылезла из бурлящей воды и растянулась на горячем плоском камне. Некрополь, горы, снег — всё казалось далёким и ненастоящим.

— Не могу себе представить, что могло заставить его притащить сюда dh'oine, — пропел рядом на всеобщем языке мелодичный грудной голос.

Я не спеша развернулась, привстала на локте. На соседнем камне, расслабленно заложив руку за голову и задумчиво глядя в потолок, лежала молодая эльфийка. Чёрные волосы мягко огибали полную грудь с тёмными ареолами вокруг нежных сосков, на щиколотке стройной ноги поблёскивала тонкая цепочка. Девушка повернула ко мне лицо, и бездонные глаза цвета ночи изучали меня, будто была я необычным видом насекомого, озадачившего натуралиста дополнительной парой ног.

— Жизнь заставит, и не так подпрыгнешь, — я прямо смотрела в её непроницаемые глаза.

Девушка молча вернулась к изучению потолка, в её вселенной меня больше не существовало. Я поднялась, вся магия этого места ушла.

— Пожалуйста, останься, получай удовольствие, — шепнула я Моне, которая, увидев меня, перестала счастливо плескаться и начала было вылезать из бассейна, — просто мне хватит.

***

Поймав себя по дороге в комнату за насвистыванием «нам дворцов заманчивые своды не заменят никогда свободы», я горько рассмеялась: да, нам любые дороги дороги, и именно там, а не здесь, моё место. Среди тех, кто пусть не столь красив и гармоничен, но кто в сто раз более живой, чем идеальные обитатели долины.

Глубоко между монет я запрятала в кожаный пояс тонкую маленькую розу Аэлирэнн. Этим эльфам незачем знать о её просьбе. Должна ли я рассказать о ней Иорвету? «Потом, когда выберемся отсюда», — решила я и, подумав, засунула туда же цепочку с обручальным кольцом.

Не зная, чего ждать дальше, я уселась к окну и в увядающем свете занялась серебряным мечом, так как после битвы с гарпиями у меня не было возможности привести его в порядок. Солнце коснулось гор по ту сторону долины, когда дверь отворилась, и, что-то оживлённо обсуждая, вошли две эльфийки со свёртками. Захихикали, увидев меч, и знаками поманили к себе.

Следующие полчаса в четыре руки они ловко приводили меня в порядок. Умело и ловко расчёсывали волосы, смазывали душистыми маслами, пушистой кистью щекотали по лицу, подводили глаза угольным карандашом. Потом настал черёд одежды. Эльфийки развернули свёрток, и из него выскользнула невесомая ткань матового стального цвета. Девушки одобрительно зацокали языками, когда я занырнула в платье.

— Аесáетт пиппац, — пропела одна, вертя ладонь у лица и как бы смотрясь в неё, а вторая легонько подтолкнула в спину к выходу.

Иди за нами

Я подхватила шёлковые голубые балетки, и девушки провели в комнату Моны, где было зеркало. Мону уже тоже обработали эльфийские умелицы, и меня встретила полузнакомая красавица в лёгком ниспадающем персиковом платье. В светлых волосах переливались серебряные нити, глаза сияли, и я не могла поверить, что сегодня утром мы спали с этой феей на голых камнях, от холода тесно прижавшись друг к другу.

— Яна! Ты, ты... ты выглядишь как настоящая эльфийка! — воскликнула Мона, обняв меня. — Никогда бы не подумала, что тебе так идёт платье!

Я криво улыбнулась и потеснила её у зеркала. И правда, идёт. Искусно подведённые глаза стали ярче и глубже, лазурные вставки на платье придавали обычно серым глазам голубой оттенок. Прямое сверху, платье расходилось книзу, как и длинные рукава, ниспадающие с локтей. Интересно, что сказал бы Эскель, если бы увидел меня? Наверное, посмеялся бы. А может быть, и нет...

Илона протянула руку, желая заменить ведьмачий медальон на переливающееся кольцо с подвесками из аквамарина.

— Neén, — я мягко отвела её ладонь, покачала головой.

Я не эльфийка, я — ведьмачка, поэтому медальон останется при мне.

***

На выходе из правого крыла мы с Моной увидели идущих навстречу наших спутников. От удивления у меня приоткрылся рот — одетые в вышитые кафтаны, они будто сошли с обложки модного эльфийского журнала, если бы такой существовал. От Айвора, казалось, исходил свет, Анару можно было перепутать с эльфийским повелителем тьмы, а Роэль с Моной не могли отвести друг от друга глаз. Я украдкой высматривала Иорвета, не сразу заметив его за спинами его команды, и когда он показался, сердце моё заколотилось и кровь

прилила к лицу.

Ну конечно, зелёный и чёрный — его цвета. Иорвет был без банданы (её заменяла элегантная чёрная повязка через глаз), тёмно-зелёный кафтан был подпоясан чёрным же кушаком с вышивкой. В отличие от остальных белок, он, казалось, прекрасно чувствовал себя в парадной одежде, как будто привык носить именно её, а не поношенные доспехи.

Валеос встретил нас и построил, как в детском саду, по парам. Иорвет непринужденно подал мне руку.

— Ты похож на пирата, — не сдержавшись, восхищённо шепнула ему я.

«На чертовски красивого пирата», — добавила про себя.

— Интересные у тебя представления о пиратах, — усмехнулся он, и взгляд зелёного глаза скользнул по моему платью, задержался на медальоне.

Губы Иорвета приоткрылись, словно он хотел что-то добавить, но тут шарнирный Валеос вскинул руки, требуя тишины, и отворил резные дубовые двери в зал.

Двери в зал распахнулись, Мона восторженно выдохнула. Горели тысячи свечей: на живописно расставленных между колоннами столах, укрытых белыми с золотистой вышивкой скатертями, на ажурных подвесных люстрах. Середина зала была свободна, и небольшими группками там прохаживался весь цвет эльфийского города.

Музыканты в ангельски-белых одеждах, повинувшись невидимому знаку Валеоса, приложили флейты к губам, ударили по лютневым струнам, и пир начался.

Дворецкий показал наши места за столами. Анару и Айвор разошлись по разным концам зала, меня, к счастью, оставили с Моной и Роэлем, а Йорвету выпала честь сидеть за королевским столом. Перед тем как уйти, он слегка сжал мою ладонь в своей руке, и глупому сердцу этого было достаточно, чтобы чуть не выпрыгнуть из груди. Как в тумане, направляемая Моной через зал, я размышляла о том, показалось мне или нет, и если нет, то что бы это значило, и как прекратить поток этих мыслей.

За столиком уже ждали гости: мощный эльф с тёмными волосами, заплетёнными в толстую косу, и древняя эльфийка, которая широко улыбнулась, показав безупречные белоснежные зубы.

— Юный Валли усадил нас, как я и просила, с гостями, хороший мальчик, — обратилась она к нам на всеобщем, приглашающе взмахивая худыми руками, обтянутыми пергаментом белой кожи. На запястьях зазвенели тяжёлые, усыпанные драгоценными камнями браслеты. — Садитесь, мои хорошие, столько лет здесь не было новых лиц, всё одни и те же рожи.

— Бабушка! — укоризненно пробасил эльф.

Старая эльфийка мне сразу понравилась. Её худое аристократическое лицо сохранило следы ослепительной красоты, а о возрасте можно было догадаться, только приблизившись вплотную. Белоснежные седые волосы, увенчанные массивной диадемой, ниспадали на чёрное платье.

— Это Рагнар, мой внук, имя-то не эльфийское, правда? Когда-то мы могли свободно путешествовать к морям. Я убедила дочь дать ему имя в честь моей мимолётной курортной любви, — эльфийка подмигнула мне.

— Бабушка!

— Ах, это было ещё до того, как я встретила твоего деда, милый. Я — Наина. На самом деле, конечно, моё имя гораздо длиннее, но это неважно, зовите меня Наиной.

Мы представились и степенно расселись. Мне досталось место по правую руку от Рагнара.

— Юные воины и ведьмачка, как это романтично! В моё время все эльфы были воинами, а сейчас здесь большинству по душе искусство. Но вот наш Рагнар — из лучших охотников в Ард Доле, я так скажу, а когда-то и я сама стреляла великолепно.

Огромный Рагнар исподлобья взглянул на хрупкую, такую маленькую по сравнению с ним бабушку. Я рассмеялась. Определённо, с компанией за столом нам повезло.

Украдкой поискав глазами Йорвета, я обнаружила его неподалёку. По левую руку от него сидела сама Юланнэн, а по правую — давешняя красотка из бань, которая так не любила dh'oine. Склонившись к Йорвету, она что-то шептала ему. Чёрная, ничем не оправданная ревность всколыхнулась в груди, замутила голову. Я сконцентрировалась,

задышала. Волна прошла.

У стола материализовался эльф с напитками. С поклоном он протянул мне запылённую бутылку:

— По распоряжению Её Светлости специально для вас Сангреаль 1122 года. Единственный экземпляр, оставшийся в коллекции.

Я удивлённо подняла на него глаза.

— Эльфы предпочитают м-м... белое вино, но вы, без сомнения, оцените это великолепное красное.

Он, действительно, разлил по бокалам эльфов ледяное белое вино, откупорил красное:

— Пусть подышит, приятного вечера, — и растворился в зале.

— A d'yeabl aep arse, Сангреаль, — глаза старушки алчно заблестели.

Рассмеявшись, я переставила к ней бутылку.

— Боюсь, я не столь большой ценитель и с удовольствием буду пить белое вино.

Наина с царским кивком головы отдала мне свой бокал с эльфийским вином и многозначительно пододвинула бутылку внуку. Тот налил рубинового вина в бокал, и эльфийка покрутила его, поднесла к носу.

— Я помню запах этой земли, благоухание южной ночи — аромат страсти! Как давно это было...

Рагнар огляделся по сторонам и с нетерпением приступил к еде. На столе громоздилась всяческая снедь: блюдо с внушительной, изошрённо вывернутой рыбиной, искусно приготовленная птица, вазы с фруктами, сырами и орехами.

— Так что же творится по ту сторону гор? — Наина сделала глоток Сангреаля и, покатав его на языке, блаженно зажмурилась.

— Война, — коротко ответила Мона.

— Ах, девочка моя, это даже не новость, война была там всегда, сколько я себя помню. И кто же воюет на этот раз?

— Нильфгаард.

— Белое пламя никак не успокоится, всё скачет по курганам врагов? Три года назад тут была эта восковая кукла Франческа Финдабаир со свитой, и тогда только-только закончилась война, и тоже с Нильфгаардом.

Глаза Роэля сузились:

— Франческа была здесь? — в его приглушённом голосе звучала плохо скрываемая ненависть.

— Да, и довольно долго. Ах, как она чудесно выглядит, а ведь она намного старше меня. Магия! Надо было и мне не из лука стрелять, а учиться магии.

— Вы просто чудо, и самая красивая из присутствующих, — совершенно искренне заверила я Наину.

Она благосклонно рассмеялась. От лёгкого белого эльфийского вина в крови забурлила радость. Музыканты сменили пластинку, и в зал потянулись танцующие пары. Молчаливый Рагнар набрался достаточно храбрости и через моё плечо расписывал Моне достоинства своего любимого тяжёлого лука. Чтобы быть поближе к Наине, под возмущённый взгляд Роэля я предложила охотнику поменяться со мной местами. Общество жизнелюбивой эльфийки меня полностью устраивало.

— Ну что же, ведьмачка, тебе придётся развлечь меня парой историй, иначе я не отпущу тебя плясать, — она потрепала меня по руке.

Вовсю приукрашивая, я рассказала о наших приключениях с Эскемем и Геральтом: про Мару — богиню зимы, про Михала-Великана. Наина смеялась в нужных местах, уточняла, охала и пугалась, хватая меня за руку.

— А теперь про любовь, про любовь расскажи!

Я растерялась, не зная, что ей ответить, и в этот миг увидела, что черноволосая красавица ведёт Йорвета за руку к танцующим парам. Все слова вылетели из головы. Наина перехватила мой взгляд:

— У-у, девочка, я вижу, — понизив голос, произнесла она. — Молодой Лис, значит...

— Нет, что вы! — я решительно замотала головой.

— Брось, — засмеялась Наина, — как и его отец, Йорвет из мужчин, стоящих того, чтобы ради них терять голову, и будь я моложе, тоже запала бы на него, как и Фиоланнэн.

Я вопросительно подняла брови. Эльфийка кивнула в сторону прильнувшей к Йорвету партнёрши по танцу.

— Фиона, дочь владык. С тех пор, как Лис сбежал, дайте боги памяти, это было после рождения моего четвёртого внука, но до того, как...

Наина погрузилась в расчёты, которые сводили меня с ума — я жаждала узнать что-нибудь про Йорвета, которого тут, оказывается, хорошо знали.

— Да, двенадцать зим назад. С тех пор она его ждёт. Но знаешь что? — эльфийка приблизила губы к моему уху. — Был бы в девке огонь, пошла бы за ним по ту сторону гор. Я бы так поступила!

Роэль, озабоченный повышенным вниманием Рагнара к Моне, увёл её танцевать. Охотник грустно навис над тарелкой.

— Рагнар, всё время ты выбираешь среди тех, кого нельзя выбрать! — заворчала Наина. — Не сиди сычом, идите уж, потанцуйте. У меня тут неоконченный разговор с одним туссентским вельможей.

Она подлила себе в бокал Сангреаля и ушла в свои мысли. По губам скользнула мечтательная улыбка.

Рагнар послушно протянул руку. Видно было, что никакой радости он не испытывал, а глаза его неотрывно следили за Моной. «А почему бы и нет?» — подумала я. Энергия, наполнившая тело, требовала движения.

Мы закружились среди пар. На вид неуклюжий Рагнар ловко вёл, и мне не пришлось даже вспоминать давно позабытые танцевальные уроки. Мелькали лица, и на миг я встретила взглядом с Йорветом. Всё быстрее закручивались мы в танце, и полное эйфории тело стало таким лёгким, что казалось, будто я подлетаю на виражах, едва касаясь балетками пола.

Музыка изменилась, разгорячённые пары распались. Теперь все грациозно и торжественно сходились, кружили с партнёром и расходились вновь, чтобы закружить с другим. Вот моей парой стал пожилой эльф, галантно и сильнее необходимого прижавший меня к себе, вот Айвор, глаза которого смеялись. Лица сливались, мерцало пламя свечей. Я влетела в объятия очередного партнёра, когда музыка сменилась опять, темп замедлился, мелодия взбаламутила желания, спрятанные в груди, на дне. Подняла глаза — Йорвет.

Взгляд его был прикован к моему лицу, я же не могла оторвать от него глаз. Ладони соединились, сквозь тело зудяще-щекотным покалыванием будто пробежал электрический разряд. Волны мелодии уносили далеко, и я тонула в его взгляде, понимая, что выдаю себя с головой. Мы плавно скользили по залу, время замерло.

Музыка резко оборвалась. Величественная Юланнэн, в тишине поднявшись, застучала вилкой по бокалу. Танцующие остановились, а королева велеречиво говорила что-то на Старшей Речи. Мне было абсолютно плевать, что она говорит, потому что Йорвет продолжал держать меня за руку.

Но вот её выступление закончилось, эльфы стали расходиться к столам, музыка заиграла снова. Наши сомкнутые руки распались, на негнущихся ногах я вернулась за стол. В голове шумело, и я осознала, что совершенно не могу ни сосредоточиться, ни обратиться к рациональной части своего мозга — её как будто больше не существовало.

— Ах, вы такая красивая пара, — проворковала на ухо Наина, — такие надломленные веточки, а вместе — совершенное деревце. Чего здешняя публика никогда не поймёт — не бывает совершенства без изъяна, иначе оно становится скучнее лечебных процедур. А скучное несовершенно по определению.

Я очнулась от транса, благодарно улыбнувшись моей любимой эльфийке.

— О чём говорила королева?

— А, всякую муть про очень рады и пусть будет ночь любви. Ты же понимаешь, у королей важнее не что они говорят, а зачем они говорят.

Наина подмигнула и многозначительно стрельнула глазами в сторону королевского стола. Фиона обвила руками шею Йорвета и положила голову ему на плечо. Ощувив, как вспыхнуло лицо, я отвернулась и в ярости стала прожигать взглядом пол.

Вечер близился к концу. Эльфы церемонно раскланивались и исчезали. Я заметила Айвора, уходящего с незнакомкой, Анару выскользнул, обнявшись с грациозным эльфом, Роэль и Мона попрощались и упорхнули, оставив Рагнара с разбитым сердцем. Их Светлости исчезли тоже, и я увидела, как Фиона под руку с Йорветом направилась к выходу.

— Яна, — впервые обратилась ко мне Наина по имени, — обещай мне одну вещь.

С удивлением я посмотрела на неё.

— Я достаточно наобщалась с твоим Сангреалем, поэтому меня ничто не сдержит, — она хрипло рассмеялась. — У меня есть заказ для тебя, ведьмачка. Обещай мне, что когда-нибудь, когда у вас там станет потише и ты доделаешь все свои дела, неважно когда, я всё равно доживу, ты же понимаешь...

Наина страстно схватила в руки мою ладонь, браслеты звякнули.

— Мне нужен надёжный попугачик и проводник в большом мире, я хочу снова увидеть море. И я хочу в Туссент. Обещай мне.

Я посмотрела в её прозрачные глаза.

— Обещаю.

Она откинулась на спинку стула, прикрыла веки.

— Рагнар, нам пора.

Я осталась за столиком одна. Не торопясь, встала, оглядела зал. Окончен бал. Свечи почти прогорели. Я побрела к выходу.

Тёмные коридоры встретили тишиной. Я сделала оборот в вальсе, и юбка закружилась и опала. Ещё один. На ладони, там где был мой знак-капля, горело ощущение от прикосновения ладони Йорвета.

От колонны отделилась тёмная фигура.

— Я ждал тебя, — тихо прозвучал голос, который я так мечтала и так боялась услышать, — мне кажется, что мы не договорили.

Йорвет обхватил за талию, притянул к себе. В коридоре послышались голоса. Эльф

увлѣк меня в нишу за гобеленом.

— Yeá?

— Да, — шепнула я.

Он склонился и требовательно припал губами к моим губам. Я обвила руки вокруг его шеи. Голоса удалились в темноту. Из соседней ниши послышался шорох и стон.

Целуясь, мы вывалились из-за пахнущего пылью гобелена, Иорвет приподнял меня и, обхватив под спину, закружил. Я засмеялась, со стороны зала опять послышались шаги. Схватившись за руки, мы побежали.

Дверь Иорветовой комнаты захлопнулась за нами, щелчком пальцев я зажгла свечи. Касаясь спиной двери, смотрела на моего пирата. Он подошёл близко, прижав меня к полотну, рука скользнула по талии. Резко притянул к себе, подхватил под ягодицы, и я запрыгнула к нему на бѣдра, поймав ногами.

Смеясь, он сделал оборот по комнате, под ноги попала табуретка — мы упали на кровать, перекатились через неё и, хохоча, грохнулись на пол с другой стороны. Мой любимый враг лежал поверженный на спине, я победно восседала на его бѣдрах. Ладонью скользнула в вырез рубашки, прошла по гладкой груди, по татуировке лозы на шее.

— Ах так! — его руки поднялись, и он рванул платье.

С лёгким треском шѣлк расползся по швам.

— Ах так! — воскликнула я, и его кафтан и рубашка полетели в сторону.

Иорвет поймал меня за предплечья, переворот, и вот уже он нависал сверху, вжимая мои запястья в пол. Страстный азарт охватил нас, желание отключило и так куда-то задевавший разум. Мы смеялись, боролись и любили друг друга, потом перебрались на кровать и продолжили — неторопливо и нежно.

***

Голова раскалывалась — это было первое ощущение, когда я открыла глаза и обнаружила, что спала, уткнувшись носом в бок и обнимая рукой эльфа, который полусидел на подушках и задумчиво смотрел в окно. Вторым ощущением к горлу подкатила тошнота. Вскочив с постели, я бросилась в уборную.

— Чем нас накормили вчера? — слабым голосом спросила я, когда вернулась в комнату и напилась воды. — Я не пила столько вина, чтобы сегодня меня так вывернуло!

Иорвет продолжал отстранѣнно смотреть в окно.

— Я задаюсь тем же вопросом. Пару часов назад я чуть не выблевал там же все внутренности.

Он потянулся, ничуть не смущаясь наготы, за трубкой. Помимо воли я задержала взгляд на татуировке, которая обвивала гибкий атлетичный торс и уходила вниз по плоскому животу. Он хмуро усмехнулся. Я смотрела на него — сегодня в нём что-то изменилось. Тяжёлый камень придавил сердце.

— От кого этот шрам?

— Виверна, — буркнула я.

Иорвет выпустил клуб дыма, перевёл взгляд на яркие рассветные лучи в окне.

— Я знаю, что это было. Афродизиак. Забавно, что в прошлый раз меня отравили им тут же, в Ард Доле. Нужно было догадаться...

Присев на край кровати, я сжала руками пульсирующую голову. Неожиданный пир, «ночь любви», «эльфы предпочитают белое вино» — пронеслось в голове.

— Санграль! — воскликнула я.

— Что?

— Они открыли мне уникальную бутылку другого вина, лишь бы я не пила ваше!

— Но ты пила?

— Да, я поменялась с Наиной, она так хотела Сангреаль.

Вся эта ночь, весь восторг были лишь дурманом...

— Сколько тебе лет? — спросила я Иорвета.

— А что такое?

По выражению его лица даже представить, что этот эльф способен смеяться, как смеялся вчера, было совершенно невозможно.

— Можешь ли ты иметь детей? — как можно жёстче спросила я. — Не хотелось бы забеременеть после одной ночи, будучи обдолбанной афродизиаками.

— Мужчины-эльфы фертильны всю жизнь.

Я застонала.

— Не волнуйся, ты страдаешь не одна, — зло сказал Иорвет. — Как думаешь, как я себя чувствую, проведя ночь с dh'oine?

— Что? Да ты чёртов расист! — мгновенно взбесившись, воскликнула я.

— Я вроде бы никогда этого не скрывал, — едко отпарировал он.

— Ах, что же теперь подумает о тебе Фиона, твои эльфийки из отряда, какой позор!

— Вижу, яд виверны так до конца из тебя не вышел, уеа? — Иорвет отшвырнул трубку. — А что скажет твой разлюбезный ведьмак?

Я замерла. Чёртов болтливый Геральт.

— Не твое дело, меня отравили, вот и всё! Я не собираюсь рассказывать.

— Вот и те, о ком ты так трогательно заботишься, тоже не узнают. Что ты делаешь?

— Ищу одежду, — в раздражении я хлопала дверцами шкафа. — Моё платье разодрано, мне надо добраться до комнаты и принять эликсиры, чтобы вычистить эту дрянь из себя.

Мне в лицо прилетела свёрнутая рубашка. Я занырнула в неё — рубаха доходила до колен — нашла балетки в разных углах комнаты, подобрала обрывки платья и ведьмачий медальон.

— Через час я зайду за тобой, — Иорвет полностью овладел собой, и его голос зазвучал по-деловому. — Нам надо поговорить с их чёртовыми сиятельствами.

Я хлопнула дверь. Добравшись до комнаты, повалилась на кровать и зарыдала. Рубашка неувовимо пахла Иорветом. Я скомкала её и с гневом швырнула на пол. Смешала Иволгу с Белым мёдом, изо всех сил надеясь, что эликсиры снимут не только интоксикацию, но и всё моё отчаяние. Моя вычищенная одежда, бельё и накрахмаленные сорочки лежали аккуратной стопкой на комодe у окна. Не торопясь, я переоделась.

Медитировать, вот чем я займусь в этот час. Мне нужно вернуться к себе.

Когда в дверь требовательно постучали, разум уже успел забрать у эмоций контроль. Я заправила сорочку, погладила на груди ведьмачий медальон и распахнула дверь.

— Их Светлости завтракают! — повторил, почти взвизгнув, Валеос и отступил на шаг.

— Ничего страшного, проси аудиенции, это срочно! — Иорвет надвинулся на него и, казалось, готов был схватить за грудки и вытрясти из роскошных одежд.

Дворецкий исчез за дверью. Иорвет, будто зверь в клетке, мерил шагами коридор. Наконец, дверь отворилась, и Валеос приглашающе пропустил нас в покои.

Эльфийские король и королева сидели за изящным столиком, заставленным серебряной посудой тонкой работы. Юланнэн отодвинула вазочку с воздушным суфле и, высоко держа голову, выжидающе повернулась к нам.

Перед их столом стоял пустым единственный резной стул. Она жестом пригласила Иорвета сесть, я усмехнулась про себя и, скрестив руки на груди, встала рядом.

Иорвет подошёл к стулу, сжал пальцы на спинке и заговорил на всеобщем.

— Я не сяду, Юланнэн. Как можно делить стол с теми, кто пытался тебя отравить? — он говорил вкрадчиво, но во взгляде читалась ярость.

— Никто никого не травил. Это был подарок, — Юланнэн твёрдо смотрела своими чёрными бездонными, как и у дочери, глазами Иорвету в лицо.

— Подарок? — протянул он. — Чтобы все эльфы, словно животные, иступлённо перетрахались после пира? Мне многого стоило вернуться сюда, чтобы просить вас о помощи, но такого приёма я не ожидал даже в худшем сне.

Я внутренне закипела от его слов — не таким уж и ужасным был этот сон! Посмотрела на короля — тот сидел, отрешённо глядя в чашку, в руке застыла тонкая серебряная ложечка.

— А какого приёма ты ожидал, расторгнув помолвку и сбежав от моей дочери? — Юланнэн резко поднялась, выпрямилась, глаза гневно засверкали.

— И это всё из-за того, что случилось двенадцать зим назад?

— Нет! — выкрикнула она, но, взяв себя в руки, уже спокойно продолжила: — Видят боги, что наше семейное дело хоть и разбило нам сердце, но не послужило бы причиной...

Она взглянула на мужа, Аланнэнн отвёл глаза.

— Ты сказал, что пришёл с просьбой о помощи. Жизненно важной просьбой, раз ты посмел вернуться. Говори. Наша помощь будет иметь свою цену.

Иорвет испытующе смотрел ей в глаза.

— Нам нужно увидеть Айонантаниэла.

Аланнэнн звякнул ложечкой.

— Мастер рун удалился от мира, стал отшельником. Он ушел в горы с одним из учеников уже зим десять как, — произнёс он.

— Нам нужно к нему попасть, — с нажимом повторил Иорвет.

— Ты попадёшь к нему, — повысила голос Юланнэн. — После того как выполнишь наши условия.

— Говори.

Эльфийка сцепила пальцы, помолчала.

— В Ард Доле настали горькие времена. Уже почти три года, как в городе не был зачат ни один ребёнок. Наши целители не могут понять причин, ведь у нас полно молодых эльфов, — она решительно посмотрела на Иорвета. — Нам нужна свежая кровь.

— Что? — взревел Иорвет. — Вы нас одурманили и хотите использовать, как быков-

осеменителей?

— У нас нет другого выхода! — почти крикнула Юланнэн. — Ты думаешь, мне это нравится? И что мне легко смотреть, как последний город эльфов встал на путь вырождения? Нам нужны только ты и мужчины из твоего отряда. Если вы поклянетесь остаться здесь на год, то, возможно, я позволю вашей эльфийке и dh'oine навестить Айонантаниэла, но не ранее, чем через неделю, когда пойму, что вы выполняете свою часть договора и смирились.

— У нас нет ни недели, ни года. Айонантаниэл нужен мне самое позднее завтра, — голос Йорвета звучал опасно спокойно.

— Мне плевать, — отчеканила королева, вскинула подбородок, и тонкий палец длинным ногтем нацелился Йорвету в грудь. — Ты... Ты в любом случае останешься тут, с договором или без, пока Фиона не принесет нам внука! Второй раз сбежать не получится!

Йорвет стоял, опустив голову, кончики впившихся в спинку стула пальцев побелели. Молниеносное движение, и стул полетел в окно. Взрыв, и от блестящих стеклянных брызг засверкало по комнате. Они с Юланнэн прожгли друг друга взглядами, Йорвет стремительно зашагал к выходу. Хлопнула дверь, Юланнэн также стремительно направилась к двери в дальнем конце комнаты.

В ошеломлении я так и стояла, скрестив руки на груди. Король-эльф поднял голову от чашки, внимательно посмотрел на меня. Мне показалось, что он хотел что-то сказать, но жена властно обернулась на выходе. Аланнэнн поднялся из-за стола и, ещё раз бросив на меня взгляд, ушёл вслед за ней.

***

В комнате Моны никого не было (наверняка она ночевала у Роэля), а в моей обнаружился накрытый завтрак. С подозрением осмотрев еду, я решила, что фрукты, нежный творог и вода безопасны. Я порядком проголодалась.

В одиночестве и в тишине, наконец, можно было спокойно подумать. Клетка захлопнулась — просторная, позолоченная, но всё-таки клетка. Даже если мы с Моной починим стилет... Я покачала головой. Мона не уйдёт отсюда без Роэля. И что я скажу Саскии, если вернусь без скоя'таэлей, без Йорвета?

В задумчивости я прикрыла за собой дверь комнаты, и прошла из гостевого крыла, не замечая никого вокруг, вчерашними коридорами через пустой бальный зал на террасу. А на меня никто и не обращал внимания. Облокотившись на парапет, я рассматривала прохладную гладь озера, умиротворённо расстилавшегося перед дворцом. Вдалеке виднелись узкие изящные рыбацкие лодки, и вокруг них кружились и камнем падали в воду чайки. Сбоку раздалось тихое покашливание.

Я обернулась, успев заметить, как из-за колонны Аланнэнн махнул мне рукой, и тотчас его бело-голубые одежды исчезли за углом. Мельком оглядевшись, с деланно праздным видом разглядывая красоты, я двинулась за ним. За углом уже никого не было, и я припустила по мозаичной дорожке, уводящей в сад. Медово благоухали цветы, на дорожку опускались лиловые и розовые кисти цветущей вистерии. Король уже ожидал на скамейке в тенистом уголке под кроной плакучей ивы, корни которой уходили в радостно журчащий по камням ручей.

Я склонила голову, Аланнэнн похлопал по сидению скамейки рядом с собой. Помолчал. — Кхм... — неуверенно начал он, — честно говоря, мне всё это не очень нравится.

Я вежливо улыбнулась ему.

— Ваша Светлость, не могу выразить, как я с вами согласна. По правде сказать, по ту сторону гор от нас зависит судьба целого государства, и счёт идёт на дни.

Аланнэнн кивнул.

— Юланнэн взялась за дело слишком решительно, но в этом вся она, — добавил он с нежностью. — Но мне не кажется, что мы сможем таким образом решить нашу проблему.

Задумавшись, он помолчал. Потом посмотрел мне в лицо, и казалось, что его бледно-голубые глаза, обрамлённые чёрными ресницами, светились.

— Когда-то Gwynbleidd помог нам в очень деликатном деле. Лис сказал, что ты здесь вместо него...

— Да, сам Геральт не смог быть рядом с Иорветом.

— Ты очень молода... Но, других вариантов у нас нет, — он разговаривал будто сам с собой. — Я думаю, что наше горе — задача как раз для ведьмака. Возможно, это какое-то проклятие. Или магия. Иных причин не может быть.

— Вы говорили, что дети не рождаются у вас три года?

— Два с половиной. Но ни один ребенок не был зачат с того лета три года назад.

В моей голове вспыхнули слова Наины: «Ах, как она чудесно выглядит», — сказала она тогда.

— Три года назад здесь была Франческа Финдабаир, не так ли?

— Да. Но я далёк от мысли, что она как-то в этом замешана. Эльфы Дол Блатанна — наши добрые друзья, и всегда были ими. Хотя, к взаимопониманию мы с ней тогда так и не пришли.

Я вопросительно приподняла брови.

— В войне с Севером погибло слишком много молодых эльфов, и она хотела, чтобы часть наших жителей переселилась к ней.

С удивлением я впиалась взглядом в его удивительные глаза.

— То есть, она вам не сказала, как они погибли?

— Война, — он неопределенно повёл рукой.

— Франческа сдала их северянам в обмен на трон Дол Блатанна, — жёстко проговорила я. — Всех молодых эльфов, сражающихся за неё, изгнали без права вернуться на Родину. Они оказались вне закона, на них охотятся, как на собак. Она разменяла их жизни на своё правление.

Аланнэнн потрясённо смотрел на меня.

— Этого не может быть, ни один эльф не пошёл бы на такое!

— Вы можете спросить остальных участников нашего отряда, они как раз из таких изгоев. В Дол Блатанна вернулись только пожилые эльфы, и там, так же как у вас, не рождаются дети.

— Так, значит, это месть, — прошептал он. — Она действительно уехала отсюда в гнев.

Я кивнула.

— Когда мы шли в Ард Дол, двери в некрополе были заперты, а проход охранял голем. Франческа позаботилась, чтобы у вас не было связи с внешним миром.

Лицо моего собеседника потемнело и будто разом постарело. Он прижал к груди ладони с длинными, как у пианиста, унизанными перстнями пальцами.

— Ты сможешь помочь нам с этим, ведьмачка?

— В моих интересах это сделать. При условии, что вы отпустите нас всех, — я сделала

упор на последнем слове. — И позвольте увидеть мастера рун.

— С Лисом у моей дочери личные дела, а Фиона привыкла получать желаемое...

— Всех, — мягко повторила я.

Он, помедлив, кивнул и достал из кармана ключ.

— Я что-нибудь придумаю. Это ключ от двери в южное крыло, где жила Франческа со свитой. Осмотрись там. И вот...

Аланнэнн стащил с указательного пальца перстень с печатью.

— Это для охраны, вернёшь потом. Ты можешь ходить везде, только покажи им кольцо.

Я спрятала перстень во внутренний карман куртки. Эльф едва кивнул, показывая, что разговор закончен, и, быстро шагая, исчез в цветущем саду.

***

Я нашла Иорвета на заднем дворе дворца, оборудованном под стрельбище. Голый по пояс, эльф натягивал лук. В центре мишени стояла уже щётка из стрел, один из обмотанных соломой манекенов был изрублен в щепки, вокруг валялись ошметки. В сердце второго был воткнут Иорветов меч. Под манекеном в пыли валялась фляжка.

Я присела на обрубок бревна. Иорвет выпустил стрелу, и она воткнулась ровно в кучу стрел в центре мишени.

— Ты в хлам, — заметила я, кивнув на фляжку.

— Каэдвенская дрянь — из моих запасов, без дерьма, — он развернулся, широко развёл руками. — А что ещё прикажешь делать? Мне приставили няnek, и никто из них даже не захотел потренироваться со мной на мечах. Кроме вот этого, — он мрачно кивнул на распотрошённый манекен.

Я обвела глазами стрельбище. В отдалении стоял эскорт Иорвета из троих вооружённых эльфов, не спускающих с него глаз.

— Они не хотят умирать, — усмехнулась я.

— Может быть, ты, ведьмачка, составишь мне компанию? — его губы искривились.

— Хватит, насоставлялась уже, — отрезала я. — У нас дело.

— Трахать местных женщин в течение года? Если так подумать — неплохая сделка.

— Так, хорош, — я сняла пояс и принялась искать нужные пузырьки. Слезы жён, Белый мёд — то, что нужно для снятия опьянения. — На, выпей, только оба сразу.

— Очередная попытка меня отравить? — эльф смотрел на меня с непередаваемо дерзкой насмешкой. — Ты хочешь повторить, beanna?

— Мечтаю, — огрызнулась я. — Заткнись и пей.

Запрокинув голову, Иорвет послушно влил в себя эликсиры. Передёрнул плечами, по телу прошла дрожь. Он уселся рядом на бревно, обхватив руками голову. Я протянула ему свою фляжку, он отшатнулся.

— Вода, не бойсь.

— Какое дело? — хрипло спросил он, взяв фляжку.

Я мельком взглянула на эльфов в отдалении и понизила голос.

— Я договорилась с Аланнэнном. Если мы разберёмся с причиной их бесплодия, нас проведут к мастеру рун и отпустят. Всех.

Иорвет исподлобья посмотрел на меня. Взгляд его начал проясняться, эликсиры действовали.

— И как ты хочешь найти эти причины? Ты училась на повивальную бабку? Они за три года с помощью лучших лекарей не смогли её найти.

— Если ты перестанешь язвить, и включишь мозг, то, может, мы чего и придумаем.

— Мне нужно умыться и что-нибудь съесть. Пойдём, по дороге расскажешь.

Иорвет подобрал свои вещи, игриво махнул рукой охране, и мы пошли во дворец. Сзади неотрывно следовали эльфы.

На входе в жилое крыло мы разделились. Иорвет отправился приводить себя в порядок, назначив сбор всех скоя'таэлей у него. Я же пошла искать Мону, конвой меня не преследовал.

Комната Моны так и пустовала. Я толкнула дверь в свою. На фоне окна темнел стройный силуэт.

Я тихо прикрыла дверь, эльфийка плавно обернулась.

— Тебя не учили, что нужно просить разрешения войти, Фиона? — буркнула я.

— Мне не нужны разрешения, dh'oine, это моя долина, мой дворец, моя комната, — пропела она.

Я вздохнула и присела у сумки, мне нужно было пополнить запас эликсиров в поясе. Фиона подошла и некоторое время поверх плеча наблюдала за мной.

— Назови свою цену за него, dh'oine, — наконец, тихо произнесла она.

— Что? — обернувшись, я в изумлении уставилась на неё.

— Цену. За то, что перестанешь претендовать на него, — она откинула за спину чёрные волосы и нагнулась к моему уху. — Я следила за ним вчера, после того, как он проводил меня до комнаты и ушёл, и знаю, что ты была с ним.

Я горько усмехнулась.

— За это благодари ваши афродизиаки. Вы отравили вино, вот и результат.

— Это предназначалось не тебе.

Я пожала плечами.

— Назови свою цену, — настойчиво повторила она.

— Вот ты заладила! — я разозлилась. — Как ты себе это представляешь? Иорвет не моя собственность!

— Да, он — моя, — без тени сомнения ответила принцесса, — а я всегда получаю то, что хочу.

— А Иорвет знает, что он твоя собственность? — съязвила я.

Она повела плечами, закатила глаза.

— Мне это не важно.

Потрясённая её незамутнённостью, я поднялась с корточек и заглянула Фионе в лицо.

— Так что? — деловито продолжила она. — Поторапливайся, dh'oine!

— Suach or arse, Фиона, — отчеканила я.

Эльфийка отпрянула:

— В следующий раз говорить со мною, dh'oine, ты сможешь, только стоя на коленях! — прошипела она, добавив изощрённое ругательство, которое я всё равно не поняла, и хлопнула дверью.

Я выдохнула, до конца не придя в себя от диалога, от которого, на мой взгляд, явственно веяло безумием. С другой стороны, кто их поймёт, этих принцесс? Может быть, для неё желать и получать что угодно и кого угодно было обычным делом.

***

В коридоре перед дверью Иорвета толпились эльфы-охранники. Незаметно я пересчитала их — да, ровно двенадцать, по трое на каждого из мужчин отряда.

В комнате собрались все скоя'таэли. По вытянувшемуся лицу Моны я догадалась, что

Иорвет уже успел рассказать об ультиматуме их светлостей. Роэль и Анару были мрачны, Айвор же загадочно улыбался, как будто ему условия договора были не так уж и не по душе.

— Как вы? — кивнула я им.

— Блевать тянет, — угрюмо ответил Роэль, — только теперь не от любовного зелья, а от их больших требований.

— У нас есть зацепка. С Моной и ведьмачкой мы возьмёмся за неё, — задумчиво проговорил Иорвет. — А вам надо найти тропу к Айонантаниэлу. Вряд ли он ушёл далеко от города. Попробуем добраться до него сами, только смотрите, чтобы хвосты ничего не заподозрили.

Мужчины-эльфы покивали и вышли. Нас же ждали комнаты Франчески. Отыскав Валеоса, я предъявила ему печатку короля. Дворецкий недовольно покачал головой, но сопровождал коридорами в другое крыло дворца. Изобразил поклон у резной дубовой двери и исчез.

Иорвет оглянулся на своих безмолвных охранников. Провернув ключ в замке, я пропустила вперёд Мону и Иорвета и быстро заперла дверь за собой. Ручка с той стороны задёргалась.

Мы находились в просторной гостиной, богато обставленной красной, обтянутой бархатом мебелью на изящных гнутых ножках. Тонкий слой пыли покрывал паркетный пол, предметы обстановки, мраморную каминную полку. Из гостиной несколько дверей вело в спальни.

Иорвет огляделся:

— И что ты хотела тут найти? Они три года как уехали отсюда вместе со всем барахлом, — язвительно обратился он ко мне.

— Я не знаю, — раздражённо ответила я. — Других зацепок нет.

Мона удивлённо переводила взгляд с Иорвета на меня. Потом прошлась по комнате, слегка касаясь пальцами мебели.

— На что хотя бы смотреть? — спросила она.

— На всё, что не местное, что могло остаться от Франчески, — ответила я.

Мона кивнула и принялась выдвигать ящики комодов и открывать шкафы. Мы раскидывали подушки, переворачивали матрасы, скручивали в рулоны ковры. Через четверть часа у нас появилось несколько нильфгаардских флоренов, расчёска с запутавшимися в зубцах длинными светлыми волосами и крошечное круглое карманное зеркальце, с обратной стороны которого был выгравирован цветок маргаритки.

Я с отчаянием оглядела наш улов. Иорвет упал в кресло и, запрокинув голову, посмотрел в потолок.

— Ну давай, попробуй свою ведьмачью мумбу-юмбу. Этот хлам нам ничем не помогает.

Действительно, другого варианта не было. Опустившись на колени, вокруг я разложила на полу монетки, зеркальце, потянула пальцами волосы из расчёски и сконцентрировалась. Я чувствовала местонахождение скоя'таэлей, но кроме этого темнота не нарушалась никакими импульсами. Нестерпимо захотелось пить. Я открыла глаза, хлебнула воды из фляги.

Сконцентрировалась опять. Ничего, вот только пить захотелось снова. На третий раз, когда под угрюмый взгляд Иорвета я допила воду во фляге, я вдруг поняла, что что-то неладно.

Сосредоточилась. Единственный импульс, что заполнял меня целиком, был жаждой.

— Вода, — пробормотала я.

Мона протянула свою флягу.

— Нет, — я помотала головой, — я напилась, но когда медитирую, все мои мысли только о воде.

Распахнув окно, выходящее на озеро, я забралась на подоконник и сосредоточилась. Нет, не озеро, в сторону него импульса нет.

— Ничего не понимаю... Но мне снова хочется пить.

Повисла тишина.

— Когда ты обычно медитируешь, что ты узнаёшь? — медленно произнёс Иорвет и прикрыл глаза рукой.

— По-разному. Если бой, то куда нужно ударить. Если ищу след, то куда он ведёт. Если какой-то вопрос, то импульс подсказывает направление связанных с ним вещей. Ответов.

— А какой вопрос ты задавала сейчас?

— Ну, я думала о причинах бесплодия, думала о Францеске.

— И ответ какой? — он приоткрыл глаз и посмотрел на меня.

— Питьевая вода.

В его взгляде загорелся огонёк. Мы с Моной непонимающе ждали.

— Знаете ли вы, где берут питьевую воду в Ард Доле?

— В озере? — Мона махнула рукой в окно. — В родниках?

— Neén! Её берут из источника Гион высоко в горах. Здесь верят, что эта вода благословлена богами.

— Вода здесь вкусная, — кивнула Мона.

— Потом её накапливают в резервуаре в Малом Дворце, а оттуда по трубам отводят по всему Ард Долу.

Во все глаза мы смотрели на него.

— Нам надо попасть в Малый Дворец! — воскликнула я.

Бросив последний взгляд на находки и повинаясь внезапному импульсу, я спрятала зеркальце Францески в карман. Заперла дверь и бросилась вдогонку за Иорветом с Моной. Следом трусил конвой.

Путь пролегал позади дворца в направлении ближайшей горы. Мы бежали через сад, террасами уходивший вверх, поднимались по лестницам. Дорожки вывели к воздушному каменному павильону с гигантскими витражами между тонких колонн. Двери павильона охраняло двое эльфов. Я ткнула в них перстнем Аланнэнна. Эльфы настороженно переглянулись, но пропустили внутрь.

Мы вошли, и из уст вырвался вздох восхищения. Сквозь цветные витражи с картинами райского эльфийского сада лучилось солнце, и пространство павильона наполняли разноцветные блики.

Иорвет, не задерживаясь, зашагал к центру зала, и мы с Моной, озираясь по сторонам, двинулись за ним.

Центр занимал круглый каменный колодец. Мы заглянули внутрь — снизу тянуло холодом, и поблёскивала тёмная вода гигантского подземного бассейна. Цепочка медальона натянулась, будто что-то притягивало его снизу.

— Мы явно на правильном пути, — шепнула я спутникам, придерживая рукой медальон.

— Надо нырять? — перегнувшись через мраморный борт, Иорвет всматривался в

темноту.

— Да, — внутренне содрогаясь, ответила я. Глубокая чёрная вода всегда меня пугала, но единственным ведьмаком тут была я. — Мне нужна верёвка, не хочу, чтобы меня утянуло в трубу.

Иорвет развернулся к конвоирам и резко заговорил с ними на Старшей Речи. Они препирались некоторое время, пока один, наконец, не принёс бухту прочной верёвки.

Я приготовила смесь с Кошкой. Сняла сапоги, куртку, аккуратно уложила на пол пояс с ножом и эликсирами. Поколебалась и, не поднимая глаз, стянула штаны с рубашкой, раздевшись до топа и коротких шёлковых штанишек из бельевых запасов чародеек в Каэр Морхене.

Завязала верёвку под мышками и пропустила по плечам между лопаток — простейшая обвязка готова. Собралась с духом и залпом выпила Кошку.

Иорвет с Моной подозревали охранников и намотали на руки конец. Швырнув в колодец моток верёвки, я перекинула ноги через парапет и, не давая себе ни секунды на страх, соскользнула в бездну.

От обжигающе-ледяной воды лёгкие чуть было не взорвались. Вынырнув, я хватала ртом воздух и пыталась сосредоточиться, чтобы унять панику. Долго в такой воде я не продержусь.

Вдохнула и нырнула ко дну. Кошка добавила серого света в бассейне, но рассмотреть что-либо было невозможно. Подводное течение уносило прочь от зовущего импульса, и я поплыла в его сторону по поверхности. Ноги от холода начало сводить.

Медальон задёргал вниз — я зависла над источником импульса. Нырнула. Воздух в лёгких закончился, когда до дна осталось совсем чуть-чуть. Я всплыла опять, руки одеревенели. Ещё один нырок, и резкая боль ударила по барабанным перепонкам, когда я шарилась руками по дну. Вот оно! Я ощупала прямоугольный предмет и, найдя на одной из граней кольцо, просунула в него руку до плеча, сколько смогла. Голову сжало будто стальным обручем, сердце бешено заколотилось. Непослушными руками и ногами я гребла вверх. Глаза закрывались, неостановимо клонило в сон. Тело свело судорогой и, ещё не вынырнув на поверхность, я непроизвольно вдохнула. Наступила темнота.

***

Яркий свет ослепил, я закашлялась — из носа и рта выплёскивалась вода. Грудь адски болела, словно меня били дубинками. Иорвет сделал ещё пару резких нажатий на грудину, и подсадил под спину. Мона кричала что-то эльфам-охранникам, и один из них уже бежал с невесть откуда взявшимся одеялом. Я сидела у колодца в луже воды. Мона принялась энергично растирать меня колючей тканью.

Чуть продышавшись и опомнившись, я схватилась за руку, где было кольцо предмета, найденного на дне. Неужели он свалился, пока меня вытаскивали?

Иорвет заметил мою панику и поднял с пола ажурную металлическую коробку с тонкими проволочными цветочными узорами на стенках и овальной ручкой-кольцом. Внутри нежно светился круглый голубой камень размером с апельсин.

— Победа? — прохрипела я.

— Думаю, да, — торжествующе ответил он, проведя пальцами по цветам на металлическом ящичке. — Маргаритки, как видишь. Enid an Gleanna* не озаботилась конспирацией.

Маргаритка из Долин (Старшая Речь) — так эльфы зовут Францеску Финдабаир

— Можешь встать? — Иорвет подхватил меня под руки, Мона подала одежду.

— Да, — я отстранилась от него, разогнулась, — спасибо.

***

Когда мы вернулись во дворец, меня начало колотить так, что не спасало даже одеяло, которое я намотала поверх одежды. Зубы выбивали дробь. Мона с Иорветом обменялись несколькими фразами.

— Пойдём, — Мона потянула меня за руку, — тебе нужно прогреться.

— А я нанесу визит их светлостям, — кивнул Иорвет. — Мы выполнили нашу часть договора.

В комнате дрожащими пальцами я достала из пояса пузырёк Ласточки — этот эликсир был чрезвычайно токсичным, но невероятно поднимал иммунитет. Добавила в Белый Мёд пару капель, выпила. Мона отыскала Илону, которая отвела меня в пустые бани. Я сидела на раскалённой мраморной скамье в хамаме, заполненном горячим паром, и меня трясло от холода. Только через некоторое время озноб, наконец, начал отпускать, а в тело потихоньку вернулась жизнь. Кожа покраснела, по венам снова побежала кровь, и я всеми силами надеялась, что не заболею.

У комнаты я застала Иорвета и Мону, которые, прислонившись к стене у моей двери, о чём-то тихо разговаривали. Эльфы обернулись ко мне.

— Я поговорил с Аланнэнном. Он вспомнил, что Франческа со свитой осматривали Малый Дворец... Нас проведут до тропы к мастеру рун, но пустят туда максимум двоих. Айонантаниэл не любит толпы.

Иорвет незаметно глянул на свою правую ладонь, сжал её в кулак.

— Стиллет у меня. Выходим немедленно, жду тебя тут, — приказал он.

Тропа начиналась в глухой части дворцового сада, неподалеку от Малого Дворца. Иорвет поправил на бедре ножны с заколдованным стилетом и решительно зашагал вверх. Провожатые остались внизу.

Я шла за ним. Встряска от ледяного купания навела в сознании кристальную твёрдую ясность, буря запутанных чувств улеглась. Мыслила я отстранённо и чётко, явственно осознав, что моя внезапно разгоревшаяся любовь не имеет никакого будущего. Для эльфов, для Иорвета я всегда буду просто dh'oine. Может быть весьма полезным, но всё равно dh'oine.

К тому же гордость моя была уязвлена, и я больше не собиралась позволять тыкать меня носом в то, что я человек, как щенка в лужу. Я могу сражаться вместе с эльфами, могу дружить, как с Моной, но ничего больше. Я получила свою ночь, хоть и нечестным путём, и свой урок — эта история должна быть закончена. Решительно кивнув мыслям, я догнала Иорвета.

— Короли поверили тебе, что камень стал причиной бесплодия?

— Сначала не очень, хотя все улики на это указывали, — спокойно ответил он. — Но потом позвали одного из старых лекарей, который разбирается в камнях и немного в магии. И вот он подтвердил. Все, кто пили воду из источника, не могли зачать детей.

Мы молча пошли дальше, и тишину нарушал только хруст камешков под ногами. Я с облегчением выдохнула — мы тоже пили эту воду, а значит нежелательных последствий у случайной ночи не могло быть. Иорвет скосил на меня глаз, я кивнула ему. Возможно, он подумал о том же самом.

Тропа уходила всё выше между скал и местами раздваивалась, но я прислушивалась к ощущениям и чётко знала, куда идти на развилках — этим путём изредка пользовались. Мы поднимались, пока густые вечерние тени не накрыли тропу, а потом скалы расступились, и мы выбрались на площадку, с которой открывался вид на зелёный Ард Дол.

На плоском камне спиной к нам, обратившись лицом в долину, сидел высокий эльф в светлых одеждах из некрашеного льна и рассматривал длинный предмет, лежащий на коленях. Мы подошли.

Эльф молча указал на камень, мы, переглянувшись, так же молча уселись рядом, и поднял с колен предмет, оказавшийся полотном меча из удивительного почти чёрного, но блестящего металла. Поднёс к глазам, поймал гранями закатное солнце. В оранжевых лучах на чёрном лезвии на миг вспыхнули огненные надписи. Вздохнул и снова опустил меч на колени.

— Нет, опять не то, — он повернулся к нам.

Его лицо было необычайно худым и почти треугольным, аквамариновые чуть раскосые глаза, казалось, смотрели в вечность. Он был, несомненно, эльфом, но вкупе с белыми волосами выглядел совершенно инопланетным существом. Даже сидя, стало понятно, что ростом он чуть ли не на голову был выше Иорвета, который, в свою очередь, по человеческим меркам был очень высок.

— Слишком много суеты и страсти, — произнёс эльф, рассматривая нас, — вы принесли, друзья мои. Все ответы кроются в пустоте.

Он отвернулся и, прищурившись на закат, стал смотреть на долину. Я прикрыла веки и

сосредоточилась в медитации — надо угодить этому чувствительному эльфу, выкинуть из головы всё ненужное. Мы посидели молча, и, наконец, он кивнул, встал и жестом пригласил следовать за ним.

Мы пересекли площадку, Айонантаниэл раздвинул полог, прикрывающий вход в просторную пещеру. Глазам понадобилось некоторое время, чтобы привыкнуть к полумраку. Медальон на груди запульсировал.

Мы находились в кузне, только не похожей ни на одну, виденную мною в этом мире. Айонантаниэл прошагал к стойке в углу и бережно вложил в неё полотно меча. Повёл пальцами, и мягким голубоватым светом в пещере зажглись шары, висящие в воздухе. В углу белым пламенем, как будто сам по себе, горел кузнечный горн, и мой медальон подсказывал, что камень рядом с ним — это место силы.

— Подойди, зачерпни силы, не стесняйся, — мягко произнёс мастер рун.

Я положила медальон в выемку в камне, и, как и при испытании, кулон засветился, набрал в себя силу и погас, наполнив меня огненной энергией.

— Вы не Aen Seidhe? — не справившись с любопытством, спросила я. — Вы из эльфиев народа Ольх?

Айонантаниэл тихо рассмеялся.

— Не совсем, я не столь молод, так что догадка неправильная, хоть направление мысли и верное. Впрочем, это неважно, слишком давно я не принадлежу ни к какому народу.

Он подошёл к массивной деревянной табуретке рядом с изящной наковальней, сел.

— Когда ты достаточно стар, всё теряет значение. Всё, кроме поиска взаимосвязей, невидимых нитей, соединяющих мироздание. Оп, и ты вдруг понимаешь и простираиваешь ранее скрытые связи, и момент озарения делает тебя живым.

Иорвет терпеливо ждал, осматриваясь по сторонам. Мастер рун хитро взглянул на меня исподлобья.

— Тебе ведь знакомо это чувство? В своём мире ты ведь изучала науку о бесконечном, язык, на котором написана книга мироздания, не так ли?

— Да, — удивлённо кивнула я.

Айонантаниэл довольно потёр руки и обратился к Иорвету.

— Я вижу, у вас есть две загадки для меня. Что же, приступай!

Иорвет вытянул из ножен зачарованный кинжал. В свете шаров засветилась позолота рун, украшавших лезвие.

— Этот стилет должен был снять проклятье с дракона, с Саэсентессис, которое забирало её волю. Но он снял лишь часть — её воля свободна только в человеческом облике.

Иорвет аккуратно протянул стилет Айонантаниэлу. Тот взял его кончиками пальцев, поднёс к свету.

— Занятно, хмм... — он перевернул стилет. — Похоже, тот, кто нанёс эти руны, списал их из какой-то книги, автор книги списал ещё откуда-то, и никто из них не понимал сути написанного. Конечно же, здесь кое-чего не хватает.

— Ты сможешь помочь нам?

— Это несложно и развлечёт меня.

Айонантаниэл порывлся в сундучке и достал тончайшую золотую проволоку. В руках замелькали тонкие, будто хирургические инструменты. Он нагрел стилет в пламени горна, ловко выложил и загнул золотые нити, молотом аккуратно обстукивая лезвие. Мы

заворожённо наблюдали.

— Эта загадка была простой, давай вторую, — сказал мастер, опять нагревая стилет.

— У нас с ведьмачкой появились похожие знаки на ладонях.

Айонантаниэл окунул стилет в ведро с водой, зашипел пар. Взглянул на наши ладони.

— О, как интересно! Это загадка ещё проще первой, но как же витиевато, должно быть, сошлись звёзды, малейшие вероятности, чтобы такое случилось!

— Но что это значит? — нетерпеливо воскликнул Иорвет.

— Во-первых, это значит, что чародей, наложивший заклинание, очень хотел одного из вас убить.

— Меня, — кивнул Иорвет, — чародейка Филиппа Эйльхарт.

— Ах, избавь меня от имён, я всё равно не запомню, — Айонантаниэл отложил стилет. — Во-вторых, это значит, что ему что-то помешало, и он не смог внятно произнести всего лишь один слог в заклинании, и получил совсем другое, которое, уверен, в этом мире и не знают. И, в-третьих, нашёлся кто-то, кто подходил под условия и смог быть получателем сигнала — это парное заклинание. Как видите, вероятность этих событий чрезвычайно мала, и это самое интересное тут.

Мы с Иорветом переглянулись.

— Маленькие серые клеточки, обратитесь к ним! — прикрикнул Айонантаниэл на нас, как на первоклассников. — Доставьте мне удовольствие, решите эту загадку сами.

Мы послушно поставили ладони рядом и принялись сверлить их взглядами. На моей ладони белая запятая, хвостиком вверх, на ладони Иорвета чёрная, хвостиком вниз.

— Ну же, ведьмачка! Ладно Aen Seidhe, в этом мире этого знака нет, но в твоём-то он хорошо известен!

Ну конечно, ответ очевиден, и был бы очевиден с самого начала, если бы я дала себе труд подумать о наших знаках, как о едином целом, а не по отдельности.

— Инь и Ян! — воскликнула я.

— Плюс и минус, север и юг, мужчина и женщина, свет и тьма, огонь и вода. Противоположности сталкиваются и притягиваются!

Пока я тормозила, переваривая сказанное, Иорвет решительно взял мою ладонь со знаком и накрыл своей. Запятые под сомкнутыми ладонями сложились в круг. Тело прошило током, между ладоней пробился свет, который, вспыхнув, исчез, и через мгновение нас поглотила тьма.

Мы стояли в той самой светящейся темноте, что я наблюдала в медитациях, только теперь то, что я чувствовала импульсами, стало видимым.

Мы будто попали в чёрно-белый комикс — рядом стоял Иорвет, одетый в белоснежные доспехи, оба глаза были целы и сияли на нечеловечески красивом белом лице. Я была закутана в чёрный плащ, чёрные волосы выбились из-под капюшона. У моих ног лежал чёрный волк.

Предметы в комнате тоже преобразились. Мы видели ярко-белое пламя магического горна и сияющие шары светильников, обычные же предметы сохранили только тонкий абрис, словно были нарисованы белым маркером на чёрной бумаге. Между нашими с Иорветом ладонями протянулась светящаяся нить.

Я обернулась, следуя за взглядом Иорвета, и увидела, что Айонантаниэл тоже был здесь. Эльф стал ещё выше ростом, раскосые инопланетные глаза занимали половину преобразившегося молодого лица. Казалось, он лучился, облачённый в сверкающие одежды,

от рук исходило сияние.

— Добро пожаловать на изнанку, — не шевеля губами произнёс он. — В реальном мире мы видим вещи, но магия скрыта, на изнанке же — всё наоборот.

Он сделал шаг, поднял из ящика с инструментами щипцы и раскрыл ладонь. Щипцы медленно, будто бы не имели веса, направились к полу.

— Время течёт здесь по-другому.

Айонантаниэл вдруг засмеялся, и снова его губы не шевелились, а смех раздавался прямо у меня в мозгу.

— Бедный, бедный глупый чародей — хотел убить, но преподнёс подарок. Хотя... — его тонкие длинные пальцы зашевелились, будто перебирали и расплетали невидимые нити, — хотя, и не такой уж глупый, если заглянуть чуть подальше.

Он взял стилет Саскии. Сейчас руны вместо затейливой вязи выглядели ровными белыми линиями, идущими вдоль лезвия. Видно было, что более яркие свежие руны, нанесённые Айонантаниэлом, закрывали пропуски в старом пунктире, образуя цельную картину.

— Ваши знаки — это ворота, ничего больше. Ворота сюда.

Нить между нашими ладонями начала истончаться, белый свет и линии меркли, и реальный мир проступал сквозь нарисованный магический. Раздался звон — металлические щипцы упали на пол.

Мы ошарашенно смотрели на Айонантаниэла, который из сверхъестественного могущественного существа снова превратился в худющего высоченного эльфа.

— Тела из плоти и крови не могут надолго открывать врата, — с сочувствием в голосе произнёс он и развёл руками.

В изнеможении, словно силы шприцом высосали из тела, я осела на пол. Линии знака на руке угасли, став бежевыми, как было в самом начале, когда я только попала в Каэр Морхен.

— Но как мне вернуться в мой мир? — тихо спросила я. — Эти врата ведут на магическую изнанку здешнего мира, но не в мой.

Айонантаниэл сочувственно кивнул.

— Это может сделать лишь тот чародей, что произнёс заклинание. Контрзаклинание, к счастью, имеет универсальную формулу и совпадает с контрзаклинанием к тому заклятью, которым он хотел вас убить. Его нужно наложить на кровь, вашу и его в равных частях, вот и всё.

Лицо Йорвета было бледно, но на губах блуждала загадочная улыбка.

— Как нам отблагодарить тебя?

Мастер рун печально покачал головой.

— У вас нет ничего, что мне нужно. Кроме загадок, но мы их уже разгадали, — его голос зазвучал устало. — Вам пора.

Мы попрощались и вышли на воздух. Кромка дальних гор над долиной ещё была подсвечена красным, но тропа меж скал уже лежала во тьме.

Мы зашагали по ней вниз. Я чувствовала странное опустошение и, чтобы проверить свою догадку, сложила Игни. От ладони оторвался крохотный огонёк.

— Я потеряла силу, — в ужасе прошептала я.

— Вернётся, — беспечно проговорил Йорвет. — Значит так — никому ни слова об этой изнанке, ни Моне, ни остальным скоя'таэлям, никому. Надо исследовать эту силу, и я

должен решить, что с этим делать.

Его приказной тон возмутил меня.

— Я не в твоём отряде, Йорвет, и буду делать то, что хочу, — как можно спокойнее и ровнее сказала я.

— Теперь в моём, — отрезал он.

— Решил завести карманного магического dh'oine? — уже не сдерживаясь, взорвалась я. — Не выйдет! Как только я закончу то, что обещала Саскии, я уйду!

Даже в темноте я с удовлетворением увидела, как в его взгляде сверкнула ярость. Он прибавил шагу, я едва поспевала за ним. В дворце мы, не попрощавшись, стремительно разошлись по своим комнатам.

Всё утро я постоянно следила за знаком на ладони — за ночь линии почти вернули свой белый цвет, но не вполне. Надо ещё подождать. Нас накормили плотным завтраком и сопроводили на прощальную аудиенцию. С Иорветом со вчерашнего дня я не перекинулась ни единым словом.

Теперь мы снова стояли на террасе, на которой нас впервые встретили эльфийские короли. Скоя'таэли, как и я, были полностью собраны, через плечи перекинуты сумки, колчаны наполнены стрелами, наточенные мечи покоились в ножнах на бёдрах, а мои, на ведьмачий манер, за спиной.

Аланнэнн, сияющий, как утреннее солнце, и его жена провожали нас. Юланнэн подошла ко мне с Моной и отвела в сторону.

— Я не знала тягот походной жизни, — мягко начала она, — но могу себе представить, как это тяжело, особенно для женщин. Возьмите, это мой вам скромный подарок и благодарность.

Каждой из нас она протянула по цепочке, на которой висел в оправе небольшой голубой камень.

— Я приказала разбить камень Францески на кусочки, сегодня ночью мой ювелир огранил пару для вас. Вы можете использовать мой подарок, чтобы... ну... — на её щеках выступил румянец. — Можете использовать, если нужно.

С удивлением и благодарностью мы приняли дары. Я не ожидала от Юланнэн такого жеста, Мона подмигнула мне. Айвор напоследок обнял провожающую его тоненькую эльфийку и что-то шептал ей на ухо. Церемония прощания закончилась, быстрым шагом мы направились к выходу из города.

Идя по кружеву мостов, все кидали последние взгляды на благословенную мирную долину. Пришёл черед возвращаться домой, на войну.

***

У городских ворот толпился отряд вооружённых эльфов, которые, кажется, поджидали нас. Иорвет нахмурился и пошёл впереди. Как только мы приблизились к арке, прозвучала резкая команда и нас окружили.

— В чём дело? — с вызовом спросил Иорвет.

Мощный эльф выступил вперёд.

— Приказ Её Сиятельства, ты — остаёшься, остальные могут идти.

В мгновение ока белки ощерились стрелами на туго натянутых луках. Нас было всего шестеро, окружённых целым отрядом эльфов, поблёскивающих кольчугами и лезвиями мечей.

— Мы не хотим драться с вами, — устало сказал их командир. — Нам нужен только Лис.

Иорвет опустил лук и недобро усмехнулся.

— Вот она, цена королевского слова. Всё, как обычно.

Он не спеша снял сумку с плеча, колчан, лук, отстегнул меч с пояса. Оглядел свой отряд.

— Возьмите мои вещи и возвращайтесь в Верген. Это приказ! — повисил он голос, когда Роэль недовольно шевельнулся.

Иорвет мрачно перевёл взгляд на меня:

— Ты знаешь, что делать со стилетом.

В сопровождении вооружённой охраны он зашагал обратно к дворцу. Оставшиеся эльфы пропустили нас в ворота и смотрели вслед, пока мы не скрылись за поворотом тропы.

Не останавливаясь, белки шли вперёд.

— Погодите, — наконец, воскликнула я, — мы же не можем вот так просто взять и уйти!

Анару, шедший первым, остановился.

— У нас приказ.

— Ну хотя бы погодите, давайте подумаем! Мы выиграли один день, у вас же не было приказа идти, не останавливаясь!

Анару молча сошёл с тропы, снял с плеча свою и Иорветову сумки. Все расселись кругом на сухой, нагретой утренним солнцем хвойной подстилке.

— Мы не имеем права послушаться, — начал Айвор, — Иорвет всегда знает, что делает.

Остальные белки закивали.

— Да и что мы можем? — Анару потёр лоб. — Отбить его из дворца? Это нарушение приказа, да и нереально.

— Может быть, он планирует сбежать сам? Когда-то ему это уже удалось, — нерешительно произнесла Мона.

Эльфы покачали головами. Второй раз тот же самый трюк исполнить будет гораздо сложнее. Я незаметно глянула на ладонь — линии татуировки вернули себе яркий белый цвет.

— У вас приказ, а у меня нет, — веско проговорила я.

Эльфы выжидающе и с надеждой смотрели на меня, и согревающее осознание того, что они полностью мне доверяют, несмотря на то, что я dh'oine, поднялось где-то внутри приливом вдохновения и азарта.

— Отправляйтесь на перевал и ждите там, — уверенно, словно раздавала инструкции своему отделу, а не эльфийским партизанам, продолжила я. — Дайте мне время до ночи. Если я не вернусь или если вы заметите облаву из города, немедленно уходите, и тут уж не останавливайтесь до самого Вергена. Да, стилет обязательно отдайте Саскии.

— Что ты собираешься делать? — спросила Мона.

— Ведьмачью мумбу-номбу, — улыбнулась я.

***

Как и Иорвет, вещи и оружие я оставила белкам и налегке, лишь с ведьмачьим ножом на поясе, отправилась обратно в сторону долины. Кроме расплывчатой идеи, плана действий пока у меня не было, и единственное, что я знала точно, что не позволю избалованной принцессе держать Иорвета в сексуальном рабстве. Пусть мы с ним и подходим друг другу, как муха тарелке супа, место его в Вергене, а не в этой сытой сонной долине.

Когда показались ворота, моя решительность порядком поубавилась, но план действий окончательно созрел. Подойдя к каменной арке, я обратилась к удивлённым моим появлением эльфам-часовым.

— Проводите меня к принцессе Фионе, она обещала мне аудиенцию, если понадобится, — убедительно соврала я.

Придирчиво осмотрев меня и убедившись, что оружия при мне нет, эльфы обменялись парой фраз на Старшей Речи. Один из них поманил за собой, и теми же знакомыми мостами мы направились к дворцу.

Жители удивлённо провожали нас взглядами, но неприязни я не чувствовала. Наверное, они уже знали о том, что мы всё-таки им помогли.

В дворце эльф передал меня в руки Валеоса, который церемонно раскланялся, однако взмахнул ладонью, подзывая двух стражей, и покатился впереди сквозь коридоры и галереи комнат.

Мы подошли к очередной двери. Дворецкий исчез за ней. Волнение подступило к груди, и я сконцентрировалась, вызывая успокаивающее ощущение тёмной пустоты.

Валеос распахнул дверь и пропустил в зеленовато-серебристую гостиную Фионы. На толстом ковре вышиты были закрученные спиралями подводные длиннолистные растения и стайки ярких рыбёшек, от подвесок хрустальной люстры разбегались по стенам и лепнине потолка радужные солнечные зайчики, и казалось, что вся гостиная перенесена во дворец со дна озера, просвеченного ярким дневным солнцем. Как и тогда, в моей комнате, принцесса стояла у окна. Я подошла ближе, стражи встали по обе стороны от меня. Фиона обернулась и с лёгкой самодовольной улыбкой посмотрела мне в глаза.

— Принцесса... — я замолчала, подбирая слова, — я была неблагодарной дурой, когда оскорбила тебя. *Squaess me*. Я ошибалась, а ты была права.

Улыбка торжества на лице Фионы стала шире, она приблизилась на шаг.

— Ты победила, но я прошу о жесте королевского снисхождения, — опустив голову, я тихо добавила: — В тот раз ты предлагала назвать свою цену, позволь мне это сделать сейчас.

Просительно я заглядывала ей в глаза.

— Я сказала тебе, как ты сможешь говорить со мной, *dh'oine*, — с расстановкой ответила она. — На колени!

Я покорно опустилась на колени. В этот момент открылась дверь и в гостиную вошла Юланнэн. Глаза её от удивления расширились.

— Говори, — приказала Фиона.

— Ты во всём была права, — повторила я. — Мы не успели с ним попрощаться. Позволь мне сказать ему «прощай».

Фиона победно вздёрнула подбородок, посмотрела на меня сверху вниз.

— Я дарю тебе прощание, *dh'oine*, просто из удовольствия наблюдать, как ты жалка. Привести Лиса! — скомандовала она Валеосу.

Тот послушно исчез, а я так и стояла перед Фионой на коленях, смиренно глядя в пол. Юланнэн молча упала в кресло и прикрыла рукой лицо.

Наконец, послышался шум и пятеро эльфов ввели Иорвета. Мельком я глянула на него: он так и остался в походных доспехах, руки сковывали наручники, соединённые длинной цепью. Видать, он уже успел продемонстрировать своё отношение к плену. Иорвет ошарашенно смотрел на открывшуюся ему картину.

— Видишь, я честно плачу назначенную тобой цену за него, *dh'oine*. Говори же, — вкрадчиво произнесла Фиона, и её губы изогнулись в предвкушении. — Скажи ему, что любишь его, и скажи ему: «Прощай»!

— Фиона! — слабо вскрикнула Юланнэн.

— Шевелись, *dh'oine*! — не обращая на мать внимания, приказала принцесса.

— Позволь мне подойти к нему, я всё сделаю, как ты скажешь, — попросила я.

Фиона кивнула, приготовившись наслаждаться зрелищем моего унижения. Я поднялась с колен, медленно подошла к Иорвету, поймала его взгляд.

— Я люблю тебя, — сказала я, без резких движений подняв левую руку. Неотрывно глядя мне в глаза, он поднял правую, цепь звякнула. — Прощай.

Ладони соединились, и через бесконечные пару секунд озёрное мерцание комнаты погасло. Мир стал чёрно-белым. Иорвет взмахнул кистями рук, стряхнул с себя наручники, которые зависли в воздухе.

— Бежим! — крикнула я.

Звука не было, но белоснежный Иорвет услышал меня. Мы понеслись к выходу. Рядом длинными прыжками летел мой волк.

Бег на магической изнанке не отнимал сил. Мы неслись гораздо быстрее, чем могли бы бежать в реальности. Коридоры дворца остались позади, как и дорожки через сад, ведущие к выходу из города. Мы промчались по нарисованным мостам, и, наконец, вдалеке показалась быстро приближающаяся арка ворот. На бегу мы одновременно посмотрели на нить, соединяющую ладони, — она бледнела. Волк рыкнул на часовых у выхода, мы пролетели мимо и, уже почти вернувшись в реальный мир, впрыгнули в кусты в стороне от тропы, чтобы часовые нас не заметили. Не останавливаясь, стали карабкаться сквозь лес всё выше и выше, пока ворота Ард Дола окончательно не скрылись из вида.

Мы долго бежали вверх по тропе, и в конце концов я запросила пощады. Иорвет нырнул вбок от дороги, продрался через густой молодой ельник. Тяжело дыша, я упала на землю. Он опустился рядом, посмотрел на меня и вдруг рассмеялся.

— Что? — начала было я, но глядя на него, как он заливается смехом и, всхлипывая, вытирает перчаткой слёзы, не выдержала и засмеялась вслед.

— Клянусь, ничего более смешного я в жизни не видел, — наконец, сумел выговорить он.

— Ты обесцениваешь величайшее драматическое выступление! — возмутилась я.

Он помолчал, задумался, потом хитро посмотрел на меня исподлобья:

— Я тронут твоим признанием, мой карманный магический dh'oine.

Иорвет увернулся от моего удара, легко перехватил запястья.

— У нас всё было ненастоящим, и ночь, и признание, — я вытянула указательный палец перехваченной руки ему в лицо и веско добавила: — Заруби это себе на носу, Aen Seidhe!

Почувствовав, что уши мои горят, высвободила руки, задышала. Только бы не поддаться его обаянию вновь! Иорвет, прищурившись, смотрел на меня. Я отряхнула одежду, поднялась:

— Пойдём, ребята нас ждут.

СИНИЕ ГОРЫ. Глава 27. Обет молчания

— О чём с тобой толковал Айонантаниэл? Про науку о бесконечном и язык мироздания? — любопытствовал Иорвет, когда мы вернулись обратно на тропу.

— О математике.

— Ремесло счетоводов? — в его голосе послышалось пренебрежение. — Ведение доходных и расходных книг и всё такое? При чём здесь мироздание?

— Ну, если лепка куличиков в песочнице это архитектура, то тогда да, математика — наука о ведении доходных и расходных книг. Однако мы пришли, но где все?

На перевале, с которого мы впервые увидели долину Ард Дола, гулял ветер, лежали снеговые наросты, не тронутые ни единым следом. Я попыталась сконцентрироваться, но темнота была глуха, сила опять покинула меня. Иорвет осмотрелся и решительно повёл в сторону от тропы.

— Ты куда?

— Всё же очевидно.

В который раз почувствовав себя Ватсоном, я поспешила за ним. Невидимые следы, что могли распознать только белки, вывели к лесистому островку, зажатому между скалами. Из-за деревьев, как из ниоткуда, появились скоя'таэли, восторженно приветствующие нас. Для меня настал момент славы — даже Анару потрепал по плечу, а Мона чуть не задушила в объятиях сперва меня, потом Иорвета.

На расспросы товарищей о нашем спасении я невразумительно мычала, предоставив их командиру самому выкручиваться из ситуации. Он же поступил просто — не стал отвечать вовсе. Белки переглянулись, но вопросы задавать перестали.

Сегодня с погодой повезло. За перевалом чуть подтаявшая на солнце снеговая корка искрилась, и к вечеру мы без приключений добрались до входа в некрополь. Выбитая мною дверь так и висела на петле.

— Заночуем тут, — распорядился Иорвет. — А завтра разберёмся с этой каменной тварью.

Костёр, сложенный прямо на мраморных ступенях, весело трещал сухими дверными досками, дым утягивало в проём. Я вдруг поняла, что ужасно соскучилась по всей нашей скоя'таэльской компании. Сейчас казалось, что последний раз вот так вместе, у костра, мы сидели будто бы много недель назад.

Недосказанность неуловимо витала в воздухе. Иорвет, не считаясь со мной, заговорил с эльфами на Старшей Речи. Он опять подчёркнуто не замечал меня, словно не было ни нашего эксцентричного побега, ни хохота в ельнике, ни странной связи, открывающей для нас двоих ворота на магическую изнанку. Белки притихли, слушая его. Я поморщилась, но решила выкинуть переживания из головы — это его команда, пусть сам разбирается.

***

Утром Иорвет отвёл меня в сторону.

— Знаки снова светятся. Пойдём, — он мотнул головой к коридорам в глубь некрополя.

— Как ты объяснишь своим, почему мы идём вдвоём? Они и так недовольны, что мы ничего им не рассказали.

— Никак, — отрезал он.

Мы вернулись за оружием. На Старшей Речи Иорвет резко осадил вскочивших было

белок, они молча расселись у костра. Я пожала плечами в ответ на испытующий взгляд Моны.

— Мне это не нравится, — проворчала я и, отодрав из ржавого крепежа факел, подожгла паклю. — Стоило только подружиться.

— Эльфы и dh'oine не могут быть друзьями, даже если они на одной стороне, — жёстко произнёс Иорвет.

— Друзей, что ли, по форме ушей выбирают? Ты сам-то в это веришь?

— Я не верю, я знаю.

— Но Геральт, он же твой друг!

— Это другое.

— Ну да, ну да...

Что же, в очередной раз Иорвет указал мне на моё место. Ты можешь неделю есть из одного котелка, можешь рука об руку сражаться, но ни капельки не станешь ближе. Может, у эльфов как-то иначе устроен механизм привязанности? «Ерунда, — решила я, вспомнив наши отношения с Моной, — просто кто-то упёрся рогом в свои принципы».

Впереди показались знакомые галереи. Значит, зал с големом уже близко.

— Каков план? — спросила я. — У нас будет всего пара минут, чтобы его убить.

— Проверим, как на изнанке работает оружие, — кивнул Иорвет. — Какие у него уязвимые места?

— Никакие. Надо как-то пробиться сквозь камень к артефакту, скорее всего он будет в груди.

Пляшущий огонь факела пробудил голема, дремавшего у ног статуи Аэлирэнн. Он неторопливо встал, разогнулся, похрустывая конечностями.

— Раз, два, три, — Иорвет протянул ладонь.

Я прикоснулась к ней, думая о том, что это слишком интимный жест для тех, кто никогда не будет даже друзьями.

В наступившей тьме мы подлетели к застывшему голему. Сквозь белые нарисованные линии его фигуры изнутри, сквозь зазоры между камнями, пробивался яркий магический свет. Иорвет выхватил меч, аккуратно просунул лезвие в щель и нажал.

— Давай твой! — раздался приказ в моей голове.

Я с усилием вогнала стальной меч в щель рядом.

— Вместе!

Мы налегли, и камень, прикрывающий грудную клетку, зашатался.

— Ещё раз!

Второе усилие, камень подался и вывалился. Открылась полость, где спрятанный, словно в сейфе, сиял свёрнутый трубочкой свиток. Выхватив его, я наложила Игни — из моей руки вырвался весь в витиеватых завихрениях белый огонь, и лист с заклинанием занялся пламенем. Когда он догорел, мы уже вернулись с изнанки.

У ног громоздилось поверженное тело голема. В неверном свете факела я исследовала его распахнутую грудную клетку, но она была пуста — помимо сожжённой магической записки, в этой груди камней не было ничего полезного.

— Это было просто, — констатировал Иорвет.

— Угу. Только теперь опять сутки силу копить.

— У всего есть цена. Я схожу за своими, жди здесь.

Эльф исчез в коридорах. Я собрала по залу несколько старых факелов и привалилась к

стене около выхода. Моего Игни едва-едва хватало, чтобы работать как зажигалка. Положила серебряный меч рядом — нужно глядеть в оба, почувствовать врагов я не смогу — и всматривалась ввысь, где в темноте терялось лицо статуи Аэлирэнн.

— Зачем ты дала мне розу, Аэлирэнн? — крикнула я.

Эхо прокатилось по залу и затихло в сводах.

— Молчишь... — пробубнила я под нос. — Что ещё делать с этими людьми, как не приспособить к какой-нибудь пользе. Главное при этом о них не замараться...

Медальон вздрогнул в такт сердцу и затих. С пояса я отстегнула флягу с водой и, сняв с шеи подарок Юланнэн, аккуратно протолкнула камешек, за которым змеёй проскользнула цепочка, в горлышко. В этом мире никогда не знаешь, где тебя изнасилуют или подсыпят афродизиаков, предосторожность не помешает. Отхлебывая воду, я сидела в тишине и полумраке пока, наконец, к бликам моего факела не присоединились блики факела Анару. Белки вернулись.

Мы заночевали на той же, что по дороге в Ард Дол, поляне у водопада. Как и в тот раз, устроили купание — мальчики налево, девочки направо.

— Мона! — беспомощно обратилась я к эльфийке, которая молча стояла под струями воды.

Мона покачала головой и, не говоря ни слова, проскользнула мимо, собрала одежду. Я растерянно смотрела ей вслед. Потом выругалась.

У костра эльфы общались на Старшей Речи, время от времени кидая на меня непонятные взгляды. Я завернулась в шкуру. Ну и ладно, чёрт с вами.

Наутро мы встретили Каспара, честно поджидавшего с лошадьми. Обратная гонка началась.

***

Северные ворота Вергена показались в сумерках на третий день безмолвной скачки. Скучающий Дагг Борос, зевнув и расплывшись в улыбке, отсалютовал топором и отворил двери в город.

Скоя'таэлей радостно приветствовали, мы попали прямиком в район эльфов. Навстречу вышел улыбающийся Киаран, обнял Иорвета. Белки смеялись, оживлённо болтая на Старшей Речи. Издалека показалась стройная фигура Саскии, и лицо Иорвета озарилось той самой мальчишеской улыбкой, которую мне всего лишь раз удалось поймать. Широким шагом Саския подошла к нему, крепко обняла.

«Кажется, в этой игре не подгрузилась моя текстура», — тоскливо подумала я и сунула узду лошади ближайшему скоя'таэлю.

— Айни! Айни! — раздался крик.

Я завертела головой — на меня неслась взлохмаченная Неса. Подбежала, обезьянкой вскарабкалась на руки и повисла на шее.

— Я знала, что ты приедешь, мне Дева-Драконоубийца сказала!

Я крепко обняла малышку. Хоть один эльф меня да любит. Встретила удивлённый взгляд Иорвета, отвернулась.

— Ты же будешь здесь жить? А ты много чудовищ убила? А можно потрогать меч? — без остановки болтала Неса, взяв меня за руку и шагая рядом.

На груди девочки на шнурке висела восьмиугольная зерриканская монета.

— Не знаю, проживу ещё, — смеялась я.

— У-у, мама зовёт, — Неса обняла меня напоследок и умчалась.

Я направилась в сторону таверны. Заедающим в замке ключом отперла дверь — комната была пуста, вещей не было, кровать аккуратно застелена. «Точно баг какой-то», — успела подумать я, когда за спиной вырос Скален. Его сегодняшний берет был ещё больше предыдущего и кокетливо свисал чуть ли не до плеча.

— Госпожа ведьмачка, так это...

— Зови меня Яной, Скален, прошу.

— Яна, так переселили тебя. Саския наказала квартиру подготовить, а то народ всё прибывает, скоро уж не знаю, куда селить будем.

Он повёл меня обратно через пол-Вергена в квартал краснолюдов. Остановился перед красной дверью, над которой был натянут козырек из красного же тента. Кузница Тита Сороки была совсем рядом, нужно было лишь спуститься по ступенькам.

— Хорошая квартира, год назад в ней сама чародейка жила, Филиппа Эйльхарт, с, м-м... ученицей, — он хихикнул в бороду. — Зови, ежели чего понадобится.

Он вложил в мою руку ключ и исчез. «Всё-таки, не баг», — подумала я, вошла внутрь и присвистнула. Для Вергена эта квартира была вершиной роскоши. Вид из окон, конечно, уступал моей комнате в Каэр Морхене по той причине, что окон тут, за исключением пары маленьких над дверью, не было, но в остальном апартаменты оказались не менее шикарными. Теперь у меня появилось аж две комнаты. Стены и камин украшали краснолюдские каменные узоры, уюта добавляли ворсистые ковры. Посреди первой комнаты стояла королевского размера кровать, застеленная алым покрывалом. Слева от неё располагался добротный дубовый письменный стол, справа громоздились шкафы, набитые книгами. Мои вещи сиротливо лежали у порога. Я перетаскала их в дальнюю спальню и застелила узкую кровать в нише. Обоснуюсь тут.

Вернувшись в гостиную, я провела пальцем по корешкам запылённых книг на полке, нависшей над столом: «Знаменитые династии Аэдиерна», «Учёт и взыскание податей», «Самоучитель Старшей Речи»... Зевнула. Хотелось забыться, но не хотелось читать ничего умного. Взгляд задержался на толстом томе с золотым тиснением: «Весёлые приключения Мюриэль, прекрасной мерзавки». То, что нужно!

Обеспечив себя духовной пищей, я решила позаботиться и о телесной и, зажав под мышкой весёлую Мюриэль, отправилась тёмными улочками в таверну.

***

В сводчатом зале таверны стоял гул, и была тьма народу. Трактирщик сопровождал меня в дальний угол и бухнул о крохотный столик кружкой пива. «Отличное место для нас с Мюриэль», — рассудила я. Вдалеке, через длинный шумный стол краснолюдов, виднелась в окружении других эльфов вся наша компания скоя'таэлей, но я решила не привлекать к себе внимания.

Когда принесли еду, я продолжила читать, прислонив книгу к подсвечнику. Мерзавка Мюриэль оказалась не просто какой-то безымянной авантюристкой, а прапрабабкой Цири и носительницей гена Старшей Крови. Я уже перешла к началу её приключений в поездке в Марибор, когда за столик ко мне подсел староста Вергена Сесиль Бурдон. Он едва возвышался над столешницей, но важно погладил бороду и произнёс:

— Сера приедет на днях, так что можете с Титом готовиться. Завтра в полдень — совет в Замке Трёх Отцов, приходи.

Я пожала протянутую руку, и Сесиль откланялся. Вернулась к книге: банда разбойника Флинна Шельмы окружила карету Мюриэль. По моему столу грохнул кулак. Я подняла

голову — надо мной нависла Мона, гневно сверкая глазами.

— И долго ты ещё из-за своего обета не будешь с нами разговаривать?

— Ты о чём? — непонимающе уставилась я на неё.

Мона растерялась.

— Ну как, обет молчания, чтобы твоя сила, что дал мастер рун, восстановилась...

— Ах, этого обета, — лихорадочно соображая, протянула я и метнула яростный взгляд в сторону стола эльфов, где виднелась красная повязка Иорвета. — Да, теперь всё в порядке.

— Иорвет сказал нам с тобой не общаться, чтобы не провоцировать тебя на разговор, — Мона села, её глаза заблестели.

— Я так рада тебе, — взяв её за руку, я почувствовала, что ещё чуть-чуть и расплачусь.

— А что это за обет? Какую силу дал тебе мастер рун?

— Ну, дополнительные ведьмачьи умения, но я не могу об этом говорить, прости.

— Ну и ладно, — весело тряхнула головой эльфийка, — знаешь, как нам сложно было не разговаривать с тобой, ведь ты теперь одна из нас.

Нос таки предательски зачесался, и в этот момент я увидела, что сказочник Иорвет направляется в нашу сторону. Он подошёл, испытующе посмотрел на Мону, на меня, скрестил руки на груди.

— Мы говорили о моём обете, — подчеркнув последнее слово, я впиалась в него взглядом, — спасибо, что предупредил ребят.

По лицу Иорвета промелькнула хитрая усмешка.

— Кстати, как заживают твои раны? — я сделала заботливое лицо.

— Какие раны? — глаз эльфа округлился.

— Ну, после пыток в Ард Доле. Те. Раны, — я неопределённо повела рукой. — Там.

— Иорвет, тебя пытали? Там раны? — Мона с беспокойством схватила его за руку.

— Всё в порядке, Мона, уже не о чем волноваться, — во взгляде Иорвета зажёгся мстительный огонёк.

Мона вскочила.

— Меня зовёт Роэль. Яна, до завтра, — она кинула ещё раз сочувственный взгляд на своего командира и упорхнула.

— Спасибо тебе, — процедил Иорвет и уселся на место Моны, — теперь весь отряд будет заботиться о тех... ранах... там.

— У всего есть цена, — с досадой передразнила я. — Почему ты мне не сказал, что наплёл им небылиц про мой обет?

— Надо было что-то придумать, — он пожал плечами. — И так будет лучше. Я не хочу, чтобы они привязывались к кому-то из dh'oine. Привяжешься к одному — привяжешься ко всем.

Я потеряла дар речи.

— Не знаю даже, как бы так тебе ответить, чтобы не матом. Дай-ка погадаю на книге.

Наугад открыв приключения Мюриэль, я зачитала:

— «Только будь вежлива, милочка, — пробормотала сквозь сон старая няня. Но её пожеланию не суждено было сбыться». Видишь, Иорвет, даже книга говорит, что я должна послать тебя нахрен.

— На здоровье, — пожал плечами эльф. — Только завтра после совета мы выходим расколдовывать Саскию. Мне будет нужна помощь.

Он кивнул мне, с грацией пантеры бесшумно поднялся и ушёл. Я захлопнула книгу,

ничем-то она мне не помогла.

— Мамочка запрещает детишкам водиться с плохой компанией, Мюриэль. К счастью, детишкам на это, как всегда, наплевать, — прошептала я и, оставив на столе монеты за ужин, отправилась в филиппину, а теперь мою, квартиру. Завтра будет длинный день.

ВЕРГЕН. Глава 28. Пейзаж перед битвой

На рассвете мы с кузнецом Титом Сорокой отправились в каменоломню. Было ещё поутреннему свежо и зябко, яркие лучи пронизывали лес, искрясь росой в траве. Трижды по пути тенями выступали на тропу скоя'таэли. Тит хмуро приветствовал их и отдавал распоряжения впредь пропускать меня и одну.

— Вот черти, каждый раз до усрачки, как из-под земли вырастают, — ворчал он, — нет, чтоб по-краснолюдски, по-нормальному, перегородили бы, встали с топорами. Так нет, всё эти фокусы.

С высоты котлован напоминал филиал ада — горели костры, от чанов и из труб печей поднимался густой едкий дым. Производство было поставлено на широкую ногу. Двенадцать огромных бочек стояли на помостах — краснолюды деловито проливали их кипятком и собирали в чаны раствор. На другой стороне котлована мельничными жерновами перемалывали уже готовую рафинированную селитру в порошок.

— Всё по-твоему, по-алхимичьи сделали, — кузнец провёл вдоль бочек ко входу внутрь каменоломни.

Мимо шла чередой людей и краснолюдов, таскавших в мешках помёт из пещер. Тит нырнул в пустынный боковой коридор, огромным ключом отпер замок и зажёл горелку, подвешенную у двери.

— Тут сухо, храним готовую селитру и уголь. Всё перетёртое уже. И верёвки, как ты сказала.

Он прошёл мимо рядов бочек к бухтам уложенных пеньковых верёвок.

— Их уже пропитали в насыщенном растворе селитры?

— Да. Сегодня к ночи, говорят, обоз с серой доедет.

— Отлично, — я почувствовала волнение. Одно дело — читать теоретические статьи, а другое — быть ответственной за воплощение в реальности. В настоящем мире и в настоящей войне, где будут гибнуть настоящие люди и не люди. — Корпусы бомб для испытания заготовили?

— Восемь штук, по две с разной толщиной стенок.

Краснолюд поднял на меня лицо. Я кивнула и сжала кулаки, чтобы скрыть дрожь в пальцах.

— Хорошо, как только сделаем первую партию пороха, будем испытывать. Пойду, надо исследовать окрестности.

Тит Сорока уважительно потряс мою руку. Той же дорогой, приветственно маша скоя'таэльским кордонам, я вернулась в Верген.

Улицы заполняла утренняя суматоха. Город принимал обозы беженцев из деревень — вергенские краснолюды расселяли их. Всюду пестрели листовки с указаниями где регистрироваться, кому задавать вопросы и куда отправляться на сборы.

На каждом доме висел плакат с легко узнаваемой Саскией с высоко поднятым мечом и надписью «Бьёмся за СВОБОДУ». Для пушного эффекта доспехи на Деве-Драконоубийце были полурасстёгнуты, открывая взору художественно увеличенные в несколько раз шары груди.

За внутренними воротами на базаре уже вовсю шла торговля. Купив буханку горячего хлеба, белый упругий шарик молодого сыра, завёрнутый в листовки, и сетку яблок, я

протолкалась через шумную, возбуждённую надвигающейся войной и наплывом людей рыночную площадь к конюшням.

Туча встретила приветственным ржанием. Я поднесла яблоко к её тёплым мягким губам и обняла за шерстистую шею.

— Пойдём, моя хорошая, пора прокатиться.

В кормушке лежало свежее сено, пол загона был начисто выметен. Шерсть Тучи блестела, а сама она выглядела довольной и ухоженной. Мысленно пообещав себе поблагодарить Сесия за заботу, я принялась седлать лошадь.

— Куда-то собираешься? — прозвучал со спины знакомый голос.

Иорвет вывел могучего белоснежного коня и остановился у денника Тучи.

— Мне нужно осмотреть окрестности.

— Поедем вместе, — как всегда безапелляционно, эльф мотнул головой в направлении выхода.

Мы вывели лошадей под уздцы и вышли из города сквозь колоссального размера каменные западные вергенские ворота. По обе стороны дороги круто вздымались городские стены, вырубленные в скалах. На них ещё виднелись не смытые дождями чёрные смоляные потёки.

— Вы стреляли оттуда, со стен? Год назад, в битве с Хенсельтом, — спросила я.

Иорвет легко впрыгнул в седло, оглянул стены и, запрокинув голову, посмотрел в ясное утреннее небо. Лицо под красной повязкой выглядело осунувшимся.

— И со стен, и с арок ворот. Все высоты — наши.

Забравшись в седло, я тронула Тучу.

— Я никогда не была на войне, — тихо произнесла я.

Иорвет подал коня вперёд, лошади пошли рядом.

— У вас в мире нет войн?

— Есть, но больших не было уже давно. В последней такой погибло восемьдесят пять миллионов человек, и это на время всех отрезвило.

Иорвет недоверчиво посмотрел на меня.

— Это ж сколько у вас там людей...

— Почти восемь миллиардов сейчас, — я улыбнулась, видя, что такие цифры просто не помещаются у него в голове. — И знаешь, что в итоге из всего этого вынесли? Что каждая, абсолютно каждая жизнь важна. Но лет восемьсот назад населения у нас было примерно как у вас здесь сейчас, и жизнь одного человека не стоила ни гроша.

— Способность людей быстро размножаться хорошо известна, — горько сказал он, услышав лишь то, что захотел услышать.

— Те, кто начали эту последнюю войну, утверждали, что есть одна раса избранных людей, и она должна властвовать над всеми остальными.

— Все dh'oine одинаковы, — презрительно искривил губы Иорвет.

— Не только dh'oine, — тихо сказала я.

Он не ответил. Мы миновали узкие извилистые траншеи меж скал и выехали на поле, изрытое рвами от метеоритного дождя, вызванного заклинанием Сабрины Глевиссиг в битве Каэдвена с Аэдирном три года назад. Чародейка применила запретную магию, спалив заживо и своих и чужих.

Впереди журчал широкий ручей, направляясь к Понтару, который спрятался за грядками холмов. На одной стороне ручья, там, где раньше был бордель каэдвенцев, теперь развернули

полевую кухню для беженцев. На другом берегу в бывшем лагере Хенсельта временно разместили их самих.

Иорвет направил коня по руслу, лошади зацокали копытами по камешкам на дне и тянули шеи к воде.

— Бинки, перестань, — одёрнул коня эльф, повернулся ко мне. — Киаран рассказал о твоей задаче тут.

В его голосе послышался скрытый интерес.

— Да... Послушай, я никогда не была на настоящей войне, и только теоретически представляю, как все будут передвигаться, как будет идти битва. А от точного знания зависит успех того, что я задумала... Иорвет, — я посмотрела ему в лицо, — мне нужна помощь — твоя, Саскии.

Эльф утвердительно склонил голову.

— Только давай без вот этого постоянного тыкания меня в то, что я dh'oine, идёт? Я уже всё поняла. Но я от этого зверею.

Иорвет пристально посмотрел на меня, усмехнулся, вытянул руку:

— Идёт, vatt'ghern.

Потянувшись с Тучи, я крепко пожала его ладонь. Мир. Деловое соглашение, ничего личного. И мне теперь нужно думать только о деле. Мы свернули по тропе, уводящей от речки вверх, лошади рванули галопом. Расщелина вывела к песчаному берегу Понтара, и на его широко раскинувшихся водах блестела белая от солнца дорожка. Мы пошли шагом, я достала еду, протянула Иорвету.

— Я ещё не завтракала.

Поколебавшись, он взял яблоко:

— Нильфгаардцы подойдут со стороны восточных ворот. Сейчас мы выйдем туда, к дороге, которая ведёт к ним.

— Они разобьют где-то лагерь прежде, чем нападать?

— Да, но с востока слишком узкая дорога, скалы, так что они займут бывший лагерь Хенсельта в излучине Понтара, где сейчас поселили беженцев. Их мы, конечно, уведём внутрь города.

Я задумалась.

— Нарисуй мне потом схему. Если у нас с Титом получится сделать бомбы, я хочу взорвать как можно больше до того, как они нападут.

На песке пляжа после нас оставались глубокие следы лошадиных копыт. По мелкой воде мы не спеша обогнули утёс, сверху которого прилепилась ветхая покосившаяся хижина. Иорвет повернул коня, и мы взлетели на крутой берег.

— А это что ещё такое? — прищурившись, он смотрел вдаль на пыль, поднимающуюся над лесом далеко впереди.

Бинки понёсся галопом, перепрыгивая через буераки, петляя между деревьями. Я прильнула к шее Тучи, доверившись ей, и умная кобыла следовала точно за белым конём. Достигнув источника пыли, по обсыпающемуся склону мы спустились на дорогу — то был обоз из десятка телег, сопровождаемый отрядом скоя'таэлей. За телегами пешком брели рыцари, порядка полусотни, на пыльных доспехах которых видны были аэдирнские чёрные гербы с углом из жёлтой и красной полосок. Рыцари были безоружны — на одной из телег возвышалась гора из щитов и мечей.

Иорвет заговорил с белками на Старшей Речи, а я медленно поехала вдоль обоза.

Спереди послышались стоны, и, приблизившись, я увидела, что на трёх телегах в голове процессии везли раненых. На передней к одному из них склонилась худенькая девушка с ярко-рыжими коротко стриженными волосами. Я всматривалась в неё, ещё не веря в такое небывалое совпадение, когда она подняла голову, впилась в меня взглядом и замахала руками. Я догнала телегу. Шани, сомнений быть не могло, заглядывала мне в глаза:

— Издали я приняла тебя за ведьмака, два меча за спиной, как у них, прости, обозналась.

Я улыбнулась ей:

— Если тебе нужен ведьмак с мутациями, то да, не по адресу, а если просто ведьмак, то можешь говорить.

— У тебя есть мазь для быстрой остановки крови? У ведьмака, которого я знала, такая всегда была.

Расстегнув пряжку кармана на поясной сумке, я вытащила нужную мазь. Соскочила с Тучи, протянула баночку Шани.

— Невероятно! Минуточку.

Повернувшись к раненому, она ловко размотала мокрую от крови повязку на бедре и обработала мазью рану. Я шла рядом с телегой, наблюдая за её работой.

— Уфф, теперь, пожалуй, я смогу поставить пару оронов, что этот малый выкарабкается. Рана пустячная, но стрела задела артерию. Ещё чуть-чуть на жгуте и ногу пришлось бы отрезать. Я — Шани, медик, — она протянула мне узкую длинную ладонь.

— Яна. Наслышана о тебе, мне рассказывал Геральт, — я решила, что такое объяснение будет достаточно правдоподобным.

— О, — её лицо затуманилось, и она слегка вздёрнула конопатый нос, — Геральт в Вергене?

— Нет, уехал пару недель назад. А что это за люди? — я махнула рукой в сторону рыцарей и раненых, на форме которых тоже виднелся азди́рнский герб.

— Дружина этого вот красавчика, ногу которого ты только что спасла, — Шани похозяйски положила ладонь на грудь раненого.

Тот застонал, убрал руки, заслонявшие лицо, и я увидела светлые кудри, рассыпавшиеся по соломе.

— Александр! — ахнула я.

Тот приподнялся, щурясь на солнце, и попытался лёжа изобразить поклон.

— Ну хватит, — засмеялась Шани, нажала ладонью на его грудь и уложила рыцаря обратно.

Александр покорно откинулся на спину и сложил ладони поверх руки медички.

— Они сумели сбежать после того, как нильфгаардцы взяли Венгерберг, — она покачала головой.

Мы подошли к восточным воротам. Краснолюды на входе остановили обоз, Иорвет тихо отдал им команды. Гигантские двери, управляемые лебёдками, медленно отворились.

Я попрощалась с Шани — до совета нужно было ещё успеть отвести лошадей. В конюшне Иорвет передал Бинки незнакомой мне эльфийке из его отряда, кивнул ей и на Тучу. Девушка неприязненно скользнула по моему лицу взглядом, я заколебалась.

— Отдай, — тихо сказал мне Иорвет.

Я разжала пальцы, девушка подхватила уздечки и увела коней. Иорвет покровительственно развернул меня за плечи в сторону выхода:

— Пойдём, нам пора на совет.

— Не надо, — я стряхнула его руки. — Пойдём.

***

Один из многочисленных входов в Замок Трёх Отцов начинался прямо из конюшни, и мы прошагали в прохладный коридор, ведущий в глубь горы. Сам замок представлял собой многоуровневый комплекс, высеченный внутри скал, и от коридора во все стороны расходились галереи, анфилады приземистых комнат и холлы просторных залов. Из бокового прохода показался Киаран и догнал нас. Эльфы пошли впереди, тихо переговариваясь.

Коридор вывел в высокий каменный зал, над которым в качестве главного украшения доминировала гигантская статуя краснолюдской мадонны, расслабленно держащей на плече пузатый кувшин. Древний махакамский ваятель воплотил в её тучной фигуре все представления краснолюдов о прекрасном: внушительную часть статуи занимал шарообразный рыхлый живот; тяжёлые зрелые груди, плавные формы символизировали земной чувственный культ фертильности и изобилия.

Центр занимал двенадцатиугольный, почти круглый каменный стол. За ним одиноко, подперев щеку мощной ручищей, сидел краснолюд.

— Ярпен, старина, — Иорвет подошёл, крепко пожал руку, — где все?

— Здорово вам. Саския будет вот-вот, разбирается с аэдирнцами, мать их, свалились по наши души.

— Они могут быть полезны, старый ворчун.

— Эх, не знаю, будут опять носы задирать, считая, что их жопы лучше наших, как делали те, что со Стеннисом были. Гнилое племя. Как бы не подставили в ответственный момент.

Иорвет с Киараном согласно кивнули. Краснолюд пятерней откинул с лица чуб, свисавший с островка на бритом черепе.

— А ты, стало быть, ведьмачка, что в каменоломнях с Титом безобразия учиняет.

— Почему безобразия? — я протянула ему руку. — Яна.

— Да потому что баловство это всё. Против топоров и обученных молодцев все ваши перделки — ничто. Ярпен Зигрин, — он стиснул мою ладонь.

— Командующий вергенской краснолюдской дружиной, — добавил Иорвет. — Обученные молодцы это хорошо, Ярпен, только вопрос в количестве. Сколько их сейчас у тебя?

— К трёмстам тех, за кого зуб дам, ещё две сотни добавилось.

— И моих теперь около семи сотен. А у чёрных десять тысяч, не меньше.

— Один краснолюд десятка стоит, — Ярпен сжал кулаки. — Плюс крестьян тренируем, да что толку-то. Они ж дикие, моего брата шугаются, им подавай, чтоб рыцарь какой ими командовал, а не краснолюд.

— И у нас теперь есть такой рыцарь! — зычный голос Саскии прервал брюзжание Ярпена.

На входе в зал стояла она, по правую руку виднелся Сесиль Бурдон, а по левую, опираясь на палку и гордо подняв голову, стоял, облачённый в помятые доспехи, мертвенно бледный Александр. Саския прошагала к столу, села, оглядела всех. Сесиль и Александр расположились по обе руки от неё.

— Нас мало, и мы примем любую помощь. Дамы и господа — Александр

Альдерсбергский, кузен теперь бывшего короля Стенниса, к нашим услугам.

Иорвет с Ярпенем переглянулись, краснолюды закричали.

— Ярпен? — Саския требовательно посмотрела на него.

— Всё это здорово, нам не помешают рыцари, но как мы можем ему доверять? Он присягал этой змее Стеннису, который, если ты помнишь, Саския, чуть было не отправил тебя напрямиком к праотцам.

Благородное лицо Александра вспыхнуло.

— Я приносил присягу королю, а не предателю, который послал на смерть всех рыцарей, а потом сбежал, открыв ворота Венгерберга нильфгаардцам! Мы с остатками моей дружины едва спаслись от позорной казни, ушли подземными ходами, когда в городе бесчинствовали чёрные. И мы пришли сюда, чтобы помочь вам и отомстить!

Исподлобья Иорвет сверлил взглядом Саскию. Год назад она представила его на подобном совете, теперь же его место занял другой. Она хлопнула ладонью по столу, медленно оглядела всех — Иорвета с Киараном, краснолюдов Ярпена и Сесиль Бурдона, прямо посмотрела мне в глаза.

— У нас есть краснолюды, равных которым нет в рукопашном бою. У нас есть эльфы, несущие смерть с воздуха. У нас есть ведьмачка, которая даст нам бомбы. И у нас теперь есть рыцари, которые поведут людей.

— Но... — начал Ярпен.

Александр встал, шумно отодвинул тяжёлый деревянный стул и, подойдя к Саскии, опустился на одно колено.

— Я клянусь в верности тебе, Дева-Драконоубийца, клянусь до последнего вздоха и последней капли крови служить тебе. Я клянусь, что буду свято исполнять законы Свободной Долины Понтара.

Саския, горящими глазами глядя на рыцаря, поднялась.

— Бла-бла-бла, — едва слышно произнёс Иорвет.

— Я принимаю твою клятву, Александр Альдерсбергский! — она вытянула меч из ножен, приложила его к плечу рыцаря. — Да будет так.

Александр припал к её руке. Ярпен Зигрин закатил глаза и откашлялся:

— Ну коль всё так любовно получается, не пора ли перейти к делу. Давай, Александр Кактебятский, расскажи-ка нам, как на духу, что там с чёрными в Венгерберге.

Лицо Александра перекошилось от боли, когда он поднимался. Закусив губу, он доковылял до стола.

— Армия «Восток», командует Ренуальд аэп Матсен, бывший командор подразделения «Импера».

— Я знаю его, — тихо сказал Иорвет, не отрывая взгляда от Саскии, — встречал год назад во время резни в Лок Муинне, когда там пытались собрать совет.

Александр кивнул.

— Стальной кулак императора. Три бригады — тяжёлые конники, пехота, лучники. На Венгерберг пришло около четырнадцати тысяч. Порядка полусотни баллист и требушетов. И с десятков боевых магов.

Сесиль Бурдон протопал к углу и достал пачку карт.

— Венгерберг пал неделю назад. Мы мчались сюда, загнали лошадей, — продолжил Александр. — Я думаю, что нильфгаардская солдатня уже насытилась нашим городом и не сегодня так завтра выдвинется сюда.

— Значит, ещё две недели у нас есть, — сказала Саския. Наклонилась над картами и крикнула: — Принесите вина!

За её спиной возник юноша-виночерпий и разлил по кубкам тёмно-вишнёвое вино. Саския с подозрением покрутила чашу в руках и высоко подняла её:

— За победу!

— За победу! Так, мать его! — раздалось вокруг.

— Итак, — Саския грохнула кубком о стол. — Сегодня определим общие действия, а с завтрашнего дня на закате будем собираться каждый день. Что у нас есть сейчас...

Она расстелила карты.

— Мои люди рассеяны по всей долине, — начал Йорвет, водя пальцем по карте. — Как только армия Нильфгаарда пересечёт Дыфню, мы будем наносить точечные удары, чтобы задержать их в пути.

— Моя бригада тяжёлых пехотинцев готова, — начал Ярпен, — смола заготовлена.

— Люди эвакуированы, колодцы отравлены, дороги за собой заваливаем, роем волчьи ямы, — подхватил Сесиль.

— Александр, — Саския повернулась к нему, — ты и твои рыцари возьмёте на себя подготовку людей. Яна?

— Запас селитры готов, жду серу.

— Со мной приехала медичка, — неуверенно начал Александр, — она лучший полевой хирург, которого я когда-либо видел.

— У нас есть мусье Виго Бамберг, — проворчал Ярпен, — правда, он всё только травки свои прикладывает.

— Нам нужен настоящий военный медик, — резюмировала Саския, — развернём госпиталь тут, в Замке Трёх Отцов, в западном крыле. Сесиль, размести её.

— Дак уж не знаю где, город забит под завязку. Уж шахты оборудуем под жильё.

Мне вдруг пришла в голову мысль:

— Её можно поселить ко мне. У меня огромная квартира, и я там совершенно одна.

Саския кивнула.

— За работу! И помните, мы — одна команда. По одному мы ничего не стоим, — она многозначительно посмотрела в лицо Йорвету, — и только вместе мы сила. Совет окончен. Завтра на закате — всем быть здесь.

Саския встала. Я увидела, как Йорвет исподлобья переводит взгляд с неё на златокудрого красавчика Александра и обратно. «Он ревнует», — пронзила меня неприятная мысль. Что же, я всегда знала, как он относится к Саскии. И если далеко в горах об этом можно было легко забыть, то тут — нет. Геральт был прав. Всё это выглядит очень глупо, и я, в итоге, глупее всех. Я мотнула головой. К чёрту. Меня ждут бомбы.

ВЕРГЕН. Глава 29. Письмо

Совет был окончен. Краснолюды с Александром покинули зал, остались только я, эльфы и Саския, которая, опустившись на своё место, оперлась локтями о стол и устало обхватила голову руками.

В кругу тех, кто знал её тайну, она скинула роль полководца. Во мне шевельнулось восхищение этой девушкой, взвалившей на себя непосильную ответственность. Я заметила, что от усталости под её дивными тёмными глазами залегли тени, губы смягчились.

— Пора, значит? — тихо произнесла она.

— Чем раньше мы это сделаем, тем лучше, — мягко ответил Йорвет.

— Я боюсь, что опять не получится, — прошептала она. — Я уже наломала дров и не хочу, чтобы это повторилось.

— Саския, ты дракон, этого не изменить, ты должна получить часть себя обратно, — Йорвет взял её за руку. — Всё будет хорошо. Мы с ведьмачкой видели Айонантаниэла, он не мог ошибиться.

Саския накрыла его руку своей.

— Да, ты прав. Но в грядущей битве... Я не хочу, чтобы моя тайна была раскрыта. Всё, чего мы добились за этот год, пойдёт прахом, если жители долины узнают, за кем идут.

Киаран поднял взгляд.

— Мы сделаем всё, чтобы тебе не пришлось обращаться.

Йорвет кивнул.

— Мы сделаем всё. Оставим дракона на самый крайний случай... Пойдём, пора.

Он вытянул из-под стола объёмный мешок и, забросив за спину, зашагал к выходу из зала. Саския опрокинула в себя остатки вина из кубка, и мы последовали за Йорветом.

***

Эльф уводил подальше от случайных глаз по тропе, по которой парой недель ранее Анару вёл меня и Геральта на встречу со скоя'таэлями, и вскоре мы добрались до той же поляны с ритуальным каменным столбом посередине, где Анару выпустил огненные стрелы.

Йорвет огляделся и, выбрав место между двумя мощными соснами, развязал мешок и достал из него моток толстого каната.

— Всё поняли, что нужно делать? — спросил нас с Киараном.

Молча кивнув, мы переглянулись. Киаран ободряюще подмигнул. Какие же у этих эльфов длинные ресницы! Йорвет вывел Саскию между сосен и накинул ей на плечи затягивающуюся петлю. Бросил нам с Киараном концы верёвки, и мы, как и было условлено, завели их за стволы. Я обмотала свой конец вокруг запястий. Саския оглядела всех:

— Спасибо вам, друзья.

— Погоди, ещё не спасибо, — со стилетом в руках Йорвет подошёл к ней со спины, обнял за плечи. — Давай!

Мы с Киараном приготовились натягивать канат. Саския низко опустила голову, кулаки сжались. Некоторое время ничего не происходило, потом её тело вздрогнуло, начало деформироваться, толчками разбухать. Преображаясь, она быстро росла. Йорвет сцепил руки на том месте, где у девушки была шея, стремительно превращающаяся в шею дракона.

Мы с Киараном налегли изо всех сил, затягивая на горле дракона петлю. Я упёрлась ногой в дерево, и с коры из-под каната посыпалась труха. Саэсентессис вскинула шею в

попытке освободиться от удавки — мы с Киараном тянули изо всех сил и сделали полный оборот вокруг своих деревьев, чтобы у нас не вырвало канаты из рук.

Зелёный дракон разинул пасть и выпустил облако огня. Спину обожгло жаром, сухая трава вспыхнула. Иорвет, как воздушный гимнаст, хватался руками за гребни на извивающейся шее и карабкался к голове. Ещё один рывок, и я увидела, что по канату бежит огонь.

Иорвет, сжав ногами дракона под челюстью, выхватил стилет из ножен и приложил ко лбу Саэссентессис. Раздался оглушающий рёв, она встала на мощные задние лапы, выпустила ещё один столб огня, и стилет вспыхнул золотом. Его сияние всё набирало силу, а потом мягко стихло. Саэссентессис замерла, опустила на все четыре когтистые лапы, не спеша расправила гигантские перепончатые крылья, сложила их. Мы с Киараном настороженно ждали, готовясь опять натянуть горящие верёвки. Дракон посмотрел на нас, открыл и закрыл зубастую пасть, опустил голову и стал уменьшаться.

На поляне вновь стояла Саския, Иорвет так и обнимал её со спины. Она подняла руку, занесла назад, прислонив его голову к своей. От красоты этой пары захватывало дух, оба высокие, статные — дева-воительница и необузданный свободолюбивый эльф.

Бросив канат, я принялась затаптывать пламя. Киаран занялся тем же, потом хлопнул меня по руке и широко улыбнулся.

Саския подошла к нам, сгребла в охапку обоих и сжала так, что у меня хрустнули позвонки.

— Дракон вернулся! А теперь — за дела.

***

Домой я возвращалась во власти противоречивых чувств. С одной стороны, несмотря на все волевые решения не думать о Иорвете, сердце моё в очередной раз было разбито. С другой — я восхищалась Саскией, и чувствовала, что за ней я могу пойти хоть на край света.

Дверь в квартиру оказалась не заперта. Я толкнула её и в изумлении уставилась на открывшийся взору бардак. В передней комнате было не пройти между сундуков и баулов, стол был передвинут к камину и на нём громоздились колбы, реторты, переносная горелка, банки, пузырьки и ящички с инструментами. Из угла комнаты на меня скалил зубы скелет, руки которого лежали на полу отдельно.

Шани вынырнула из сундука и устало выгнулась, нажав на поясницу ладонями.

— Яна, вот и ты! Боюсь, что ты согласилась подселить себе не слишком спокойного соседа.

Я рассмеялась.

— Уже вижу. Не переживай, после университетской общаги мне ничего не страшно!

— Ты училась в Оксенфурте?

— Нет, подальше. Но уверена, что общажная жизнь везде одинакова.

Шани смущённо показала на кровать, забросанную вещами.

— Я увидела, что твоя постель в дальней комнате, поэтому заняла эту. Но если хочешь, поменяемся.

— Не, я лучше в угол забьюсь. А вот горелка и реторта будут весьма кстати, мне надо сварить эликсиры, пополнить запас.

Глаза Шани заблестели.

— Заметь, что я собираюсь подсмотреть все твои рецепты, мне давно хотелось наложить руки на ваши ведьмачьи штучки, да возможности не было.

Я смотрела на её курносый веснушчатый нос, огненные волосы, худенькую фигурку в стоптанных замшевых сапогах, коротком зелёном кафтане, чёрной юбке-баллоне и чёрных же чулках — для меня она была «своей», понятной и близкой, хоть и из другого мира. Шани и в игре была моей любимицей.

— Завтра куплю ингредиенты, и начнём. Но прошу, используй рецепты только сама. Я не спрашивала разрешения разглашать их. Правда, мне и не запрещали.

— Договорились. А у тебя нет зеркала? Я с Венгерберга себя не видела.

Как будто в первый раз, я оглянулась по сторонам. И правда, зеркала нет.

— Попрошу Скалена, он добудет, — я нашарила в кармане миниатюрное зеркальце Францески, утащенное из Ард Дола. — Такое есть.

— Не надо, подожду нормальное, — Шани упала на постель, раскинула руки. — Вот уж я попала, так попала...

Я присела на кровать рядом с ней.

— В Венгерберге прямо перед штурмом письмо пришло, что мне практику дают в Оксенфурте! Представляешь, мою собственную! А тут война, и опять полевые госпитали, ожоги да ампутации.

— Оксенфурт от тебя не убежит, — уверенно успокоила я её.

— Да, но...

В дверь постучали.

— Да! — воскликнули мы хором.

Дверь отворилась — на пороге стояли краснолюд Тит Сорока и Александр, которые возмущённо смотрели друг на друга.

— Яна! — кузнец отпихнул рыцаря плечом и заглянул внутрь. — Сера приехала!

Александр залился краской. Я протиснулась мимо него и подумала, что соседство с медичкой явно не будет скучным, ещё не подозревая, насколько буду права.

***

Мы с Титом и его помощником лежали на краю скалы и неотрывно следили за огоньком, медленно ползущим по пропитанной в селитре и пропущенной через пороховое тесто верёвке. Я считала вслух.

Преыдущие пару часов мы провели, размалывая серу в порошок и смешивая в оговоренных мною пропорциях с селитрой и углём.

— Три четверти селитры, и три к двум уголь и серу в оставшейся четверти, — бубнил Тит, работая ступкой.

Забив пороховые камеры в массивных плоских цилиндрических бомбах чёрным порошком, мы закрутили крышки, и подручные кузнеца отнесли тестовые образцы подальше от каменоломни. Момент истины настал.

— К первой подбирается, — Тит привстал из-за камня.

Раздался хлопок, вырвался чёрный дым и потянулся по ветру.

— Вторая, — краснолюд смачно сплюнул под ноги и вперился глазами в пустырь.

В этот раз хлопок был громче, взвился фонтан песка.

— Третья!

Уши заложило, взрывом вокруг бомбы вырыло двухметровую воронку, и мне показалось, будто мимо лица пролетели осколки чугуна корпуса.

— Ах, мать его, хорошо! Щас четвёртая звезданёт! — в восторге крикнул Тит. Но раздался глухой удар, и последняя бомба подскочила на месте, вспучилась, чугун треснул, но

взрыв не смог разорвать оболочку.

— И победитель — номер три! — торжественно объявила я. — Давай попробуем с начинкой.

Мы снова набили бомбу с третьей толщиной стенок порохом, но теперь заполнили пустое пространство вокруг пороховой камеры гвоздями. Расставили повсюду толстостенные горшки с водой и воткнули в землю притащенного с вергенского стрельбища соломенного манекена.

Огонёк не спеша бежал по шнуру. Я спряталась за камень и потянула за рукав Тита, и вовремя, потому что громыхнуло, над головами просвистело. Мы осторожно выглянули, пытаюсь за дымом что-либо рассмотреть.

— Знатно пердануло, драть меня за ногу! — краснолюд вразвалку поспешил к месту взрыва.

Остатки манекена, разорванного в клочья, горели на земле, кусты в отдалении стояли лысые и нагнулись, будто по ним прошло гребнем, глиняные черепки усыпали поляну вокруг выжженной воронки.

— Номер три, значит? Что же, задачу понял.

***

Вечером на внеочередном совете, посвящённому прибытию серы, мы изучали план окрестностей Вергена. Александра не было, он приходил в себя после ранения, Саския, споря с Ярпеном и Иорветом, рисовала стрелки, как будут наступать нильфгаардцы.

— У них не так много вариантов, поэтому они повторяют тактику Хенсельта, понадеявшись на численный перевес.

— Значит, для меня пункт первый — лагерь, где они встанут, — я поставила свой крестик на карте. — Потом нужно дать им возможность прорваться ко входу в Тоннель Основателей.

— И они не должны заподозрить, что мы этого хотим, — дополнил Иорвет.

Саския кивнула:

— А после того, как они разделятся, и часть уйдёт в шахты...

— Навсегда, — гоготнул Ярпен.

— Оставшиеся, а их всё равно будет не меньше пяти тысяч, — Саския недовольно глянула на краснолюда, — пойдут к западным воротам.

— Ещё часть они пустят на прорыв у восточных ворот, — добавил Иорвет, — требушетов у них полно, будут пробиваться и там и тут. К северным воротам подъезда нет.

— И ещё маги...

— Мы с Титом заготовим бомбы с димеритом, это должно ослабить силу магов, — начала я. — Но вот что меня волнует...

Саския, почуяв перемену в моём голосе, подняла глаза от карты.

— Рецепт пороха прост. И если сейчас мы можем сыграть на неожиданности, то потом так или иначе Нильфгаард его узнает. И хоть у них нет таких запасов селитры... В общем, я думаю, как бы нам скрыть то, что порох можно легко произвести самим.

Ярпен задумчиво поскрёб бороду:

— Жалко, что у нас нет чародея, можно было бы сделать вид, что это его рук дело...

— Значит, надо его придумать, — вкрадчиво сказал Иорвет. — Сделаем куклу, поставим сверху на ворота, где стояла чародейка Эйльхарт. Издалека никто и не разберёт.

— Решено, — кивнула Саския, — теперь ещё раз шаг за шагом...

Домой я шла в приподнятом настроении. У меня появилась мысль, что если нашему чародею воткнуть в руки бенгальские огни, то он будет выглядеть совсем как настоящий. Воландеморт! Трепещите, нильфгаардцы! Я рассмеялась и толкнула дверь.

Раздался сдавленный смешок, и я увидела обнажённую Шани, восседающую на бёдрах Александра. Шани потянула на себя покрывало.

— Ширма, товарищи, величайшее изобретение человечества, и она у нас есть! — выпалила я и, сдерживая смех, проскользнула в свою комнату.

За спиной послышалось хихиканье и возня. Я бухнулась на постель — подходящее время, чтобы отправиться в наш мир, надо почитать про бенгальские огни. Надев на палец кольцо, я уснула под успокаивающие охи и вздохи из соседней комнаты.

***

Напряжение нарастало. Иорвет получал отчёты от скоя'таэлей — войска Нильфгаарда перешли Дыфню и двинулись к Вергену. Последние обозы с женщинами и детьми из деревень отправили в ближайшие города долины. В Вергене остались только жители и те, кто мог хоть чем-то помочь. Приезжих перевели внутрь городских стен и разместили в старых шахтах.

Мы с Титом приводили в исполнение план: краснолюдские портнихи шили из тонкой кожи оплётки для бикфордовых шнуров, которые потом смолили, кузнецы отливали корпуса бомб. Первую половину дня я проводила в седле, чтобы с точностью до метра рассчитать места для закладки бомб, время, нужное для подрыва, и длину шнуров.

Скален и Сесиль Бурдоны помогали подготовить Тоннель Основателей к приёму гостей.

Пару раз я заходила в лагерь скоя'таэлей, чтобы проведать Мону, но она уехала. У белок было много дел за городскими стенами. На вергенских площадях с утра и до вечера шли учения. Вчерашние крестьяне уже слаженно отрабатывали удары под резкие команды аэдирнских рыцарей.

С Иорветом я пересекалась только на вечерних советах, и у меня совершенно не было возможности рассказать ему, наконец, про поручение Аэлирэнн. Сейчас это всё равно было не актуально, и я решила отложить разговор на потом.

В народе поползли слухи о тайно прибывшем в город волшебнике, адепте чёрной магии. С помощью скоя'таэльских эльфиек мы соорудили несколько кукол в одинаковых тёмно-синих одеждах с восковыми мрачными безносыми лицами. Одной из кукол, давась от смеха, вместо головы мы вставили череп от шаниного скелета. Воландеморт обрёл плоть.

Вечерами мы с Шани варили эликсиры. Я отыскала шпаргалки с рецептами, и мы растирали, уваривали, взбивали и перегоняли ингредиенты. Днём она пропадала в госпитале, который оборудовала для предстоящей битвы, и лечила раненых аэдирнцев. С местным доктором, низушкой Виго Бамбергом, у медички разгорелась настоящая война. Как-то я застала в госпитале почтенного травника, который тряс от негодования головой.

— Гангрену нельзя остановить примочками из трав, — Шани промывала в спирту инструменты.

— А вам бы всё только отрезать да выкинуть! — плевался Виго.

— Самое эффективное лечение травами, которое я знаю, — Шани звякнула ножовкой, гневно сверкнув глазами на травника, — крапивой по жопе! А теперь, покиньте операционную!

Она повернулась к аэдирнскому рыцарю с разможжённой ступнёй, пальцы которой начали гнить от гангрены. Совершенно белый, как полотно, тот беспомощно переводил

взгляд с Шани на травника. Дверь в операционную захлопнулась. Я прошла мимо к залу советов.

***

Вечером в Вергене зазвонил колокол. Осталось два дня до подхода армии нильфгаардцев. У нас с Титом всё было готово: бомбы зарыты, заложены в шахты; огнепроводные шнуры выведены, строго следуя плану. Про себя я молилась, чтобы не пошёл дождь — обеспечить достаточную герметичность шнурам было невозможно.

Ещё раз навестив эльфийский квартал, я, к своей радости, обнаружила, что Мона вернулась.

— Приходи вечером в таверну, — она обняла меня и потёрла глаза, размазывая пыль на усталом лице.

В таверну мы пришли вместе с Шани и заняли крохотный столик в углу, где я сидела с Мюриэль в прошлый раз.

— У тебя большой запас эликсиров для снятия опьянения? — спросила медичка.

— Хватит на целую армию.

— Отлично, мне они сегодня понадобятся. Эй! — Шани замахала руками трактирщику, — бутылку вина, нет, две! И стейк с кровью!

Тот ухмыльнулся. За столик присела Мона, и я познакомила её с медичкой.

— Как дела за городом? — спросила я.

Эльфийка осунулась, черты лица обострились, а глаза, казалось, стали ещё больше.

— Пока всё по плану. Все наши стянулись в город, только от отряда Гвеннита, который шёл со стороны Дол Блатанна, нет никаких вестей. Иорвет беспокоится.

Краснолюд-трактирщик подтащил на подносе вино, расставил тарелки с мясом. Шани взрезала свой кусок.

— Это кто же так мясо с кровью готовит? — повернулась она к нему. — Тут уже не только крови, тут и сока не осталось — подошва, как есть. Запомни, снимать с огня надо ровно между второй и третьей степенями ожога!

— Работы много, милсдарыня, не уследил. Целый день котлы ворочаю, руки уж не поднимаются. Мне б массаж. Говорят, у лекарей новое слово в лечении, — краснолюд лукаво посмотрел на Шани.

— Массаж сковородкой. Без проблем, записывайся в очередь, — отрезала она.

Мы с Моной покатались со смеху. В таверне стоял возбуждённый гул, посетители пили, как в последний раз. Для многих он и был последним, это понимали все. Волнение и волны страха накатывали на меня, и я тоже забывалась, подливая вино в свой бокал и глядя на Шани с Моной, которые болтали и смеялись так, как будто предстоящая битва ничуть их не пугала.

Один из скоя'таэлей взял в руки лютню и заиграл. Меня разморило, я прислонилась к стенке и поняла, как сильно устала за последние дни.

На другом конце зала я видела Иорвета, который сидел за таким же маленьким столом, как у нас, вдвоём с Саскией. Они разговаривали, глядя друг на друга так, будто мира вокруг не существовало.

— Последняя почта! Последняя почта! — прыщавый паренёк с явно недавно сломавшимся голосом пытался перекричать гул таверны. Открыв пухлую сумку, он доставал конверты и пакеты.

Сегодня Верген окончательно закрыл ворота, связи с большой землёй больше не будет

до конца сражения. Почтарик переходил от одной группы посетителей к другой и вручал посылки и письма. Я вернулась к вину и уже позабыла о нём, когда в мою сторону стали тыкать пальцами, и юный почтальон подошёл к нашему столу.

— Ведьмачке письмо, тут так написано.

Протянув монету, я взяла из его рук конверт. Мона перегнулась через стол.

— От «Э», от кого же это, Яна? — изнывая от любопытства, спросила она. — А, я понимаю...

Мои руки задрожали. Мона засмеялась и переглянулась с Шани. Я поднялась из-за стола, мне срочно нужен был свежий воздух и тишина.

Снаружи было темно, на высоком небе ярко переливались звёзды. Устроившись на лавке у мутной масляной лампы, для начала неверными пальцами я достала из пояса эликсиры — мне хотелось прочитать письмо Эскеля на трезвую голову. Фыркнула от горечи, взяла конверт. Он был запечатан сургучом, аккуратным почерком Эскеля был выведен адрес — Верген.

Я ещё покрутила письмо в руках, не решаясь открыть. Наконец, сломала печать и достала узкий лист бумаги:

Яна, прошло больше месяца с тех пор, как ты уехала. Весемир проводил Геральта до Белого Сада и вернулся в Каэр Морхен. У Ламберта сезонное разлитие желчи, находиться с ним в одном пространстве совершенно невозможно. Пишу тебе в дороге, большаки ждут. Заказов много, как и обычно после зимы.

И знаешь что... Что я ни делаю: убиваю утопцев на болоте, выслеживаю василиска, сижу в таверне или отмокаю в бадье, я думаю о тебе. Особенно в бадье.

Я скучаю по тебе, ведьмачка.

Э.

На глаза навернулись слёзы, я мяла письмо в руках. Дверь в таверну скрипнула, и на пороге появился Иорвет. Оглядевшись, тихо подошёл и присел рядом. Он молчал, я же судорожно пыталась сдержать слёзы. Эльф внимательно посмотрел на меня, перевёл взгляд на письмо, которое я крутила в пальцах.

— Всё в порядке? — тихо спросил он.

Губы мои задрожали.

— Да. Просто... Просто я очень хочу домой, в Каэр Морхен.

Иорвет опять посмотрел на письмо, потом перевёл взгляд на камень мостовой, размышляя о чём-то. Кивнул и, будто придя к какому-то решению, поднялся и снова исчез за дверью таверны.

Я медленно сложила письмо и разрыдалась.

ВЕРГЕН. Глава 30. Волей или неволей стоять

Утром со стороны восточных ворот на горизонте показалась пыльная туча, которая неотвратимо приближалась. В Вергене забил колокол — надрывно и звонко, оповещая о начале битвы. Оставшиеся в городе женщины и дети спешно прощались с семьями и уходили в городскую шахту, переоборудованную в убежище. За ними закрыли дубовые двери, замаскировали, задвинув телегами и палатками торговцев.

К вечеру, как и предполагали, нильфгаардское войско свернуло с восточной дороги в сторону бывшего лагеря Хенсельта.

Мы стояли на стене у западных ворот, Иорвет ждал разведчиков. Тишина расплзлась липким душным облаком, желудок скручивало, в ногах то и дело возникала слабость. Мои спутники совершенно не обнаруживали волнения, спокойно вглядываясь в подсвеченную закатом дорогу. Я дышала, лишь бы не выдать себя. Наконец, появились скоя'таэли, и со стены им скинули верёвочную лестницу. Анару с парой незнакомых мне эльфов подошли.

— Говори, — нетерпеливо обратилась к нему Саския.

— Они встали двумя лагерями. Пять тысяч, как и у Хенсельта, в его бывшем лагере, и остальные четыре, кто не влез, неподалеку, ближе к восточной дороге, — Анару смотрел на Иорвета.

Губы командира скоя'таэлей тронула улыбка.

— Значит, до нас добралось даже меньше, чем мы ожидали, отлично. Что с осадными орудиями?

— Мы насчитали по десятку баллист и требушетов.

— Яна, — Саския повернулась ко мне. — Когда будут первые взрывы?

Я пожала плечами.

— Это зависит от них, они же сами себя взорвут. Анару, в лагере уже зажгли костры?

— Начали, да, — Анару вопросительно посмотрел на меня.

— Значит, где-то через пару часов. Огнепроводные шнуры начинаются в кострищах.

Саския хлопнула меня по плечу.

— Остаётся только ждать. В любом случае они выступят на рассвете. Ярпен! Собирай народ!

***

Аэдирнская Дева, облачённая в сверкающие доспехи, стояла на дощатом кузове повозки, уперев кулаки в крутые бёдра, и осматривала вергенскую площадь, под завязку забитую её войсками. Люди, эльфы, краснолюды теснились на площади, толпились на крутых улочках, откуда было видно их предводительницу, смотрели со стен. По войску, как рябь, ходил невнятный гул, бойцы переглядывались, неуверенность и тяжкие ожидания витали в воздухе.

— Грабители мира, нильфгаардцы, когда им не стало хватать земель для опустошения, пришли к нам, — в тишине зазвенел голос Саскии. — Уже некуда нам деться, волей или неволей надо стоять! Мы окружены, это упрощает проблему!

По войску прошёл смешок. Аэдирнская Дева широко улыбнулась и вскинула голову.

— Они с запада, с юга и с востока. Это значит, что теперь им от нас не уйти! Нет обычая у свободных жителей долины Понтара отступать, на рассвете мы покажем силу наших клинков!

По толпе пробежал одобрительный рёв, трехтысячное войско начало скандировать имя Саскии.

— Всем, кто не на посту, — выспитесь перед боем! Завтра мы или будем победителями или погибнем со славой!

Толпа загудела.

***

Мы с Иорветом вернулись на стену. Я в волнении ходила взад вперёд.

— Завтра держись рядом, — серьёзно сказал он, — нам могут понадобиться наши знаки.

— Только в крайнем случае, — я мотнула головой, — после изнанки я беззащитна.

Он кивнул. Мы ждали Айвора, который должен был доложить о результате взрывов в лагере. Спустилась темень, город накрыла тишина. В висках стучала кровь.

И в этой тишине горизонт озарился всполохами огня, раздался далёкий грохот. Снова и снова прокатывались по небу такие сладкие звуки канонады. Нервы вскипели, хотелось прыгать и хлопать в ладоши, будто мне вручили невероятный неожиданный подарок, — до последнего не верилось, что идея с бомбами не окончится пшиком, и в то же время я понимала, насколько радость моя была близка к истерике.

— Сработало!

— погоди, дождёмся Айвора, — проворчал Иорвет.

Наконец, к стене скользнули чёрные тени, краснолюды-часовые выбросили лестницу. Айвор улыбался.

— В лагере ад, настоящий ад, — радостно сообщил он.

— Очень красиво, — жмурясь, как кот, добавил Роэль.

— Паника, пожар, всюду трупы. С десятков осадных орудий выведено из строя, это точно.

Иорвет кивнул.

— До рассвета несколько часов. Надо отдохнуть.

Я была уверена, что не засну, но провалилась в беспокойный сон мгновенно. Проснулась от того, что меня расталкивала Шани. Бил колокол. Медичка обняла меня на прощание, поднялась на цыпочки и поцеловала в лоб, тихо шепча что-то.

— Ты молишься? — усмехнулась я.

— Медики не молятся, они матерятся.

Рассвет только забрезжил, когда я бегом взобралась по крутым ступенькам на стену. Все уже были там. На высокой арке западных ворот за каменным зубцом спрятался помощник кузнеца Курт Монтас, палками управляющий Воландемортом номер один, который мрачно возвышался рядом. Воландеморт номер два отправился на восточные ворота, где обороной командовал Киаран, а за взрывы отвечал Тит Сорока. Александр с частью рыцарей и ополчения тоже был там.

Скоя'таэли держали наготове луки, краснолюды сжимали топоры. За закрытыми воротами изнутри города приготвили пикенёры с тяжёлыми щитами, конные рыцари и краснолюдский гарнизон.

— Идут! — крикнула Саския.

Далеко впереди выступали тяжёлые конники в чёрных с золотом доспехах, в страшных рогатых шлемах, защищённые мощными щитами. За ними шла пехота. Мы ждали. В отличие от битв, что я видела в кино, в жизни войска передвигались ужасно медленно, так и хотелось

прощёлкать время, поставить на быструю перемутку. Минуты тянулись бесконечно.

— Sáelm*, — Иорвет каким-то образом почувствовал моё состояние и протянул фляжку, — сделай глоток.

*Спокойно.

Я благодарно отхлебнула водки. Дрожь отступила. Чёрная волна нильфгаардцев, сдавленная меж отвесных вергенских стен, приближалась.

Наконец, Иорвет дал знак стрелять. Расстояние было слишком велико для стрел, но манёвр достиг цели — вперёд выступили пешие рыцари, упёрли в землю щиты, заслонив наступающих непроницаемой бронёй.

— Они разделяются и прикрывают отход к шахтам, — проговорил Иорвет. — Ждём.

Первые лучи солнца показались из-за холма, когда мы слышали глухие удары.

— Яна, они ломают двери в шахты, пора, — скомандовала Саския.

Я кивнула, и второй помощник кузнеца, Корриган Борос, исчез в направлении скал над входом в Тоннель Основателей, куда мы вывели шнуры, ведущие в глубь шахт. Про себя я начала отсчитывать секунды: его путь должен занять ровно десять минут, туда и обратно, мы тренировали это несколько раз.

В авангарде нильфгаардцев опять произошло перестроение, затрубил рог, щитовые рыцари и конники медленно двинулись вперёд, прикрывая выдвижение требушетов.

Я уже досчитала до шестисот семидесяти. Где же Корриган, неужели он не смог добраться до запалов? Но в этот момент краснолюд показался на стене, показывая, что всё в порядке.

Войско шаг за шагом продвигалось к воротам. Иорвет дал команду выпустить стрелы с горящими наконечниками. Я следила за приближением требушетов. Ещё не пора. Рядом со мной стояла Мона, держа наготове лук.

— Курт, зажигай! — наконец, крикнула я.

Руки Воландеморта зашевелились, голова под низко надвинутым капюшоном заходила ходуном, и из длинных рукавов вырвались снопы искр.

Иорвет поднял руку, и второй залп горящих стрел полетел в сторону нильфгаардцев, скрывая стрелу Моны, которая вонзилась в неприметный серый мешочек у подножия стены и подожгла его. Чёрные, не останавливаясь, продвигались вперёд, уже полностью зайдя на заминированную часть дороги. В сторону нашего чародея посыпались арбалетные болты, не причинив ему, конечно же, никакого вреда.

Три, два, один. Дорога взорвалась, одна бомба за другой превращали в кровавое месиво людей, лошадей и обломки осадных орудий. Плотный дым окутал сжатый между вергенскими стенами путь к воротам. Ряды нильфгаардцев дрогнули, опять раздался звук рога, и из клубов дыма вперёд вышли чародеи. Вокруг них разливалось сияние, растягиваясь над наступающими в прозрачный щит.

Воландеморт вскинул руки. Земля под ногами содрогнулась — начались взрывы в шахтах.

Один из чародеев сложил руки над головой, и в Воландеморта полетел огненный шар. С арки до меня донеслась краснолюдская брань, Курт выпутывался из-под горящих тряпок.

Не обращая внимания на крики своих раненых, в дыму нильфгаардцы по трупам продвигались вперёд. В моём выступлении осталась последняя нота.

— Пора! — крикнула я Иорвету.

Он махнул рукой, огненный дождь посыпался снова, и Мона зажгла последний шнур.

Двимеритовые бомбы, которые мы закопали на последнем участке дороги у ворот, разорвались. Магический щит лопнул, как мыльный пузырь, из четверых чародеев выжил один. Над аркой ворот, как чёрт из табакерки, появился восставший Воландеморт с черепом вместо лица, вздымая руки со струями сыпящихся бенгальских искр.

Последнего нильфгаардского чародея догнала стрела. Затрубили рога, и бегущих в страхе нильфгаардцев встретило и развернуло подкрепление. С лестницами наперевес враги ринулись к воротам.

— Наконец-то предварительные ласки закончились! — одобрительно воскликнул Ярпен Зигрин и хлопнул меня, целясь по спине, но попал в силу ли роста или же для поднятия боевого духа по заднице. Крикнул краснолюдям: — Давай!

Закрутились лебёдки, открывающие люки в отсеках с кипящей смолой. Первая волна наступающих захлебнулась, но поверх уже лезла новая. На стенах началась рукопашная, краснолюды Ярпена с остервенением рубили нескончаемых, как муравьи, нильфов. Скоя'таэли методично расстреливали лестницы, облепленные, как гроздьями, карабкающимися чёрными мундирами, и старались не подпустить стрелков к оставшейся баллисте.

Саския носилась по стенам, крича команды и рубя врагов. Я отталкивала лестницы Аардом, жгла огнём и прикрывала выпускающих одну за другой стрелы Йорвета и Мону. Адреналиновый приход сокрушил бесполезную в бою тревогу, фокус внимания сузился, я видела перед собой только чёрные шлемы, и животное внутри меня жаждало защитить своих и жаждало крови. Если бы не знаки, я тысячу раз была бы уже мертва. Я видела, как падали вокруг сражённые краснолюды, я видела, как горящий смоляной шар, выпущенный из баллисты, ударил в грудь юного скоя'таэля, прикрывшего товарищей, и моментально превратил его в пылающий расплавленный кусок плоти. Кровь и боль, надрывные крики подстёгивали ярость, заставляли раз за разом вставать, не сдаваться, плечом к плечу биться дальше.

Натиск на стенах был остановлен, ступени заливала кровь, трупы врагов скидывали вниз.

Вдали показалась последняя дивизия. Впереди на вороном коне в богатых доспехах выступал мощный лысый мужик.

— Ренуальд аэп Матсен, собственной персоной! — громко произнесла, тяжело дыша, Саския, утёрла залитое кровью лицо и стремительно сбежала по ступенькам к рыцарям.

Бывший командор «Имперы» не спеша надел чёрный шлем с золотыми крыльями, встал на стремях и вытянул вперёд руку. Дивизия пошла в наступление.

— Кому принадлежит Долина Понтара? — раздался внизу высокий голос Саскии.

— Нам! — подхватили голоса.

— Кому принадлежат наши жизни? — ещё громче крикнула она.

— Нам!

— Докажите!

Взревел хор голосов, гигантские ворота Вергена медленно отворились, и навстречу нильфгаардцам ринулись рыцари с людьми и краснолюды.

Внизу завязался бой. Саския в открытом шлеме, из-под которого развевались светлые волосы, сидя на коне, прорубала дорогу к командору. В месиве внизу мелькали окровавленные мечи и топоры, надрывные крики прорезали воздух. Тех, кто падал, жив ли мёртв, топтали копыта лошадей, противники рубили друг друга, оступаясь на скользких от

крови доспехах под ногами. Не понимая, следует ли мне спуститься, ведь отсюда я ничем не могла помочь, я исступлённо металась по краю стены. Занесла уже было ногу над лестницей вниз, когда меня за шиворот приподняло и отшвырнуло обратно. Иорвет отпустил мою куртку, обложил трехэтажной эльфийской бранью и снова поднял лук. Саския и Ренуальд аэп Матсен сошлись в схватке. Не отпуская натянутого лука, эльф пристально следил за ними. Кони сближались и расходились, противники взмахивали мечами. Видно было, что командор превосходно владел оружием, и хотя Саския пока не уступала ему, инициатива была на его стороне.

Войска Вергена меж тем с переменным успехом теснили нильфгаардцев. Белки точными выстрелами прореживали ряды врагов, но ни в одну, ни в другую сторону перевес не наступал. Мы слышали крики, лязг и звон мечей и топоров и глухие удары сталкивающихся щитов. Казалось, что схватка предводителей должна была предречь исход битвы.

Саския пошла в атаку, нильфгаардец парировал и, сделав обманный маневр, замахнулся мечом, и в тот же миг в бабку его вороного коня воткнулась стрела. Иорвет опустил лук. Конь споткнулся, и Аэдирнская Дева, воспользовавшись заминкой, с двух рук нанесла страшный удар мечом, от которого командор покачнулся и соскользнул на землю. Не медля ни мига, Саския спрыгнула с коня и вогнала тонкий стилет в глазную щель в крылатом шлеме.

Краснолюды взревели и с удвоенными силами бросились в атаку. За ними, возбуждённо крича, побежали люди. Конные рыцари пиками кололи оставшихся нильфгаардцев. Исход схватки был предрешён. И когда торжествующий вопль накрыл поле брани, вдалеке на подходе к воротам неожиданно показалась конная армия.

***

— Отходим! — крикнула Саския, затрубили вергенские рожки, и ещё недавние победители, подбирая и таща раненых, спешно отступали обратно внутрь городских стен.

Последние из оставшихся в живых нильфгаардцев убегали к невесть откуда взяшемуся подкреплению. Лебёдки заработали, ворота Вергена закрылись.

В отчаянии я стояла среди скоя'таэлей. До сих пор наш план работал безупречно, и вдруг в один миг всё пошло прахом. Остановившимся взглядом Иорвет следил за приближающимися врагами. Лицо его стало белым, как вергенский мрамор.

Впереди шли конные рыцари, держащие в руках пики. Прищурив глаза, я вглядывалась в них, и когда поняла, что вижу, кровь отхлынула от лица, а голова закружилась. Мона рядом ахнула:

— Гвеннит!

На каждой пике были насажены головы эльфов из невернувшегося отряда скоя'таэлей.

Конники остановились на безопасном от стрел расстоянии, и вперёд не спеша выехал один из них. В отличие от остальных рыцарей, он не был одет в чёрные с золотом нильфгаардские доспехи. Его защищала длинная кольчуга, поверх которой ярко сияли щитки. Светлые волосы, не закрытые шлемом, спадали на плечи. Это был эльф.

Голубое свечение поднялось над головой всадника и расправилось в магический щит, сферой окутавший эльфийского волшебника и его коня. Шагом он приближался к воротам Вергена. Остановился, глядя на стену.

— Фиахтна аэп Финварр! — с ненавистью прошептал Иорвет. — Чародей и правая рука Францески Финдабаир.

Светловолосый эльф спрыгнул с коня, поднял к нам голову. Повисла мертвенная тишина, прерываемая лишь стоном раненых.

— Напрасные жертвы в битве, исход которой предрешён! — громко, растягивая гласные, начал он. — Вы истощены, хоть и прячетесь за стенами. Но за мной — великолепная соединенная дивизия Нильфгаарда и Дол Блатанна.

— Скажи это Ренуальду аэп Матсену, предатель! — Иорвет подошёл к краю стены, рука скользнула на рукоятку меча.

— Кого я вижу? Блудный сын, Iorveth aep Glynmaer, потомок Фелеаорнов с Белых Кораблей среди людского отребья!

— Ни я, ни мои эльфы не ложились под dh'oine, как шлюхи, как это сделал ты, Фиахтна, вместе со своей королевой! И мы не убивали своих! — Иорвет вытянул руку в направлении пик.

Кулаки эльфийского чародея сжались, между пальцев промелькнуло сияние.

— Выйди ко мне, Иорвет, мы решим исход битвы здесь и сейчас. Победитель получает всё! Если ты победишь, мы уйдём!

— Он врёт! — воскликнула я.

Иорвет поглядел на Саскию, которая внизу за воротами строила войска, готовясь к очередной схватке.

— Так мы избежим множества бессмысленных жертв. Только ты и я! — улыбаясь, Фиахтна нарочито медленно вытянул из ножен меч.

— Сбросить лестницу, — глухо скомандовал Иорвет. — И не стрелять!

Всё моё существо кричало: «Нет!», когда он подошёл к краю, но я знала, что остановить Иорвета невозможно. Как знала и то, что в бою с чародеем у него нет ни единого шанса. Иорвет бросил долгий взгляд на мёртвые головы товарищей из отряда и соскользнул вниз.

Фиахтна аэп Финварр повёл рукой, и магический щит расширился. Окружённые горами трупов, эльфы стояли в нём друг напротив друга, недоступные для наших и вражеских стрел. Время будто остановилось, скоя'таэли и краснолюды подались к краю стен. Иорвет прокрутил в руке меч и начал медленно обходить чародея. Вытянув перед собой оружие, тот с лёгкой улыбкой следил за ним.

Тишину взрезал звон скрестившихся мечей. Противники не спешили, изучая друг друга. Фиахтна увернулся и атаковал со стороны отсутствующего глаза Иорвета, возможно рассчитывая на ограниченный обзор справа, но тот умело отражал удары и, сделав ответный выпад, перешёл в контратаку. Понадеявшись на отточенную фехтовальную технику, чародей не принял во внимание звериную силу и ловкость, вкупе с мастерством владения мечом, приобретённые Иорветом годами непрерывных боёв.

Потеряв инициативу, Фиахтна пытался к стене. Меч Иорвета снизу вверх резанул по бедру и прочертил на щеке чародея алую полосу. Лицо Фиахтны перекошилось от ярости, он увернулся, сделал блок и выпустил левой рукой в грудь противника светящийся шар. Иорвет отлетел в сторону, но мгновенно вскочил на ноги.

Белки на стене возмущённо зароптали — чародей понял, что в честном бою ему не осилить скоя'таэля, и стал использовать магию. Я сжимала и разжимала кулаки и, чтобы унять дрожь, сунула руки в карманы. Пальцы наткнулись на зеркальце Францески. В груди бухнуло сердце.

Я достала зеркальце. Внизу Фиахтна, как кот с мышью, играл с Иорветом, отбрасывая его шарами. Лезвие меча порхало у груди скоя'таэля, который блокировал выпады и

уворачивался, но больше не мог приблизиться к чародею на расстояние удара.

Солнце светило мне в лицо. Иорвет атаковал и вынудил чародея развернуться, но получил очередной удар магическим шаром в живот, согнулся и упал. Фиактна шагнул вперёд и занёс меч. Я поймала зеркальцем Франчески солнечный зайчик и направила его вниз. Луч слегка преломился о магическую сферу и ударил чародею в лицо. Ослеплённый, тот на секунду замешкался, а Иорвет прыжком вскочил на обе ноги и размахнулся. Голова Фиактна аэп Финварра, подпрыгивая, покатила по залитой кровью дороге. Иорвет мутным взором посмотрел на стену в нашу сторону и повалился ничком рядом с обезглавленным телом.

Белки и краснолюды на стенах взревели. Саския повела войска в атаку. Ворота открылись, и лавиной на нильфгаардцев и долблатаннцев ринулись защитники города. Враги дрогнули, но приняли бой.

Мы с Моной соскользнули по верёвочной лестнице и бросились к Иорвету. Подхватили его под руки и потащили вдоль стены в город. Мимо нас проскакал Александр, приведший подкрепление от восточных ворот.

Втащив Иорвета внутрь стен, мы подняли его, забросили руки себе на плечи и, пригнувшись под его тяжестью, побежали в сторону госпиталя.

***

Нильфгаардцы и соединенная дивизия из Дол Блатанна были разбиты. Краснолюды сковывали пленных, выжившие искали раненых среди трупов. Госпиталь был переполнен, ранеными заполняли все комнаты Замка Трёх Отцов.

Подошедший Киаран, утирая пот, пыль и чужую кровь с лица, рассказал о ходе битвы у восточных ворот. Там наш сценарий со взрывами отыграли безупречно.

Аэдирнская Дева подошла к краю стены, вскинула окровавленный меч:

— Всё позади! Мы победили! Мы победили саму смерть! Помянем тех, кто пал.

Она опустила голову. Спутанные, в саже и в запёкшейся крови волосы упали на лицо. На площади, снимая шлемы и шапки, склонили головы остатки её войска. Скоя'таэли негромко повторяли имена, будто звали, товарищей из отряда Гвеннита и тех, кто пал на стенах.

— Мы будем помнить их всегда! Но впереди у нас — жизнь! За работу!

***

До сумерек мы таскали раненых в госпиталь, разыскивали живых среди павших. Шани с травником забыли о вражде и принимали пациентов.

Городскую шахту открыли, и на помощь в госпиталь пришли женщины. Крики радости перемежались плачем утраты.

Я, не разгибаясь, помогала перевязывать, обрабатывать раны мазями и эликсирами, таскала чаны с замоченными в спирте холщовыми салфетками. Я высматривала Иорвета, но не могла найти его среди раненых.

Уже глубокой ночью мы вместе с молодой, ещё безбородой коренастой краснолюдкой на носилках тащили из операционной увесистого, с рябым широким лицом мужика, которому Шани извлекла из кишок обломок арбалетной стрелы. Бывший крестьянин в бреду хватал краснолюдку за руку, звал Доротой, просил прощения и обещал, что такого больше не повторится. Краснолюдка кокетливо хихикала и сбрасывала шарящие по ней руки.

Из одной из комнат коридора вышел Киаран и тихо прикрыл за собой дверь.

— Он пришёл в себя, — шепнул он мне и мягко улыбнулся, проходя мимо.

Мы с краснолюдкой притащили раненого в зал, превращённый в больничную палату, и

передали в руки бледного, с кругами под глазами Виго Бамберга. Низушек кинулся к пациенту с чашкой мутного отвара.

Я незаметно выскользнула из зала и вернулась к двери, из которой вышел Киаран. В маленькой комнате на постели в каменной нише лежал Иорвет, над ним склонилась Шани. Рёбра эльфа были перебинтованы, из-под повязки тянулась тонкая изогнутая трубка, уходящая в бутылку с водой. Из конца трубки в воду поднимались редкие пузырьки.

— Жить будет, — успокаивающе сказала медичка. — Внутренние органы отбиты знатно, и правостороннее collapse de pulmone.

— Что-что?

— Правое лёгкое схлопнулось, — пояснила она и махнула рукой на трубку. — Будем теперь обратно его надувать. Придется полежать с неделю.

Губы Иорвета шевельнулись. Шани поднялась, устало потрепала меня по руке и вышла. Я присела на край постели эльфа, не зная, что говорить или делать.

Иорвет был без повязки, тёмные волосы разметались, падая на лоб, на пустую глазницу и обезображенную правую часть лица. И всё равно он был самым красивым мужчиной из всех, кого я знала. Здоровый глаз с густыми ресницами был закрыт, черты лица заострились, щеки впали, ещё более подчёркивая тонкий, с горбинкой нос и острые скулы. Я нерешительно подтянула край одеяла, прикрыв обнажённую грудь эльфа.

Веки его дрогнули, по лицу разлилась бледность, на лбу выступили капельки пота.

— Bloede arse, — прошептал он. — Вот срань, лучше бы сдохнуть там, чем это.

Он неловко потянулся левой рукой к повязке на груди.

— Очень больно? — тихо спросила я.

Он не ответил. Закусив губу, тихо задышал. Боль отступила, тело его расслабилось. Иорвет приоткрыл глаз, требовательно и с каким-то отчаянием впился взглядом мне в лицо.

— Скажи, зачем ты спасла меня?

Мне очень хотелось взять его за руку, и я сцепила пальцы рук на коленях.

— Потому что ты мой друг.

Иорвет глубоко вздохнул, глаз опять закрылся, дыхание выровнялось. Он спал. Я сидела рядом, пока моя голова не начала падать на грудь, потом встала и аккуратно прикрыла за собой дверь. На улице начал сереть рассвет.

Пламя факелов и подвесных жаровен, заправленных свежим маслом, ярко освещало шахту. Тяжёлый смрад разложения, доносившийся из взорванных пещер, смешивался с затхлым стоячим воздухом древних подземелий. Краснолюды, сопровождавшие меня, были в приподнятом настроении.

— Мечей у нас теперь — на три армии, и каких! Чёрные на стали не экономят.

— Лучше бы уж с топорами пришли, — пробурчал Ярпен Зигрин.

— Переплавим, — Дагг Борос махнул рукой, — и доспехи туда же. Я давеча в один влез да застрял.

— Жопу, никак, отрастил? Или сиськи?

— От сисек я б не отказался, так бы и мял себя весь день. Да отрастишь тут, — Дагг вздохнул и любовно погладил широкую грудь. — А кольчужки у них хорошие, подкоротить бы только.

Я улыбнулась, глядя, как важно краснолюд ступает в кольчуге, которая, словно платье, доходила ему до щиколоток.

Прошла неделя со дня битвы. Нильфгаардцев схоронили в кургане далеко за городом, а павших защитников с почестями в старых краснолюдских катакомбах под Вергеном. Почти треть ополчения полегла в бою.

О том, что делать с пленными, у Саскии с Ярпеном Зигрином разгорелся жаркий спор, в котором Аэдирнская Дева под молчаливое одобрение остальных взяла верх.

— Мы не убиваем пленных, — рубанула она. — Они искупят долг работами в разорённых деревнях, и потом мы доведём их до границы. Выкуп за них всё равно не дадут. А за попытку побега — смерть.

Волю Саскии донесли до оставшихся в живых нильфгаарцев, и те безропотно приняли её. Пленных погнали на юг от Вергена той же дорогой, которой они наступали, чтобы довести до берегов Дыфни.

Только на четвёртый день дошли руки до разбора взорванных шахт в Тоннеле Основателей. Ярпен предлагал так их и бросить, но Сесиль Бурдон недовольно качал головой.

— Нечего нам под собою могильник держать, нечисть приманивать. Надо вернуть всё, как было. Да и пользу с них поимеем.

Последний аргумент стал для Ярпена решающим. Богатые доспехи и превосходное оружие нильфгаардцев истощённому подготовкой к войне Вергену были весьма кстати, как и отыскавшиеся во взорванном на берегу Понтара лагере сундуки с армейской кассой и коллекция драгоценностей и орденов, которые, по всей видимости, предназначались для награждения особо отличившихся при взятии Вергена.

С трупов снимали всё, что представляло ценность. Краснолюды удивлялись, срезая помародёрски пухлые кошельки с аэдирнскими дукатами и кидая их в мешки для городской казны.

— Как будто в бордель собирались, а не на войну.

Глядя на это, я поражалась своему равнодушию. Отвратительная оборотная сторона войны не трогала меня, слишком свежи ещё были воспоминания битвы, льющейся крови, баков с ампутированными конечностями в госпитале и вергенцев, умирающих на руках

близких.

За два дня в шахтах разобрали завалы от взрывов, вытащили трупы и немногочисленных раненых, вызволив их из-под обломков породы. Из госпиталя, в котором теперь было достаточно помощников, меня отрядили на помощь краснолюдям. Тошнотворный запах разлагающихся тел привлекал трупоедов из старых тоннелей.

— Маловато убитых и раненых, куда остальные-то делись? — озадаченно ворчал Ярпен.

Мы уже обследовали и зачистили от гнильцов и накеров тупиковые коридоры вокруг взорванной части подземелья, оставался только тоннель, ведущий далеко в глубь заброшенных махакамских шахт. В медитации я чувствовала оттуда лёгкие, как дуновение ветра, прикосновения импульса. Один из раненых, подбодрённый Аксием, подтвердил — все, кто мог ходить, ушли туда искать выход.

— Кто ж это выход на поверхность внизу ищет? — удивлялись мои спутники.

— Да небось хотели напрямик к батьке Эмгыру в Нильфгаарде вылезти.

Так мы с двадцатью бойцами отряда Ярпена оказались в старых тоннелях. Я постоянно концентрировалась — трупоедов здесь уже не было, однако импульс не исчезал. Чем дальше мы уходили, тем тяжелей и неподвижней становился воздух. Тут и там встречались то разъеденное ржавчиной кайло, то брошенный в полуразвалившейся тачке лом. Иногда шахта выводила в пещеры, и с потолка срывались и хаотически мелькали в отблесках факелов летучие мыши.

— Далече забрались, черти, — недовольно сплюнул Ярпен.

— А что мы будем делать, когда их найдём? — задала я мучающий меня вопрос. — Их могло уйти несколько сотен, а нас только два десятка.

— Они уже шесть дней без воды и еды, что они нам сделают? — ясными глазами посмотрел на меня Ярпен. — А потом, как найдём, так и решим. Может, и решать уже ничего и не придётся, — добавил он.

С сомнением я кивнула в ответ на его краснолюдскую мудрость. Тоннель опять расширился, проходя сквозь длинную изогнутую пещеру.

— Странно, тут совсем тихо, — пробормотала я.

Не было ни привычного уже шелеста крыльев летучих мышей, ни лёгкого шебуршания крыс в ветоши. Слышались только поступь и сопение краснолюдов, да потрескивание факелов.

Утилитарные, подпёртые иссохшими чёрными балками шгольни сменились каменными галереями с высеченным геометрическим орнаментом и знакомыми по Вергену узорами из бородатых лиц.

— Уже до гномских подземелий дошли, а они тогда под землёй и жили, — пояснил Ярпен.

Вбок отходили узкие проходы и лестницы, на которых и вдвоём не разойдёшься. При взгляде на них меня опять начали скручивать приступы клаустрофобии, но, к счастью, зов вёл прямо по основному коридору. Тот окончился в подземном зале с колоннами, между которыми располагались низкие каменные столы и лавки. Краснолюды долили масла в подвесные светильники, и из темноты выхватило дальнюю часть зала, где кладка стены обвалилась, открыв взгляду чёрный, заложенный ранее проём. Из этого проёма торчала человеческая рука.

Краснолюды опасно заглянули в дыру, вытянув вперёд факелы, и, кряхтя, затащили тело нильфгаардца в зал.

Я присела рядом на корточки. Иссушенная кожа плотно облегла лицо покойника, делая его похожим на мумию, пергаментные губы растянулись в оскале. Я удивлённо переглянулась с Ярпеном, сконцентрировалась, и неожиданно ранее успокаивающая темнота ударила плотной неизбывной волной ужаса. Она вся состояла из страха и ещё чего-то чужого, что я не могла осознать своими органами чувств. Пальцы потянулись к шее мёртвого нильфгаардца. Я открыла глаза — на сморщенной коже чётко выделялись два чёрных пятнышка.

— Вампир, — едва слышно прошептала я.

Краснолюды схватили топоры и факелы и дружно полезли в провал. Я вцепилась Ярпену в руку.

— Нужно уходить. Я чувствую, что нужно уходить.

— Брось, ведьмачка, нас вампиром не напугаешь! — и он, переступив через тело, скрылся за обрушенной стеной.

Полная худших ожиданий, я двинулась за ним. Краснолюды уже осветили и рассматривали потайной зал, куда нас вывела дыра в фальшивой стене. Три пары гигантских каменных голов бородатых гномов смотрели друг на друга с противоположных сторон зала, и в прыгающем огне факелов чудилось, что лица ожили. В отличие от обычных махакамских узоров со старцами, эти барельефы были выполнены с величайшим вниманием к деталям — лица гномов были разными и бороды по-разному уложены. Одинаковыми остались только длинные и широкие, как картофелины, носы.

— Шесть родоначальников гномских родов, — благоговейно произнёс Ярпен.

Я прошла вперёд — меня притягивала открытая дверь в конце зала, за которой сквозь темноту пробивалось синеватое свечение. Краснолюды подошли ближе и столпились за спиной. Монолитный камень, ранее закрывавший дверной проём, был поднят наверх, и над ним на балке виднелся полустёршийся охряный рисунок ладони с каплей крови посередине.

— Боже мой, — прошептала я, беспомощно глядя, как краснолюды один за другим исчезают в двери.

Иррациональный ужас, который я почувствовала, осматривая труп, теперь ощущался и наяву, но, по всей видимости, мои спутники были к нему невосприимчивы. Они с детским восторгом оглядывали гигантскую диковинную пещеру, куда мы попали. На полу, на стенах и причудливо выступающих скальных наростах группами росли тонконогие грибы с хрупкими шляпками, испускающие мягкое голубое флуоресцентное свечение. От шляпок, мерцающая искорками, курился полупрозрачный шлейф из спор. Мы шли вперёд по извилистой щели между камнями.

Обводя взглядом пещеру, я пыталась понять не отпускающее чувство неправильности, когда пальцем в бок меня ткнул Ярпен и вытянул руку — прямоугольный вход, через который мы вошли, легко различимый в полутёмной пещере из-за лившегося из-за него красного света факелов, находился на потолке. Голубой шлейф из спор неподалеку от входа был направлен вниз, тогда как от грибов вокруг нас он, извиваясь, уходил наверх. Голова закружилась от дезориентации, и тут краснолюды, чертыхаясь, стали наперебой махать руками в разные стороны.

Приглядевшись, правее я увидела слабо поблёскивающие в грибной подсветке нильфгаардские доспехи. Груда тел была пришпилена загадочной местной гравитацией к стене. В телах угадывалось слабое движение, создавая жуткое впечатление кучи медлительных шевелящихся жуков. Другая такая куча возвышалась невдалеке перед нами,

ещё несколько виднелись в разных частях потолка. Я схватила Ярпена за руку и прошипела:
— Уходим немедленно.

Остановившись взглядом он смотрел на нечто в дальнем верхнем углу пещеры. Повернувшись, я обнаружила, что тело моё одеревенело. Взгляд поймал далёкую полуобнажённую фигуру, висевшую по диагонали к нам под неестественным углом, скрещенные руки которой покойно лежали на груди. Я моргнула, не в силах пошевелить ни одной частью тела. Фигура исчезла.

— Я с-с-с-сыт, — прошелестело у моего уха, и перед лицом появился Скрытый.

Волна ужаса перешла в бушующий шторм. Я едва сдерживала себя — мне казалось, что ещё чуть-чуть, и, несмотря на окаменевшее тело, я стану трястись и скулить от страха. Верховный вампир был худ и жилист, по белой коже, поднимаясь по шее и уходя на кожу лысого черепа, вился геометрический орнамент из точек. На меня смотрели неестественные, залитые чёрным глаза, на которых светилась белая радужка. Он провёл перед глазами ладонью, оканчивающейся длинными, как стилеты, когтями. Я опять моргнула, а Скрытый уже стоял около неподвижного Ярпена, следившего за ним круглыми от ужаса глазами.

— Я с-с-с-сыт, но не могу ус-с-с-с-нуть.

Скрытый опять стоял передо мной. Его полупрозрачная кожа слабо светилась. Казалось, под нею переливаются и перетекают жизненные соки, отнятые у нильфгаардцев, а тонкие губы нежно пылали, как у зацелованной старшеклассницы.

— Одна-а-а-а ноч-ч-ч-ч-чь... одна-а-а-а, — выдохнул он, подцепил когтем мой медальон, отщёлкнул его, и медальон, перекутившись, упал мне за спину. — Напи-и-и-иток. Принесёш-ш-ш-шь гномий напиток в чаш-ш-ш-ше из слёз-з-з-з. Инач-ч-ч-че...

Скрытый исчез, и я опять увидела его висящим в углу.

— Я при-и-и-из-з-зову-у-у-у...

Ноги задрожали, и я мешком чуть не осела на землю. К телу вернулась подвижность, и, яростными жестами подгоняя краснолюдов и сопротивляясь всепоглощающему ужасу, я отступила на тропу между камней, стараясь не смотреть на висящий в потолке выход, чтобы окончательно не запутаться в этой гравитационной аномалии. Шаг за шагом, глядя на камни под ногами, мы выбрались из пещеры, вывалились из обрушенного прохода и пулей понеслись по коридорам обратно. Тоннели наполнил топот, хриплые ругательства и бряцание топоров и доспехов.

Остановились мы, только когда выбежали из гномьих подземелий в старые шахты.

— Я, кажись, обделался, — жалобно прохрипел Дагг Борос, всё ещё приподнимая после бега подол кольчуги. — Что, сука, мать его, за страхоёбину мы видели?

— Ведьмачка! — зарычал Ярпен. — Чо делать-то? Стеночку, откуда мумия нильфгаардская выползла, заложить?

— Поздно, Ярпен, поздно, — я согнулась, опёрлась руками на колени, чтобы отдышаться, и помотала головой, отгоняя видение шевелящихся груд тел, — он проснулся. Возвращаемся, надо подумать.

***

— Яна, — кулаки Саскии сжались, — от имени всего Вергена прошу тебя принять этот заказ. Мы только выдохнули после боя...

Вчетвером мы сидели в квартире Сесилия Бурдона за плотно закрытыми дверьми, будто заговорщики. На каменном столе горела единственная свеча. Я испытующе посмотрела в бархатные чёрные глаза Саскии.

— Куда я денусь-то? Тем более, что Скрытый так или иначе проснулся по моей вине.

— Не говори ерунды, — пробурчал Сесиль Бурдон. — Во взорванных шахтах сгинула треть чёрных, не то бы они пошли поверху и наши потери были бы совсем не такими. А вот мне нужно было знать, что за напасть скрывается в старых подземельях.

— Эх, ведьмачка же нас останавливала, говорила не лезть в пуку, — вздохнул Ярпен.

— Поиск виноватого не приблизит к решению проблемы, — недовольно оборвала его Саския. — Ярпен, ты рассказал, теперь, Яна, поясни, что это всё значит.

Я шумно вздохнула. Мои познания о Скрытых, немногочисленных высших вампирах, базировались исключительно на игре в Ведьмака. Ни в одной книге в Каэр Морхене, описывающей вампиров, о них не было сказано ни слова. Я напрягла память.

— Вампиры прибыли сюда после Сопряжения Сфер и расселились по континенту. Но некоторые особые вампиры, высшие среди высших, ждут, когда врата в их мир опять откроются. Нам был известен только один Скрытый, живущий недалеко от Боклера в Туссенте. В пещере, где врата между мирами особенно тонки, он ждёт. Столетиями.

— Так, может, и наш пусть себе ждёт? — с надеждой спросил Ярпен.

— Мы ему помешали, и он проснулся. Сесиль, дай глянуть ещё раз.

Староста пододвинул мне лист, где мы с Ярпеном по памяти записали каждое слово Скрытого:

— Он сказал, что иначе позовёт кого-то.

Я кивнула.

— Призовёт, да. Скрытые обладают полной властью над всеми остальными вампирами, даже высшими. Завтра он прикажет им явиться.

Саския обречённо качнула головой.

— Только табора вампиров нам тут не хватало для веселья, — пробурчал Ярпен.

— Надо понять, что это за гномий напиток в чаше из слёз, — я посмотрела на мрачного старосту. — Сесиль, что это может значить, что за напиток?

— Да гномы спирт хлещут получше нашего, — влез Ярпен.

— Тут что-то другое, — Сесиль Бурдон задумчиво погладил бороду. — Надо искать в архивах.

Саския поднялась.

— Яна, если что-то понадобится, приходи.

Ярпен Зигрин тоже поднялся и зевнул.

— Я по мозгорастеканию не мастак. Вернее, мастак, но не в том смысле. Пойду лучше посеребрённые мечи добывать, надо готовиться к встрече гостей.

Мы остались вдвоём. Сесиль Бурдон опять тяжело вздохнул и загремел связкой ключей на поясе.

— Пойдём, Яна, похоже, растекать мозгами придётся нам.

Мы вышли на улицу, и я удивилась яркому солнечному дню. После темноты и тишины дома старосты казалось, что вокруг должна была уже настать глухая ночь.

В Замке Трёх Отцов Сесиль повёл меня вниз по крутой винтовой лестнице мимо трёх постов суровых тяжелооружённых краснолюдов.

— Мы казну в архиве устроили, что зря месту пропадать.

Он достал связку ключей и загремел замком решётки. Неправильной формы подземелье — бывшая природная пещера — было уставлено книжными шкапами, уходящими во тьму. Вдоль стен располагались старинные орудия шахтёров, части скелетов животных, висели

потемневшие гобелены и щиты, а на низких столах громоздились древние посудные сервизы из почерневшего серебра. Похоже, что здесь был не только архив, но и местный краеведческий музей. От входа простирался ковёр, придавленный массивным деревянным столом, кругом были расставлены сундуки и шкафчики, хранившие городскую казну.

Сесиль зажёл масляные лампы и, продолжая вздыхать, полез в один из сундуков.

— Вот, кстати, жалованье твоё. За бомбы. За вампира отдельно будет.

Я выпучила глаза на увесистый кошель, который протягивал краснолюд.

— Даже не знала, что мне полагается жалование.

— А то как же, согласно штатному расписанию, — он мотнул головой на распухший грессбух. — Советник первого ранга, консультант. Выше только командиры. За квартиру вычтено уже.

Без лишнего кокетства я взяла и запрятала кошель в карман. Деньги пришлись весьма кстати, пояс с запасом монет из Каэр Морхена уже изрядно похудел.

— С этим заказом у меня есть шанс умереть богатой ведьмачкой, — усмехнулась я. — Войду в историю.

Сесиль уже шёл по направлению к библиотеке.

— В этом архиве храним всё, что старше трёх сотен лет. Вот предания боболаков. Но их языка я не знаю.

Он обогнул шкаф с тонкими ветхими тетрадями в кожаных переплётах.

— А вот гномий архив. Только как искать-то? Тут от начала времён записи.

Я прошла в глубь стеллажей. У дальней стены полки прогибались под наваленными друг на друга плоскими камнями с засечками. Потом шли уложенные в рулоны свитки из тонкой кожи.

— А про шесть родоначальников гномьих родов где?

Сесиль нагнулся и принялся водить носом вдоль полок, потом подтащил деревянный табурет.

— Вот эта полка — все кланы, родословные, история семей.

Я мрачно посмотрела на ряд толстых книг.

— В том зале, откуда к Скрытому ведёт дверь, высечены лица шести родоначальников. Значит, гномы сталкивались с ним уже при их жизни или после. То есть, то, что нам надо — где-то тут. Они должны были описать встречу с вампиром.

Мы опустошили полку и выволокли книги на стол у входа. Сесиль начал медленно переворачивать страницы, шевеля губами и переводя гномские закорючки. Я листала, ища картинки. Большая часть книг была без них, но в некоторых летописец оставлял собственные рисунки на полях. В основном скучающая фантазия вела его по пути непристойностей — то гурьба миниатюрных гномих летела на гигантском фаллосе, то гном распахивал полы мантии, демонстрируя товарищу своё достоинство. Всё это было весело, но от огромной кипы непросмотренных книг тревожность только нарастала. Часы шли.

Я уже не задерживалась на похабных рисунках и листала и листала страницы сухими пальцами. И вдруг сердце стукнуло. Я вернулась на несколько страниц назад. И правда, на автомате я пропустила самое главное — нарисованную в углу ладонь с каплей крови посередине.

— Сесиль, вот здесь читай! — воскликнула я.

Староста неторопливо отложил свою книгу и потёр глаза.

— Так. «Мы обещали...», м-м, «шесть исполинов охранять вход...». Я не очень хорошо

знаю древний гномий, — извиняющимся голосом сказал он.

— А что там перед этим, до того как обещали охранять вход?

Сесиль водил пальцем по странице.

— Напиток! — вскричал он, и я поразились силе голоса всегда спокойного и флегматичного старосты. — Записывай!

Я придвинула бумагу и перо.

— «Часть земной базы, часть весеннего леса, часть жажды жизни, капля огня...» Так, тут дальше непонятно.

— Что же там, Сесиль?

— «С настойкой мандрагоры, но без неё», — опустившимся голосом произнёс он.

— А про чашу из слёз там написано?

— Ищу, — проворчал он. — Ничего нет про чашу.

Я откинулась на спинку стула. Опять загадки! Я люблю загадки, но не тогда, когда от них зависит жизнь. Взяла лист.

— Хватит пока, Сесиль, — благодарно сказала я усталому краснолюду. — Ты невероятно помог.

Сесиль поднялся и прихватил книгу с рецептом напитка.

— Почитаю ещё, — пробурчал он.

***

С листом в руках я меряла шагами комнату. Эта шифровка должна была иметь очень простой смысл, понятный гномам. Если у нас придёшь в бар и попросишь, скажем, чего-то полнотелого, со свежестью и кислинкой, сладкое, но не очень, и остроты побольше, бармен поймёт. Так и тут — земля, лес, жизнь да огонь, чего проще? Я зло тряхнула лист. У меня первый, мой собственный ведьмачий заказ с дедлайном не позже, чем завтра, а я туплю, как с бодуна.

Наконец, я сдалась. Сложила лист и быстрым шагом направилась в Замок Трёх Отцов.

С той ночи после битвы я больше не видела Иорвета. Ещё помогая в госпитале, я частенько проходила мимо его двери, но около неё теперь круглосуточно дежурили часовые. Причём, за охрану спокойствия своего командира взялись исключительно женщины из отряда скоя'таэлей. Дверь к нему постоянно открывалась, девушки входили и выходили. Очевидно, что дополнительного внимания Иорвету не требовалось.

Теперь же, решительно прошагав к его комнате, я отмахнулась от телохранительниц и распахнула дверь. Скоя'таэль расслабленно, как падишах, возлежал на постели, рядом сидела одна из белок и нежно держала его за руку. Трубки, ведущей из лёгкого, уже не было, а сам Иорвет был облачён в свободную льняную рубаху и широкие штаны. В комнате пахло можжевельником, свежесрезанными розами и мятой. Букеты цветов, ветки и пучки лекарственных трав были расставлены в вазах по всему полу и загромаждали единственный стол.

— Нужно поговорить, — выпалила я.

Эльф шевельнул рукой, и девушка, бросив на меня красноречивый и отнюдь не восторженный взгляд, вышла. Иорвет, облокотившись на подушки, насмешливо смотрел на меня исподлобья.

— Тебя что, хоронить собрались? — я обвела глазами вазы. — Цветочки эти, пижама белая.

— Ну, ты тут явно не для того, чтобы возложить мне цветы, — холодно ответил он.

— Прости, репей ещё не зацвёл, — съязвила я и почувствовала непонятно откуда взявшуюся досаду.

В комнате не было ни одного стула. Я принялась ходить из угла в угол.

— Мне нужно об тебя подумать.

Иорвет не ответил, и я, продолжая ходить, описала ему всю нашу сегодняшнюю вылазку в шахты. Откинувшись на подушки, он молча слушал.

— Дай мне записки, — требовательно протянул руку, — и сядь. Меня мутит от твоего кружения. Пожалуйста, — выдавил он после паузы.

Я нерешительно присела на край кровати.

— Чаша ещё эта... Из слёз.

— Погоди с чашей, — Иорвет помолчал и поднял лицо от бумаг. — По-моему, ты забыла, для кого гномы делали напиток.

Я шумно вдохнула цветочный воздух комнаты с нотками хвои и трав.

— Весенний лес... — прошептала я, — это кровь эльфа!

Иорвет кивнул.

— Земная база — гномы. Краснолюды, думаю, тоже сойдут, — добавил он, — они родственники.

— Люди — жажда жизни. Видал? Жажда жизни, а не bloede dh'oine!

Иорвет презрительно хмыкнул.

— А на огонь у нас только один кандидат.

— Но что значит «с мандрагорой, но без неё»? — задумался Иорвет. — У нас будет кровь, но настойку мандрагоры нельзя в неё добавлять.

Я медленно подняла на него глаза.

— Её не надо добавлять. Она должна быть в самой крови.

— Yeá! — в его взгляде зажёгся знакомый мне азартный огонёк.

Поморщившись, Иорвет сел на кровати и опустил босые ступни на каменный пол.

— Пора выбираться отсюда, — заявил он.

После заката назначили мандрагоровую вечеринку, чтобы собрать кровь для Скрытого, но чаша из слёз не давала мне покоя. Ярпен, которому в отличие от меня не надо было подносить Скрытому коктейль, храбро считал, что вампиру хватит и крови, я же была уверена, что для существа, которому речь давалась с таким трудом, каждое слово должно было иметь важное значение.

Послеобеденное солнце жарко баюкало Верген, от камня мостовой и стен, как из распахнутой духовки, шло тепло. Возвращаясь из Замка Трёх Отцов, я неостановимо зевала. «А не побывать ли в моём мире? — пришла в голову мысль. — Почитаю про туссентского Скрытого». Я ускорила шаг.

Шани вновь была не одна. Толкнув дверь, я услышала грохот, а войдя, увидела златокудрого Александра, который с глубокомысленным видом рассматривал пустую книжную полку.

Проскользнув к себе и плотно задёрнув свежешовешенный полог на двери, я надела кольцо.

— Заснуть бы теперь, — как назло, сонливость будто рукой сняло, а вот тревожность вернулась в полный рост.

За стенкой послышалась возня. Я сердито заворочалась. Тут же наступила тишина, и я потихоньку стала проваливаться в сон.

— Я дышу только тобой, — нежно произнёс голос рыцаря.

— Ты дышишь лёгкими, — ласково проворковала Шани.

— Ты в моём сердце.

— В твоём сердце четыре камеры, разделённые перегородками.

— С вами, медиками, невозможно разговаривать, — простонал Александр.

— И не надо, снимии-ка лучше штаны.

— Шани! — заорала я. — Умоляю, мне кровь из носа нужно поспать часок.

В комнате материализовалась смеющаяся медичка, которая уложила мне под нос небольшую подушку и исчезла за пологом. Набитая душистыми травами, подушка тонко пахла лавандой. «Запах весеннего леса», — пронеслось у меня в голове, и я уснула.

***

Я грохотала по двери Сесия Бурдона. Во сне навестив мой мир, я успела освежить в памяти забытый момент в прохождении игры, в котором Геральт поднёс в качестве подарка Скрытому из Туссента особый минерал. Может быть, нашему Скрытому он тоже понравится, кто его знает? Наконец, дверь отворилась, и сонно потягивающийся краснолюд пригласил войти.

— Сесиль, расскажи мне всё про арагонит, — не заходя внутрь, выпалила я.

Мы снова спустились в темноту подземного архива, и староста провёл в дальний угол. В глубоких шкафах тут хранилась краснолюдская геологическая коллекция. Сесиль выдвинул плоскую широкую полку, аккуратно поднял бархатную ткань, прикрывающую квадратные ячейки с минералами, и осторожно вынул бежевый кристалл, похожий на ошетилившегося морского ежа.

— Вот. А что он тебе?

— Я вспомнила, что туссентского Скрытого в своё время задобрили подарком из куска

арагонита, — с сомнением разглядывая кристалл, произнесла я. — Подумала, может, есть какая-то связь.

— Ну, вот тут всё, что есть, а внизу книги.

Вытягивая по одному тома, я пролистывала описания минералов. Они были сугубо практическими: где найти месторождения, как добывать, как обрабатывать и для каких изделий использовать. Насколько волшебными и таинственными казались переливающиеся затейливыми рисунками срезы камней в ящичках, настолько же тяжело было продираться сквозь мелкий текст про их производство и добычу. Да и про вампиров тут не говорилось ни слова. Моё внимание привлекла небрежно брошенная в стороне книга «Легенды о камнях». Я стряхнула с неё пыль и уселась у свечи. Сесиль взялся наводить порядок на разгромленной полке, посвященной шести гномьим родам, и время от времени кидал на меня выжидающие взгляды.

«Оникс, на древнем именуемый Ноготь, произошёл из кусочка ногтя великой Креве, что, играя, неловко отсек её шаловливый сын...», «для мужеской силы и храбрости, а также проникновения в планы врагов...».

Я листала дальше: «Янтарь, находимый на ковирских побережьях, заточает в себе частичку солнца. Ожерелье из янтаря поможет от мокрой постели и женщинам на сносях, дабы разродиться здоровым младенцем».

А, вот и он: «Арагонит, именуемый так по провинции Назаира, уберезёт владельца от загулов и непотребного пьянства, старику сохранит ясный ум да спасёт от бессонницы».

— От бессонницы! — воскликнула я.

Сесиль побросал книги и подошёл. Я склонилась над страницей:

— По легенде, — читала я вслух, — в арагонит превратились слёзы девушки, которой родители не дали соединиться со своим возлюбленным! Мы нашли слёзы, Сесиль!

Крупный рот краснолюда раздвинулся в широкой улыбке.

— Значится, чашку из арагонита надо? Пойдём искать.

Мы прошли мимо серебряных сервизов к столу, на котором теснились десятки чаш разных форм и расцветок — от золотых, богато украшенных орнаментом, до примитивных глиняных. Где-то среди них, как Индиане Джонсу — без права на ошибку, мне нужно было отыскать наш Святой Грааль.

Сесиль водил над кубками носом и подслеповато шурился. Я поднесла свечу поближе. Обеими руками он осторожно достал из середины спрятанную за разохшимся деревянным кубком толстостенную глубокую чашу в форме креманки для мороженого.

— Вот, — сказал Сесиль, — хватит упырю глаза залить.

— Отлично, — я потёрла руки, — осталось собрать кровь.

***

Летняя ночь уже окутала Верген, когда в нашей с Шани квартире собралась толпа гостей. Мы выдвинули на середину комнаты круглый стол, притащенный из моей спальни. В центре возвышались бутылки с мандрагоровой настойкой: на красных облитых сургучом горлышках была выдавлена печать — девушка с остроконечными узкими листьями и тремя длинными стеблями с плодами, растущими из головы вместо волос.

Ярпен Зигрин любовно расставил хрустальные стопки и вынул из-под полы свёрток, оказавшийся куском твёрдого, как булыжник, остро-пахучего сыра.

— Я-то смогу и так пить, а вот вам сгодится, чтоб раньше времени не скопытиться.

Саския, Киаран, сам Ярпен и я торжественно расселись и переглянулись. За

письменным столом, у камина, сдвинув в сторону горелки и пузырьки, обустроились Шани и Иорвет, которому медичка запретила пить и сдавать кровь за эльфов, но который наотрез отказался пропускать вечеринку.

Ярпен разлил по стопкам прозрачную жидкость.

— Отборную кровушку вампир получит, забористую, — хохотнул он и махнул рукой. — Ну, понеслась!

Я, выдохнув, залпом влила в себя настойку. Горло мигом потеряло чувствительность, из глаз полились слёзы. Как утопающий, я протянула руку за кусочком сыра, столкнувшись пальцами с Саскией и Киараном. Ярпен шмыгнул носом и снисходительно оглядел нас.

— Хороша, почти чистый спирт. По второй?

— погоди, — прохрипел Киаран, утирая слёзы, — нельзя же так.

Со стороны Шани с Иорветом донеслись смешки. Медичка высыпала на стол игральные кости из мешочка и разложила доску.

— Играешь? Хочу отвлечься, не могу на это смотреть.

Иорвет с энтузиазмом кивнул, послышался перестук костей.

— А мы чего, так и будем как неродные сидеть? Скука же так — молча пить, — заволновался Ярпен.

От маслянистого, сладковатого напитка по телу начали расходиться тёплые волны.

— Я игру знаю, — заявила я. — Как раз для попойки.

Саския, на губах которой появилась лёгкая улыбка, кивнула.

— Называется «Я никогда не». Правила простые — ведущий говорит, например, «Я никогда не был на море». Все, кто тоже не был, ничего не делают. А кто был — выпивают стопку.

— А если никто не был на море? — заинтересованно уточнил Киаран.

— Тогда ведущий выпивает стопку. Да, и врать нельзя! Кто соврёт, тот... тот...

— Земляной червяк, — подсказал Киаран.

— Погнали! — взревел Ярпен.

Мы беспардонно изъяли у Шани кости, разобрали по одной и бросили. Первой водить выпало Саскии. Она облизнула губы.

— Я никогда не курила!

— Это нечестно, — пробормотал Ярпен, поднимая стопку.

Мы с Киараном подняли свои, и все втроём выпили. Саския торжествующе улыбнулась.

Я задумалась. После двух шотов в голову начали лезть непристойности.

— Я... Я никогда не танцевала голой!

— Как так?! — ахнула медичка у камина.

— Жалко, что ты с нами не играешь, — язвительно проговорила я, повернувшись к ней.

— Мне у вас ещё кровь брать, а так я бы сыграла, — засмеялась Шани и затрясла перед броском кости в ладонях.

Киаран с Саскией переглянулись, не шевелясь, и тут Ярпен нехотя поднял стопку.

— И нечего на меня так смотреть, — пробурчал он.

Коротко выдохнул, грохнул пустым стаканчиком о стол.

— Ну ладно. Я никогда не брил ничего, кроме черепа! — Ярпен хитро ухмыльнулся.

— А, может, и стоило, — Киаран скосил глаза на его жёсткую бородищу и буйную поросль на руках.

— Удар ниже пояса, — пробормотала Саския, и мы с ней выпили.

В голове наступила обманчивая кристально-звонящая пустота, и я с нежностью озирала собутыльников. Очередь Киарана. Он внимательно оглядел всех зелёными магнетическими глазами.

— Я никогда не мечтал быть кем-то другим.

Все задумались. Я решительно взяла стопку и выпила, заметив, что Аэдирнская Дева сделала то же самое.

— Ну ладно, — она выдохнула, её зрачки расширились. — Я никогда не предавала друзей.

В повисшей тишине все обменялись испытующими взглядами. Иорвет заинтересованно повернулся.

— Что же, меня это даже радует, — Саския опрокинула свою стопку.

— Я никогда не была в наручниках, — не придумав ничего интереснее, произнесла я.

Эльф и краснолюд, чокнувшись, выпили.

— Скучота! — Ярпен хлопнул ладонью по столу, и хрусталь жалобно звякнул. — Я никогда не встречался больше, чем с тремя любовями одновременно.

Он приосанился, а я выпучила на Ярпена глаза, уверенная, что пить придётся ему самому. Однако, помедлив, Киаран поднял настойку к губам. Ошарашенно смотрела я на такого спокойного, рассудительного, улыбочивого и, однако, ослепительно красивого эльфа — вот он, тихий омут, где черти водятся. Киаран усмехнулся.

— Похоже, мне нужно как-то оправдаться, — проговорил он своим бархатным баритоном. — Я никогда не врал, когда говорил: «Я тебя люблю».

Мои глаза застила пелена. Никто не прикасался к стопкам. Стук костей стих, и я поймала взгляд Иорвета, который пристально смотрел мне в глаза. «Лучше быть земляным червяком, чем так попасться», — с отчаянием подумала я, рука предательски задрожала на пути к стопке, и, давясь, я влила в себя настойку. Иорвет бросил кости.

— Шани, — простонала я, — пора. Больше не могу.

Я повалилась на её кровать, медичка подскочила с жуткого вида иглой, продезинфицировала спиртом сгиб локтя. В сосуд потекла тёмная кровь.

— Первый готов! — торжественно произнесла она.

Я вскочила и пулей вылетела из дома, понимая, что эликсиры принять уже не успеваю. Раскидистый куст игольчатого мирта оказался именно тем, что мне было нужно. Пошатываясь, я вернулась к себе в спальню, не с первого раза попав в дверь, умылась и выпила, наконец, отрезвляющие эликсиры. Комната стабилизировалась, будто миновала зону турбулентности, пол перестал уходить из-под ног, и я почувствовала, что ко мне возвращается жизнь.

Шани уже брала кровь у мертвенно бледного Киарана. Я предложила ему эликсиры, и он, восстав с подушек, с благодарностью согласился.

За столом с мандрагорой над батареей опустошённых рюмок Саския с Ярпеном тяжёлыми взглядами сверлили лица друг друга.

— Довольно! — решительно потребовала медичка.

Краснолюд и Аэдирнская Дева не шелохнулись, и только нижние челюсти у обоих, казалось, ещё более выдвинулись вперёд.

Ярпен протянул руку, с усилием опрокинул в себя стопку, перевернул и бухнул ею о столешницу. Саския медленно взяла свою, рука с настойкой задержалась у её губ. Дева прикрыла глаза, будто засыпая.

— Хватит! — Шани подошла ближе.

— Нет! — Саския вскинула голову и залпом выпила.

Глаза её увлажнились и заблестели. Все неотрывно наблюдали за происходящим. На столе остались только две наполненные стопки. Пальцы краснолюда потянулись к одной из них, неловко пошевелились, пытаясь ухватиться за хрусталь. Ярпен медленно поднёс настойку ко рту и выпил. На губах расплылась победная улыбка, и краснолюд стал заваливаться на бок.

— Помогите мне, — прошипела Шани.

Ярпена уложили на кровать, где он тут же захрапел, и медичка взяла у него кровь.

Саския торжествующе встала, схватила последнюю стопку и махом влила в себя. Распрямилась, триумфально воздела руки. Я рассмеялась — Аэдирнская Дева привыкла побеждать и не сдаваться до конца в любом деле.

Шани ловко собрала в мензурку последний ингредиент — огненную кровь.

— Пойду до госпиталя, там смешаю по вашим пропорциям и в лёд положу, — пояснила она. — На рассвете заберёте.

Иорвет поднялся. Вместе с Киараном они подхватили под мышки бесчувственного краснолюда, еле волочащего ноги, и исчезли за дверью.

Мы с Саскией остались одни.

— Я присяду? — попросила она.

— Конечно. Хочешь эликсиров? Снять опьянение.

— Нет, — она села на кровать, раздумывая о чём-то, и тихо произнесла: — Я всегда должна держать всё под контролем. Всегда. А сейчас не могу, и это так хорошо.

— Не вопрос, — улыбнулась я. — Хочешь побыть одна?

— Нет! Не уходи, ведьмачка, — она схватила меня за руку, — у меня никогда не было в друзьях ни одной девушки, с кем можно было бы поговорить.

С удивлением глядя на неё, я присела рядом. Саския, опустив взгляд и нахмутив изогнутые брови, рассматривала ладони. Уголки полных губ печально опустились.

— Мне было так хорошо, — наконец, начала она. — Всё было понятно — моя цель, моя борьба. Мне нравились... некоторые... Я думала о том, кого я захочу видеть рядом. А сейчас...

Её лицо страдальчески перекосилось, и она с отчаянием заглянула мне в глаза.

— Сейчас здесь, — Саския приложила ладонь к сердцу, — здесь болит. Там огонь, лава, и они сжирают меня изнутри. Я умираю, когда он рядом. Может быть, это от того, что ко мне вернулась моя вторая сущность? Что это, ведьмачка, почему оно так мучает меня?

— Не уверена, что во второй половине дело, — я покачала головой, — по-моему, это просто любовь.

— Просто? — почти взвизгнула Саския, уткнулась лбом мне в грудь и зарыдала.

Я обняла её, похлопала по спине, погладила по светлым волосам. «Кажется, Иорвет всё-таки вытянул свой счастливый билет», — печально и одновременно с чувством какого-то освобождения думала я.

— Что мне делать, Яна? — всхлипывая у меня на руках, будто она была обычной девушкой, а не драконом, спросила Саския.

— М-м... Сказать ему?

— Я не могу, — прошептала она, — я боюсь.

— Саския, я уверена, что он любит тебя. Тебя невозможно не любить. Ты знаешь это, —

искренне заверила я её.

В дверь постучали. Саския втянула носом воздух, смахнула слёзы и шумно высморкалась в гигантский клетчатый платок, приводя лицо в порядок.

Я открыла дверь. На пороге стоял Александр, заглядывая мне через плечо в поисках Шани. Обернувшись на Саскию, я увидела, что щёки Аэдирнской Девы стали пунцовыми. «Боже мой, так речь не про Йорвета!» — пронеслось у меня в голове. Я посторонилась, пропуская рыцаря в комнату. Он низко поклонился Саскии, которая жадно вглядывалась в его синие глаза.

— Мы, мнэ-э... работали над одним делом, — наконец, нарушила я неловкую тишину. — Не мог бы ты проводить Саскию до дома?

На аристократическом лице Александра не отразилось ни капли удивления или возражения. Он галантно предложил Деве руку, и она, став ещё пунцовой, подала свою.

Захлопнув за ними дверь, я выдохнула. «Санта-Барбара какая-то», — мрачно подумала я, убрала следы гулянки и отправилась спать.

Улёгшись, я достала из-под подушки письмо Эскеля и перечитала его в тысячный раз.

«Любитесь тут, как хотите, — такое мысленное послание, только в более матерной форме, сердито отправила я в сторону остальных четырех участников замысловатой любовной фигуры в виде ломаной линии, начинающейся от меня и заканчивающейся на Шани. — А я знаю, к кому я хочу». Сложила письмо обратно в конверт и уснула.

ВЕРГЕН. Глава 33. Трудный разговор

Каждый день с момента окончания битвы меня мучил вопрос: «Что делать дальше?» Саския предложила остаться — для ведьмака в городе всегда найдётся работа. Мне и самой нравилось в Вергене — меня тут уважали, тут появились друзья. С другой стороны, все они были при деле, меня же томило и тянуло к Эскелю. Да и следовало уж перестать врать самой себе и признаться, что терпеть отстранённое выражение лица командира скоя'таэлей становилось всё более невыносимым. Хотя, с ним так или иначе придётся иметь дело — ведь, чтобы вернуться в мой мир, мне нужна помощь Йорвета.

Однако пока Геральт не разберётся с Дикой Охотой и не найдет Филиппу Эйльхарт, освободив её от заточения в виде совы, искать чародейку самим нельзя. Я решила, что ни в коем случае не должна делать ничего, что может помешать Геральту пройти его историю, найти и спасти Цири. А значит — нужно ждать. И значит у меня есть время, чтобы провести его с мужчиной, которого я, наверное, люблю, и к тому же отдохнуть от эмоциональных качелей, неизбежных, когда Йорвет рядом.

Была ещё одна мысль, которая неприятно точила с того дня, когда я обняла Весемира в последний раз, прощаясь на плоту. Я знала, что, как только Геральт найдёт Цири и привезёт в Каэр Морхен, в битве с Дикой Охотой старый ведьмак погибнет. А вдруг, если я буду где-то там рядом, удастся каким-то образом этого избежать? Эта идея одновременно и привлекала, и пугала — я боялась, что если вмешаюсь, и даже если удастся спасти Весемира, последствия не позволят Геральту победить Дикую Охоту в дальнейшем. Поэтому я старательно гнала тяжёлые мысли о Весемире, убеждая себя, что в Каэр Морхене у меня есть интерес только до Эскеля.

В Вергене же осталось единственное незавершённое дело — о розе Аэлирээнн с эльфом я так и не поговорила. Всё время было не до того. И сейчас, идя рядом с ним по краснолюдским шахтам, я наконец всё спланировала окончательно — как только (вернее, если) закончим со Скрытым, я поговорю с Йорветом и всё-таки уйду, постараюсь выторговать у него обещание помочь мне вернуться в мой мир потом, когда придёт время.

На встречу с верховным вампиром нас сопровождал Ярпен Зигрин и пяток отважных краснолюдов, в том числе Дагг Борос, успевший подкоротить у кузнеца кольчугу.

— Ты-то на кой ляд попёрся? — удивлённо спросил Йорвета прямолинейный краснолюд.

— Чтобы вы в очередной раз не сглупили, — насмешливо ответил тот.

— Ври больше, — сумрачно пробурчал похмельный Ярпен, — тебе просто нравится совать свой длинный нос во все дела.

Я усмехнулась, мысленно согласившись с ним. Мы уже шли по подземельям гномов. Скоро показался и зал-столовая, мёртвый нильфгаардец так и лежал у провала. Пахло тленом. Краснолюды остались тут, а мы с Йорветом пролезли через дыру в зал шести основателей.

— Жди здесь, — прошептала я.

— Нет, — категорично ответил эльф.

Я разозлилась.

— Хоть раз сделай не по-своему! Хочешь, чтобы вампир передумал? Вдруг ему добавки весеннего леса захочется? Человечины-то там у него завались.

Я не собиралась уступать. Неожиданно Иорвет сдался сам.

— Вот и славно. На, поддержи, — попросила я и аккуратно перелила коктейль из заготовленной Шани фляги в арагонитовую чашу.

Остановившись в проёме двери в пещеру, мы взглядывались в каменную балку над головой, где виднелся рисунок ладони с каплей крови посередине. Иорвет зацепил большие пальцы рук за ремень на поясе, застёгнутый поверх неизменного, замысловато намотанного тёмно-синего кушака с красной бахромой. Повернулся ко мне, посмотрел в глаза:

— *Ádh mór, vatt' ghern*, — тихо произнёс он.

Удачи, ведьмачка

Я кивнула и, выдохнув, сделала шаг в темноту. В пещере за сутки ничего не изменилось. Я ступала между камней, осторожно держа перед собой чашу, чтобы не расплескать драгоценное содержимое. Голубые искры грибных спор приветливо освещали мой путь. Шаг, ещё шаг. Остановившись, я оглянулась назад. Не нужно было этого делать! Вход уже отполз наверх, я пошатнулась и, потеряв равновесие, чуть не разлила кровь.

Больше не отвлекаясь, со стучащим от волнения сердцем, и всё сильнее поддаваясь волнам страха, которые пропитывали пещеру, я добралась до места, где мы остановились в прошлый раз с краснолюдями. Впереди виднелись тела нильфгаардцев, некоторые до сих пор шевелились. По спине прошёл нехороший озноб — даже если всё получится, этих людей, ещё живых, придётся бросить тут. Белое тело Скрытого, свисающего вниз головой, виднелось в углу. Я низко поклонилась и, опустившись на одно колено, вытянула руку с чашей над головой.

— Напи-и-и-ток, — лицо тронуло дуновение ветра, и чашу вырвало из рук.

Скрытый стоял прямо передо мной и жадно пил кровь, держа коктейль обеими ладонями и перекрестив когти, пока не выпил до дна. Некстати в мыслях мелькнул вопрос, куда он дел чашу, потому что в руках у него её уже не было.

— Про-о-о-о-ч-ч-чь, — прошипел он, приблизив своё лицо с остатками крови на тонких губах, и меня опять охватил неизбывный ужас. — Две-е-е-р-р-рь. Сме-е-е-е-р-р-р-ди-и-и-и-ит.

Скрытый исчез, а я поднялась на ноги и, не оглядываясь, побежала вон и к выходу разогналась так, что влетела в Иорвета, который всё-таки сунул свой любопытный нос внутрь пещеры. Толкнув эльфа в проём, я вывалилась следом.

— Нам надо как-то закрыть эту чёртову дверь! — в смятении заскулила я.

Меня била крупная дрожь.

— *Saemt a me, cáelm*, — Иорвет шагнул ко мне, взял за плечи и прижал к себе крепко, но бережно.

Иди сюда, тихо

Не в силах раздумывать над очередной метаморфозой в его поведении, я упёрлась лбом в широкую грудь, тяжело дыша и вздрагивая.

— Так что там с дверью? — буднично поинтересовался он.

Я отлепилась от его груди, мгновенно придя в себя. Интересно, скольких эльфиек в тяжкие моменты он успокаивал так, будто хладнокровный дрессировщик, прекрасно зная, как привести своё животное в порядок после истерики. В чём, в чём, а в том, что он был превосходным командиром, Иорвету нельзя было отказать.

— Скрытый приказал её закрыть, потому что ему смердит, — мрачно ответила я. — Там, в пещере, природная аномалия, запертые ворота в его мир. Он чувствует малейшее

дуновение с той стороны, тишайшие звуки и запахи. А мы ему воняем своим миром.

— Давай думать, — Иорвет поднял факел и огляделся.

Сперва мы осмотрели проём. Монолитный камень двери плотно держался наверху и не поддавался ни на какие толчки и нажатия. Мы вернулись на середину зала. Ужас уже отпустил меня, Иорветов метод так или иначе помог.

— Сесиль прочитал, что гномы после того как поднесли вампиру напиток, поставили шесть исполинов охранять вход.

— Да, вижу, — высоко держа факел в руках и задрав голову, эльф не спеша обходил зал и внимательно всматривался в каменные лица гномов, хмурившихся на нас с высоты в два-три роста человека.

Усевшись на пол в центре зала, я сосредоточилась. Страх снова заполнил темноту, но я была к нему готова. Я пыталась почувствовать что-либо ещё.

— Гномы использовали магию? — наконец, спросила я.

— Чародеев у них не было, — покачал головой Иорвет. — Однако они так хорошо знали камень, что могли делать магические вещи, сами того не подозревая. В Махакаме, говорят, до сих пор есть зачарованные ещё не выработанные штольни с драгоценными камнями, в которые при всём желании нельзя попасть — идёшь к ним, но никогда не можешь дойти.

— В книге, где мы нашли рецепт напитка, хоть поначалу было и непонятно, но гномы написали всё точно и конкретно. И если шесть исполинов охраняют вход, значит, именно это они и имели в виду.

Иорвет подошёл.

— Думаешь, стоит посмотреть на них с изнанки?

— Да, — кивнув, я поднялась. — Потеря силы не имеет значения. Против Скрытого, если он придёт, ничего не поможет.

Заглянув в дыру в фальшивой стенке, я убедилась, что краснолюды чинно ждут за столом и не пытаются подглядывать.

— Поехали, — я протянула левую руку.

Мы провалились в темноту, и белое лицо магического Иорвета перекошило от ужаса, который я чувствовала в медитации. На изнанке мы видели, как плотный серый туман стелется от двери в пещеру и, завиваясь, протягивает к нам призрачные нити. Чёрный волк тихонько скулил и пятился, приседая на лапах, шерсть на спине стояла дыбом.

Над нашими головами нависали топоры, по размеру подходящие великану. Справившись с ощущением ужаса, Иорвет показывал мне на шесть гигантских белых фигур, тремя парами неподвижно стоящих в зале около нас.

В каждой паре позы обоих гномов были симметричными. Первые два скрестили топоры так высоко, что касались призрачными обухами каменных сводов. Топоры второй пары замерли на уровне груди гномов, и мы почти задевали лезвия макушками. Эльф скользнул к третьей паре, которая была ближе всего к двери в пещеру вампира. Фигуры гномов до пояса окутывал туман. Один из них стоял с топором, опустив его на уровень колен. Иорвет вытянул руку, показывая мне, что у гнома-напарника топор отсутствовал.

Туман побледнел, свет факела пробился сквозь темноту. Скоя'таэль держался руками за голову, тяжело дыша.

— Ты это чувствовала?

— Каждый раз, когда пыталась сконцентрироваться. И в пещере постоянно.

Он смачно выругался на эльфийском.

— Что-то не так вон с тем барельефом, — он взял себя в руки, голос опять зазвучал уверенно.

Я кивнула, и мы, вытянув факелы и запрокинув головы, принялись его рассматривать. Длинноносый каменный гном со свирепым выражением лица безучастно глядел на партнёра напротив и ничем особым не выделялся на фоне собратьев. Простукивание камней на стене под барельефом и поиск отвалившихся частей, как и исследование геометрического узора из плитки на полу, не привели ни к чему.

Факел вспыхнул в последний раз и потух, зал погрузился в темноту. Йорвет опять выругался.

— Постой, — я схватила его за руку и махнула на барельефы на противоположной стене. — Смотри!

В темноте стало видно, что зрачки в глубоких глазницах гномов еле-еле светятся, будто за ними горит огонь. Эльф, как обычно, без лишних слов уловил идею, и отступил на несколько шагов назад.

— Yeá! Мы нашли!

У каменной головы гнома, магическая фигура которого была без топора, глаза не светились.

— Там внутри в головах что-то, что может гореть вечно, — размышлял Йорвет. — Может быть, огненный газ. Надо зажечь это что-то снова.

Я выпустила Игни в каменное лицо, забыв, что потеряла силу.

Йорвет достал стрелу, с треском отломил наконечник и потыкал обломком в масляную ветошь незажжённого факела. Встал под барельефом.

— Давай я тебя подсажу, а ты сунешь лучину ему в глаз.

Я схватилась за шею эльфа, по подставленному замку рук вскарабкалась на плечи.

— На вид ты не выглядишь такой тяжелой, — недовольно пробурчал он.

— Просто ты слабак, отдых в обнимку с цветочками не пошёл тебе на пользу, — не осталась я в долгу.

— Полегче там сапогами!

— Слушай, если тебе тяжело, — раздражённо зашептала я, пытаюсь привалиться к стене, достать и зажечь стрелу, — то лучше я позову Ярпена.

— Угу, — раздалось язвительное, — и куда ты тогда достанешь? До задницы этого гнома, будь она у него в наличии?

Я, наконец, подожгла стрелу и, распрямившись, потянулась к лицу статуи, но коснулась огоньком лишь кончика длинного носа.

— Дальше не достаю, — прохрипела я.

Йорвет подсунул ладони мне под пятки и поднял наверх. Я, как акробат, встала на цыпочках на его выпрямленных руках и потянулась ещё, проталкивая зажжённую стрелу в глубь глазницы. Уже держа её кончиками пальцев за оперение, я, наконец, услышала звук, будто зажгли газовую конфорку, и из глаз каменной головы на миг вырвались языки пламени.

Стоя на руках скоя'таэля, я наблюдала, как монолитная дверь в пещеру Скрытого дрогнула, с грохотом и скрежетом поехала вниз и наглухо запечатала проход. Йорвет ссадил меня на пол, задержал руки на талии, и я стояла в темноте близко-близко, чувствуя его дыхание. На грохот из разрушенного проёма выглянули краснолюды, я отступила на шаг.

— Ну вот, слабаки и толстухи победили! А ты говорил!

— Да, это удивительно, — странным голосом тихо произнёс Йорвет. — Каждый раз удивительно.

Мы вылезли в гномью столовую.

— Ярпен, стену нужно опять заложить, да так, чтобы она больше не рушилась, — попросила я.

— Сделаем, ведьмачка, а то как же. Ни в жисть больше страшилу эту не отыщут. Да и, вообще, проход в шахту завалим. Ни одна сволочь не пролезет ни туда, ни сюда!

***

Вечерний Верген расцвётился гирляндами флажков, всюду алели вышитые полотнища. На площади у таверны и на близлежащих улочках расставили длинные, наскоро сколоченные деревянные столы. Верген готовился к празднику.

Как только мы доложили Саскии об успехе в деле со Скрытым, она, переглянувшись с вергенским старостой, дала распоряжение готовить пир.

— Жителям нужно отпраздновать победу и оправиться от горя. Сесиль, организуй, как мы и планировали, еда и выпивка за счёт казны.

Дома я застала Шани, которая крутилась перед зеркалом, поправляя белые чулки и затягивая под коленями банты на алых подвязках.

— Как тебе? — весело спросила она.

На медичке красовалась весьма смелая для этого мира коротенькая бордовая юбка и нарядный зелёный жилет с золотой вышивкой, из-под которого ниспадали пышные рукава белой блузы.

— Блеск! Это что же, и мне надо наряжаться? — с сомнением спросила я.

— Конечно, тебе тоже нужно! Алекс сказал, что будет официальное награждение.

При упоминании рыцаря по лицу Шани пробежала тень.

— Что-то случилось? — спросила я, почувствовав укол совести.

Всё-таки, сама того не ведая, именно я посоветовала Саскии объясниться с Александром.

— Нет... Ещё нет, — медичка подошла ко мне. — Я уезжаю. Всё, что могла, я сделала, заботу о раненых теперь вполне может взять на себя травник.

Я печально покачала головой.

— Ну что же... Это должно было рано или поздно случиться. Практика в Оксенфурте?

— Да.

— А как же Александр?

Шани положила руки мне на плечи, заглянула в глаза.

— Яна, тебе ли не знать с твоей профессией. У меня есть единственная любовь, и это медицина. Она не терпит соперников. Александр Альдерсбергский — птица слишком высокого полета, чтобы бросить всё и уехать за мной в Оксенфурт. Значит, всё будет так, как будет.

— Я приеду к тебе как-нибудь, — я подняла на неё глаза. — Я и сама не собираюсь тут задерживаться.

— Ну вот, значит, ты понимаешь! — медичка легко чмокнула меня в щёку. — Я буду тебя ждать.

Обернувшись к зеркалу, она пощипала себя за щёки и, махнув мне рукой, ушла.

Задумавшись, я выбрала из двух имеющихся пар кожаных штанов светло-рыжие, назначив их парадными — на них хотя бы не было вьёвшихся пятен. Достала новую

неношеную шёлковую рубашку и расчесала волосы. Взамен потрёпанного аквамаринowego пера гарпии закрепила за лентой шляпы нежно-белое лебединое перо. Мечи и тяжёлую жаркую бронированную куртку оставила дома, но пояс с эликсирами и ножом всё-таки надела. Достаточно!

***

На столах горели свечи, запрятанные в зелени лампы мягко и таинственно сверкали в сумерках. Весь центр Вергена украшали огоньки, нарядные жители стягивались на площадь. Между столами кругами бегали умытые, радостные и предвкушающие праздник дети всех рас.

Саския и Сесиль Бурдон рука об руку стояли на освещённой факелами лестнице, ведущей от Махакамских ворот в эльфийский квартал. Краснолюды зачитывал имена из свитка, и из толпы к ним подходили награждаемые.

Вот Саския вызвала скоя'таэлей и, встав на цыпочки, надела Йорвету на шею нечто на сверкающей цепи. Киаран, Анару, Айвор, Мона и другие эльфы получали из её рук награды. Потом дошла очередь до краснолюдов. Ярпен высоко поднял над головой золотой кубок, толпа зашлась в одобрительном рёве. Александр, как всегда элегантно, преклонил колено, и Саския, ничем не выдавая своих чувств, приколола орден ему на грудь. Потом награждали рыцарей и людей из ополчения.

— Медики! — зычно вызвал Сесиль.

Шани и Виго Бамберг поклонились толпе, получив дары. Краснолюды, эльфы и люди устроили овации. Лицо медички зарумянилось, и она позволила галантно склонившемуся низушку под руку свести себя с лестницы.

— Ведьмачка Яна и Тит Сорока! — выкрикнул староста.

Мы с нарядным кузнецом, которого я впервые видела без кожаного фартука, поднялись по ступеням. Саския крепко пожала нам руки, вручив кузнецу ювелирно украшенный топор, а мне богато инкрустированный драгоценными камнями стилет.

— Три, два, один, — мы с Титом переглянулись, и он махнул рукой.

Краснолюды на стенах увидели сигнал. В чёрное небо вырвались цветные, сыпящие искрами, хвосты фейерверков.

Толпа взревела, дети прыгали, хлопая в ладоши. Огни освещали счастливые лица. Мы с кузнецом ударили по рукам и довольные спустились вниз. Масштабное производство селитры и пороха свернули, но мы не отказали себе в удовольствии выпендриться напоследок и подготовить городу финальный сюрприз.

Пир начался. Тут и там, на расстоянии друг от друга, чтобы не мешать, играли музыканты. Я посидела за столом Ярпена Зигрина, смеясь над грубыми шутками краснолюдов и наблюдая за мощным бойцом из гарнизона Ярпена, который терзал скрипку и выдавал задорную танцевальную мелодию. Народ в ритм постукивал каблуками.

Потом стала пробираться в сторону эльфийских столов и вдруг заметила невдалеке светлую головку Несы, играющую с мальчиком-краснолюдом. Рядом сидели её родители. Я поздоровалась и присела к ним за стол.

— Можно я сделаю вашей дочери подарок? — спросила я. — Тогда, на барже, она спасла мне жизнь.

— Рад знакомству, — папа-эльф крепко пожал мою руку.

— Конечно, — улыбнулась мама. — Неся, иди сюда!

Девчушка, в уже измазанном в пыли платье, подбежала.

— Айни, это были такие красивые фейерверки, не зря тебя так зовут!

Я рассмеялась и протянула ей наградной стилет.

— На, это подарок. Сейчас он тебе по размеру, как настоящий меч. Только будь осторожна, родители научат обращаться с этим оружием.

Эльфы, раскрыв рты, смотрели на переливающиеся в свете свечей драгоценные камни ножен и рукояти.

— Мы не можем принять такой дорогой подарок, — наконец, сказал мужчина.

— Свою жизнь я оцениваю дороже, — улыбнулась я. — А потом, мне нечем больше вас отблагодарить. Да и такой клинок мне не пригодится в пути.

Неса, высунув от восторга язык, робко протянула пальчики к стилету, выдвинула лезвие из ножен наполовину, благоговейно закрыла обратно.

— И-и-и! — она бросилась мне на шею, и я прижала её к груди.

Поднялась.

— Мне пора, я скоро уеду из Вергена. Лучше отдай клинок родителям на хранение, — посоветовала я и попрощалась с ними.

На душе стало легко и свободно. Люблю отдавать долги.

Невдалеке я нашла Мону и знакомых мне скоя'таэлей. Они приветливо замахали руками, и я села за их стол. Роэль поднял початую бутылку вина и хитро поглядел на меня:

— Эльфы предпочитают белое вино.

— Ты же знаешь, что ведьмачки тоже, — засмеялась я.

Невдалеке музыкант отложил лютню, послышались голоса, упрашивающие кого-то сыграть. Наконец, в круг факелов вышел Иорвет с флейтой в руках. Приложил её к губам.

Я подпёрла щёку кулаком и, не таясь, смотрела на него, потягивая вино. Скоро я уйду, а он останется здесь. С Саскией или нет, это их дела, а мне хотелось унести в памяти его таким — расслабленным, почти счастливым. Светлая мелодия лилась, наполняя сердце надеждой.

— Как красиво, — прошептала Мона. — Яна, нам надо попрощаться, завтра Иорвет уводит отряд — нам надо объехать границы. Меня не будет пару недель.

— Завтра!? — воскликнула я. Помолчала. — Я тоже уйду, Мона, и не знаю, когда вернусь.

Моя эльфийская подруга взяла меня за руку, повисла тишина. Вино вдруг стало горьким. Иорвет закончил играть и подошёл к нам.

— Ты завтра уезжаешь, да? — уточнила я у него, и эльф согласно кивнул. — Тогда мне нужно поговорить с тобой. Сегодня.

Под удивлённые взгляды скоя'таэлей я вылезла из-за стола и кивнула Иорвету в сторону. Недоумевая, он пошёл за мной. Я решительно шагала сквозь толпу, уходя подальше от шума, однако народу вокруг всё ещё было многовато.

— Давай пойдём ко мне, тем более, мы почти дошли, — решила я.

— Да что случилось-то? — нервно спросил он.

Я отперла дверь, щелчком зажгла свечи.

— Есть одна вещь, о которой я уже давно должна была тебе рассказать. Ты завтра уезжаешь, а я уеду через пару дней, так что время пришло.

— Куда ты собралась? — вскинулся Иорвет.

Я прикрыла глаза, сделала глубокий вдох и выдох.

— Неважно, речь сейчас о другом.

— Да, неважно, потому что ты никуда не поедешь, — прищурившись, категорично заявил он.

Гнев застучал в висках, я сконцентрировалась, выдохнула.

— И это почему же? — почти вкрадчиво спросила я.

— Потому что нравится тебе или нет... а мне так точно нет, но мы с тобой связаны, — он раскрыл правую ладонь.

— Это не повод, и ты отлично это знаешь! Мы прекрасно жили с этими клеймами и до того, как встретились. И будь уверен, что чего-чего, а радости мне от этого тоже никакой, — ядовито добавила я, понимая, что мой план договориться миром трещит по швам, — и я не буду обсуждать свои решения с тобой. Речь сейчас о другом.

Я вынула из-за пазухи цепочку с крохотной белой розой и положила на стол.

— Просто выслушай меня.

Эльф молча смотрел на розу, и, присев за стол, я рассказала ему о наших с Геральтом приключениях в Шаэрраведде. О песне Аэлирэнн, её словах, подарке и странной просьбе:

— «Возьми это и передай тому, кто так же, как и я, проклял себя. Проклял за то, что вёл за собой. За то, что обрёл молодых эльфов на гибель. Скажи ему, что в последний бой я приведу всех, кто скитается без покоя. В Дол Блатанна должны вернуться живые цветы!» — процитировала я слова Аэлирэнн, которые почти ежедневно повторяла со дня нашей встречи.

— И ты рассказываешь мне это только сейчас? — голос Йорвета звучал глухо.

— У меня было не так много возможностей с тобой поговорить, если ты не помнишь. И даже сейчас ты всячески мешал мне это сделать!

Он вскочил и заходил по комнате из угла в угол.

— Повтори ещё раз её слова, — потребовал он.

— Пожалуйста, — проворчала я и повторила.

Йорвет опять заметался по комнате.

— Ты никуда не поедешь, — отчеканил он. — И я никуда не поеду. Нам нужно понять, что делать дальше.

— Моя миссия выполнена, — веско сказала я и пододвинула розу к нему, — теперь сам думай, что с этим делать. Я уезжаю в Каэр Морхен!

— Нет, ты не понимаешь! — в ярости он опёрся руками о стол и навис надо мной. — Аэлирэнн дала розу тебе, и ты не можешь просто так её выбросить! Ты должна выполнить её просьбу!

Я вскочила и тоже упёрлась кулаками в стол.

— Я по уши наелась вашими эльфийскими делами! — крикнула я. — И ты уже сидишь у меня в печёнках! С меня хватит!

Дверь распахнулась, и на пороге возникли Шани с Александром, которые изумлённо оглядывали Йорвета и меня, испепеляющих друг друга взглядами поверх многострадального стола.

— М-м, пойдём-ка пройдёмся, милый, — медичка подхватила рыцаря под руку и захлопнула дверь.

Йорвет шагнул и повернул в замке ключ. Шумно вздохнул, выровнял голос.

— Послушай, зайдём с другой стороны.

Он сделал ещё один круг по комнате и остановился, прямо глядя мне в глаза.

— Дело и правда не в клеймах, как ты их назвала. Хотя преимущества, которые даёт

изнанка, очевидны, — он помолчал и медленно продолжил: — Не знаю, заметила ты или нет, но нам с тобой, вместе, удаётся то, что одному не под силу.

Это был удар под дых. Я опять села.

— Заметила, — буркнула я.

— А, значит, ты не можешь просто так уйти...

— Ещё как могу, — перебила я, — и уйду.

— Да погоди ты! — опять взорвался эльф. — Хорошо. Скажем так — теперь, когда ты рассказала о розе, ты не можешь уйти. Аэлирэнн...

— Иорвет, ты ненавидишь dh'oine, я dh'oine. И сейчас мне плевать, что напела Аэлирэнн. Меня всё достало. Я хочу к мужчине, которого люблю. Может быть, потом мы вернёмся к вопросу о розе, если в обмен ты поможешь мне вернуться в мой мир.

— Опять так любимый людьми торг, — мрачно усмехнулся он.

— Ах да, эльфам больше нравится, когда dh'oine молча делают, что им говорят, и не выпендриваются, когда эльфы их презирают!

— Вот значит, как ты считаешь...

— Как будто это неправда!

— Нет! — он стремительно подошёл, сел на стул напротив, понизил голос. — Я не презираю тебя. Мы напарники и, чёрт возьми, отличные напарники. И я... — его голос стал едва слышен, — я тебе доверяю. Просто я с тобой честен.

Мои брови вопросительно поползли вверх.

— В смысле, честен?

— В том, что я не могу позволить себе отношений с людьми, и этого не изменить, это сильнее меня, — он взял цепочку с розой, подержал на открытой ладони, приблизив к лицу, и бережно опустил обратно на стол. — Но ты не можешь уйти, потому что нам нужно отправиться в Зерриканию, и ты отдашь розу тому, кого имела в виду Аэлирэнн.

Обхватив голову руками, я застонала.

— Почему? Почему не может быть просто? Почему я не могу просто взять и сделать то, что хочу, без того, чтобы ты контролировал каждый мой шаг?

— Твой ведьмак подождёт. Они живут долго, — в его голосе снова прозвучал сарказм.

— Я не живу долго! И не лезь не в своё дело!

Глаз Иорвета опять яростно засверкал, и в этот момент в центре комнаты появилась светящаяся оранжевая точка. Она росла, превратившись в окружность размером с чайное блюдце.

Из глубины этого крохотного портала показалась изящная женская рука. Пальцы разжались, и на пол полетело свёрнутое в трубочку письмо. Портал с лёгким шипением закрылся.

ВЕРГЕН. Глава 34. Долгие проводы — лишние слёзы

Иорвет шагнул и поднял письмо. Я уже стояла рядом и заглядывала ему поверх руки. Эльф сломал сургуч, придерживающий свиток, и бумага развернулась. К моему удивлению, Иорвет безропотно подвинул лист так, чтобы мне тоже было удобно читать. Мы впились взглядами в прямые чёткие буквы:

И&Я

Друзья, если вы получили это письмо, значит я уже отбыл на остров Туманов за Цири. Не в моих привычках просить о помощи, но сейчас у меня нет выбора.

Когда я вернусь с Цири в Каэр Морхен, за ней тотчас придёт Дикая Охота. Я собираю всех, чтобы дать там призракам бой, и мне важен каждый клинок.

Если вы согласны, то, как будете готовы, сожгите письмо. Йен вычислит его местоположение и откроет портал.

Геральт

Иорвет поднёс бумагу к лицу, повёл носом.

— Слабый запах магии... и пара пудов крыжовника с сиренью.

— Дай понюхать, как пахнет магия.

Эльф усмехнулся, отдал мне письмо и обессиленно повалился на стул, вытянув длинные ноги и заложив руки за голову. Прикрыл глаз. Я понюхала бумагу — за медовым душистым и сладким запахом сирени едва проглядывал слегка терпкий нежный аромат, от которого меня ударило ощущением бесшабашного дачного детства, исколотых пальцев и лопающейся на языке зелёной полупрозрачной ягоды. Крыжовник, не магия.

В задумчивости я вернулась за стол.

— Ничего выдумывать не надо. Путь сам найдет тебя, — повторила я слова Геральта, исподлобья глядя на эльфа.

Он сумрачно посмотрел на меня. Тяжко выдохнул, отвёл взгляд на потолок и забарабанил по столу пальцами.

— Ты рада, уеа? — наконец, спросил он.

— Что нужно будет сражаться с жуткими монстрами из Дикой Охоты? Конечно, до чёртиков рада.

— Ну, это же Каэр Морхен, ты так туда хотела. С Aen Elle на десерт.

Он вскочил и по обыкновению, чтобы лучше думалось, принялся наматывать круги по комнате.

— Мне не нравится идея убивать эльфов... С другой стороны, Gwynbleidd...

— Мы не можем отказать.

— Знаю! — рявкнул Иорвет.

Он снова зашагал из угла в угол. Я, безнадежно вздохнув, взяла со стола цепочку с розой Аэлирэнн и надела обратно на шею. Иорвет с удовлетворением кивнул и опять сел.

— Ты всё поняла правильно. Сперва в Каэр Морхен, а оттуда пойдём в Зерриканию.

Я уже догадалась, что от похода в Зерриканию мне не отделаться, поэтому не стала объяснять эльфу, что решила превентивно уступить в споре о розе для того, чтобы ему было

морально проще согласиться на помощь Геральту. Письмо опять взбредило старательно подавленные мысли о Весемире. Теперь же приглашение Геральта само давало мне прикуп в руки. Знать бы ещё какой...

— М-м, Иорвет, мне надо кое-чего тебе рассказать, — осторожно начала я.

— Bloede arse, — закатив глаз, выдохнул он, — ты сегодня решила добить меня окончательно? Что ещё ты забыла рассказать?

Аккуратно подбирая слова, я рассказала о том, что ещё будучи в своём прошлом теле, в своём мире, знала о предстоящих событиях в Каэр Морхене и точно знала, как будет проходить битва и чем закончится. Эльф не перебивал — когда надо, он умел слушать очень внимательно.

— Но теперь, когда я здесь, некоторые события изменились, — подытожила я. — Ни меня, ни тебя в той версии битвы не было. А значит, мы можем кое на что повлиять.

— Что ещё ты знаешь о будущем? — глухо спросил он. — Про Aen Seidhe?

— В той истории, которую я знаю, не рассказывалось ни про эльфов... ни про тебя, — тихо добавила я. — Это была история Геральта.

Ручка двери задёргалась. Эльф скосил на неё глаз, поднялся.

— Довольно на сегодня. Готовься к путешествию.

***

Собирая вещи, я раздумывала над тем, что полезного можно было бы захватить с собой из Вергена. Отдав Титу Сороке мечи на правку, я выпросила у него по бочонку селитры, пороха и двумеритовой крошки. Огромные бомбы тащить не имело смысла, да и осталось их мало, а вот начинка для ведьмачьих бомб пригодится.

В соседней комнате упаковывалась Шани, периодически забегая ко мне поболтать.

— Не хочешь что-нибудь передать Геральту? — лукаво спросила я.

Лицо Шани покраснело до кончиков огненных волос.

— Передай, чтоб катился к чёрту. Нет! Передай, чтобы приезжал! Нет... не знаю даже, — уныло закончила она. — Просто скажи ему, что я теперь в Оксенфурте, а там, как пойдёт.

Её жизнерадостный нрав вновь одержал верх над меланхолией, и, прижимая к груди порядком закопчённый череп бывшего Воландеморта, она снова скрылась за пологом.

В эльфийском районе Киаран вместе с сотней белок готовился уходить. Долина Понтара получила временную передышку, но нужно было держать ухо востро, война не закончилась. Я крепко обняла Мону, помахала рукой остальным знакомым ская'таэлям. Киаран подошёл, сжал мою ладонь:

— Береги там его, — подмигнул. — Он у нас один такой.

— Это уж точно, — проворчала я.

С Сесилем Бурдоном договорилась о том, что Туча пока останется в Вергене, и староста, выдав мне гонорар за Скрытого, тут же педантично вычел из него плату за конюшню и обещал обеспечить лошади первоклассный уход.

Мои сборы были завершены. Я поднялась на пустынную вергенскую стену, чтобы в последний раз посмотреть на уходящие вдаль скалы, едва приведённую в порядок развороченную взрывами дорогу и панораму каменного шахтёрского города. На мгновение перед глазами встали дым, копоть, бряцающее оружие и храпящие лошади. Я моргнула, видение пропало. Летний ветерок лениво полоскал на стенах алые полотнища, по городу скользили тени лёгких облаков.

Из западных ворот медленно выезжали гружёные подводы, сопровождаемые бойцами Ярпена. На передней среди тюков ярким пятном светилась рыжая шевелюра Шани. Она замахала мне руками, посылая воздушные поцелуи.

— Трюк с зеркалом ты сама придумала? — раздался над ухом знакомый голос.

— Читала в детстве в любимой книге, — не оборачиваясь, ответила я. — Про благородного пирата-авантюриста. Но в моменте всё сложилось, конечно, случайно. Франческа бы подавилась, узнай она, для чего пригодилось её зеркальце.

— Вот откуда у тебя такие романтические представления о пиратах, — неожиданно рассмеялся Иорвет. — Что же, я благодарен тому благородному пирату. Нам нужно предупредить Саскию, пойдём.

Бросив последний взгляд вслед обозу, увозившему Шани, я зашагала за эльфом в Замок Трёх Отцов — ближайший вход был недалеко от ступеней, ведущих со стены.

Иорвет протянул руку к двери, когда она распахнулась, и ему в грудь влетел покрасневшийся Александр Альдерсбергский. На секунду мужчины замерли, меряя друг друга взглядами и упираясь плечами. Никто не желал отходить в сторону первым. Я закатила глаза и шагнула вперёд. Галантному рыцарю ничего не оставалось, как уступить и с поклоном пропустить меня в дверь. На губах Иорвета заиграла торжествующая улыбка.

В зале советов Саския была одна. Она стояла, выпрямившись и сжав кулаки, как стойкий оловянный солдатик, невидящим взглядом сверля стену. Мы подошли, и Аэдирнская Дева повернула к нам бледное лицо с опухшими заплаканными глазами.

— Ты в порядке? — я приблизилась к ней, дотронулась до локтя.

Благодарно взглянув на меня, она кивнула.

— Да... уже да. Иорвет, я видела, что Киаран ушёл с отрядом. Я думала, что пойдёшь ты.

— Планы изменились, — Иорвет сел за круглый стол и откинулся на спинку стула, из-под полуприкрытых век наблюдая за Саскией. — Мы идём искать Исенгрима.

Бледность покинула лицо Девы, она решительно прошагала к столу.

— Рассказывай.

— Нечего пока рассказывать. Кроме того, что у нас есть для него послание, и я думаю, что получив его, Исенгрим вернётся из Зеррикании.

— Зачем ты хочешь его вернуть? Скоя'таэли стоят за тебя горой, им не нужны другие командиры.

Иорвет помолчал, наклонился вперёд.

— Я думаю о Дол Блатанна, — тихо произнёс он. — Пока там сидит Франческа, мы держим под боком пороховую бочку. Единственный, кого там могут принять по праву рождения и авторитету вместо неё — это Исенгрим Фаоильтиарна.

Я внимательно слушала. Вот кому, оказывается, хотел Иорвет передать розу из Шаэрраведда — Железному Волку, легендарному предводителю скоя'таэлей, бывшему командующему эльфийской бригады Врихедд во Второй Северной Войне. Он вёл за собой молодых эльфов и обрёк их на гибель в борьбе за лучший мир. Да! Именно о нём говорила Аэлирэнн, сомнений быть не могло. В очередной раз я поразились, как Иорвет, ещё вчера ничего не знавший о розе, сегодня уже придумал далекоидущую многоходовку с вмешательством в дела соседнего государства.

— Ты уверен, что он жив и что он согласится вернуться? — с сомнением протянула Саския.

Иорвет пожал плечами.

— В Дилленгене нильфы передали нас, всех офицеров Врихедд, нордлингам, и троих тут же повесили за сараем на молу. Нам сказали, что троих, но показали только два тела. Среди них не было Исенгрима. А последний раз похожего на него эльфа видели на тропе, ведущей к перевалу Эльскердег в Огненных Горах. Оттуда дорога одна — в Зерриканию.

— Зеррикания огромна, — нахмурилась Саския, — затеряться там — не проблема даже дракону.

— Мы должны попытаться, — упрямо ответил эльф. — Пока что в Долине Понтара всё под контролем, но если мы не будем постоянно расширять своё влияние, если не будем откусывать по кусочку от врагов, неминуемо, шаг за шагом они будут откусывать от нас.

Саския покачала головой.

— Ты нужен здесь. Эльфы верят только тебе.

— Не беспокойся. Анару остался за главного у скоя'таэлей до приезда Киарана. Ярпен с краснолюдским гарнизоном в Вергене. А что с аэдирнцами?

Глаза Саскии блеснули.

— Они остаются... пока. Им некуда возвращаться.

— Отлично! Значит, мы можем отправляться.

Помедлив, Саския принялась расстёгивать на груди ремни кожаной куртки, и что-то искать во внутреннем кармане.

— Яна!

Я подошла. Она протянула мне висящую на золотой цепочке пластину матового тёмно-зелёного цвета в форме крупного листа липы.

— Возьми, этот амулет был сделан из моей чешуи, когда я была ещё ребёнком. Если вы найдёте моего отца — покажи ему, и он поможет вам.

В её глазах заплясал весёлый огонёк.

— Не отдавай амулет Иорвету. В Зеррикании особое отношение к мужчинам, пусть лучше мой подарок будет у тебя.

Я просунула голову в цепочку. Гладкая драконья чешуя приятным теплом коснулась кожи на груди. «Ещё пара амулетов, — подумалось мне, — и я стану похожа на цыганку. Или на новогоднюю ёлку».

— Что же, долгие проводы — лишние слёзы.

Мы встали. Саския ладонью притянула Иорвета за шею и коснулась лбом его лба. Потом настал мой черёд, и железной хваткой Аэдирнская Дева притиснула меня к груди.

— Я буду вас ждать.

В пустынных коридорах Замка Трёх Отцов гуляло эхо. Последние раненые под присмотром травника остались лишь в одном из залов. Город постепенно возвращался к жизни.

— Почему ты не рассказал Саскии про Каэр Морхен? Кто-то из нас или даже оба может погибнуть там.

— Погибнуть можно в любой день. Каэр Морхен — лишь остановка на пути, — равнодушно ответил Иорвет. — У меня есть ещё дела. Встретимся вечером в таверне. Расскажешь мне всё, что знаешь про битву, в крепости у нас может не быть возможности это обсудить. А завтра утром сожжём письмо.

***

Усаживаясь за столик в тёмном углу подальше от посетителей, я думала о том, что для

меня Каэр Морхен — не просто остановка на пути. Для здешней версии меня, рождённой в этом мире чуть менее года назад, цитадель ведьмаков стала домом. Снова и снова я прокручивала в мозгу последовательность событий битвы с Aen Elle, пытаюсь найти лазейку, чтобы спасти Весемира. К моему отчаянию пазл не складывался. Если Весемир не умрёт, то Цири не сможет воспользоваться силой Старшей Крови, проявляющейся лишь в моменты крайнего отчаяния и ярости, а значит Дикая Охота победит.

Я с надеждой посмотрела на Йорвета, который, пригнув голову, чтобы не удариться о притолоку, входил в таверну. После вчерашнего разговора, несмотря ни на что, я приободрилась. Я не одна, у меня теперь есть напарник, и не абы какой, а самый опасный разбойник Севера. Я вспомнила будоражащие кровь ощущения после успешно проведённых авантур, и губы непроизвольно растянулись в улыбке. Это многого стоит. Это наркотик, который даже покруче, чем любовь.

— Чему ты радуешься? — кислая физиономия предмета моих мыслей явно намекала, что он не разделяет моего воодушевления.

— Тебя рада видеть, — не стала врать я.

— С чего бы, я пропустил новое Сопряжение Сфер? — усмехнулся он.

Трактирщик поставил на стол пару кружек бархатистого тёмного пива.

— Возьмите стейк сегодня, — заискивающе заглядывая в глаза, пробормотал он. — Ожог, как госпожа медичка велела, не то второй, не то третий. Может, и четвёртый, конечно, но я старался!

Я кивнула. Йорвет проводил краснолюда до кухни задумчивым взглядом.

— Давай по порядку. Кто там будет?

Я начала перечислять, лицо эльфа всё более мрачнело.

— Что за чёртов зоопарк решил собрать Gwynbleidd?!

— Друзей не выбирают, — я пожала плечами.

— Продолжай, — угрюмо потребовал он.

Я рассказала по шагам о ходе битвы, память о которой освежила вчера ночью, прочитав тонну прохождений игры.

— И вот тут мне нужна твоя помощь. Весемир не должен умереть.

— Из твоего рассказа следует, что hen vatt'ghern обязан это сделать, иначе ничего не получится.

старый ведьмак

— Да, — упавшим голосом подтвердила я. — Но неужели мы ничего не сможем придумать?

С тайным удовлетворением я увидела, что Йорвет проглотил наживку — в его взгляде зажёгся азарт. С перерывом на стейк, который и правда оказался восхитительным, мы придумывали и отменяли идеи, двигали по столу солонку, кружки пива и столовые приборы, расставляя укрепления, защитников и врагов.

— Остаётся единственный вариант, — резюмировал скоя'таэль и с размаху воткнул вилку в столешницу в месте предполагаемого нахождения Весемира. — И на его успех я не поставил бы даже краснолюдских порток.

— Берём, — решительно кивнула я.

***

Письмо с тихим потрескиванием горело. Навьюченные вещами и оружием, мы стояли посреди спартанской Йорветовой комнаты в квартале скоя'таэлей. Эльф держал под каждой

рукой бочонки с порохом и селитрой, а я обнимала увесистую бочку с димеритом. На пол упали хлопья золы.

— Будет несмешно, если портал не откроется, — начала я, и в тот же момент перед носом зажглась оранжевая точка.

Портал вырос от пола до потолка, и, переглянувшись, мы шагнули в него. В кожу будто бы впились миллионы крючков, разрывающие тело на части. Во тьме неслись рваные рыжие всполохи огня. Я вцепилась в бочонок изо всех сил, в голове мелькнула мысль, что Геральт совсем не зря ненавидит порталы. Хотелось заорать от боли, но тут тьма расступилась, и мы вышагнули, жмурясь от солнца, на внешнем дворе в Каэр Морхене.

Пара приземистых крепких лошадок испуганно заржала. Я с наслаждением вдохнула прозрачный горный воздух. Наконец-то! Из-за крупов лошадей показался худой высокий человек, сопровождаемый подбоченившейся, коротко стриженной блондинкой. Затейливо намотанный чёрный шаперон мужчины, синий стёганный камзол и такого же цвета синяя курточка его спутницы, из-под которой виднелась расстёгнутая до пупа рубашка, не оставляли сомнений, что перед нами командир темерской разведки с его верной напарницей.

— Смотри-ка, Бьянка, что это за разрисованный татуировками цыган прибыл да с ручным медведем? Не верю своим глазам, кого же нам дьявол принёс?

Я бухнула бочонок с димеритом на землю. Ручной медведь, значит?

— Купцов, мать вашу, бакалейщиков принёс, — зло ответила я, глядя прямо в угольно-чёрные глаза Вернона Роше.

— Купцов, значит? — его глаза вспыхнули, он с подозрением уставился мне в лицо.

— Бакалейщиков, — отчеканила я.

— Занятно, где-то я это уже слышал... С каких это пор ты стал прятаться за спиной бабы, Иорвет? — протянул Роше.

Иорвет не спеша поставил свои бочки, разогнулся. До этого видя эльфа по большей части в кругу своих, сейчас я заметила в его поведении неуловимую перемену. С виду расслабленный, он был тем не менее собран, в движениях сквозило скрытое напряжение, как у хищника перед прыжком. Его губы саркастически изогнулись.

— Научился у тебя, Вернон Роше, — чуть растягивая слова, нараспев проговорил он, — у командира темерского особого отряда. Хотя, постой-ка, кто ты сейчас?

Иорвет демонстративно прищурил глаз.

— Не вижу твоего герба... Ба! Да вот же он! — скоя'таэль, как будто удивлённо, взялся за висящий у себя на груди значок с тремя лилиями.

Я могла поклясться, что он специально нацепил его, узнав, с кем встретится в Каэр Морхене, потому что в Вергене значка ни разу не видела.

— Кажется, теперь командир особого отряда — это я, — протянул Иорвет. — А ты — партизан, вынужденный прятаться по лесам. Смешная штука жизнь, не правда ли, Вернон Роше? Могу подарить тебе беличий хвост, только попроси!

На небритом лице темерца с глубокими горькими складками вокруг рта дёрнулась щека.

— Я убью тебя, выродок, — сплюнул он, — только повернись ко мне спиной!

Незамедлительно Иорвет развернулся к Роше широкой спиной и кивнул мне в сторону лестницы наверх.

— Вижу, детишки уже обменялись любезностями, — покачивая крутыми бёдрами, обтянутыми чёрной кожей, к нам шла Йеннифэр. — Оставьте свои игрушки на потом, здесь

у нас другая задача.

Она тряхнула чёрными локонами, совсем как тогда, в мираже на болотах, и её лицо смягчилось.

— Спасибо, что согласились помочь. Йеннифэр из Венгерберга.

— Яна из... э-э-э... Каэр Морхена, — кивнула я.

— Тёзка, значит... — почти прошептала чародейка, и на её идеально гладкий лоб набежала тень.

Она опять тряхнула головой и, казалось, задумалась о своём. Почувствовав неприятное ощущение в висках, я сосредоточилась, стараясь выкинуть все мысли из головы — мне совсем не хотелось, чтобы Йеннифэр копалась в моих мозгах. Чародейка лукаво рассмеялась, стрельнула на меня фиалковыми глазами из-под длинных ресниц и направилась внутрь крепости.

— Ёкарный бабай, Йорвет, какими судьбами? — раздался краснолюдский рык. — Давай-ка я вам подсоблю. Небось, что-то вкусненькое привезли?

— Несомненно, Золтан, тебе понравится, — губы моего спутника тронула улыбка.

В сопровождении верного друга Геральта мы поднимались по крошащимся ступеням. Деловитый краснолюд подхватил два бочонка и семенил впереди. Под мышкой его штопанного-перештопанного некогда зелёного кафтана зияла дыра, из которой свисали клочки ваты, однако, рыжеватый ирокез задиристо торчал вверх. Судя по аромату, Золтан укладывал его пивом.

— Сюда ставь, — скомандовал он, когда мы прошли через арку в нижний двор.

Весемир, сидящий под старым дубом, отложил в сторону меч и точильный камень. Седые волосы ведьмака на новый лад были собраны ремешком на затылке, а лицо покрывал тёмный, по-деревенскому неравномерный загар.

— Яна, девочка! — он раскрыл объятия, и я бросилась к нему.

— Говорил я Геральту, что не надо тебя звать, — ворчливо продолжил он, — да разве ж кто меня слушает?

— Я слушаю! — я сжала его сильнее. — Но никуда отсюда не уйду.

— Вот и все так — слушают, да делают по-своему. Я рад, что ты здесь.

Как смогла, я представила ему Йорвета, уважительно склонившего перед Весемиром свою гордую голову аж на четверть дюйма.

В густой тени дуба с колен из медитации поднялся ведьмак — новая тёмная куртка по фигуре с широкой кольчужной вставкой на узкой талии, ремни, накрест пересекающие мощную грудь, чёрные волосы, падающие на лоб, и чуть насмешливые глаза с вертикальным зрачком. Мои внутренности от волнения сжались в тугой узел. Я нерешительно шагнула к Эскелю, не зная, как правильно вести себя при такой толпе народа. Он смотрел на меня.

Я подошла ближе, и тут он, сделав шаг навстречу, подхватил меня под талию, приподнял вместе со всеми навешанными мечами и сумками, крепко прижал к себе, закружил. Мимо взгляда промелькнули насмешливо скривившиеся губы Йеннифэр, Весемир, брови которого от удивления поползли на лоб, умилённо сложивший ладони Золтан и надменный взгляд Йорвета.

— Я так тебя ждал, — прошептал Эскель и припал к моим губам.

«Плевать на всех», — пронеслось у меня в голове, я обвила руки вокруг шеи ведьмака и ответила на поцелуй.

КАЭР МОРХЕН. Глава 35. Камнем лежать или гореть звездой

Эскель вызвался показать приготовленные для прибывающих гостей комнаты. После яркого солнца своды Каэр Морхена встретили полумраком, в дальнем конце зала уютно светился камин.

У огня, сгорбившись, на корточках сидела массивная фигура. Бритая голова переходила в бычью шею со складками кожи на загривке, огромную спину защищала толстая кожаная безрукавка, из-под которой торчали бугры мощных рук. От звука наших шагов человек не шелохнулся, не повернул головы, продолжая неподвижно смотреть на огонь. Я украдкой глянула на Йорвета. При виде Лето ни один мускул не дрогнул на его лице, лишь губы были сжаты в тонкую нить.

Следом за Эскем мы поднялись в просторные, до того пустовавшие галереи второго этажа замка.

— Комнаты в башнях мы освободили для чародеек, — пояснил Эскель, — твою заняла Трисс, а в мою положили Аваллак'ха, после трансформации Знающий едва жив. Но у меня есть идея получше.

Мы шли по коридору, на пол которого ведьмаки постелили отрытую в каких-то закромах поеденную молью выцветшую ковровую дорожку.

— Занимай вот эту, — Эскель махнул Йорвету в одну из комнат.

Тот молча шагнул в неё и с грохотом захлопнул за собой дверь. Ведьмак проводил эльфа задумчивым взглядом и открыл дверь напротив. Помедлил и взял меня за руку.

— Весемир подготовил тебе комнату, но я подумал, что она, может, ещё кому-то пригодится, — он привлек меня к себе.

— Будем тесниться в твоей? — коснувшись губами его уха, шепнула я.

Эскель втолкнул меня внутрь, о пол лязгнули мечи, я сбросила с плеч сумки. Не переставая целоваться, мы судорожно расстёгивали многочисленные пряжки, на пол летели перчатки, щитки, ножи, перевязи. Звякнули эликсиры в упавших поясах, за ними последовала одежда. Как когда-то, Эскель подхватил меня на руки и отнёс на кровать.

— И где же тебя носило все эти годы? — ведьмак навис надо мною, слегка касаясь кожей.

Шершавой тёплой ладонью гладил по лицу, убирая упавшие на глаза волосы.

— Меня не было всего лишь пару месяцев, — я притянула его к себе.

— Я знаю, я считал, — прошептал он.

***

Прыжок, меч прошёл снизу, тут же нырок, свист над головой, выпад. Отклонившись, Эскель схватил меня за запястье, сжимавшее меч, другой рукой толкнул над локтем — бросок. Я отлетела в сторону, перекат, вскочила на ноги.

— Ты стала быстрее, это хорошо, — на меня обрушилась серия ударов, и я едва успевала ставить блоки.

На колющий выпад провернулась, прыжок и рубящий удар сверху.

— И вот это хорошо, только силы не хватило, — обеими руками держа меч над головой, Эскель остановил атаку. — У кого научилась?

— У скоя'таэльской подруги. А так?

После выпада ведьмака я провернулась, ударила Аардом в землю, и, подлетев в прыжке выше, нанесла тот же самый удар сверху с двух рук. В этот раз Эскелю пришлось присесть на одно колено, чтобы остановить меч.

— Лучше, только не фиксируйся в конечной точке, не то будет вот что, — он провернулся на согнутых ногах и режущий удар пришёлся мне на живот.

Затрещал и исчез защитный Квен. Из арки на стену вышел Иорвет с трубкой в руке и, присев на зубец, стал отрешённо наблюдать за тренировкой.

— Давай блок слева отработаем, — Эскель атаковал.

Я была в эйфории — ни одной мысли в голове, только ощущение полёта и полное погружение в бой. Как же я соскучилась по тренировкам, по Эскелю, в этот момент совершенно позабыв про грядущую битву, про планы, про всё. Сейчас существовали лишь движение, скорость и чистые рефлексy.

Ведьмак застыл в стойке, меч на уровне лица направлен ко мне, я отвела локоть в сторону и встала в симметричную, взгляды скользнули по лезвиям и пересеклись. К щекам прилил жар, глаза Эскеля смеялись.

— Перерыв? — он опустил меч, обнял меня. — Держись рядом в бою с Охотой.

— Нет, — я кивнула в сторону эльфа, — у нас есть план.

— Какой план?

Я замялась.

— Я не могу тебе сказать, иначе что-то может пойти не так, — тихо ответила я. — Но нам нужны будут наши знаки.

Эскель молчал, пристально глядя мне в глаза.

— Я понимаю... — наконец, произнёс он, — судя по твоему описанию, они и правда могут быть полезны. Но не скажу, что мне это нравится.

Отстранившись и бросив быстрый взгляд на стену, где эльф невозмутимо дымил трубкой, ведьмак прошёлся по вытоптанной траве и, взмахнув пару раз мечом, отбросил его.

— Тогда давай учить улучшенную версию Квена. Если я не смогу защитить тебя, я хотя бы должен быть уверен, что ты сможешь сделать это сама.

Эскель повёл пальцами, и вокруг него надулся оранжевый полупрозрачный пузырь. Я ударила, меч отшвырнуло, едва не вырвав из рук.

— Как обычный Квен, только большой палец подогни.

Я складывала пальцы снова и снова. Эскель, зачерпнув ладонями воду в бочке, плеснул на лицо, намочил волосы.

— Не получается, — меня тянуло к вожденной влаге.

— Получится, — ведьмак погрузил в бочку руку и окатил меня водой.

От раскалённой кожи, казалось, пошёл пар, мокрая рубашка прилипла к телу. Я рассмеялась и шлепком направила в сторону Эскеля фонтан брызг.

Иорвет на стене поднялся и, брезгливо сморщив лицо, мотнул мне головой в сторону замка. Я отмахнулась.

— Пойдём, я кое-что тебе приготовил, — сказал Эскель, полой рубашки вытирая лицо. — И надо заняться бомбами. Ламберт сделал запас, да двумерит кончился.

— А где он сам?

— Сбежал куда-то. Ты же знаешь, как он любит общество, — усмехнулся ведьмак. — Небось отсиживается в хижине на причале.

На нижнем дворе в тени старого дуба сидел Лето из Гулеты и невозмутимо обстругивал

ножом деревяшку.

— Ты хотел делать растяжки, — обратился к нему Эскель, — у нас теперь есть порох.

Лето поднял лицо с тяжёлой, выступающей вперёд челюстью — живой и цепкий взгляд глубоко посаженных глаз со змеиным зрачком изучал нас.

— Хорошая ложка выйдет, — он подкинул в руке деревянную чурку. Густой низкий голос был ему под стать. — Сделаю.

В арсенале было прохладно, и я зябко повела плечами, рубашка всё ещё была влажной.

— Когда мы расчистили тут всё после завала, я нашёл меч и думаю, он тебе подойдёт.

Эскель выудил из стойки изящный серебряный клинок.

— Роза из Шаэрраведда, — торжественно произнёс он, — гномское лезвие, гарда эльфской работы. Пройдет сквозь латы, как нож сквозь масло.

Не дыша, я взяла меч, поражённая его именем. Лезвие, расширяющееся под полукруглой гардой, идеальной линией сужалось к концу. Рукоять с подновлённой оплёткой из чёрной тиснёной кожи венчало элегантное серебряное навершие в форме розы. Я достала из-за пазухи кулон Аэлирэнн.

— Тебе Геральт рассказал, кого мы встретили в Шаэрраведде?

— Да, поэтому я и подумал, что этот меч как раз для тебя. И ещё...

Он прошёл к сундуку в углу и, порывшись, вытащил доспехи и замотанный в холст стальной меч.

— Геральт был здесь, и мы расколдовали Уму...

— Знаю, да.

— И потом он поделился со мной чертежами доспехов школы Змеи. А Лето подкинул чертёж меча, так что я сделал нам...

Он протянул мне куртку точно такого же фасона, как у него — с кольчужной вставкой на талии, с широкими щитками, защищающими плечи. В отличие от тёмного, почти чёрного доспеха Эскеля, мои куртка и штаны были смутно знакомого матового тёмно-рыжего цвета, слегка отдающего в красный и жёлтый. Я провела пальцами по бугристой плотной коже.

— Не пропадать же шкуре твоей виверны, — засмеялся ведьмак. — Ни один утопец не продерёт.

— Я чувствую себя как ребёнок, ограбивший Деда Мороза, — смутившись, сказала я.

— Брось. Бери стальной меч, он хорош вместе с Игни. Осталось только освоить Квен, и я буду спокоен.

— Всё будет хорошо, иди сюда, — я потянулась к нему.

Эскель наклонился, но в сантиметре от моих губ замер.

— По-моему, твой эльф всё что-то от тебя хочет, — тихо сказал он.

— Он не мой, — едва слышно выдохнула я в ответ.

***

— Мне кажется, или это тебе нужно было спасти Весемира, а не мне? — раздражённо выговаривал Иорвет, пока мы шли к выходу из зала.

— Да, мне нужно, — не стала препираться я, — прости.

От крыльца мы свернули влево к заросшему двору, где над стенами неподвижно висел устрашающий тренировочный маятник.

— Вот здесь это будет, — я показала на башню, к стене которой Имлерих прижмёт Весемира, держа его одной рукой, а потом сломает ведьмаку шею. — Тут Цири и чародей Карантир, а тут Эредин — их главный.

Иорвет обошёл двор, придирчиво осмотрел леса, пристроенные к башне.

— Не слишком удачное место, но других подходящих нет.

Мы ещё раз проговорили последовательность действий, когда к нам в сопровождении Йеннифэр и Золтана подошёл Эскель.

— Йен говорит, что Дикая Охота будет проникать к нам через порталы, которые можно закрывать двумеритовыми бомбами, — ведьмак обратился к Иорвету: — Давай заготовим взрывающиеся наконечники для стрел, чтобы ты мог расстреливать порталы издалека.

— И вымажем их в махакамской смеси, — добавил Золтан, сжав кулаки, — а она горит лучше, чем грешники в аду.

Иорвет кивнул и вместе с Эскелем направился к мастерской.

— Сложный выбор, не так ли? — промурлыкала чародейка, глядя в спины удаляющихся мужчин.

— Нет, если его сделали за тебя, — я прямо посмотрела ей в глаза.

— От этого он становится только сложнее, — туманно ответила Йеннифэр и пошла прочь.

В кухне Весемир жонглировал сковородами и котлами, готовя на всех еду. Я бросилась на помощь.

— На, шинкуй капусту, — он придвинул мне кочан, — да расскажи, что за это время с тобой произошло.

Огонь в камине потрескивал, пахло подсохшим иван-чаем и копчёным запахом развешанных колбас, и как в старые добрые времена Весемир был готов слушать. Орудя длинным ножом, я рассказывала ему о приключениях в Синих горах, об обороне Вергена. Старый ведьмак качал головой.

— Вроде с Геральтом ты не так много времени провела, а всё туда же, в политику полезла. Чихнул он на тебя что ли?

— Да оно само как-то...

— Сами только кошки родятся, — Весемир закричал. — И касательно твоего мира...

Я отложила нож.

— Ты узнала что-нибудь? Сколько у тебя есть времени? Как вернуться?

Вспомнилось лицо другой меня, с закатившимися глазами сидящей в кресле.

— Пока моё старое тело живо там, я жива здесь, — тихо сказала я. — Не знаю, сколько мне осталось. Но после Каэр Морхена я должна выполнить обещанное Иорвету и потом уговорю его помочь мне вернуться.

Весемир помолчал, пожевал губами.

— А Эскель знает?

— Пока нет, — едва слышно ответила я.

— Раз уж так... э-э-э... так всё сложилось, ты не должна скрывать от него ничего, он имеет право знать и выбирать. Они с Геральтом похожи, как братья, но если Геральт предпочтёт перейти мост или сжечь, то Эскель на него просто не пойдёт.

— Отказ от выбора — тоже выбор.

— Путь ведьмака в свободе. А свобода — это Ничто. Пустота. Геральт никогда не мог принять этого до конца, в отличие от Эскеля. Эскель должен знать, пока не стало слишком поздно.

Многочисленные порезы на тёмном промасленном дереве столешницы вдруг стали нечёткими. С головой окунувшись в жизнь в этом мире, я слишком долго отгоняла от себя

мысли о возвращении и не задумывалась о том, что здесь после того, как я исчезну, кому-то от этого может стать больно. Смерть в этом мире всегда слишком близко, поджидает за каждым углом, и она более реальна, чем мои гипотетические планы на возвращение, которые ещё непонятно, как воплотить. Однако думать об этом стоило раньше. Я вдруг отчётливо осознала, что возвращение и смерть для меня здешней — это одно и то же.

— Камнем лежать или гореть звездой, — сказала я, отвечая, скорее, своим мыслям, нежели старому ведьмаку. — Всё слишком запуталось, я подумаю об этом позже. Ведь нет ничего хуже, чем жалеть о несделанном. Я помню твои слова, Весемир, ты сам говорил так.

Ведьмак с сомнением покачал головой.

— Чем дольше живу, тем меньше уверен, как правильно. Однако у нас всё готово, зови всех.

***

Роше, который только и успел отмыть от грязи лицо и руки, ругался. Насколько можно было понять из витиеватых выражений, в одной из волчьих ям, которые на пару с Бьянкой они копали в лесу, грунтовыми водами прорвало стенку, и Вернон со спутницей вынуждены были буквально принять грязевые ванны.

— Нагреешь воды, делов-то, — мягко усмехнулся Весемир, — отмоешься.

Иорвет хмыкнул. Темерец с яростью уставился на него.

— Ну давай, скажи, что хотел, ушлёпок!

Эльф нацелил в Роше вилку и слегка наклонился над столом:

— Даже всей воды в озере не хватит, чтобы ты смог отмыться, Вернон Роше.

Темерец открыл было рот, но тут раздался перестук каблучков по каменному полу и зал окутало густым ароматом духов. Под руку к столу шли чародейки. Йеннифэр излучала само дружелюбие, сияя, как кот, объевшийся сметаны, на лице же Трисс играла натянутая улыбка. Рыжеволосая чародейка высвободила руку и грациозно присела рядом с Лето. Йеннифэр уселась напротив.

— С таким составом никаких бомб не нужно, — шепнул на ухо Эскель, — дожить бы нам до приезда Геральта.

Вернон схватил рюмку со специально найденной для него темерской ржаной водкой и опрокинул в себя.

— Ведьмак, налей вина, — потребовала Йеннифэр у Лето, пододвигая к нему бокал.

Тот не спеша достал из-за голенища свежевystруганную ложку.

— Мы столько скитались вместе, Йен, и память, вроде как, тебе больше не отшибало, а всё не запомнишь, что я тебе не слуга, — Лето принялся за еду.

Трисс благосклонно придвинула поближе к нему блюдо с запечённой курицей. Весемир укоризненно покачал головой и разлил всем напитки. Золтан покрутил в руках кубок с махакамским спиртом.

— На похоронах и то веселее пить, — угрюмо сообщил он.

— На похоронах, Золтан, я не сживал за одним столом с теми, по чьей милости всю Темерию накрыло волосатой жопой. Гляди-ка, убийца моего короля и его сообщник пьют и едят, как ни в чём не бывало, — темерец мрачно потянулся к бутылке.

— И ты пей! — подбодрил краснолюд.

— С помощью таких, как ты, Роше, твой король начал охоту на нелюдей, — заговорил Иорвет, — а нелюди помогли с охотой на него, всё справедливо.

Роше поднял на скоя'таэля тяжёлый взгляд.

— Вы, парни, как стороны одной монеты, — быстро вклинился Золтан, не оставляя попыток разрядить обстановку. — Оба хотите свободы для своего народа. Да только монета та давно в говно упала, пора бы уж её отмыть да что-нибудь полезное с ней сделать.

Лето поднял голову от тарелки, посмотрел исподлобья.

— Мы были глупы, а за глупость надо платить, — произнёс он своим густым, словно из трубы, голосом.

— Говори за себя, сукин ты сын, — Роше полыхнул взором в сторону ведьмака, и неожиданно Йорвет согласно кивнул.

— Каждому из нас кое-кто обещал вот такенный торт, — продолжил Лето, разведя мощными, как у накачанного стероидами бодибилдера, руками. — Вы можете гоняться за своими кусками и дальше, а мне одного раза хватило, чтобы понять, что торт этот — ложь.

— Какой, в жопу, торт, — темерец опять потянулся за водкой, на худых щеках заходили желваки. — Сейчас и похлёбка из болотной воды с тиной да с обухом топора на ура пойдёт.

Прищуриив глаз, Йорвет внимательно изучал лицо Роше и, казалось, о чём-то размышлял.

— Отвар из шиповника? — в повисшей паузе Трисс взяла в руки кувшин с розоватым напитком.

Лето подвинул кружку. Чародейка миролюбиво продолжила:

— Мы все были и есть по разные стороны баррикад. Но мы все — друзья Геральта, иначе он бы нас не позвал, он нам доверяет. Давайте же в эти дни будем помнить друг о друге только хорошее. Например, если бы Лето не спас меня из плена нильфгаардцев в Лок Муинне, меня бы с вами не было. Я помню это, — Трисс благодарно взглянула на огромного ведьмака. Протянула ему вазочку. — Сахар?

— Нет, Трисс, спасибо. Я и так сладкий.

Бьянка со скрежетом отодвинула стул.

— С меня хватит!

Остальные задумчиво потянулись к бокалам.

— Пойдём, может, прогуляемся? — предложил Эскель.

В прохладной августовской темноте стрекотали сверчки, мы шли серыми тенями, взявшись за руки. На внешнем дворе слегка переступали копытами и хрупали сеном лошади. Ведьмак присел на кромку стены и потянул меня к себе на колени. Казалось, что я вернулась обратно в шестнадцать лет, и, будто наблюдая за собой со стороны, одновременно ощущала, как в животе, в груди без моей на то воли замирало и распускалось волнительное нечто и кружилась голова. Мне было интересно, что чувствует Эскель, ведь, в отличие от меня, получившей в этом мире молодое тело, он не был юнцом, хотя и целовался как ненасытный мальчишка.

За долгие месяцы в Каэр Морхене, за все те ежедневные часы, проведённые вместе, он стал таким родным и близким. Я знала каждую чёрточку его лица, знала, как он смеялся, как в задумчивости поглаживал шрам, как иногда уходил в себя, не пуская никого туда, в сокровище. Теперь же пришла лёгкость, исчез невидимый барьер, и стало возможным прикасаться к нему, болтать, не боясь открыться, и узнавать его заново. Я склонила голову ему на плечо, и он расспрашивал меня, слегка покачивая на коленях, и шёпот пополам со вспышками негромкого смеха вплетался в тихие ночные шорохи.

По деревянному мостку на въезде в крепость глухо застучали копыта, и у ворот завиднелась тёмная фигура.

— А вот и Ламберт.

Мы встретили ведьмака. Он спрыгнул с гнедого красавца-коня и с подозрением огляделся вокруг.

— Все в замке, ужинают, если только не переубивали друг друга, — успокоил его Эскель, — можешь ещё успеть.

— Нет уж, я не настолько голоден, — буркнул Ламберт, смерил меня взглядом и погрозил пальцем. — Только сразу предупреждаю, без обнимашек! Что у вас там за девок делают в вашем мире, одни обнимашки на уме!

— Да я и не собиралась даже! — возмутилась я.

— Я прочёл их в твоих глазах, не отпирайся.

— Не допросишься!

— Ты угробила мою лошадь?

— Моя лошадь, — подчеркнула я первое слово, — в порядке, в Вергене. А по тебе я соскучилась.

— А говоришь, и не собиралась, лживая женщина, — он протопал к конюшне. — Не говорите там, что я приехал, полезу через окно.

***

Ночью, в изнеможении лёжа в постели под боком у Эскеля и лоя разгорячённым телом прохладу из распахнутого окна, я щёлкала пальцами, пытаюсь сложить улучшенный Квен, и раздумывала над словами Весемира. Начинать серьёзные разговоры не хотелось, про Зерриканию и поиск пути в тот мир я успею рассказать и потом. Или сейчас? Потом, щелчок пальцами, сейчас, ещё один.

— Что ты там шепчешь? — спросил Эскель и ласково положил тяжёлую руку мне на живот.

— Потом, — прошептала я, щёлкнула, и над нами разлился оранжевый прозрачный купол.

— Я же сказал, что получится.

— Да, — я потёрлась носом о его плечо, обвила руками, — спокойной ночи.

Эскель ударил Аардом в оранжевый пузырь, сияющий вокруг меня. Пузырь выдержал.

— Будем считать, что урок усвоен, — с удовлетворением произнёс он. — Бери меч, давай ещё раз атаку.

На стене в беспокойстве металась Йеннифэр, вглядываясь в дорогу вниз.

— Каждый день так, — бесстрастно заметил Эскель, — но Геральту пора б уж и вернуться...

Йеннифэр вдруг замерла и, перегнувшись за парапет, вытянулась в струну. Но через миг разочарованно отпрянула назад, нервно сплетая пальцы. В ворота Каэр Морхена степенно входили скеллигцы.

Впереди вышагивал широкоплечий рыжеволосый бородач с распахнутым на груди рыжим же кафтаном, отделанным мехом. На рукаве его красовалась красно-клетчатая повязка с цветами клана Ан Крайтов. За ним следовали двое дружинников, на голову одного из них глубоко, по самые брови был надвинут шлем с изогнутыми в стороны рогами горного барана. Замыкал шествие, опираясь на суковатый посох, высокий худой друид, который, несмотря на жару, кутался в длинную меховую безрукавку.

Громко хлопнуло, и от мишени повалил дым. Иорвет, тестирующий взрывающиеся наконечники, опустил лук.

— Мочи эльфа! — раздался вдруг вопль, и в сторону Иорвета понёсся, выдирая меч из ножен, скеллигец с рогами на голове.

Рыжебородый, матерясь, рванул за товарищем. На тетиве скоя'таэля мгновенно образовалась новая стрела, и он невозмутимо натянул лук в сторону скеллигца, бегущего к нему через двор. Эскель молниеносно вырос у того на полпути, сделал захват, меч выпал из выкрученной руки. Иорвет опустил лук.

— Дубина, это не тот эльф! — заорал рыжебородый. — Простите его. Виги у нас не зря носят имя Помешанный. Я — Хьялмар Ан Крайт, Геральт просил о помощи в битве с эльфами.

— Виги Бесстрашный! — хмуро поправил рогатый, растирая запястье.

— Олень, — прокомментировал Иорвет и отвернулся к мишени.

Завидя Весемира, друид приветственно распростёр руки. К его высокой шапке были пришиты гладкие, очищенные от коры ветки, формой похожие на выбеленные кости, а борода издали напоминала метлу дворника, связанную из тонких берёзовых прутьев.

— Друг мой, сколько лет!

Старый ведьмак подошёл, заключил друида в объятия. Тот порылся за пазухой.

— Наливочка, на курослепе, как в старые добрые?

— Не откажусь, Мышовур, не откажусь.

Ведьмак с друидом направились в замок, предоставив молодёжи разбираться друг с другом самостоятельно. Второй спутник Хьялмара уже стоял около Иорвета и, уважительно цокая языком, обсуждал скоя'таэльский лук с двойными плечами. За его собственной спиной висел наполненный стрелами колчан и мощный лук, изукрашенный резьбой.

— Цирилла уже здесь? — Ан Крайт испытующе посмотрел на Эскеля.

— Нет, ждём.

Хьялмар склонил голову и в задумчивости опустил на бревно. Виги, гладкое

сметанное лицо которого совершенно не тронуло ни тенью смущения, плюхнулся рядом. Эскель собрался было проводить их в комнаты, когда из ворот на двор вошли Роше с Бьянкой, устало закинувшие на плечи лопаты. Виги приосанился.

— Эй, холоп! — крикнул он в сторону Роше. — Воды подай!

— Холоп у тебя в штанах, олень, — процедил темерец, проходя мимо.

Иорвет засмеялся. Подмигнув мне, Эскель повёл от греха подальше скеллигцев в их апартаменты. Я увидела Трисс, которая стремительно неслась, перепрыгивая через ступеньки, к Йеннифэр. Чародейки что-то обсуждали, активно жестикулируя, потом встали рядом, коснулись друг друга пальцами. Посередь двора взметнулся вихрь, посыпались жёлтые искры, и из портала выскочила, разбрасывая молнии, молодая женщина с платиновыми волосами до плеч.

— Кейра! — крикнула Трисс. — Ты в порядке?

Кейра Мец отряхнула подол широкой бурой юбки, подпоясанной грубыми узловатыми верёвками и, едва соприкасаясь щеками, расцеловалась с Трисс.

— Охотники, — с деланно невозмутимым видом пояснила она, — спасибо, что ответила на зов. Йеннифэр?

— Даже не могла подумать, что Геральт позовёт тебя, дорогая, — чародейки обменялись ещё одним ритуальным поцелуем. — Вижу, тебя очаровали новейшие веяния веленской моды?

Йеннифэр насмешливо смотрела на одежды Кейры, более подходящие деревенской ворожее, нежели могущественной магичке Ложи Чародеек. Та гневно сверкнула глазами.

— Не все придают такое значение одеждам, Йен. Некоторым, — Кейра сделала многозначительную паузу, — более по душе её отсутствие.

Йеннифэр закусила губу. Я поднялась с бревна, подобрала тренировочные мечи, переглянулась с Иорветом. Он понял меня без слов — все защитники Каэр Морхена в сборе. Осталось только дожидаться Геральта, и я была уверена, что ожидание не будет долгим. К груди подкатило волнение. Я бросилась в замок искать Эскеля.

***

В ответ на мои сбивчивые предположения о том, что Геральт появится с часу на час, Эскель взял меня за руку и повёл через зал. Мы поднялись по винтовой лестнице и прошли мимо двери в комнату, в которой я жила раньше, до самой макушки башни. Ведьмак открыл в потолке скрипучий деревянный люк, подтянулся и затащил меня наверх.

Я в недоумении оглядывалась по сторонам. Косые лучи, пробивающиеся сквозь узкие окна-бойницы, освещали пыльное замусоренное помещение.

— Хочу показать тебе кое-что, — Эскель снял и аккуратно сложил на пол куртку и мечи и принялся стаскивать сапоги, показывая, чтобы я сделала то же самое.

Ещё более теряясь в догадках и решив не задавать вопросов, я последовала его примеру. Эскель подобрал в углу верёвку, протянув, завязал у меня под грудью и закрепил у себя на поясе.

— Иди за мной.

Он с трудом протиснулся через одно из окон. Верёвка натянулась, я полезла следом.

— Мне только колокольчика не хватает, — пошутила я.

За окном башню опоясывал узкий карниз. Я осторожно шла за Эскелем, цепляясь пальцами за щели между камнями. К счастью, панического страха высоты, в отличие от замкнутых пространств, у меня не было, хотя желудок всё равно неприятно сводило, и я

старалась не смотреть по сторонам, сосредоточившись взглядом на кладке стены перед носом. Я волновалась и в то же время сгорала от любопытства, совершенно не представляя, что он задумал. Я не боялась упасть, хотя и не очень понимала, что сделал бы Эскель, сорвись я, — он лишь слегка касался руками стены. Но почему-то само присутствие ведьмака давало уверенности больше, чем хлипкая верёвка, стягивающая рёбра.

Из-под ног сыпалась крошка. Мы уже обогнули четверть башни, когда Эскель обернулся и приложил палец к губам — мы проходили над распахнутым окном. Снизу доносился певучий, срывающийся голос, который выводил знакомую мелодию. Неслышно я переступала босыми ногами по шершавым нагретым камням карниза.

— Из снов моих с утра бежишь проворно... Чёрт... Чёрт-чёрт-чёрт! — послышался звон разбитого стекла. — Крыжовник едкий, душная сирень!

Эскель усмехнулся, в золотистых глазах мелькнула озорная искра. Пожал плечами, и мы двинулись дальше. Ведьмак нащупал ржавые скобы, вбитые в стену, и начал подъём. Ступень за ступенью, выше и выше я лезла за ним, стараясь не оглядываться на уходившую вниз пропасть и не обращать внимания на ветер, хлопающий рукавами рубашки.

Наконец, Эскель перевалился через каменный зубец и вытянул меня вслед. Мы находились на плоской башенной крыше на самом верху Каэр Морхена.

— Это наше с Геральтом тайное место, — тихо проговорил ведьмак, — кроме нас, никто про него не знает. Ещё пацанами мы прятались здесь от Весемира, и если и есть какой-то лично наш уголок в Каэр Морхене, так это тут.

Он махнул рукой на грубо сколоченное дощатое сооружение в виде гигантского ящика, установленное в центре крыши. Привычным жестом откинул щеколды и отложил вперёд переднюю стенку. Теперь эта стенка превратилась в помост, а за ней пряталась крохотная комната — детский домик, пол которого застилал ветхий ковёр, в углу красовалась, видать с прошлого века, горка иссохших яблочных огрызков, валялась лампа со свечой внутри, а у стены покосилась стопка деформировавшихся от перемены погод книг. Судя по названию верхней — «Мемуары женщины для утех», Весемир бы подобной библиотеки не одобрил.

— Это же... — прошептала я, — это же ваше детство.

— Да, — Эскель задумчиво гладил шрам на щеке, — мне захотелось показать тебе, перед тем как...

Я замерла. Слишком хрупок и ценен был этот дар, и я боялась испортить момент неожиданного доверия. Это было слишком, слишком много для меня. Подавив смятение, я взяла Эскеля за руку, погладила по ладони.

— А эту шкатулку мы использовали для секретных посланий друг другу, да и себе тоже. Для тех мыслей, что и сказать не скажешь, слишком пафосно и глупо, и нигде не запишешь, в страхе, что прочтут. А тут — можно.

Он улыбнулся.

— И вид здесь самый лучший.

Ведьмак подвёл меня к краю. Окно моей комнаты, из которой мы, пробираясь сюда, слышали пение, выходило на ту же сторону, но никогда ещё я не смотрела на знакомый вид с такой высоты. Тут меня не окружали стены, не давали ощущения безопасности. Стоя на краю, я раскрыла руки порывистому ветру, и мне казалось, что я парю над долиной, вместе со стремительно носящимися в высоком небе стрижами.

— Я лечу! — я пыталась перекричать ветер, задувающий в нос и горло и треплющий ткань рубахи.

Эскель обнял со спины, прижался щекой к шее. По коже к затылку побежали мурашки. Наверное, впервые в этом мире я была настолько счастлива. Ветер трепал волосы и уносил сомнения, страхи, оставляя сиюминутный восторг и ощущение полёта.

Мягкий поцелуй в шею, ещё один, лёгкий укус за мочку уха. Я не поворачивалась. Руки Эскеля скользнули под рубашку. Быстрые поцелуи по краю брови, по кромке век. Он прижался ко мне, я чувствовала тепло его тела. Мир перевернулся, и его заполонило небо — Эскель подхватил меня на руки. Некстати пришла мысль, что в этом мире на руках меня носили чаще, чем в прошлом за всю ту жизнь. Выбросив её из головы, в очередной раз я почувствовала, до чего же Эскель силен, будто из стали отлит, со стальными мускулами.

— Сколько раз, будучи здесь, я мечтал об этом, — засмеялся он.

— Опошлим такое прекрасное место?

— Детство должно когда-нибудь закончиться...

***

Я отодвинула шкатулку для секретных посланий, острым углом впившуюся мне в бок.

— Это твой метод, как снять напряжение перед бойней? — спросила я Эскеля.

— Ты волновалась. Хороший ведь метод?

— Работает, — засмеялась я.

— Вот видишь. Яна, обещаю тебе...

— М-м? — привстав на локте и водя пальцами по груди ведьмака, я вглядывалась в его золотисто-карие глаза.

— Что никуда больше не уйдёшь. Хватит приключений. Я больше не хочу... не смогу этого вынести.

Голова закружилась. Ветер, завыв меж зубцов башни, взметнул пыль, в небе пронзительно застрекотали мечущиеся под набежавшим облаком стрижи.

— Ты ведь это не всерьёз, правда?

— Я серьёзен, как смерть.

Я откинулась на спину. Пора. Пора всё сказать. Про поход в Зерриканию, про то, что я должна рано или поздно вернуться в тот мир. Про то, что, вообще-то, моя задница оказалась тут только лишь из-за любви к приключениям. Появилось противное чувство, будто я шпион, вынужденный признаться, что он не тот, за кого себя выдавал. Вдох-выдох. Сквозь щели в досках пробило голубоватое свечение.

— Геральт! — Эскель подхватился с места, и уже скакал на одной ноге, натягивая штаны.

Я медленно потянулась к одежде.

***

Скрестив руки на груди, Йорвет ждал на ступенях у двери в замок. Эскель отправился встречать Геральта, я же, вдруг почувствовав робость от знакомства с Цири, предпочла остаться в стороне, рядом с эльфом.

— Битва скоро, — он скользнул взглядом по моему лицу и саркастически добавил: — Вижу, что водка тебе в этот раз не понадобится.

— Есть вещи и получше водки, — не менее язвительно ответила я.

Обнявшись с Весемиром, в ворота входила Цири в окружении встречающих её гостей Каэр Морхена и ведьмаков. Она с наслаждением, как и я, когда только вернулась сюда, вдыхала напоенный ароматом горных трав воздух и оглядывалась по сторонам. По лицу старого ведьмака было видно, что он счастлив.

Трисс, ещё раз обняв девушку, ушла внутрь замка. Йеннифэр порывисто прильнула к губам Геральта, он прижал её, рука скользнула по талии ниже. Чародейка легонько оттолкнула его и последовала за Трисс. Геральт с Цири приблизились. Пожав руки Иорвету и мне, ведьмак представил нас.

— С неделю назад все мегаскопы в окрестностях жужжали не переставая, так всех поразил ваш успех при обороне Вергена.

— Не сомневаюсь, — усмехнулся Иорвет.

— Чародейки переобулись в прыжке и уже делят новый мир, так что ждите посланниц, искренне желающих помочь. Особенно из тех, что ранее ставили на Нильфгаард, — Геральт пристально смотрел эльфу в глаза.

— Саский хватит решимости отправить их восвояси, — без колебаний ответил тот.

— Мне бы твою уверенность...

Изумрудные глаза Цири изучали нас. Вблизи хорошо чувствовалось, насколько эта девушка особая — бриллиант в тоненьком теле ершистого, бунтующего подростка. Звезда, чьё предназначение — сиять для многих миров. Она упрямо смотрела исподлобья, но в глазах читались почти старческая мудрость и боль.

— Ты позвал защищать меня ведьмачку, а ей лет даже меньше, чем мне! — Цири с возмущением обернулась к Геральту.

— Не волнуйся, я здесь не из-за тебя, — я постаралась сказать это мягко.

Мне хотелось хоть чуть-чуть облегчить для девушки давящую вину, которую она несла, позволяя другим погибать из-за неё. Геральт с недоумением приподнял бровь, лицо Цири вспыхнуло, но слова достигли цели, и нахмуренный лоб разгладился.

— А из-за кого? — с вызовом спросила она.

— Не твоё дело, — улыбнулась я.

Цири захохотала. Такая юная и такая непосредственная! Всей душой мне хотелось, чтобы она улыбалась всегда. Геральт увлёк её в замок, мы пошли следом.

Кейра Мец, которая как ни в чём не бывало расчёсывала волосы внутри магического пузыря перед иллюзорным зеркалом, отложила гребень и встала. Ламберт, решившийся ради приезда Геральта показаться на людях, не отрывал взгляда от глубокого выреза её платья. Кейра красноречиво стрельнула глазами на беловолосого ведьмака.

— Я уже, буквально вот несколько минут как начала скучать по тебе.

Ламберт приветственно пожал руку Геральту и сообщил в сторону декольте чародейки:

— Ведьмаки — ценный товар, по мне вот тоже кое-кто скучал.

Я прыснула в кулак. Геральт, завидев приближающуюся Йеннифэр, отшатнулся от Кейры:

— Ты говорила, что тебе нравятся брюнетки, — кивнул он в сторону Ламберта и ретировался.

Кейра Мец кислым взглядом окинула молодого ведьмака и вернулась к зеркалу.

В стороне я увидела Хьялмара и Цири. Мощный викинг держал девушку за руку, взгляд его был красноречивее тысячи слов. Цири стояла, низко опустив голову.

Зычным голосом Весемир позвал всех на совет.

***

Я примостилась подальше на ступенях, ведущих в башню Эскеля, рядом с Иорветом. За нашими спинами сгорбился Лето. Все друзья Геральта в тишине ожидали его слов.

Столько раз я видела этот момент в игре, и сейчас один в один он повторялся наяву.

Охватило странное ощущение, будто меня позвали статистом в хорошо знакомую мне театральную постановку. Но нет, была и разница — стена уже заделана, арсенал расчищен. Я нервно хихикнула: бабочка уже погибла под подошвой путешественника во времени, Аннушка разлила масло. К чему это приведёт — непонятно. Геральт приступил к детальному обсуждению плана. Цири, нахмурившись, смотрела на стол перед собой. Я знала, что она ослушается приказа сидеть в крепости, и восхищалась ею.

— Подведём итоги, — с расстановкой сказал Весемир. — Йеннифэр создаёт магический барьер и задерживает первый удар. Она оттесняет всадников в лес. Геральт, Ламберт и Лето ждут в лесу. Двимеритовыми бомбами они будут закрывать порталы. Трисс ждёт сигнала и по отмашке устраивает всадникам огненный ад. Остальные отражают натиск тех, кто всё-таки проникнет за стены.

— Если что-то пойдёт не так, мы оставляем внешний двор и отступаем в крепость, — добавил Геральт. — И самое главное — Цири не должна попасть в руки Эредина.

В крови забурлило знакомое возбуждение. Всё идёт по плану. Я переглянулась с Иорветом, во взгляде которого промелькнуло нечто сродни изумлению пополам с ужасом, и мне показалось, что впервые с того момента, как я описала ему ход битвы, он по-настоящему мне поверил. На совете повторили слово в слово то, что я рассказывала ему.

Все поднялись. Мышовур отправился открывать трещины с огненным газом, скопившимся под Каэр Морхеном, Лето с Роше показывали ведьмакам на карте расположенные в лесу взрывающиеся растяжки и волчьи ямы. Остальные отправились проверять оружие, чародейки исчезли. Я вышла во двор. Опустилась душная неподвижная тишина, как бывает перед грозой. Села, прислонившись спиной к стене колодца, и задумчиво стала рассматривать склянки с маслами, расставив их кругом. Масла от эльфов среди них не наблюдалось.

— У нас нет ничего подходящего, — Эскель сделал пируэт и замер. — Разве что «серебряницу» возьми, если будешь использовать Розу Шаэрраведда. Она её усилит.

— Намажу на всякий случай, — мрачно ответила я.

Потянулось томительное ожидание.

Морозный, будто зимний ветер задул в спину, зашуршал в траве, всколыхнул ветви дуба. Геральт вышел на высокое крыльцо замка, спустился по ступеням, огляделся по сторонам. Я окончательно очнулась от медитации, рядом открыл глаза Эскель. Потемнело. Заскрипели цепи, массивная колода маятника отклонилась и закачалась, при выдохе изо рта шёл пар. Геральт стремительно развернулся и побежал в сторону лошадей.

Эскель коротко прижал меня к себе, и достал меч. Перепрыгивая через ступеньки, я устремилась за другими защитниками. В одиночестве ведьмак остался около крыльца защищать внутренний двор. Ветер крепчал.

Лошади нервно бряцали сбруей, вскидывали морды. Геральт, Ламберт и Лето, оседлав их, исчезли за воротами замка. Йорвет держал ладонь на эфесе меча и невозмутимо всматривался в небо в точно такой же позе, как и Роше на стене невдалеке от нас.

На верхнем балконе Каэр Морхена вспыхнул голубой свет. Ветер засвистел ещё пуще, мимо понеслись рваные колючие клочки тумана. Устоять на ногах было уже почти невозможно. Я вцепилась в Йорвета, за плечи увлекая его вниз, и наложила Квен. Приглушие звуки, оранжевый пузырь поглотил нас, снаружи в темноте проносились щепки, ветошь, мусор. В стенку пузыря ударил и развалился на части деревянный ящик. И вдруг разом всё стихло. Йеннифэр расправила магический голубой щит над Каэр Морхеном, наступила потрескивающая электричеством тишина. Я отпустила плечи эльфа. Оглядываясь друг на друга, защитники поднимались из-за укрытий.

Всегда ненавидела ожидание. Ладони под перчатками вспотели. Высоко на стенной башне Трисс взмахнула руками, и небо осветили далёкие огненные всполохи. Потрескивание щита Йеннифэр заполняло мозг, в голове неприятно жужжало. Мы ждали.

Не сразу я заметила, как по двору тут и там бесшумно стали появляться стального цвета переливающиеся шары, из которых с низким утробным рёвом рванули монстры — гончие Дикой Охоты. За ними не спеша с видом хозяев выходили высоченные воины в страшных металлических доспехах-скелетах. Тетива на луке Йорвета глухо щёлкнула, один из порталов схлопнулся. С другого конца стены выстрелил скеллигец Фолан и закрыл ещё один портал.

— Понеслась! — Золтан уже рубил рычащих, оцетинившихся колючками собак.

Действительно, понеслась. Меч со звоном отскакивал от пасти гончей. Время от времени чудовище замирало, у лап из земли вырастали каменные шипы, и нужно было ловить момент, чтобы увернуться и не дать раздробить себе ноги.

Бьянка с криком напрыгнула на спину рыцаря Дикой Охоты и, кажется, пыталась открутить ему голову, схватившись за зубья на шлеме в форме черепа. Роше пробил мечом доспех на животе. Из Золтана сыпались ругательства, заставляя подозревать, что он близко знаком с немецким языком.

Пытаясь найти уязвимое место на теле собаки, я зафиксировала её Ирденем и без остановки лупила по шкуре, но не причиняла ей никакого вреда. Ударила под ноги Аардом, чудовище перекувырнулось, и я рассекла мечом не защищённый шипами гладкий участок кожи на брюхе под рёбрами. Из раны, будто макароны из дуршлага, выскользнули белые кишки, покрытые жёлтой слизью. Менее подходящего момента для мыслей о горячих сырных спагетти трудно было себе представить.

Я решила сосредоточиться на собаках. От вида адски огромных эльфов Дикой Охоты

меня сковывал страх и липкий ужас полз по спине. Невдалеке на стене вспыхнул портал, и оттуда вышагнул один из них. Не уйти, никак мне было не уклониться от встречи с ним! Я сосредоточилась, пытаюсь овладеть собой, — бейся! Тебя учили этому! В руке рыцарь сжимал жуткого вида секиру, всю в зубцах и крючках. Тяжёлые доспехи замедляли его, и от ударов массивной секиры, со свистом рассекающей воздух, пока получалось уклоняться. Я выпустила в оскаленный стальной череп струю огня, секира взрезала воздух, едва не располовинив моё лицо. Разрывающаяся стрела Йорвета прилетела в голову рыцаря, и он, царапая металлическими перчатками развороченный шлем, повалился со стены.

Небо вспорола сигнальная ракета из леса. Я увидела Цири, голубой молнией мелькнувшую в сторону затихшей на башне Трисс. Всё шло по плану. Только бы не сдохнуть! В отличие от остальных защитников, мне такой гарантии никто не давал.

Дальнейшее врзалось в память отдельными вспышками. Я помнила дурацкие макароны, видение которых, как лик Девы Марии у более духовных товарищей, сопровождало меня в битве. Я помнила, как на замыленных лошадях прискакали ведьмаки из леса, и Геральт опустил тяжёлую решётку ворот Каэр Морхена. Я помнила, как Кейра Мец подняла в воздух и перекрутила в изломанные куклы всадников, зажавших Ламберта в кольцо.

— Надо отступить, Йеннифэр слабеет, — закричал Весемир.

Мы побежали в нижний двор. Весемир вдарил молотом по замку баллисты, собранной им накануне, и арка обрушилась, отрезав проход ко двору и придавив обломками камней нескольких врагов. Порталы вспыхивали, из них валили монстры. Ненавидя себя, я осознавала, что несмотря на весь приобретённый боевой опыт, мне было ужасно далеко до любого из остальных защитников. Лето выкашивал всадников, оставляя после себя дорогу из трупов. На моих глазах Виги Помешанный перерубил кажущиеся несокрушимыми доспехи рыцаря-скелета, и их залила алая кровь. Я же охотилась на гончих, подманивала их к зеленоватым струям газа в открытых Мышовуром трещинах и поджигала газ Игни, так что бахало огнём и шипастые тела взвивались, объятые пламенем. Друид раскачивался, потрясая посохом, и в трансе выбрасывал в воздух заклинания — враги замирали, и сквозь щели в их доспехах вылезали извивающиеся корни, разрывая грудные клетки изнутри. Рядом взрывались бочки с махакамской смесью, которая залепляла без разбора всё вокруг чёрной горячей смолой.

Невдалеке вспыхнули порталы, и к Йорвету с Роше, оказавшимся рядом, с двух сторон вышли воины Дикой Охоты. Скоя'таэль и темерец смерили друг друга взглядами, лица перекосили идентичные злобные усмешки. Казалось, что сейчас они бросятся друг на друга, но в следующий миг, спиной к спине, они рубили рыцарей. К ногам падали тела.

Я бросилась закрывать порталы. Рядом со мной Бьянка с истошным визгом крушила рычащих металлических тварей. Её взгляд был прикован к командиру, мы пробивались вперёд. Бьянка крикнула, показала мне на портал, растущий справа, я закрыла его Ирденем. Грудь отчаянной темерки практически выпала из рубашки, но это, казалось, только придавало ей сил. По моему новому доспеху проскрежетали когти, и я воткнула с размаху меч в пасть очередной гончей. Выбросила Ирден, закрыла портал около Роше и Йорвета. Потом ещё один, выросший перед носом. Он шипением схлопнулся, оставив после себя могучего всадника Дикой Охоты. Тот молниеносно взмахнул тяжёлым щитом, отбросив меня, как мяч. Спиной ударило о стену, из груди вышибло воздух; я захрипела, рот наполнился кровью. Сплюнув, я выругалась, откатилась из-под удара и поняла, что он

загоняет меня в угол стены. Сложила Квен, выпад. Эльф снова размахнулся щитом — мой стальной меч вырвало из отбитой руки, и он со звоном поскакал по плитке двора. Подныривая под новый удар, я стремительно достала из ножен Розу Шаэрраведда, понимая, что мягкий серебряный меч вряд ли поможет мне. Защита, уворот. Рыцарь зажал меня в углу окончательно, его меч поднялся. Я бахнула в землю Аардом, высоко подпрыгнула и с двух рук по дуге ударила сверху так, как учила Мона. Серебряный меч, пробив доспех, неожиданно вязко вошёл в основание шеи, и кровь брызнула фонтаном, заливая меня. «Пройдёт сквозь латы, как нож сквозь масло», — зазвучали в голове слова Эскеля.

Порталы всё открывались. Геральт затряс запертые ворота во внутренний двор.

— Где Эскель? — крикнул он.

— Холера, — ответил Весемир, — мы договаривались, что он откроет ворота!

Я замерла. Цири, твой выход! Только не подведи, спаси Эскеля! Я заметила, что девушка исчезла в голубоватом отсвете. Пинок в спину свалил с ног — я отбивалась от гончей, пытающейся перегрызть мне горло. Ударила правой рукой, вбив кулак глубоко в глотку. Гончая закашлялась, разевая пасть, и я выпустила Игни, выжигая чрево твари.

Утробно затрубил рог. На миг все замерли, а в следующий взрывающаяся мясорубка завертелась с новой силой. Я пробивалась к Иорвету. Скоя'таэль прыгнул, отбил секиру, занесённую над упавшим Виги Помешанным, и вогнал меч чуть ли не по рукоять в живот всаднику Дикой Охоты. Виги, стоя на четвереньках, благодарно тряс головой.

Ворота во внутренний двор отворились. У деревянного колеса лебёдки, подбоченившись, стояла Цири, заносчиво задрал подбородок в сторону кричащего на неё Геральта.

И вновь порталы, выташнивающие из себя бесконечные массы чудовищ. Краем глаза я заметила Эскеля и даже не могла зафиксировать на нём взгляд, так быстро он двигался. «Всего лишь под сотню лет тренировок», — мелькнула мысль. Взрывались бомбы и огненные бочки, мимо с жужжанием проносились световые шары чародеек, звенели мечи, рычали собаки, и над всем этим безумием, усугубляя его, неслись завывания друида.

Начался обратный отсчёт. Прихрамывая, я побежала в сторону Иорвета, который на пару с Роше исполнял слаженный смертоносный танец. Правое колено разрывала боль. Наложила Ирден на раскрывающийся около нас портал и толкнула скоя'таэля локтем в бок, головой показывая в сторону двора с маятником. С разворота разрубив гончую, Иорвет кивнул и в тот же момент увидел, что Роше невдалеке упал. Потянулся за стрелой, пальцы ухватили воздух — колчан опустел.

— Время! — закричала я.

Иорвет отвернулся, отпрыгнул в сторону от очередной гончей и бросился к Роше. Я, матерясь, кинулась за ним, исступлённо рубя вокруг. Скоя'таэль с разбегу оттолкнул всадника Дикой Охоты, уже занёсшего над темерцем секиру, и перерезал горло, сделав захват и оттянув за рога шлем. Всадник медленно упал на колени, согнулся и замер. Роше вскочил на ноги и кивнул Иорвету, чтобы тот занял место рядом с ним. Мы помчались прочь.

— Куда ты, сука, убегаешь? — донеслось до нас, темерец припустил следом.

Я заскрежетала зубами — только не это! Развернулась на бегу и ударила Роше Аксием.

— Вернись к Бьянке! — крикнула я.

Вернон, будто лунатик, остановился, недоуменно вертя головой, но перестал преследовать нас и побежал обратно.

Послышались удары, ворота во внутренний двор содрогнулись. Нога с больным коленом подкосилась, я упала. Иорвет дёрнул меня за руку и бегом потащил за собой через двор. Эскель изумлённо обернулся вслед. Только бы успеть! Удар в ворота, ещё один. Мы подбежали к лесам, подпрыгнули, подтянулись на первый ярус. Иорвет легко перебрался на второй, я же, подтянувшись, оперлась на локоть, из последних сил закинула здоровую ногу. Мокрые от крови всадника Дикой Охоты волосы залепляли глаза, в правой отбитой руке разлилась острая боль, силы кончились. Я хрипло закричала, заставив себя подняться на ноги. Ещё один этаж. Я подпрыгнула, повисла, Иорвет выдернул меня за куртку, вытянул на доски, и мы повалились за ящики, сложенные на третьем ярусе лесов. Голубой магический щит над Каэр Морхеном исчез — силы Йеннифэр иссякли. Засвистел сковывающий ледяной ветер. Ворота треснули и слетели с петель. Из последних сил я притянула себя к Иорвету и, обняв его, сложила Квен. Вокруг нас разлился оранжевый шар.

***

Стенки пузыря покрылись инеем и осыпались. Наступила морозная звенящая тишина. Лёжа на досках на животе, мы вглядывались в темень двора сквозь щель между ящиками. Весемир тянул за руку Цири, она в ужасе оглянулась на застывшего оледеневшего Эскеля. За ними на двор выходили всадники Дикой Охоты.

Имлери́х — правая рука Эредина, короля Дикой Охоты, — откинул щитом старого ведьмака, сам Эредин за волосы потащил Цири к порталу. Девушка надрывно кричала. Весемир поднялся, несколькими ударами отбросил Имлери́ха в сторону и кинулся вслед. Огромный эльф разогнулся, щит и меч упали на землю, и он стремительно пошёл на ведьмака. Весемир отшвырнул Аардом Цири от портала, и в этот момент его сокрушил удар. Ведьмак упал, железная ступня Имлери́ха размозжила его ладонь. По всему двору, как пузыри на кипящей воде, засветились порталы, и из них всё выходили и выходили новые всадники, окружённые ошестинившимися псами. Слышались глухие удары — стальным кулаком эльф бил ведьмака по лицу.

— Имлери́х! — скомандовал Эредин трубным голосом.

Тот подхватил Весемира и прижал, держа за горло, к стене под нами.

— Беги! — прохрипел Весемир девушке, его ноги подёргивались в воздухе.

— Она тебя не бросит, — Эредин медленно снял маску в виде черепа. На Цири смотрело бледное лицо с хищным носом и суженными в точки зрачками безумных глаз. — Вы, люди, так непрактичны.

Кольцо всадников сжималось. Вперёд выступил чародей с длинным посохом со светящимся шаром в навершии. Эредин протянул руку Цири. Вокруг в темноте мелкими холодными мухами кружился снег. Я схватила ладонь Иорвета правой рукой, приготовила левую, выжидая нужный момент.

Меч Цири звякнул о камни. Она медленно пошла к Эредину.

— Я запрещаю! — закричал Весемир. Цири шла вперёд. — Вечно ты никого не слушаешь... Мне всегда это нравилось.

Весемир выхватил стилет и вонзил его в бок Имлери́ха. Я накрыла ладонь Иорвета.

***

Шар в посохе Карантира ярко освещал мрак изнанки. Сам чародей, в отличие от остальных всадников, видимых лишь абрисами, выглядел здесь стройным высоким юношей в тонкой эльфийской тунике, с длинными белыми волосами, ниспадающими по спине до пояса.

Мы соскользнули вниз, мой волк прыжком впился в горло гончей Дикой Охоты и принялся трепать её. Я шикнула на него, волк, недовольно рыча, бросил добычу.

Из-за отворота сапога Иорвет достал стилет, которым когда-то уколол себя в палец, чтобы снять иллюзию, и задумчиво стоял около Имлериха, неподвижно держащего старого ведьмака за горло. Вопросительно оглянувшись, глаза на белом лице вспыхнули. Со всей решимостью я кивнула.

— Я в тебя верю, — тихо сказала я.

Иорвет отвернулся к ведьмаку, примерился и коротко вогнал стилет тому в живот.

— Уходим, — приказал он, убирая стилет, и в этот момент я с ужасом увидела, что шар на посохе Карантира вспыхнул, а юноша стал медленно поворачивать голову в нашу сторону.

«Это невозможно», — промелькнула мысль, и мы бросились со двора. Мы должны были убежать как можно дальше, но шар сиял всё ярче, прорезал изнанку молниями, и она схлопнулась, когда мы пробежали мимо застывшего Эскеля. Иорвет толкнул меня в сторону, и мы вжались в нишу двери в замок. Из-за угла я видела, как изо рта Весемира хлынула кровь, голова ведьмака бессильно свесилась набок. Имлерих секунду смотрел, как кровь заливает его перчатку, разжал руку и брезгливо потряс ею, потом с усилием выдрал из бока стилет Весемира. Тело ведьмака упало на землю.

— Не-е-ет! — закричала Цири.

В отчаянии она попятилась. Повинуясь знаку Эредина, к ней двинулись всадники. Цири упала на колени, замерла, резко выгнулась. И в следующий миг воздух прорезал крик дитя Старшей Крови.

Голова будто лопнула, засвистел ураганный ветер, я полностью оглохла. Крик становился всё громче, и неожиданно ступенька крыльца больно ударила углом по затылку. Иорвет подмял меня, подрёб под грудь и с силой сжал ладонями мою голову, закрыв уши. Боль пронзала каждую клетку, глаза вылезали из орбит. Я потеряла сознание.

***

В мутном тумане горели свечи. Я щурила глаза, силясь навести резкость. Из темноты вынырнуло бледное доброжелательное лицо Трисс.

— Зрение скоро восстановится, не переживай, — заботливо сказала она.

— Весемир... — прошептала я.

Я увидела, как размытое лицо Трисс нахмурилось, и меня захлестнуло отчаяние.

— Он в очень тяжёлом состоянии, — проговорила она. — Множественные ушибы головы, проникающая рана живота. И сила, вызванная Цири, едва его не добила, хотя и спасла всех нас. Всадники ушли. Хорошо, что Аваллак'х сумел остановить её. Правда, теперь он и сам лежит без сознания.

Меня начал сотрясать истерический смех. Трисс заволновалась, зашептала что-то. Я почувствовала, будто кожу головы массируют мягкие нежные руки, спокойствие и сонливость овладели мной.

— Вот и хорошо, — обрадовалась чародейка. — Колено я тебе вправила. Кости на правом предплечье срастила. Ты хотя бы заметила, что сражалась со сломанной рукой? Через день будешь как новая.

— Спасибо, Трисс, ты лучшая, — я чувствовала к ней безмерную благодарность.

Чародейка улыбнулась.

— Спи. Я пойду к остальным. После крика Цири всем нужна помощь. Даже Йеннифэр, — гордо добавила она.

Мягкое ощущение рук, поглаживающих лоб, баюкало, меня сморил сон.

***

Когда я проснулась, комнату освещало низкое вечернее солнце. В приоткрытом окне в оранжевых лучах танцевали снежинки. На другом конце кровати темнел на белом фоне сидящий ко мне спиной силуэт. Мужчина глядел в окно.

— Эскель! — позвала я.

Он обернулся. Я несколько раз с силой сжала и разжала веки, и чёткость восстановилась. Это был Иорвет. Эльф обошел кровать, присел у меня под боком. Лицо его было бледно, но в остальном он, казалось, был в порядке.

— Как ты? — громче обычного спросил он.

Я прислушалась к себе, потрогала перебинтованное предплечье, согнула колено.

— Уже нормально.

— Что?

— Нормально! — крикнула я.

— И нечего кричать, — буркнул он. — Да, слух ещё не до конца восстановился, но Меригольд клянётся, что это дело пары дней.

— Спасибо тебе, — сказала я и слегка дотронулась до его руки. — Кажется, у тебя всё получилось. Весемир жив.

— Как обычно, — пожал он плечами. — Я же говорил, что мы отличные напарники.

Меня одолел приступ смеха.

— Слепой и глухой, серия тридцать седьмая.

— Что?

Я опять захохотала. Иорвет встал.

— Приходи в себя. Надо двигаться дальше.

Смех как рукой сняло.

— Дай мне немного времени, — наконец, произнесла я. — Пожалуйста.

Он тихо прикрыл за собой дверь. Я села на кровати, огляделась. Это была наша с Эскем комната, но самого ведьмака не было, постель с его стороны не была примята. Сердце нехорошо потянуло. Я тряхнула головой — нечего себя накручивать, скоро всё узнаю. В углу аккуратно лежали абсолютно чистые, будто новые, доспехи из шкуры виверны. Я потрогала волосы — тоже чистые. «Наверное, магия Трисс, — подумалось мне, — очень удобно». Я встала, в глазах потемнело. Постояла согнувшись, пока не отпустило, порылась в сумке. Достала штаны, рубашку, оделась и, держась рукой за стенку, побрела вниз.

В замке стояла тишина, мои шаги эхом разносились по коридорам. Где же все? Я добралась до кухни. Около разожжённого камина за столом сидел Лето и сосредоточенно вырезал нечто маленькое, целиком помещающееся у него в ладони. Он молча указал крохотным ножиком на ещё тёплый чан с похлёбкой на плите. Я налила себе крепкого бульона и уселась напротив.

В тишине раздавались лишь тихое похрустывание ножа о дерево, да потрескивание камина. Лето молчал, и я зависла над тарелкой, ложкой соединяя тонкие масляные пузыри на поверхности бульона в один большой.

Наконец, ведьмак удовлетворённо откинулся на стуле, повертел в руках готовую фигурку. Встал, аккуратно смёл со стола в ладонь стружки и выбросил в ведро.

— Я уйду, — куда-то в сторону камина, а, может, самому себе под нос бросил он.

Так как здесь, кроме меня, никого не было, я очнулась от тарелки:

— Куда теперь?

— Я ведьмак, — Лето пожал мощными плечами, как будто это объяснение было исчерпывающим.

— И никаких больше тортов? — не удержалась я.

— И никаких больше тортов.

Он подошёл и поставил передо мной свою новую поделку. Это оказалась миниатюрная лошадка с гривой колечками.

— Это мне?

Он опять пожал плечами.

— Если нравится, — развернулся и ушёл.

***

Снегопад, вызванный чародеем Дикой Охоты, уже прекратился, и только редкими искрами вспыхивали последние снежинки, неестественные на фоне зелёной листвы. Трупы исчезли со двора, тонкий слой снега покрывал землю, у стен намело сугробы. Однако воздух неумовимо нёс сырой запах весны, столь неуместный в августе.

Я прошла через висящие на петлях разбитые ворота, пересекла пустынный нижний двор, оставляя свежие следы на снегу. Завал в арке тоже был расчищен, и можно было протиснуться на ту сторону сквозь щель между камнями. Я вспомнила Лето, аккуратно сметающего стружки со стола, и подумала, что, возможно, это его работа.

Все лошади были в конюшне, Василёк спокойно жевал сено. Куда же подевался Эскель? Вдруг он ещё не пришёл в себя? В это верилось с трудом. Если Лето был в порядке, то и Эскель, наверняка, тоже должен был перенести заморозку и крик Цири без особых последствий. «Ты же, в конце концов, ведьмачка, — подумала я, — давай, ищи». Сосредоточившись в ласково окутавшей меня темноте, я медленно направилась обратно в замок.

В зале у камина почувствовался слабый импульс. Я прищурила глаза и осторожно следовала ему, думая об Эске. Путь вёл обратно на кухню, потом я миновала дверь, ведущую в башню, где раньше жил Ламберт. Импульс звал по ступеням вниз. Я открыла глаза — решётка в коридор к залу с Шепчущими Камнями была приоткрыта. Со скрипом отворив её, я зашагала по коридору, щелчками зажигая свечи.

Всё так же, как и много месяцев назад, камни светились. Между ними примостилась тень. Я тихо подошла и опустилась на колени рядом. Ведьмак сидел в позе для медитаций, слегка раскачиваясь.

— Нашла, всё-таки, не зря учил, — хриплым голосом сказал Эскель, протянул руку и отхлебнул из стоящей рядом бутылки. Проследил за моим взглядом и добавил: — Отборная каэдвенская дрянь.

«Интересно, почему все мужчины, которых я люблю, желая забыться, выбирают именно каэдвенскую дрянь?» — подумала я и дотронулась до руки Эске.

— Почему ты здесь, а не рядом со мной?

Он повернул ко мне мрачное лицо, в глазах с вертикальным зрачком мелькнул отблеск света камней.

— Я поговорил с Йорветом.

— Что он тебе наплёл? — воскликнула я.

— Дивную сказку о приключениях в далёкой Зеррикании, про долгое путешествие, которое может длиться месяцы, если не годы.

Не так я представляла себе наш разговор. Совсем не так.

— Я не успела рассказать... Тебе нужно было говорить со мной, а не с Иорветом, он всё выворачивает себе на пользу.

— Но ведь это правда? — сквозь упавшие на глаза волосы ведьмак исподлобья сверлил меня взглядом.

— Да, — тихо ответила я. — Я должна идти, иначе Иорвет не поможет мне вернуться в мой мир. Неизвестно, сколько мне отпущено быть здесь.

— И ты хочешь провести это время с ним?

— Нет! Ты знаешь, с кем я хочу его провести! — обида душным комком застряла в горле.

Эскель отвёл взгляд.

— Откажись от этого путешествия, Яна. Иорвет поможет тебе потом, если ты его попросишь.

— Ты плохо его знаешь.

— А ты хорошо?

— Перестань! — я глубоко вздохнула, сосредоточилась. Я не должна злиться, я сама во всём виновата. — Эскель, пойдём со мной. Пойдём вместе в Зерриканию.

Потянувшись к нему, я прикоснулась к его руке. Почувствовала, как она напряглась, окаменела. Я растерянно убрала ладонь.

— Я простой ведьмак и не бегаю за принцессами по пустыням, — он упрямо мотнул головой. — У меня есть путь — путь настоящего ведьмака.

— Но я не настоящий ведьмак.

— Я делал из тебя настоящего!

— Ты дал мне в этом мире больше, чем кто-либо ещё, — я печально покачала головой. — Но я не деревянная чурка, чтобы из меня можно было что-то сделать. Я такая, какая есть.

— И у тебя есть выбор, идти или не идти.

— У меня нет выбора. И я пойду. Я должна.

— Ты не должна, ты хочешь, — он потянулся за бутылкой, отхлебнул, опустил голову, глядя в пол. — В этом вся правда.

Повисло молчание. Что я могла сказать ему? Что он прав? Что я дура и всё время гоню куда-то и, раз уж попала в этот мир, то хотела бы узнать его до дна? Что я хотела бы это делать вместе с ним?

— Я видел вас вместе... С первого дня, как этот эльф появился тут, мне это не нравилось. Я видел, как он закрыл тебя от крика Цири.

— Он ненавидит людей, Эскель. Но ему выгодно держать меня рядом. Мы просто напарники, так вышло.

— Напарники, связанные самой судьбой... Я думал об этом всё время, что сижу тут. Я не дурак и вижу многое. Скажи... — ведьмак пристально посмотрел мне в глаза, — скажи

мне, что чувствуешь к нему ты.

— Дай водку.

Горько усмехнувшись, он протянул мне бутылку. Жидкость плескалась на дне. Я отхлебнула отвратительный жгучий напиток. Мной овладел страх потерять Эскеля. Я дышала. Страх нашёптывал, что следует соврать, и мы помиримся, и всё будет хорошо. Но это было бы нечестно. Неправильно. А вот Весемир был прав — Эскель должен знать всё, чтобы сделать свой выбор. Для того ли я попала в этот мир и получила новую жизнь, чтобы строить отношения на лжи из страха не упустить его? Я должна быть смелой, ведь я, хоть и не настоящая, но ведьмачка. Эскель или примет меня такой, какая есть, или... или... Мозг отказывался развивать эту мысль. Я глубоко вздохнула.

— Он здесь, — я приложила руку к груди. — Жжётся. Это какая-то болезнь, проклятие, доставшееся мне от прежней меня. Как бы я хотела вырвать эту заразу из себя...

Эскель, сторбившись, смотрел в пол перед собой.

— Я хочу, чтобы ты знал. Единственный мужчина, которого я выбрала и полюбила в этом мире, — это ты.

В груди болело. Накрыло опустошение, пути назад нет. Но и страха больше не было — я сделала, что должна. Эскель опустил лицо на ладони, замер.

— Я ждал тебя... Если бы ты только знала, как ждал, — наконец, глухо сказал он, посмотрел на меня.

В первый раз я видела у него такой взгляд — раненого хищника, опасный и отчаянный.

— Я здесь, рядом с тобой.

Он отвернулся.

— Или ты ждал кого-то другого, не меня... — прошептала я, — кого-то, кого придумал.

Эскель сидел неподвижно и, казалось, полностью погрузился в себя.

— Мне надо побыть одному. Прости, — не поворачиваясь, проговорил он.

Я поднялась, больное колено щёлкнуло. Припадая на правую ногу, я потащила вверх. Солнце уже зашло, в потёмках я пробралась к кровати, скинула сапоги и, не раздеваясь, повалилась на постель.

Мне было слишком худо, чтобы осмысливать наш разговор, поэтому я задышала, погрузилась в медитацию. «Я подумаю об этом завтра», — вспомнила я знаменитые слова Скарлетт О'Хара. Душа продолжала болеть, но мысли, как неугодные гости, по одной исчезали из головы и переставали мучить меня. Я задремала.

Тихий скрип половицы и тень в комнате пробудили от беспокойного сна. Послышался негромкий стук упавших сапог, матрас прогнулся под тяжестью тела. Я не шевелилась и лежала скрючившись на боку, глядя в темноту. Эскель тоже замер, и в следующий миг обнял меня со спины, притянул к животу, зарылся лицом в волосы на затылке. Из моих глаз покатались слёзы. Он прижал меня так крепко, что я почти не могла дышать. Я занесла руку назад, положила ему на бедро и уснула окончательно.

***

Ещё не открыв глаза, я пошарила по постели рукой — Эскеля не было. Резко села, в комнате я тоже была одна. На подушке ведьмака белел лист бумаги. Я как будто уже знала, что там будет написано, и зрение подвело — письмо расплылось, но не от травмы глаз, а опять от предательски выступивших слёз. Я взяла письмо, рукавом утёрла глаза.

Всю жизнь я искал человека, который будет любить безо всяких условий. Так, как

люблю я. Для меня нет полутонов, и если невозможно целое, я отказываюсь вовсе.

Не ищи меня.

Как сомнамбула, я отложила письмо в сторону. Потом, схватив опять, перечитала и бросила в сумку. Меня обуяло бешенство. «Расставание по смс, как это мило!» — злобно думала я. Дёрнула одежду, вделась в неё. «Бежать, бежать, куда глаза глядят!» — требовал мой организм. Я наскоро застегнула старую куртку, подхватила Розу Шаэрраведда. Я не знала, где мой стальной меч, так и потеряв его во время битвы. Готова! Распахнув дверь, я почти врзалась в Йорвета, с безмятежным выражением лица выходящего из двери напротив.

— Это ты во всём виноват! — хрипло выкрикнула я.

Толкнула его ладонями в грудь, мельком увидав его ошарашенное лицо и разведённые в немом вопросе в стороны руки, и понеслась по коридору. В этот раз, как назло, все решили поваляться из своих комнат, замок буквально кишел народом. Я бежала к выходу, сопровождаемая удивлёнными взглядами.

От пробитой решётки на входе в крепость в сторону дороги уходили по снегу свежие следы лошадиных копыт. Мотнув головой, я побежала в другую сторону, к Мучильне.

Невдалеке от замка снега уже не было, и я неслась по сухой утрамбованной тропе, будто за мной гнались призраки. Они и гнались. Мне хотелось бежать так, чтобы все воспоминания о последнем дне выветрились, остались позади, как страшный сон. А лучше обо всех днях в Каэр Морхене. Я не хотела помнить ничего, связанного с Эскемем. Я подныривала под стволы, перепрыгивала ямы и не уворачивалась, когда молодые ветки кустов хлётко били по лицу. Пусть лучше боль на теле, чем там, внутри.

Неизвестно, сколько раз в тот день я пробежала Мучильню. Под конец я выдохлась и упала на траву, глядя в чистое синее небо. Я знала, что меня накроет позднее, но сейчас, как когда-то, когда всё только начиналось и всё было хорошо, — сейчас ничего не было, кроме мига, когда я лежала на земле, смотрела в небо и жевала травинку.

***

Возвращаться не хотелось, однако и вечно сидеть в лесу я не могла. Тело настойчиво напоминало, что со вчерашнего дня, кроме чашки похлёбки, я ничего не ела.

Входя в ворота Каэр Морхена, я натянула максимально непроницаемое лицо. Плавали, знаем. Будто идёшь на переговоры к каким-нибудь лощёным банковским костюмчикам и превращаешься в робота, бизнес-машину — все милые и приветливые, как турникеты в метро, и никому нет дела до того, что в твоей человеческой жизни происходит. Как и мне до их жизни, впрочем.

Избежать встречи с обитателями замка не получилось. На кухне хлопотала Бьянка, в углу Роше с Золтаном склонились над картой какого-то города, судя по обширной площади — Новиграда. Роше что-то убедительно втирал Золтану, водя пальцем по бумаге, краснолюды в нерешительности чесал затылок.

Бьянка сунула мне в руки тарелку с густым рагу, я поблагодарила её и, стараясь не отвечивать, уселась в углу.

Через проём камина я заметила, как мимо тенью проскользнул высокий эльф в синих одеждах. Аваллак'х возвращался в свою башню. «Наверное, обучал Цири контролю над силой, — подумала я, — всё, как и было в игре».

Роше поднял глаза от карты и изучающе уставился на меня. Сейчас он напустил на себя вид доброго дядюшки, всепонимающего и умудрённого опытом. «Чисто фсбшник», —

мрачно подумала я и ответила ему хмурым взглядом исподлобья. Его глаза подобрели ещё больше, и мне показалось, что следующим шагом он предложит мне конфетку.

— Хорошая ты баба, — проникновенно начал он, — только связалась не с тем.

— Тебя бы я взяла в полоски, — поддакнула Бьянка. — Но не его!

Она забрала у меня пустую тарелку.

— Знаешь, — я ответила Вернону таким же добреньким взглядом, — если хочешь кого-то завербовать, то не стоит начинать разговор со слов «хорошая ты баба».

— А что такое? Всегда работало, — казалось, он искренне удивился. — Нам бы в отряде не помешал ведьмак.

— Всем бы не помешал ведьмак, — угрюмо сказала я.

Мысли опять вернулись к Эскелю. Мне бы тоже не помешал один конкретный ведьмак.

— Ты подумай, — Роше протянул сложенную бумагу. — Бери-бери, я ничего не требую взамен, пусть будет. Верительная грамота, лично от меня. Пригодится. На территории Темерии никто, кто в своём уме и не нильф, тебя с ней не тронет.

— Пригодится, — я убрала за пазуху грамоту и поднялась. Кивнула Бьянке: — Спасибо.

— Подумай ещё, — донеслось мне вслед.

***

Я вышла на улицу, столкнувшись в дверях с Цири, которая стремительно прошагала мимо. Иорвет с Геральтом тихо переговаривались на крыльце. Они обернулись, и по их внимательным, изучающим меня взглядам и между тем деланно бесстрастным лицам я поняла, что они уже в курсе. Ну, конечно, Эскель не мог уйти, не попрощавшись с Геральтом. Геральт-то не я... Ведьмак невозмутимо заговорил:

— Чародейки обещали открыть порталы для всех уходящих. Далековато, правда, и в одиночку сил не хватит. Надо, чтобы Йен восстановилась, и не сегодня, так завтра вы будете на Эльскердеге.

Иорвет задумчиво кивнул.

— Как Весемир? — спросила я.

— Ещё не пришёл в себя, — Геральт поскрёб щетину на заросшем подбородке, — странная рана... Не меч, стилет. Он едва не погиб.

Мы с Иорветом честными глазами глядели на ведьмака. Геральт постоял ещё, раздумывая, потом пошёл в замок. Я присела на кромку стены рядом с Иорветом. С стороны гор надвигались свинцовые тучи, потянуло стылмым ветром. Сугробы вокруг уже стали рыхлыми, ноздреватыми — искусственная зима уходила. Я оперлась локтями о колени и закрыла лицо ладонями. Накатила усталость. Ничего не хотелось. Следовало признать, что я облажалась и в моём нахождении в этом мире потерялся всякий смысл.

— Выше нос, vatt'ghern, — проговорил Иорвет и сел рядом. — У нас опять получилось.

— Кое-что я провалила по полной программе, — не отрывая лица от ладоней, ответила я.

— На успех этого дела, — подчеркнув слово «этого», сказал эльф, — я не подписывался.

— Да, — уныло согласилась я, — я потеряла лучшего в этом мире человека совершенно самостоятельно.

Мы помолчали.

— Обещай мне, что сразу после Зеррикании мы пойдём искать Эйльхарт, — я посмотрела на Иорвета.

Он отвёл взгляд.

— Обещай мне, — упрямо повторила я. — У нас договор. Тебе Исенгрима, мне Филиппу.

— Найти Исенгрима может быть только половиной дела...

— Ну началось, — я опять стала сердиться. — Мне пора домой. Game over! Хоть чуточку понимания у тебя должно же быть! Ты должен знать, каково это — жить вот с такущей дырой в груди.

Он покачал головой. Откинулся назад и, опершись локтями на камень стены, вытянул ноги. Взглядом эльф следил за низкими несущимися тучами.

— Каждый, кого ты встречаешь на пути, сражается в битве, о которой ты ничего не знаешь. Шрамов полно и у меня, и я живу. Это единственное, что я могу.

Мне стало стыдно. Уж не с этим побитым жизнью эльфом мне стоит меряться своими страданиями. Менее больно от этой мысли, впрочем, не стало.

— Прости, — я опять опустила лицо на ладони.

— К счастью, от любовных дыр в груди боги меня оградили, — задумчиво добавил он, погодя.

Я удивлённо взглянула на него, и раз уж мы говорили так откровенно, и он не язвил, решила спросить:

— А как же Саския?

Иорвет посмотрел на меня долгим взглядом и неожиданно рассмеялся.

— Вот она, сила искусства! С тех пор, как этот болтливый бард придумал и растрезвонил всему миру легенду о моей любви к Саскии, жить стало гораздо спокойнее.

Я недоверчиво смотрела на него.

— Саския по уши влюблена в аэдирнского неженку, ты не знала?

— А ты откуда знаешь?!

— Она сама мне сказала, накануне битвы с чёрными. Она мне как сестра... — он помолчал. — Я был бы рад, если бы она была моей сестрой. И у нас с ней общее дело. Поддерживать легенду моей любви к Саскии оказалось весьма выгодно. Сразу уменьшилось количество претендентов как-то ей навредить. Да и мне проще — никто не претендует на серьёзные отношения.

Я горько подумала о том, что была бы рада узнать об этом раньше. Сейчас это уже не имело никакого значения.

— Ты всё просчитываешь на пару шагов вперёд, да? — улыбнулась я.

— Только если нельзя просчитать на три шага вперёд.

Я вздохнула и опять понурила голову. На много шагов вперёд... Меня вдруг охватило страшное подозрение, ведь единственной персоной, кому наши с Эскем отношения были совершенно невыгодны и ставили под хоть и призрачную, но угрозу моё участие в походе в Зерриканию, был сам Иорвет.

— Ты же не рассказал Эскелю про Ард Дол, про нас... правда? — почти с мольбой воскликнула я.

— Нет, — эльф равнодушно пожал плечами, — но мне кажется, что он догадался. Он не глуп, твой ведьмак.

— Он не мой, — прошептала я.

Я опять погрузилась в свои мысли. Иорвет поднялся с локтей, сел, хитро скопил на меня глаз.

— Я тут подсмотрел у Геральта, как нужно приводить в себя грустных девчонок.

Он погрузил руку в сугроб около себя, резко поднял. Меня окатило с головы до ног, снег залепил глаза, жёгся на щеках. Плотный снежок ударил в плечо.

— Защищайся, vatt'ghern!

Отплевываясь и сбивая на ходу липкий снег в комок, я увернулась и метнула его в Йорвета. Снежок попал ему в плечо.

— Ты поддался!

— Это фора, — второй снежок просвистел у меня над ухом.

Я бросала, лепила, уворачивалась, и помимо воли из груди вырывался смех.

— Ничья! — наконец, когда снег в близлежащих сугробах закончился, запыхавшись, объявила я.

Йорвет подошёл, обнял меня за плечи. Я не скинула его руки. Я знала, что это очередная манипуляция, чтобы привести меня в порядок, но она работала, и мне легчало.

— Завершай свои дела тут. Нам пора идти дальше.

— Я хочу дождаться, когда Весемир очнётся. Больше ничто меня не держит.

Эльф помедлил и кивнул.

***

Дождь барабанил по подоконнику, шквальный ветер подхватывал струи и швырял брызги в лицо. Я высунулась в окно и вглядывалась в темноту. По лицу текла вода, скрывая очередные слёзы. Я знала, что рано или поздно наступит момент, когда нахлобучит сполна, и вот он пришёл. Я не сопротивлялась — он неминуем, и пусть лучше меня переколбасит сейчас, чем я буду рыдать у Йорвета на плече по дороге в Зерриканию.

Письмо Эскеля, в одностороннем порядке поставившее меня перед фактом ухода, бесило, мучило и ранило в самое сердце. Он не оставил мне даже шанса сказать ему «прощай»! Я вернулась в комнату, зажгла свечу, нашарила на столе бумагу и перо. Я должна поставить в этой истории свою точку.

Выйдя в коридор, я прислушалась — никого. Мягко переступая босыми ногами, спустилась в зал, сконцентрировалась — путь свободен, и побежала к лестнице на мою бывшую башню. Принесённой с собой палкой откинула люк наверху, подпрыгнула, зацепившись кончиками пальцев за его край, и подтянулась. Снаружи башни свистел ветер. Я пролезла в узкое окно и нащупала ногой карниз. Одежда моментально вымокла, но я надеялась, что внутри кожаного пояса вода не доберётся. Ступни скользили по карнизу, мокрая рубашка хлестала по телу. Я цеплялась за камни, думая о том, что лезть сюда в темноте, в дождь и ветер было не лучшей идеей, но иступлённо шла и шла вперёд по опасной кромке между жизнью и смертью.

Занеся ногу для очередного шага, я задержала её над пропастью — так легко было сделать шаг не туда, и всё, путешествие закончится. Изнутри той чернейшей тоски, что владела мною, мне даже нравилась эта мысль. С этой игрой стоит завязывать. Мы провернули невозможное — история Долины Понтара изменилась, Весемир жив, и, пожалуй, на этот раз действительно хватит. Я наворотила дел в погоне за острыми ощущениями, влезла в судьбу людей, как будто имела на это право. Посмела считать, что я совершенно отдельный человек от той себя, и что могу иметь здесь свою собственную жизнь. А в итоге всё только разрушила. Это не игра, и я не сижу с геймпадом в руках, лениво выбирая опцию в игровом диалоге — всё зашло слишком далеко, и нужно возвращаться. Мне придётся принести себя в жертву ради той меня, чтобы она продолжала жить, ради моей семьи там. Значит, поэтому я всё-таки пойду дальше.

На ощупь я нашла нижнюю скобу в стене и полезла наверх. На крыше башни было не видно ни зги. Я нашарила щеколды на входе в детский домик и отложила стенку. Ветер засвистел внутри, по помосту забарабанил дождь. Я зажгла старую свечу в лампе и прикрыла закопчённую стеклянную дверцу, чтобы слабый огонёк не погас.

Из пояса я достала записку и нашла шкатулку для секретных посланий. Открыла её, поднесла к свету. На тёмном фоне старых пожелтевших листов сверху белел клочок бумаги. Помимо воли я успела прочесть, что там было написано. Остановившись взглядом я смотрела на слова:

Яна, я любил тебя.

Осталось и мне сказать моё последнее прощай, поставить мою точку. Я положила сверху свою записку:

Я любила тебя, Эскель.

Дождь неожиданно стих, и небо прорезала яркая молния. Сразу за ней над головой грянул гром, и ливень хлынул с новой силой. Я закрыла домик и направилась вниз.

Всю ночь лило и гроыхало. Под утро дождь прекратился, и в воздухе повис плотный водянистый туман. С деревьев капало. Я отправилась на нижний двор, чтобы поискать свой стальной меч, и там обнаружила, что старый дуб не пережил ночной грозы и погиб от удара молнии. Вокруг ствола веером лежали широкие полосы как ножом счищенной коры, сердцевина голого ствола выгорела, ветви торчали чёрными обрубками.

— А ведь этому дубу лет было, поди, больше, чем Весемиру, — задумчиво произнёс подошедший Ламберт. — Старик, кстати, очнулся, я как раз ночью у него дежурил. Как в дуб грохнуло, так он и открыл глаза.

Я повернулась к ведьмаку. Он был в полном обмундировании, за плечом висела объёмная сумка. В стороне я увидела Кейру — чародейка нетерпеливо поглядывала на Ламберта.

— Ты уходишь? — спросила я.

— Да. Дуба больше нет, сама понимаешь, атмосфера в Каэр Морхене теперь не та. Да и старик опять ворчать начнёт.

— Он тебя любит.

— Угу. Как розга задницу.

Я рассмеялась.

— Смейся, смейся, — буркнул Ламберт. — Нет в тебе чуткости.

— Я сама чуткость!

— Ну конечно. А кто дяденьку обидел? Умчался вчера, будто за ним черти гнались. А ведь говорил я ему, с самого начала говорил — не ведись на сиськи, Эскель!

— Да ты мудр не по годам!

— Наконец-то ты это поняла, — губы его привычно насмешливо искривились, но взгляд удивительных ведьмачьих глаз остался серьёзен. «В жизни случается всякое дерьмо», — как будто прочитала я в нём неожиданно жизнеутверждающую мысль. Смотря ему в глаза, я чувствовала, что, доведись мне ещё встретиться с Ламбертом, он, как и всегда, будет собой, а я для него буду мной, а Эскель Эскемем, независимо от того, какое дерьмо вдруг случилось.

— Ламберт! — позвала Кейра.

Ведьмак подошёл на шаг и, неловко склонившись, вытянутыми прямыми руками обнял меня.

— Если бы ты только знала, чего мне это стоит, — проворчал он.

— Я ценю, — я прижала его к себе.

— Ну что же, прощай, — он развернулся и пошёл к Кейре.

— Не ведись на сиськи, Ламберт, — тихо напутствовала я вслед.

Не оборачиваясь, ведьмак завёл руку за спину и вытянул в мою сторону средний палец. Я опять рассмеялась — ничего-то он не забывает, вредина злопамятная!

Перед Ламбертом с Кейрой вспыхнул портал, руки их соприкоснулись, и они исчезли. Я ещё раз посмотрела на обуглившиеся остатки дуба и, разгребая мокрую траву сапогами, стала искать меч, но безрезультатно — кто-то прибрался на дворе так, будто никакой битвы не было и вовсе.

***

Шторы в спальне Весемира были задёрнуты, сидевший рядом Геральт методично

разрезал длинным ножом тонкий холст на бинты. На прикроватном столике теснились склянки эликсиров и мазей. Голова старого ведьмака была перебинтована, как у Чапаева, глаз почти не было видно за лиловыми отёками синяков, а грудь мерно вздымалась под тонким одеялом. Я тихонько подошла, опустилась у кровати на колени и взяла в руки широкую мозолистую ладонь Весемира. Он с трудом разлепил один глаз.

— Говорил я тебе... — слабым голосом, но с хорошо узнаваемыми ворчливыми нотками, начал он.

— Всё хорошо, Весемир, всё будет хорошо.

— Да, пройдёт лет десять, и всё наладится, — согласился он. — Я хочу, чтобы все мои волчата были счастливы.

— Они будут, клянусь, — я шмыгнула носом.

Как бы я хотела, чтобы у меня было тут ещё десять лет! Но нечего мечтать о невозможном.

— Эскель выбрал свой путь, он выбрал свободу, — проговорил старый ведьмак.

— Обалдуй, — угрюмо бросил Геральт.

Весемир с усилием раскрыл второй глаз и сурово глянул на своего лучшего ученика.

— Геральт, путь ведьмака...

— Мир изменился, Весемир, — перебил Геральт, — Чудовищ всё меньше, и скоро люди сами прекрасно смогут с ними справляться. Да хоть бы и нет — если выбирать между чудовищем и тем, кого любишь, я выберу второе. Пока ты гоняешь по трактам, близкие уходят навсегда. И если ты, Весемир, смог оградить себя от того, чтобы любить кого-то, то не всем это под силу.

— Если бы я смог, — едва слышно сказал Весемир, — я бы смог и вас убересть...

— Эй, ничего, что я здесь? — мне совершенно не хотелось обсуждать с ведьмаками подробности моей личной жизни. — Эскель взрослый человек. Я тоже. У меня свой путь, и как только будет возможно, я вернусь в свой мир. Всё хорошо.

В наступившем молчании Весемир сжал пальцами мои руки. Я прижалась щекой к его ладони.

— Приезжай в Каэр Морхен попрощаться, Яна, — прошептал он.

— Я постараюсь. Не обещаю, — грустно ответила я.

Кто знает, как всё сложится. Да и в Каэр Морхен возвращаться не хотелось — слишком многое здесь напоминало о том, что следует забыть.

Глаза старого ведьмака закрылись. Я ещё посидела около его постели, следя за едва различимым дыханием, поднялась. Сапог Геральта не дал затвориться двери, и ведьмак протиснулся вслед за мной в коридор. Загородил его, тесня меня в сторону крайних комнат.

— Надо поговорить, — сурово сказал он.

В абсолютно пустой комнате, куда завёл меня Геральт, мебели не было. Я уселась на каменный пол, сложила руки на коленях и выжидающе посмотрела на него.

— Не сходится у меня задачка, — склонившись и испытующе вглядываясь мне в глаза, начал он. — Возможности всех защитников мне известны. Всех, кроме двух тёмных лошадок со знаками на ладонях. А ведь Весемир едва не погиб, и совсем не от рук Дикой Охоты!

— Он не погиб. Точка, — я исподлобья смотрела на ведьмака. Он выпрямился, кошачьи глаза сверлили меня. — Ты говорил, Геральт, что знание будущего опасный подарок. А мне плевать на опасность, если на кону жизнь Весемира.

— Ты хочешь сказать, что...

— Да.

— Но...

— Что вы с Цири собираетесь делать дальше? — я вдруг осознала, что если Весемир жив, то последующие события могут развиваться совсем не по сценарию игры.

Геральт задумчиво потёр подбородок.

— Действуйте так, будто Имлерих убил Весемира, — веско сказала я. — Цири знает, как его найти.

— Хм-м...

— Считайте, что вам нужно отомстить за его смерть. Иначе... Иначе, я не знаю, как вам одолеть Дикую Охоту.

Ведьмак сложил руки на груди и погрузился в раздумья.

— Я поговорю с Цири, — наконец, произнёс он.

— И славно, — улыбнулась я. — А меня ждут пески Зеррикании.

Геральт опустил голову на грудь, замолчал, будто искал слова. Наконец поднял взгляд.

— Пойми его, Яна. Когда боишься потерять того, кого любишь, проще вовсе запретить себе любить.

В носу защипало. Чёртовы ведьмаки со своим чёртовым путём!

— Это не имеет значения, Геральт. Мне недолго осталось тут.

— Удачи, — тихо сказал он, подал руку, я поднялась. — Твой меч в арсенале.

— Спасибо. Ах да, Геральт, не мог бы ты попросить Йеннифэр послать мне записку через портал, когда закончишь свои дела с Дикой Охотой? Очень удобно, знаешь ли. Мне правда надо знать.

— Хм-м... — ведьмак опять задумался. — Хорошо.

В арсенале я действительно нашла в стойке свой стальной меч — наточенный, смазанный и приведённый в порядок. Сборы были недолгими. Гораздо труднее было разрешить вопрос — надевать ли в дорогу подаренные Эскемем доспехи из шкуры виверны или нет. Почему-то с мечами такой дилеммы не возникало — я оставила в арсенале привезённые с собой мечи и вставила в ножны стальной меч школы Змеи и Розу Шаэрраведда без малейших угрызений совести. Но доспехи... Они сидели как влитые, ведьмак будто снял с меня мерки. Никому иному они не пригодятся так, как мне, а у меня впереди долгий путь. С другой стороны, очень хотелось что-нибудь гордо вышвырнуть. Йеннифэр вон, кровать из окна выбросила, внизу так и валялось битое основание, почему бы и мне не присоединиться к движухе? С третьей стороны, ту куртку, что сейчас была на мне, тоже купил Эскем, ещё в Износках. Последний довод оказался решающим, и я решила задвинуть гордость куда подальше. Хорошие доспехи, в отличие от кроватей, на дороге не валяются.

***

Йеннифэр оправилась достаточно, чтобы вместе с Трисс начать сеансы телепортации гостей Каэр Морхена. Чародейки встали рядышком у стены недалеко от конюшни и погрузились в расчёты, черкая перьями по бумажным листам. Первым подопытным выбрали Золтана, и краснолюд с отмашкой хлопнул по руке Йорвета, заговорщицки подмигнул Роше, крикнул, сплюнул и вошёл в портал.

Следующими в очереди на своеобразном паспортном контроле стояли скеллигцы. Лицо Хьялмара было мрачно. Я почувствовала в нём родную душу — столько лет он ждал и искал Цири, и вот он уходит, а она остаётся. Рогатый Виги запустил пятерню куда-то в глубь

карманов нижних одежд, приподняв всю многослойную броню сверху, пошуровал там и достал аккуратно сложенный зелёно-синий клетчатый отрез. Подошёл к нам и сунул ткань Иорвету в руки.

— Тот, кто спасает жизнь члена нашего клана, становится одним из Тордаррохов. Ты теперь в клане, эльф, и Ундвик — твоя земля.

Единственный глаз Иорвета широко распахнулся от удивления, он застыл с клетчатым отрезом в руках, а подошедший Геральт не преминул поддеть:

— Мне всегда казалось, что в твоих чертах проскальзывает нечто нордическое.

— Да вы только посмотрите на эту рожу, от ярла и не отличить! — поддакнул Роше. — Не вздумай повязывать на рукав эту тряпку, Иорвет, не то мне будет сложно опознать твой труп.

Иорвет надменно глянул на него и кивнул Виги. Цири, сопровождавшая Геральта, подошла к Ан Крайту, взяла в руки его ладони. Мир будто остановился, когда они горько смотрели друг другу в глаза. Девушка встала на цыпочки и поцеловала Хьялмара в губы. Тот прикрыл веки, замер. Последний поцелуй прервался, чародейки звали. Мышовур приобнял рыжебородого скеллигца, направил за собой. Лучник Фолан пожал Иорвету руку, и гости с островов один за другим исчезли в портале.

Иорвет убрал ткань в сумку.

— Сделаю новый кисет, старый как раз прохудился, — пробурчал он.

— А мог бы тряпицу новую на башку повязать, сменить стиль, — Роше не унимался. — Или в старой осталась дорогая тебе живность?

— Чего ты вяжешься, собака? — Иорвет расправил грудь и шагнул к темерцу.

Тот тоже распрямился, шагнул навстречу и, смерив скоя'таэля взглядом, прищурился.

— Выбирать врагов нужно так же тщательно, как и друзей, белка.

— И ты выбрал меня? — хмыкнул Иорвет. — Забудь. Времена изменились.

— А ты можешь забыть? — глухо спросил Вернон.

— Нет.

Вечные враги смотрели друг на друга, только в их взглядах уже не было ненависти — а были уродливо затянувшиеся раны да зола. Невозможно забыть того, что было, но и огонь вражды задохнулся на пепелище, иссяк. Две стороны одной монеты, как сказал Золтан. Бьянка недовольно и с тревогой вглядывалась в лицо командира. Иорвет прищурил глаз и медленно произнёс:

— Мы ещё встретимся, Вернон Роше, когда придёт время. Когда юная темерская лилия зацветёт и для будущей королевы слишком тесны станут стены храма, куда ты её спрятал. Ровно через три года, ты знаешь место, — эльф дотронулся до значка темерского особого отряда у себя на груди.

— Ты назначаешь мне свидание? — Роше буравил Иорвета взглядом.

— Я желаю тебе не сдохнуть до этого момента.

— Об этом и не мечтай, белка, — Роше поднял с земли сумки, потрянул головой, будто сгоняя наваждение. Повернулся ко мне, прицелился пальцем в грудь и хитро подмигнул. — А ты подумай.

Вместе с Бьянкой они направились к вновь открывшемуся portalу. Лицо Иорвета вспыхнуло от бешенства, и он сделал шаг вслед.

— Даже не мечтай, белка! — донеслось до нас.

Чародейки вновь погрузились в расчёты. Геральт тревожно вглядывался в побелевшее

лицо Йеннифэр, она недовольно отмахивалась. Да и у Трисс под глазами залегли глубокие тени.

— Готова? — хмуро спросил Йорвет.

Мой взгляд пересёкся с зеленью его взгляда. Что же, в сложившихся обстоятельствах с напарником мне повезло — совсем не худший попутчик в путешествии, которое может длиться несколько месяцев, а то и лет. Гроза Севера, самый разыскиваемый разбойник, убийца и террорист, а также, если верить Моне, влажная мечта женской половины скоя'таэльского отряда, и это не говоря уж о моих собственных сложных и запутанных чувствах к нему. Чего-чего, а скучно не будет точно.

— Да, — ответила я.

Поправила на плече сумку, решительно кивнула своим мыслям, и мы направились к расцветшему посреди двора порталу. Тоску в груди потеснило такое знакомое возбуждение, губы помимо воли расползлись в улыбке. Как бы то ни было, я всё ещё жива, и приключения продолжаются. Я так просто не сдамся! Цири с Геральтом махнули на прощание руками, и мы шагнули в чёрный провал.

Конец книги 1

Больше книг на сайте - Knigoed.net